

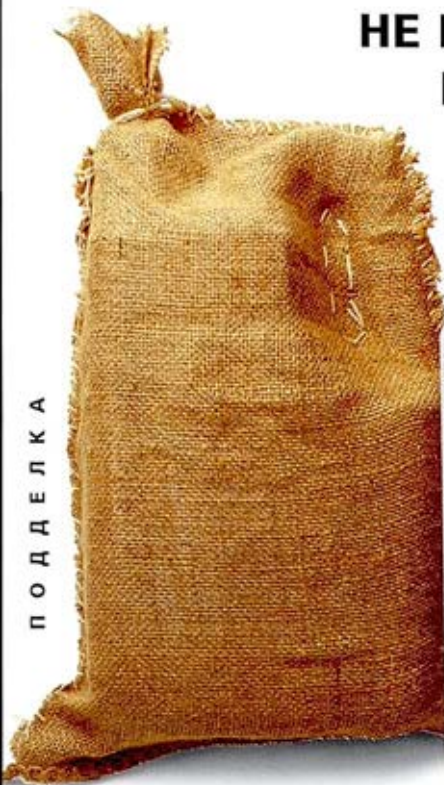
СМЕНА

август
2001

М. Любимов **Жар-птица разведчика**
Т. Бранднер **Бликие контакты
в округе Мэдисон**

НЕ БЕРИ
КОТА В МЕШКЕ —

ПОДДЕЛКА

БЕРИ

НАСТОЯЩЕЕ

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ ФАСОВАННЫХ МАСЕЛ «ЛУКОЙЛ»
ОБРАЩАТЬСЯ ПО МНОГОКАНАЛЬНОМУ ТЕЛЕФОНУ: (095) 973-7063

ЛУКОЙЛ

Масло ЛУКОЙЛ покупайте только у официальных дилеров

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левичев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

**редактор отдела
литературы и искусства**

Шамара Чинна

7 **2001**
июль (1641)

Сдано в набор 22.5.2001.
Подписано к печати 18.6.2001.
Печать офсетная.
Заказ № 1538
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная
Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.
212-15-07 — для справок,
257-31-37 — отдел реализации.
Факс (095) 250-59-28.
E-mail: smena@garnet.ru
www.smena-id.ru
Проект разработан и поддерживается
студией веб-дизайна "Крон"
www.cron.ru (<http://studio.cron.ru>)
Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Per. № 014832

**Учредитель —
ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии
ОАО ПО "Пресса-1"
В случае полиграфического брака
обращаться в типографию
ОАО ПО "Пресса-1"
257-42-29, 257-41-03

Журнал распространяется
на самолетах "Аэрофлота".

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2001.

- 22 *Гэри Бренднер*
**БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ
В ОКРУГЕ МЭДИСОН**
Зарубежный рассказ
- 112 *Виктор Проин*
**БРЫЗГИ
ШАМПАНСКОГО**
Остросюжетный роман
- 4 *Илья Рюмин*
**ЭТОТ МИР
ПРИДУМАН
НЕ НАМИ**
- 36 *Светлана
Бестужева-Лада*
ОТ РОЖДЕНИЯ ДО...
- 45 *Галина Калинина*
**ПОВОРОТ СО МНОЙ,
... КОМПЬЮТЕР**
- 82 *Борис Смирнов*
МОЛЯК НА ЭВЕРЕСТЕ
- 96 *Михаил Любимов*
**ЖАР-ПТИЦА
РАЗВЕДЧИКА**
- 104 *Иван Майцун*
ПРЕДАТЕЛЬСТВО
- 255 *Игорь Ловинов*
ГЛАЗНЫЕ ТРАВМЫ

ИЮЛЬ '2001

В НОМЕРЕ:

стр. 260

стр. 14

14 *Александр Кравцов*
ЕДИН В ДВУХ ЛИЦАХ

54 *Любовь Русева*
ДУША ФЛОТА

66 *Владимир
Соколовский*
СПРАНГЕР

244 *Иван Зюзюкин*
**НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ
ФОРД**

260 *Ирма Нпорадзе:*
**"НЕ ЛЮБЛЮ
ТАНЦЕВАТЬ
СТРАДАНИЕ"...**

266 *Ирина Нельсон:*
**"ПЕВИЦА "ДИАНА"
ОСТАЛАСЬ
В ПРОШЛОМ"**

11 *Александр Бобров*

Вернер Штайнбергер
**ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО
КОМИССАРА**

Российские любители детектива уже знакомы с творчеством современного немецкого писателя по романам "Икебана", "Расплата", "Шляпа комиссара", "Ошибка доктора Марана". Предлагаемый вашему вниманию роман продолжает этот ряд.

...Расследование убийства строительного подрядчика поручается шеф-комиссару полиции Гриссбюлю. Круг подозреваемых оказывается слишком обширным, и лишь вмешательство комиссара Гроля, казалось бы, давно отошедшего от дел, помогает распутать сложную головоломку.

Иосиф Гольман
**ОТПУСТИ,
КОГО ЛЮБИШЬ...**

Имя Иосифа Гольмана — новое для читателей "Смены". Он заведует кафедрой менеджмента Института молодежи, генеральный директор рекламной фирмы. Прозу пишет с 1979 года. Публикуемый рассказ — трогательная и щемящая история любви разведенных судьбою людей, встретившихся вновь при обстоятельствах трагических...

ЭТОТ МИР ПРИД

Признайтесь, наш дорогой читатель, а что вы делаете, когда в вечернем выпуске теленовостей ведущий переходит от сообщения о политических баталиях, террористических актах, военных хроник и катастроф к новостям науки? Скорее всего, вы отправляетесь на кухню налить себе очередную чашку чая (сока, взять бутылочку пива из холодильника — уж кому что ближе) и успеть вернуться к любимому креслу у голубого экрана до того, как начнутся спортивные новости и прогноз погоды.

Наверное, и сообщение о присуждении петербургскому академику Жоресу Алферову Нобелевской премии по физике за 2000 год вызвало у большинства из нас восторг скорее политический (как в подзабытом слогане из кофейной рекламы: "Нобелевская премия по физике — наша!"). Все радуются, что она наша, и очень мало кто утруждает себя вопросом, а за что же эта престижная премия была присуждена.

"Да и кто это поймет, — возразит снептик, — это же, наверное, доступно только "товарищам ученым, доцентам с кандидатами", так наной же смысл нам, простым обывателям, забивать и без того перегруженную голову научными знаниями, которые и в жизни-то все равно ниюгда не пригодят-

ся..." И совершенно забудет при этом, что огромное количество вещей, окружающих его в реальном мире и еще недавно бывших плодом воображения писателей-фантастов, как раз и являются непосредственным результатом этих самых научных изысканий.

Впрочем, хватит рассуждений на отвлеченные темы. Как известно, последняя Нобелевская премия по физике вручалась "на троих". Половина суммы была присуждена американцу Джену Килби, а оставшаяся половина поделена поровну между американцем же Гербертом Крёмером и нашим академиком Жоресом Алферовым.

Официальная формулировка Нобелевского Комитета суха и простому человеку действительно малопонятна. Согласно ей, высокая награда присуждена ученым "за вклад в развитие интегральной схемы (Килби) и развитие полупроводниковых гетероструктур для высокоскоростной и оптоэлектроники (Алферов и Крёмер)". Казалось бы, ну и какое простому человеку дело до этих самых интегральных схем и гетероструктурных полупроводников?

А давайте попробуем немного пофантазировать и представить себе нашу жизнь, если бы этих работ не было...

Итак, наш с вами современник, обыкновенный гражданин,

Илья РЮМИН

Уман не нами

продрав глаза под зубодробительную трель механического будильника и разогрев завтрак на сковородке (ну нет еще микроволновых печей, нет — и все), выезжает на работу в контору.

В глаза светит яркое солнце, сигнал светофора (электролампа, закрытая цветным стеклом) еле виден и гражданин проскакивает перекресток на красный свет. Естественно, это приводит к недоразумению с дорожной милицией и последующему опозданию на работу. Чтобы предупредить коллег о том, что задерживается, гражданин припарковывает машину и ищет ближайший телефон-автомат (что такое мобильная связь в этом мире еще никто понятия не имеет).

Наконец дорожно-транспортные злоключения нашего героя остались позади, и он может спокойно приступать к выполнению служебных обязанностей, ну, скажем, менеджера в офисе.

Наш гражданин проходит к своему рабочему месту, на котором возвышается письменный прибор и стопка чистой бумаги. Первым делом, по итогам утренней планерки, надо составить докладную записку начальству. Небольшую, страницы на две. Соответственно, наш герой вооружается ручкой и бумагой, сочиняет нужный документ и с ним в руках отправляется в машбюро, чтобы иметь возможность передать исходную докладную записку в более или менее пристойном виде.

Потеряв немало времени в ожидании свободной машинистки, наш герой наконец приступает к следующим намеченным делам. Прежде всего, нужно поинтересоваться, получил ли деловой парт-

нер из Германии отправленные почтой документы. После нескольких бесплодных попыток, выслушав голос механической телефонистки, сообщающей о том, что линия перегружена, позвониться наконец удается.

Но после этого (вот проблема!) нужно разыскать документы полугодовой давности касательно тех же поставок. Запасшись терпением, менеджер переходит в архив и проводит там как минимум час, пересматривая пудовые папки, до отказа забитые бумагами.

Справившись с этим нелегким заданием, наш менеджер переходит к составлению отчета о деятельности фирмы за определенный период. Мало того, что для этого нужно опять идти в архив и поднимать не менее тонны документов, но приходится еще из множества цифр соорудить десяток-другой графиков, наглядно иллюстрирующих статистику. Ближе к концу рабочего дня с ворохом цифр на руках он направляется в машинный зал и занимает очередь к оператору вычислительной машины, чтобы тот рассчитал для него искомые графики.

По дороге обратно к письменному столу нашего гражданина перехватывает его начальник и просит срочно найти научные работы по интересующий его теме.

"Будет сделано, Иван Иванович", — соглашается наш герой и... берет "библиотечный день", с тоской осознавая, что следующий день (а, может быть, и не только его) ему действительно придется провести в библиотеке, перелопачивая тонны литературы и старательно делая выписки.

Но вот, вроде бы, все злоключения рабочего дня остались по-

зади, можно уже дома расслабиться в уютном кресле у телевизора (точнее, под телевизором, так как данный прибор пока еще напоминает скорее гардероб с экраном) или послушать любимую музыку, поставив пластинку или кассету (о существовании такой вещи, как CD-проигрыватель, можно даже не вспоминать).

Согласитесь, не очень веселая картинка у нас с вами, читатель, получилась. И действительно, любой работающий в современном офисе человек скажет, что докладная записка по итогам планерки составляется на компьютере минут за пять, от силы, десять. Что вместо бесполезных попыток дозвониться в Германию проще и дешевле отправить короткое письмо по электронной почте, найти нужный документ можно минут за пять в памяти того же ПК, а отчет для руководства тоже требует от силы двух-трех часов вдумчивой работы с компьютером. Не говоря уже о том, что искомую монографию для шефа можно отыскать, посидев час-другой в любом из интернетовских "поисковиков", да и при этом не только ее прочесть, а при желании еще и с автором пообщаться. Бесспорно, все это так и есть. И, между прочим, корни всех этих вещей уходят именно в те открытия, за которые и была присуждена Нобелевская премия по физике за 2000 год.

На вопрос, за какие заслуги нынешние лауреаты Нобелевской премии по физике удостоились столь высокой чести, ответить просто: за то, что их стараниями совершилась и совершается информационная революция. Но если тот же вопрос сформулировать

по-другому: что открыли лауреаты? — то тут одной фразой не обойдешься.

Как известно, всякая революция начинается с переворота. Так вот, переворот в электронике совершил не Жорес Алферов со товарищи, а нобелевские лауреаты 1956 года Уильям Шокли, Джон Бардин и Уолтер Браттейн. Они придумали транзистор, который очень быстро и почти полностью вытеснил из электроники радиолампу, от чего размеры и потребляемая мощность электронных приборов уменьшились в сотни раз.

Транзистор (как и лампа) — это переменное сопротивление, меняя которое, можно варьировать ток в электрической цепи. Его работа основана на особенностях поведения электронного "газа" в полупроводниках. В трудах нынешних лауреатов того, что называется "новой физикой", немного, они в основном посвящены изучению свойств этого газа с той целью, чтобы сделать полупроводниковые приборы еще более быстрыми, эффективными и миниатюрными, расширить их функциональные возможности.

Очень огрубляя, можно сказать, что Алферов с Крёмером получили премию за разработку новых типов полупроводниковых приборов, а Нилби — за миниатюризацию. Кроме транзисторов, в электронных схемах имеется много разных других элементов: сопротивления, емкости, соединительные провода и пр. Как они ни миниатюрны, но если собрать из них, например, калькулятор, который имеется во многих современных наручных часах, он вряд ли получится меньше стандартного

телевизора. В 1958 году Нилби предложил формировать все элементы функциональных узлов на одной полупроводниковой пластине, и в следующем году первая такая интегральная схема была запатентована.

Современные микросхемы насчитывают миллионы транзисторов. Поэтому-то сегодня у многих граждан вполне среднего достатка на обычных письменных столах стоят компьютеры, по мощности не уступающие тем, что десять лет назад занимали целые залы в крупных научных центрах. Не только интеграция, но и стремительный рост скорости передачи данных обеспечили фантастическое развитие информационных технологий. И тут заслуги нашего соотечественника и его американского коллеги неоспоримы.

Их стараниями на смену полупроводниковым приборам первого поколения пришли приборы с так называемой гетероструктурой. В самых общих чертах выглядит это так: тот же транзистор выполняет свои функции за счет того, что в нем имеются границы (переходы) между полупроводниками, обладающими разным типом проводимости. Получается своего рода бутерброд из полупроводников. В обычных транзисторах слоистая структура достигается путем послойного внедрения разного типа примесей. В системах же с гетероструктурой слои представляют собой разные по химическому составу вещества. Если в первом случае переходы получаются размытыми, то во втором они хорошо локализованы, да и сами толщины областей можно делать не больше нескольких атомных слоев. За счет этого радикально улуч-

шаются характеристики транзистора.

Кремер теоретически обосновал преимущества гетероструктур еще в 1957 году, и сегодня полупроводниковые приборы такого типа используются в самых разных областях. В частности, без них невозможна была бы сотовая связь. Мобильный телефон работает на очень высокой частоте и при этом передает на станцию весьма слабый сигнал. Принять и усилить его способны только гетероструктурные транзисторы.

Алферов те же гетероструктуры применил для полупроводникового лазера. В 1963 году он запатентовал так называемый инжекционный гетеролазер. Семь лет ушло на то, чтобы заставить этот прибор работать в непрерывном режиме и при комнатной температуре. Начиная с 1970 года, лазеры этого типа стали широко применяться для передачи данных по оптоволоконным кабелям, что позволило резко повысить скорость обмена и число каналов, передаваемых по одной линии.

Созданные Алферовым лазеры очень широко применяются в науке и технике. В обычной жизни мы сталкиваемся с ними, когда вставляем лазерный диск в дисковод компьютера или в аудио- и видеопроигрыватели. И там, и там имеются считывающие головки с крошечным гетеролазером.

Мировой обмен информацией в современном обществе происходит при помощи компьютеров посредством оптико-связи через Интернет и с помощью мобильных телефонов через радио-спутниковую связь. Для того, чтобы современную информационную систему можно было использовать на

практике, она должна отвечать двум простым, но основополагающим требованиям. Она должна быть быстрой — чтобы большой объем информации можно было передать за короткий промежуток времени, а аппараты пользователя должны быть компактными, чтобы уместиться в офисе, дома, в портфеле или в кармане.

Своими открытиями Нобелевские лауреаты по физике за 2000 год положили основу именно такой современной технике. Быстрые транзисторы, созданные на основе гетероструктурной технологии, используются также в радио-спутниковой связи и мобильных телефонах. Лазерные диоды, сконструированные по этой же технологии, передают информационные потоки посредством опто-сетей Интернета. Их можно обнаружить в проигрывателе CD дисков, устройстве, декодирующем товарные ярлыки, лазерной указке и во многом другом. На основе гетероструктурных технологий сконструированы мощные светоизлучающие диоды, которые используются в лампах тормозного освещения в автомобилях, светодиодах и других предупреждающих световых сигналах.

Благодаря микросхемам стала быстро развиваться микроэлектроника, которая в настоящее время лежит в основе всей современной техники. В качестве примера можно назвать мощные компьютеры и процессоры. Они собирают и обрабатывают информацию, контролируют работу всех механизмов — от стиральной машины и автомобиля — до космических спутников и медицинского диагностического оборудования, например, компьютерного томо-

графа и приборов на основе ядерного магнитного резонанса. Микросхемы наводнили нашу жизнь небольшой по объему электронной аппаратурой — от электронных часов и телевизионных игр — до калькуляторов и домашних компьютеров.

Кроме того, это изобретение также лежит в основе светодиода, который используется очень широко: от банального светофора на перекрестке до огромных солнечных батарей орбитальных станций. По прогнозам некоторых ученых, даже таному, казалось бы, простому и вечному предмету, как электрическая лампочка осталось жить в нашем обиходе весьма и весьма недолго — уже через пару десятков лет их заменят светодиоды. Они легче подстраиваются под нужные характеристики, не перегорают и, что самое главное, потребляют на порядок меньше энергии, нежели самые экономичные электролампы. А значит, соответственно, сократится и нагрузка на электростанции. А это, согласитесь, сверхактуально для нашей страны, дабы не возникали ситуации наподобие нынешнего энергетического кризиса в Приморье.

Одним словом, начало положено. И окружающая нас бытовая (да и не только) техника продолжает семимильными шагами умирать, ускоряться и миниатюризироваться. Например, вот одно из последних таких изобретений.

Создана новая миниатюрная видеонамера, которая встраивается в капсулу размером с обычную таблетку. С помощью этого устройства люди, страдающие желудочными и кишечными заболеваниями, могут избежать мучи-

тельной процедуры гастроскопии. Пациент глотает пилюлю с камерой, после чего медики на протяжении шести часов могут наблюдать желудок и кишечник. Изображение передается на экраны мониторов через радиосигнал. Только что закончились испытания нового прибора на четырех пациентах Лондонского Королевского госпиталя. Все они говорят о полном отсутствии неприятных ощущений.

А в университете Северной Каролины, Чапль-Хилл, США, в течение вот уже 6 лет разрабатывается система виртуальной реальности, позволяющая пользователю "уменьшиться" до размеров, сопоставимых с отдельными молекулами, и совершить увлекательное путешествие в микромир. Система, получившая название NanoManipulator, стала результатом совместной работы группы физиков и компьютерщиков. По сути, виртуальная реальность здесь представляет собой не что иное, как насадку на интересный исследовательский инструмент — зондирующий сканирующий микроскоп.

Принцип его действия основан на сборе данных от миниатюрного щупа, размером с молекулу, соприкасающегося с изучаемой поверхностью, и выводе полученной информации в виде черно-белой картинки. Исследователи добавили к микроскопу мощный супер-

компьютер, способный десятки раз в минуту самостоятельно выстраивать трехмерное изображение в синтезированных цветах, проецируемое на большой экран; пользователь же наблюдает за происходящим через стереочки. Перемещение "курсора" осуществляется при помощи джойстика с тактильной обратной связью — это помогает почувствовать фактуру изучаемой поверхности (кстати, охватываемая за раз площадь составляет 1 квадратный микрон).

Помимо изучения миниатюрных объектов, NanoManipulator позволяет и воздействовать на них — от оператора требуется лишь приложить чуть большее усилие к сопротивляющемуся джойстину, и микрощуп в точности повторит движение, заставив крохотную пылинку или даже микроорганизм деформироваться либо переместиться в пространстве.

Одним словом, давайте более внимательно относиться к новостям из мира науки. Ведь вполне может быть, что и робкие опыты, проводимые сейчас учеными по телепортации элементарных частиц на расстояние одного-двух их же диаметров, и станут тем поворотным моментом, который откроет человечеству такие дороги, о которых сейчас осмеливаются говорить лишь самые смелые фантасты. ■

Александр БОБРОВ

* * *

*Одиноко баню топлю,
На растопку письма сжигаю.
Я тебя уже не люблю,
Я еще тебя вспоминаю,
Но светло, а не тяжело,
По-октябрьски — слегка остыло.
Под крыльцо листвы намело,
На соседних дачах пустынно.
В жидко-синие небеса
Размышленья и дым струятся,
И минувшего голоса
Заглушить твой голос стремятся.
Но попробуй его заглуши,
Хоть на травах — мягчайший иней...
Две родных, одиноких души,
А меж ними даль — все пустыней.*

* * *

Марине Кретовой

*Я верил: отныне и присно
Средь пошлой юдоли земной
Цветы, комплименты и письма
Останутся вечно за мной.*

*Так мама твоя говорила
В начале блистательных дней.
За все, что ты мне подарила
Отчасти — признателен ей.*

*И случаю — тоже отчасти...
Ни слова, ни дня не забыл,
Где светится хрупкое счастье,
Которое сам я разбил.*

*Не знаю: ни как ты, ни с кем ты —
Стою на чужом берегу,
Но письма, цветы, комплименты
Зачем-то еще берегу...*

* * *

НА КРАЮ ЛУГА

*Поскучнели луга, отбелели,
Однотонно-зеленым пошли.*

Одуванчики — облетели,
А ромашки — не зацвели.

Так и в жизни порой бывает
Моноotonно и тяжело:
Чувство яркое — отцветает,
А другое — не расцвело.

Но не сдамся тоске в угоду
На лугу, на его краю:
Мы ведь знаем свою природу —
Средне-русскую и свою.

ВЕЩИЕ СТРУНЫ

Вадиму Логазько

Я признаюсь, друже, если честно:
Не в столице с громкою толпой,
А на тихих улочках Трубчевска
Мне хотелось встретиться с тобой.
Меж родным московским семихолмьем
И Подолом киевским твоим,
Где все реже на рыбалку ходим
И с людьми хорошими сидим.

Мне одна дорога часто снится,
Где в полях идет учебный бой,
Где польнь у Дона серебрится,
Молодая, как и мы с тобой.
И горчит, и навевает снова
Память, что века тому назад
Здесь на стяге Дмитрия Донского
Звал на подвиг Спаса ярый взгляд.

Мы — в запасе, но зовет на подвиг
Все, что совершается вокруг.
Ну а кто ж на щит сегодня поднят,
Кто берет Россию на испуг?
В битве пребываем постоянно,
В ней не сдюжит врун и говорун.
Здесь, в Трубчевске, — родина Бояна.
Слышишь, друже, рокот вещей струн?

ЗАВЕТ

Отставной майор Мартынов —
Тот отъявленный подлец,
Что, приятельство откинув,
В грудь поэта вбил свинец,
Был отправлен в город Киев

*На двенадцать ажно лет,
Чтобы каяться, но киллер
Был счастливей, чем поэт.
Не имел майор нисколько
Горьких мыслей в голове
И женился там на польке,
Поселился с ней в Москве.
Наплевав на мнение света,
Жил с красавицей в дому
Воплощением завета:
На Руси судьбы поэта
Не желаем никому!*

КАЛЕНДАРЬ

*Присловье повтори,
Но заверши свой труд.
“Все врут календари...”,
А, может быть, не врут?*

*Ведь именно они
Без всяческих преград
Привносят в наши дни
Поток имен и дат.*

*На дальних берегах
Иных времен и рас
Узнать бы, кто в веках,
Понять бы, что в веках
Останется от нас...*

ЕДИН

ЖИВ

Александр КРАВЦОВ

Олимпийские игры 1980 года в Москве, согласно культурной программе, должны были завершиться сольным концертом знаменитого русского певца Александра Огнивцева. Незадолго до назначенного вечера он почувствовал сильную боль в почке и лег на операцию.

В конце августа Александр Павлович пришел на сбор труппы Большого театра СССР, красивый и молодой в свои шестьдесят лет, полный сил и творческих планов. В начале сентября его не стало...

Больше тридцати лет отдал сцене Большого театра один из самых прославленных ее певцов, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР Александр Огнивцев. До последнего часа талант его был неуязвимо молодым.

Когда он, выпускник Нишиневской консерватории, с провинциальной наивностью луганского парня предстал перед ареопагом столичных знаменитостей, великая певица Антонина Нежданова всплеснула руками:

— Боже мой, да это же Феденька!

Она признала в нем сходство со своим незабвенным сценическим партнером Федором Ивановичем Шаляпиным. Они в самом деле были поразительно схожи, и не могу сказать, чтобы предвзятым меломанам это помогало воспринимать талант Огнивцева объективно. "Ну, голос. Ну, смотрится на сцене. Но — не Шаляпин!" — ворчали они.

А он и не стремился к аналогии с Шаляпиным. У него были свои достоинства, вокальные и актерские, свои сценические краски. Если басовый репертуар в оперных партиях и романсах в значительной части и совпадал с шаляпинским, так в том не было его вины. Вскоре после прихода в прославленную труппу он уди-

Личах

вил мастерством исполнения и своим прочтением сложнейшего образа старого вожана раскольников Досифея в опере "Хованщина".

В годы, когда оперная труппа Большого театра свернула звездными именами "четвертого и пятого поколений", в том числе и басовыми, Огнивцев занял в ней ведущее положение...

Он мечтал о книге, в которой больше всего хотел рассказать о своих учителях и партнерах. Так мы с ним и порешили: он будет рассказывать о них, я — о нем... Замысел удалось воплотить лишь в черновых набросках.

И все же одну из глав этой, трагически неслучившейся, книги я решаюсь опубликовать. Написана она в чуть приподнятом стиле, но по-другому и не стоит писать об искусстве оперы и его артистах.

Называется глава "Един в двух лицах..."

Захватывающий сюжет о любви декабриста Ивана Анненкова и Полины Гельб из французского модного магазина Деманси на Кузнецком мосту композитору Юрию Шапорину поведал писатель Алексей Толстой. Алексей Николаевич рассказывал артистично, так, будто лично знал и Жоржа Гельб, отца Полины, полковника наполеоновской армии, и Анну Ивановну, мать декабриста, владелицу нескольких имений, роскошного дома и оранжерей в Москве. А уж членов Тайного общества, которые собирались у молодого поручика, и всех тех, с кем свела судьба двух героических влюбленных в сибирской ссылке, писатель знал, что называется, до родинки.

— Сам видишь: тут — живая опера! — убеждал Толстой. — Я уже пою арию Анненкова, только на свой безголосый лад, не приведи Бог кому-нибудь услышать. Но ты сделаешь это талантливо — с твоей влюбленностью в людей Пушкинского века!

Толстой был искусителем высшей квалификации, и Шапорин зажегся.

Опера "Полина Гельб" родилась как музыкально-драматическое признание автора либретто и композитора маленькой героической француженке. Склонный к лиризму Шапорин увлекся линией Полины и в итоге обнаружил, что события 14 декабря 1825 года оказались лишь поводом и фоном интимной истории. Великая драма эпохи обратилась в драму частную. Композитор нашел в себе мужество все начать заново...

Только в 1953 году, спустя двадцать лет после памятной беседы с Толстым, была завершена опера "Денабристы" — богатое музыкально-сценическое полотно.

Юрий Александрович показывал оперу картинками-эпизодами, и самые осторожные ценители музыки разносили молву о талантливых открытиях композитора в сценах "У Рылеева", "Сенатская площадь", "Петропавловская крепость"... В музыкальном мире заговорили о мелодической красоте будущей оперы, благородстве ее стиля, напевности в ариозных и ансамблевых эпизодах, удачном решении хоров.

С молодым Александром Огнивцевым Шапорин подружился с ранних его шагов в качестве солиста Большого театра. Певец ревниво прослеживал весь путь

создания клавира и партитуры, заведомо зная, что автором ему предназначена партия Николая I. Огневцев пробовал что-то петь, играть и незаметно для себя и композитора влиял на музыкальное решение и даже на повороты сюжета.

— Сделай ты что-нибудь с Николаем, Юрий Александрович! — умолял артист. — Конечно, он — самый сволочный царь из всей династии Романовых. Но хочется, чтобы и блистательность его, и светское обхождение дали о себе знать. Усиливай свет — тень станет глубже!.. Например, на балу... Дай ты ему что-либо элегическое — он в своей жестокости страшнее станет.

Артист успел перечитать сборники документов о декабристах и их царственном палаче, а заодно и труды замечательного историка Петра Щеголева.

Перед ним возник четкий образ царя-лицедея и судьи-лицемера, с которым столкнулись люди чести, презирающие лонь как форму трусости. В такой схватке Николай был способен довести до душевного потрясения и даже покаяния любого незащищенного таким же лицемерием, причем тут же отправить его в Петропавловскую крепость с запиской на имя коменданта, генерала Сукина: "Заковать в железа и содержать в строгости".

Огневцев пытался мысленно соединить в одной личности иезуитское ханжество царя, который писал матери в канун казни пятерых лучших людей России, что содрогается от мысли о завтрашнем дне, при этом разработав подробный сценарий всех массовых, групповых и сольных мизан-

сцен кровавого спектакля на кронверке Петропавловской крепости.

Артисту хотелось контрастов ярких и острых. Он увлекал Шапорина до поры, пока тот ни воскликнул:

— Давай, Саша, остановимся! Похоже, что у меня получается опера не о декабристах, а о Николае Палкине!..

Спектакль ставил Николай Павлович Охлопков — режиссер необузданной постановочной фантазии, но с великолепным чувством формы. Вместе с дирижером Александром Шамильевичем Мелик-Пашаевым он подробно и чутко работал с солистами, но как только добрался до массовых сцен, явно увлекся. В картине "Ярмарка" появилось много сцен, которые сами по себе могли претендовать на отдельную картину спектакля. И все это — разгульно, могуче, сочно. Свидетели репетиций задышали от восторга, слушая и смотря залихватские припевы "Эх, в Таганроге...", песню про веселую Маланью, девичью "Ходи, ходи быстрее!", заражаясь юмором хоровой сцены "Пров пива наварил"... В театре тревожились: не о Степане Разине и даже не о пролетарской революции спектакль готовим — не утопить бы декабристов в этом штормовом море! Хоть и были они, как сказано классиком, "страшно далени от народа", но не до такой же степени, чтобы и зритель забыл, кто герои оперы!..

Охлопков, вдоволь насытившись ярмарочными сценами, принялся за постановку картин "У Рылеева" и "Сенатская площадь". Каким-то чудом ему удалось до-

биться соразмерности всех частей смелой и многокрасочной постановки.

Огнивцев чувствовал себя почти на вершине счастья. Его душе, воспитанной на русской и украинской песне, было близко все: от разбойных народных припевок до лихой солдатской "За Дунаем, за рекой...", которая предвляла картину восстания. Но, уходя со сцены в роли Николая I, он мешкал, останавливался за кулисами и с завистливым восхищением слушал песню Бестужева "Ой вы, версты..."

"Случай, бог-законодатель" в театре являет себя не так уж часто и далеко не всем. Большинство актеров проживают свой век, так и не заявив о неповторимости, которой наделила их природа. Так в Большом театре никто не собирался удивиться виртуозности вокального или актерского мастерства Александра Огнивцева. Считалось, что все в нем, как позже выразились космонавты, "штатно". Между тем Случай уже ожидал своего часа...

За кулисами театра шла обычная вечерняя жизнь, размеренная в каждом мгновении. Ходил по сцене рабочий, слегка реставрируя поцарапанную при перестановках мебель. Неторопливое движение человека среди декораций, приведенных в некую эстетическую стройность, но еще дремлющих без театрального освещения, исполнено предчувствия будущего праздника. Это предвзвешение спектакля с его борьбой и торжеством победы не приметно заполняло лестницы, лифты, коридоры, артистические комнаты. Люди невольно начина-

ли говорить вполголоса. В полную силу звучали лишь пробы певцов — большие и малые арпеджио...

Но на шестнадцатом, директорском, подъезде в те же часы назревала тревога. Нервно совещались руководители театра, главный администратор отвечал на традиционные звонки телефона отрывисто и раздраженно...

— Болен? — в который раз повторяло начальство. — И что, совсем не может петь?!

— Не может...

— Это окончательно?

— Да...

— Значит, Бестужева петь никому!

— Отмена?!

Мелькнуло бледное лицо Шапорина.

— Может быть, Саша Огнивцев? — робко предложил композитор и тут же усомнился. — Но кто тогда Николай?..

Еще через несколько минут за кулисами разнеслась весть о том, что Александр Павлович Огнивцев вручает театр: он предложил неожиданно дерзкий вариант — исполнять в спектакле две роли попеременно, то Николая, то Бестужева...

Спектакль превращался в сражение. В артистической Огнивцева образовался штаб. Все расступились, когда внесли костюм Бестужева.

Огнивцев был внешне спокоен, улыбался своей мягкой полудетской улыбкой, которая украшала его могучее, шаляпинской лепки, лицо.

— Придется увеличить антракты между картинами, — размышляли руководители театра. — Сколько вам нужно времени, что-

бы перепридуматься и переодеться, Александр Павлович?

— Буду успевать в темпе, заданном спектаклем.

— Уложитесь?!

— Надо — куда денешься?..

С первыми звуками увертюры к нему пришло давнее, почти забытое, чувство дебюта в роли Досифея, в 1950 году. Вспомнилось лицо доброго ангела — Антонины Васильевны Неждановой, ее тихое и твердое напутствие: "Я верю". С этим и шагнул на сцену.

Николая пел уверенно, вел его от светского изящества к хо-

лодной жестокости, от благообразия к тихому бешенству. Он знал, что такому решению в зрительном зале противостоит привычность: врагов было принято писать темными красками, а он не хотел ни безжизненности тезиса, ни карикатурных искажений. Царь у него был сильный, умный, страшный в своей многоликости, расчетливый в каждом поступке, слове, жесте, а, главное, убежденный в правоте своих действий...

За кулисами воцарилась тишина, когда он прошел на сцену

в костюме и гриме Бестужева. Еще до выхода почувствовал, как зажил в нем любимый герой и улыбнулся внутренней свободе, даже воле, которая приходит во время вводов только к большим актерам — от азарта преодоления, радостного предчувствия "езды в незнаемое". Большой актер в такие минуты берет на вооружение все: мимолетную ободряющую улыбку рабочего сцены, особый огонь в глазах партнеров — искру, высеченную талантом, мобилизованным необычными обстоятельствами.

С благодарностью вспомнил милое лицо консерваторской третьенурсницы Ани в тот вечер, когда впервые пришел к ней в дом и сидел в позе пай-мальчика, упираясь ладошками в колени. Ани-мама была тронута скромностью юного рыцаря, а причина была в другом: брюки на коленках превратились в сетку. Аня все поняла и подыграла ему. Потом она, пианистка, учила его музыкальной грамоте и сольфеджио. Анна Мелентьевна, верный друг его, страж, жена и советчик, и сейчас рядом, в директорской ложе.

Мгновенные воспоминания заигдали его озорством. Нет чувства более животворящего для актера. В театре и трагедия — от радости. Успел подумать даже о том, что после спектакля маэстро Мелик-Пашаев возьмет его за пуговицу и на этот раз вместо замечаний скажет добрые слова. Хотя пуговицу все равно открутит и с извинением вручит — так уж повелось...

Удивительно, сколько картин способно вместить воображение в короткий миг перед решитель-

ным шагом. Огнивцев подумал, как отразились в последней песне Бестужева нелегкие версты его собственного детства и юности — от домика дяди Жоры Тевоченко на берегу реки Луганки до бесконечных военных дорог, по которым он шел вслед за армией, восстанавливая разрушенную железнодорожную связь. Бестужев поет о верности дружбе перед лицом смерти и каторги — артист вложит в чужие слова и мелодию личную память о школьном товарище, Ване Турнениче, который стал в грозный год командиром краснодонской "Молодой гвардии", а позже погиб на фронте. Последние перед выходом секунды он занял мысленной благодарностью Неждановой и дирижеру Голованову, поверившим в его будущее. И еще одному не менее известному человеку, одарившему его дружбой неожиданной, но надежной. Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный услышал Сашу в Кишиневе и сказал: "Поезжай в Москву, на конкурс студентов-певцов. Ты там понравишься, а дальше и я тебе помогу". С таким душевным багажом отступать не приходится...

Недаром певец полагался на музыку. Она вела его за собой, сливаясь в единое целое с его русским естеством. Осуществленная мечта о роли Бестужева поднимала к вдохновению, когда кажется, что не ты, а он, персонаж, совершает поступки, что он — душа, а ты — тело и язык. Кто там был далек от народа? Не я — Бестужев, готовый умереть с русской песней на устах!

В театре такое нельзя повторить дважды. Великая Уланова, которую признавали даже не ца-

рицей, а богиней балета, с трудом набрала лишь четыре спектакля, в которых ощутила счастливую власть вдохновения. Огнивец смело отдался власти Бестужева...

Песня "Ой, вы, версты..." расположена в контексте оперы не совсем удачно: ей предшествует сильный, вполне финальный квинтет "Товарищ, верь...". Получается, что артист в роли Бестужева должен создать второй финал картины, изменив атмосферу действия. Широко, полнозвучно лилась эта исповедь будущему — лирическая и мужественная песнь самого романтического героя спектакля. Бас-кантанта Огнищева, большой и гибкий, удобный для исполнения многих оперных партий и романсов, звучал легко и благородно, сверная чистотой всех регистров. Вдохновение подсказало поспушить в вокальными эффектами в пользу глубины характера, трагической строгости его. За эту тонность и мастерский расчет его затем

много хвалили. Вдохновение-то, оказывается, вовсе не безоглядность. Напротив, оно мобилизует и расчетливо пускает в бой все творческие ресурсы организма, включая разум...

В антрактах, во время грима и переодевания, Огнивец испытывал ни с чем не сравнимое чувство актерского перевоплощения — самого прекрасного из таинств театра.

Это были звездные часы его жизни.

И жизни Большого театра.

И жизни зрителей, приобщенных в этот вечер к чуду артистического преображения.

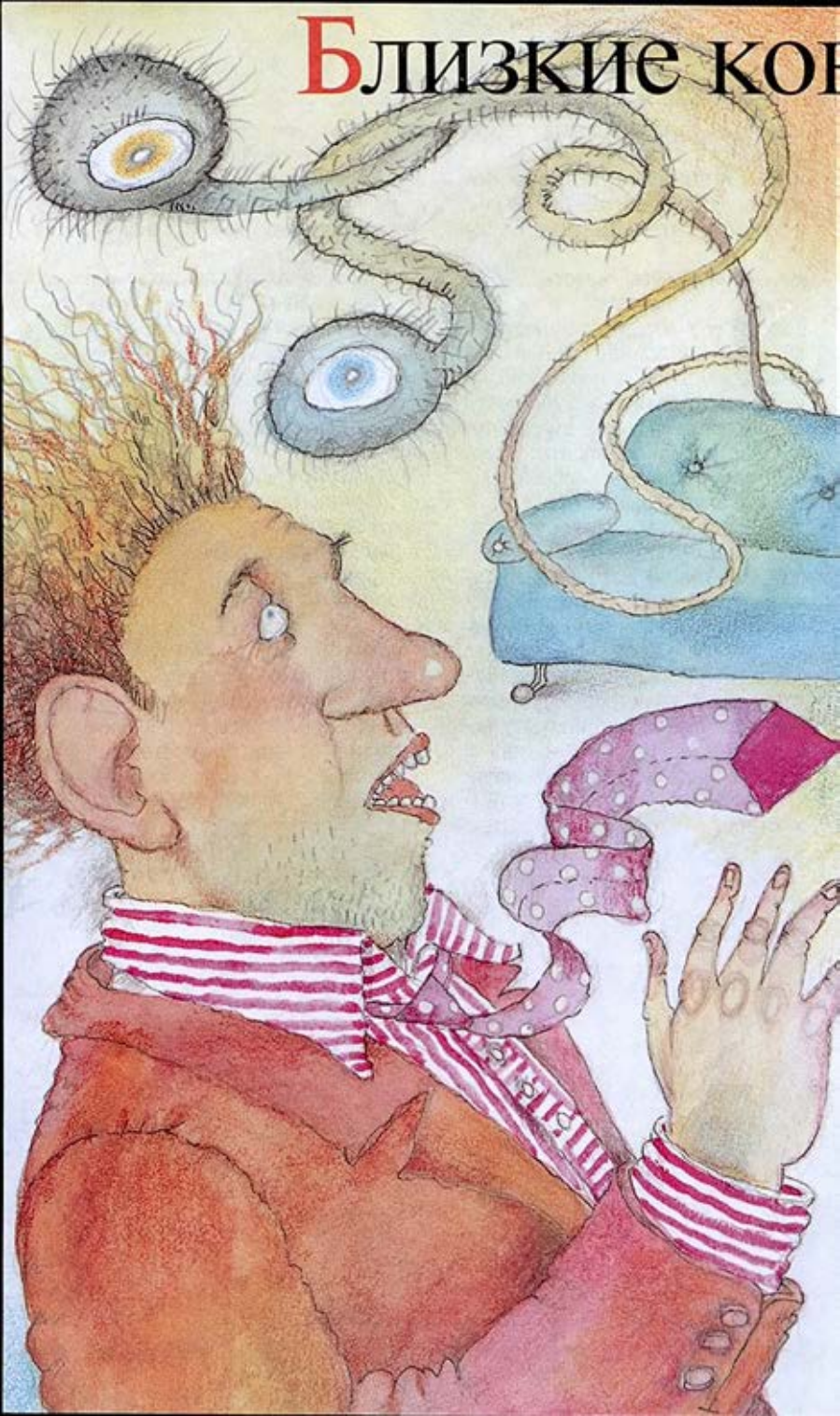
Прервав овации, со сцены объявили:

— Две партии, Бестужева и Николая I, в спектакле исполнил заслуженный артист РСФСР Александр Павлович Огнищев.

Финальный занавес воспринимался как знамя триумфатора.

Никому не хотелось уходить. Мгновение надолго остановилось. ■

БЛИЗКИЕ КО

Факты в округе

МЭДИСОН

Гэри БРАНДНЕР

Низкие, черные облака стерли звезды с неба над Мэном. Бревна старого фермерского дома поскрипывали. В самом доме Мэттью Крайтон лежал под влажной от пота простыней и ругался на москита, поющего в темноте над самым его носом.

На ночном столике единственный листок бумаги подрагивал под жарким дыханием ветерка, прорывающегося сквозь затянутое сеткой окно. Слова соскакивали со страницы и отплясывали издевательскую джигу между носом Крайтона и москитом.

“Дорогой Мэтт (по крайней мере они не перешли с имен на фамилии. Единственный положительный момент во всем чертовом письме)!

Спасибо за то, что прислал “Луну вампиров”. Должна отметить, рассказ не дотягивает до требуемого уровня. Я не говорю, что жанр “ужастиков” умер, но он эволюционирует (и что сие должно означать?). Твой вампир — еще один клон Дракулы, прием, который изрядно поднадоел всем еще в семидесятые. Мне нужно от тебя что-то более современное (тебе нужно одно: чтоб тебя качественно оттрахали). Более жизненное, как, ты знаешь, я люблю говорить (он не знал). И женщины в твоём рассказе из далекого прошлого. Сегодня мы не жертвы. Нынешние женщины сильны, инициативны, умны (поэтому от вас одни неприятности). Мы никогда не скулим, никогда не плачем. Мы принимаем решения. Если хочешь предложить “Луну” другому агенту, удачи тебе. Если напишешь что-то оригинальное, я с удовольствием посмотрю (ты уже посмотре-ла).

*С наилучшими пожеланиями,
Леона”.*

Милая, добрая Леона Зельцер, агент, с которым он проработал последние двенадцать лет, дает ему пинка, как какому-то

** В названии обыграны два популярных фильма: “Близкие контакты третьего рода” и “Мосты округа Мэдисон”. (Здесь и далее прим. переводчика.)*

новичку, возомнившему себя писателем после летнего семинара. Хуже. Считает, что он исписался и больше не способен успевать за рынком, не может предложить на ее суд что-нибудь стоящее.

Вдали громыхнуло. Крайтон нацелил палец на окно: "Дуйте ветры, раздувайте щеки! Пусть скорее грянет буря! Не мне ее бояться. Настроение у меня под стать погоде!"

Он вышвырнул из памяти мерзкое письмо, сосредоточился на книгах, которые написал: "След в каньоне", "Атака на Красный берег", "Смерть поутру", "Мегабластер", "Горящая планета", два десятка других. Вестерны, военные романы, детективы, технотриллеры, научная фантастика. Даже женский роман, что-то там со страстью, названия он вспомнить не мог. Две полки книг в обложке*, изданных под дюжиной псевдонимов в дюжине издательств. Но ни одной за последние четыре года. И вот теперь он не может протолкнуть через своего агента паршивый рассказ о вампирах.

Крайтон перевернулся на живот, уткнулся лицом во влажную от пота подушку. А удастся ли ему задушить самого себя?

Молния ударила по глазам, даже сквозь подушку. Молния? Нет, гроза бушевала еще над горой Боэрстон. Свет потускнел. Зато комнату наполнило неприятное потрескивание.

Крайтон сел, моргнул. За окном пульсировало бело-голубое сияние. Потрескивание перешло в устойчивое, угрожающее гудение.

Автомобильная авария? Да нет, автострада в миле отсюда, а узкая дорога проходит с другой стороны дома. Соседи что-нибудь учудили? Вряд ли. До фермы Макнаута три мили.

Мэттью Крайтона отличал логический склад ума, ничего фантастического в реальной жизни он не признавал, но в данном случае фантастика возобладала над логикой: НЛЮ. Они же всегда приземлялись в таких вот практически безлюдных местах. И, если верить таблоидам, свидетелями их приземления становились недоумки, не умеющие связать два слова, звали которых не иначе, как Билли Боб. Может, на этот раз космические пришельцы сознательно выбрали контактера, который умел составлять слова в предложения?

Он вылез из кровати, надел свитер поверх пижамы, сунул ноги в шлепанцы, взял с полки ночного столика фонарь и вышел в душную тьму.

Источник света и гудения расположился за редким осиновым леском у самой границы его участка. Через непаханое поле Крайтон направился к деревьям. Налетевший ветер начал трепать штанины пижамы. По коже побежали мурашки. Нервы вибрировали в предвкушении грядущих изменений.

* Первое издание в обложке — удел писателей низшей лиги. Выход книги в переплете — знаменательное событие, переход в высшую лигу.

Столько лет он едва держался на плаву, а вот теперь уже видел, как садится в экспресс, отправляющийся в Страну успеха.

Крадучись, он вышел на дальнюю опушку леса. Заскрежатали тормоза экспресса, Страна успеха растаяла как мираж, он остался в Городе неудачников.

— Дерьмо, — сорвалось с его губ.

Один из проводов высокого напряжения, обычно туго натянутый между опорами, сильно провис. Касаясь металла опоры, он вышибал яркие бело-голубые искры. Опора гудела, как тысяча злобных пчел. От запаха озона начали слезиться глаза, голова вдруг пошла кругом.

Крайтон взял себя в руки, прошелся по земле лучом фонаря и обнаружил площадку только что выгоревшей травы. В центре площадки лежал предмет, возможно, и ставший причиной неполадок в линии высокого напряжения: поблескивающий серебристым металлом воздушный шар. К нему крепились розовые ленты. Поверхность опоясывала надпись: "С Днем Рождения, Варна!!!"

— Дерьмо, — повторил Крайтон.

При его словах металлическая опора застонала, автоматический механизм подтянул провод, искры исчезли, гудение прекратилось. Крайтон поднял обмякший шар и повертел его в руках. "Нельзя разбрасываться такими шарами, — думал он, тиская пальцами жесткий, покрытый металлической пленкой пластик. — Хорошо еще, что все обошлось". И перехватившись за ленту, через лесок и поле направился домой. Шар прыгал следом.

Улегшись в кровать, Крайтон долго смотрел на шар, подрагивающий от ветерка на ночном столике. Ну почему это не НЛО? Он бы мог продавать билеты. "Инопланетяне в клетке. Билет для взрослых — 20 долларов. Для детей — 10". А сопутствующие товары? Те же футболки уходили бы за двадцать баксов. "Фотографируйтесь с инопланетянином!" Господи, да он нашел бы сотню способов делать на них деньги. А что возьмешь с короткого замыкания и подарочно-го шарика?

Ближе к рассвету Крайтон забылся тревожным сном, но буквально через несколько минут резко открыл глаза и сел.

— Черт побери!

Вылез из кровати, пошлепал к пишущей машинке, вставил в каретку чистый лист. Час спустя прервался, чтобы позвонить по телефону.

— Господи, Мэтт, еще глубокая ночь.

— Уже шесть утра.

— Вот-вот. Не время сейчас говорить о паршивой фантастике.

— Леона, будешь ты меня слушать или нет? Какая фантастика? Это случилось. Со мной. Этой ночью. Я не сомкнул глаз.

— Подожди, подожди. Значит, так. Летающая тарелка опустилась у тебя во дворе, маленькие зеленые человечки привели тебя на борт для участия в отвратительных сексуальных экспериментах. Разве я это уже не читала?

— Черт побери, Леона, будешь ты меня слушать или нет? Не было никакой тарелки, инопланетяне совсем не зеленые, а то, что со мной произошло, можно назвать как угодно, но только не отвратительным.

— Ты опять пьешь?

— Я трезв, как стеклышко.

Голос агента начал освобождаться от сонного раздражения.

— Ты действительно думаешь, что из этого может что-то выгореть?

— Леона, у Ширли Маклейн^{*} что-то выгорело с историями о ее прошлых жизнях?

— М-м-м-м.

— А что сейчас продается? Биографии да романтические истории, так?

— М-м-м-м.

— Пятнадцать процентов от миллиона долларов — это сколько?

— Рукопись у тебя есть?

— Будет через неделю.

— Не забудь прислать марки за обратную пересылку.

— Привезу лично.

— Хорошо, Мэттью, я ее посмотрю. Но, дорогой, я больше не хочу слышать о том, что это действительно произошло.

— Леона, действительно произошло.

— До свидания, Мэттью.

Шесть дней Мэттью Крайтон “пахал” на своей старенькой “смит-короне”. “Если дело выгорит, — думал он, — то следующую книгу буду писать на мультимедийном компьютере”. Шесть дней он практически ничего не ел, пил только воду, спал урывками. Ничего не переписывал, слова так и выпрыгивали из-под его пальцев на бумагу. Книга писалась сама. Под названием “*Любовь с Варной*”.

Короткая книга, двести двадцать печатных страниц. Из них получился бы изящный, тоненький такой томик, с которым смог бы справиться самый ленивый читатель. Идеальный вариант для рыночной ниши, на которую он нацелился.

^{*} Маклейн, Ширли (р. 1934), настоящее имя Шарли Маклейн Бити. Известная голливудская актриса, лауреат “Оскара”. Прославилась также автобиографическими книгами о реинкарнации и жизни вне тела.

Из главы 2:

“Один из моих гостей ростом не превышал четырех футов, второй был на пару дюймов ниже. Белые, мягкие круглые тела, гибкие конечности. На крупной овальной голове с маленькими ртами и дыхательными отверстиями доминировали глаза, круглые, темные, поблескивающие влагой. Волосы на голове и теле отсутствовали, так что внешне мои гости напоминали ходящие яйца. Я понимал, что они инопланетяне, но как-то сразу почувствовал, что вреда они мне не причинят. Наверное, меня сразу расположили к ним их мягкие, мелодичные голоса. Говорили они на безупречном английском.

— И кто эта Варна, которая хочет меня видеть? — спросил я.

— В вашем языке нет соответствующего значения, — ответил более низенький. — Самое близкое — “Обожаемая богиня”.

— Варна — женщина?

Яйца переглянулись. Издаваемое ими пыхтение, вероятно, следовало понимать, как смех. Я пожал плечами. Еще окончательно не проснувшись, я не так уж и рвался на встречу с королевой яиц”.

Нетерпеливо пролистав первые двадцать страниц, Леона Зельцер воззрилась на Крайтона поверх необъятной груди.

— Мэттью, ты уверен, что не хочешь предложить этот материал “Стар” или “Миру выходного дня”? О “Энкуайере” забудь, они больше об инопланетянах не пишут.

— Прочитай следующую главу, Леона.

— Нет нужды. Встреча твоего героя с королевой яиц меня не интересует. Через несколько минут я должна идти на ленч с Джейсоном Битти, так что, извини.

— Джейсон Битти из “Оуктри пресс”?

— А ты знаешь другого?

— Только одну главу, Леона. Умоляю.

Агент мрачно взглянула на “ролекс”, пробежалась пальцами по рыжим кудряшкам, вернулась к рукописи.

Из главы 3:

“Я назвал ее яйцом? Мне просто хотелось вырвать собственный язык. Когда мои глаза привыкли к полумраку помещения, в которое меня привели, и я увидел Варну, у меня перехватило дыхание. Она возлежала на диване, обтянутом алым бархатом. В платье, сотканном из дыма. Платье сверкало и переливалось, одновременно прикрывая и обнажая тело, описать которое не смогут никакие слова. Грудь, твердые и круглые, так и рвались ко мне, соски стояли торчком. Волосы мягкими волнами французской ванили ниспадали на бело-снежные плечи, на меня смотрели серебряные глаза неземной

женщины, улыбка полных губ сулила божественное наслаждение”.

Леона Зельцер вскинула на Крайтона маленькие синие глазки.

— Соски торчком? Ванильные волосы? Серебряные глаза? Мэттью, что ты мне принес?

— Леона, я родился только для того, чтобы рассказать эту историю. О правде и красоте, любви и утрате.

— И сексе, — добавила агент.

— Конечно, и сексе. Прочитай, что случилось со мной в четвертой главе.

— Ты продолжаешь настаивать, что это автобиография?

Крайтон приложил руку к сердцу.

— Все правда. Клянусь.

Леона собрала листы рукописи, сунула их к конверту.

— Давай поглядим, что нам удастся с этим сделать.

— Тебе понравилось, так?

— Возможно. Я дам тебе знать, когда получу ответ Джейсона Битти.

— Ты думаешь, “Оуктри” может заинтересоваться?

— Вот это мы сегодня и выясним. Пошли со мной.

“Карлино”, маленький ресторанчик в районе Западных пятидесятих улиц, пользовался популярностью у издательского люда. В зале приятно пахло чесноком, душицей, томатным соусом, вином. Яркое освещение кабинок позволяло читать и рукописи, и аннотации на суперобложках.

Мэтт Крайтон и его агент сидели напротив лысеющего молодого мужчины в помятых брюках цвета хаки, мятом пиджаке спортивного покроя, клетчатой рубашке и ярко-оранжевом галстуке. Забыв о стакане с содовой, стоявшем у локтя, Джейсон Битти проглатывал страницу за страницей.

Из главы 3:

“Когда Варна заговорила, голос ее, словно прохладный мех, окутал мое тело: “У тебя расслабленные мышцы и напряженные нервы. Как у пантеры. Подойди ко мне”.

Меня тянуло к ней, как лист затягивает в водоворот. Все чувства обострились донельзя. Варна перекинула через край дивана свои бесподобные ноги и встала, вытянувшись в добрые шесть футов. Полупрозрачное платье разошлось на полукружьях бедер, открыв низ живота, островок мягких, светлых, как на беличьем брюшке, волос. Розово поблескивали влажные губы”.

Джейсон Битти оторвался от рукописи, посмотрел на Леону Зельцер, потом на Крайтона.

— Господи! Розово, говорите, поблескивали?

Леона улыбнулась, повернулась к Крайтону.

Лицо писателя оставалось серьезным.

— Извините, но вы говорите о самом прекрасном событии в моей жизни.

— Да, конечно. Леона, — издатель обратился к агенту, — ты действительно хочешь, чтобы эта рукопись шла по разделу документальных произведений?

Агент мотнула головой в сторону Крайтона.

— Он клянется, что все это произошло с ним.

— Произошло, — подтвердил писатель.

— Тут не замешана политика, на вас никто не давит, вы никому ничем не обязаны?

— Все это чистая правда. Я описываю то, что случилось со мной чуть больше недели тому назад.

— Если вы и дальше будете стоять на своем, рукопись я куплю, — заявил издатель.

— Спасибо, Джейсон, — заулыбалась Леона. — Я знала, что тебе понравится.

— О каком авансе мы говорим? — спросил Крайтон.

Издатель и агент переглянулись.

— Каковы результаты продаж его последней книги? — любопытствовал Битти.

— Пошли, Леона. — Крайтон потянулся к рукописи.

Джейсон Битти прикрыл листы рукой.

— Подождите. Думаю, мы сможем договориться.

Они договорились.

Из главы 4:

“Губы Варны, мягкие, как шепот, теплые, как любовное стихотворение, сладкие, как весеннее утро, прошлись по моей груди, пересекли живот... Из моего горла вырвался стон наслаждения. И все это время серебряные глаза заглядывали в мою душу”.

Ведущий ток-шоу смотрел в камеру, держа в поднятой руке экземпляр последней книги Крайтона “Любовь с Варной” (161 страница, набранные крупным кеглем с большими полями) стоимостью 23 доллара и 95 центов.

— Не знаю, как вы, друзья, но, открыв ее, я уже не мог оторваться. — Он повернулся к Крайтону, сидевшему на диване по его правую руку. — Я подозреваю, что книга понравилась не только мне. За два месяца уже четыре издания, так?

— Пять, Джей, но кому охота считать? Ха-ха-ха.

— Прекрасно. И вы заявляете, что все, о чем написано под этой обложкой, имело место быть?

— Все.

— И Варна... действительно такая красивая и...э... сексуальная, какой вы ее описываете?

— Мои слова — лишь бледная тень реальной Варны.

— Конечно, в этой книге есть очень пикантные сцены, но куда в большей степени в ней присутствуют чувственность и... нежность, которые так к лицу женщинам. У меня иной раз даже перехватывало дыхание.

— Извините, Джей, — голос Крайтона дрогнул, — но мне все еще трудно об этом говорить. Я же писал историю своей жизни.

Из главы 12:

“Я стоял под дождем и наблюдал за Варной через иллюминатор их странного корабля. Остальные члены экипажа готовились к взлету. Самым тяжелым мигом для меня был отказ от ее приглашения последовать за ней... неведомо куда. Я знал, что решение мое правильное, единственное, которое я мог принять, но, попроси она меня еще раз, я бы бросил все, рискнул всем и улетел бы с ней. Ее губы послали мне прощальный поцелуй. Я приложил два пальца к моим губам. Радуюсь тому, что идет дождь и смывает слезы со щек”.

Из окна сверкающего здания компании “Дримуюкс”, расположенного к северу от Голливуда, Крайтон видел пыльные пальмы, качающиеся под ветром. Бородатый мужчина в джинсах и футболке говорил, тыча пальцем в экземпляр романа “Любовь с Варной”.

— Я вижу в главных ролях Тома Круза и Шарон Стоун.

Крайтон перевел взгляд на потолок.

— Не знаю, способны ли они отразить глубину характеров. Я бы предпочел Харрисона Форда и Мишель Пфайффер.

— Дельная мысль, Мэтт, но об актерах мы можем говорить лишь после подписания всех бумаг, не так ли?

Леона Зельцер встала.

— Контракт мне нравится, Стивен, но я обещала заглянуть в “Дисней”.

— Тогда пообещай и мне ничего с ними не подписывать, вновь не переговорив со мной.

— Обещаю, дорогой, — улыбнулась Леона и вместе с Крайтоном выплыла из кабинета.

В Нью-Йорке Крайтон откинулся на спинку кресла, обтянутого кожей цвета бургундского, в которое Леона усаживала своих лучших авторов, щелкнул золотой зажигалкой “данхилл”, поднес язычок пламени к сигаре, по стоимости не уступавшей хорошему обеду.

Леона торопливо подвинула к нему пепельницу.

— Я не могу поверить стремительности нашего подъема. Магазины не успевают заказывать новые партии. В Сиэтле женщины разнесли магазин “Барнес и Нобл”, когда узнали, что книга в продаже закончилась. Компания “Уолденбукс” утроила объем закупок.

— Только утроила?

— Уже второй раз. Ты вот-вот выйдешь на одиннадцатую позицию в списке бестселлеров, а оттуда всего один шаг до попадания в десятку. Ларри Кинг хочет посвятить тебе целую передачу. Барбара Уолтерс прислала вопросник.

— Передай им, что я подумаю. А что слышно от “Диснея”?

— Они называют число с шестью нолями плюс процент от чистой прибыли.

— Чистой? Да ее же никогда не бывает. В их бухгалтерии черт ногу сломит. Спроси парня, который продал им “Форрест Гамп”.

— Я еще не отказала Спилбергу.

— И не отказывай. Он заплатит больше. И я хочу долю в валовой прибыли от продаж.

— Я тебя слышу. Между прочим, Джейсон Битти предлагает поговорить о продолжении. Завтра у тебя найдется время?

— Нет. Хочу последний разок съездить в Мэн.

— Сентиментальное путешествие?

— Да нет. Хочется посмотреть, не оставил ли я там чего-нибудь нужного. Большую часть того, что там есть, давно пора выкинуть на свалку.

В полете из “Ла-Гуардии” в Бангор Крайтон, вытянув ноги и потягивая шампанское, в какой уж раз наслаждался удобствами салона первого класса. Благодаря придуманным им инопланетянам жизнь стала лучше и веселей. В аэропорту Бангора он арендовал “лексус” и отправился в пятидесятимильную поездку на север, к своей старой ферме.

Она ничуть не изменилась: облупившаяся краска стен, просевшее крыльцо, покосившаяся труба. Теперь Крайтон не понимал, как он мог жить в такой лачуге, не впадая в глубокую депрессию. Он прошелся по комнатам. Его передергивало от грязи на полу, спертости воздуха, мрачных теней в углах. Решил, что ему нужны кое-какие рукописи, несколько книг и свитер от “Стилерс”. Остальное можно пожертвовать воронам.

Насвистывая какой-то веселенький мотивчик, Крайтон начал укладывать в картонную коробку ранее отвергнутые рукописи. В том, что теперь их будут отрывать с руками, он не сомневался.

Стук в открытую дверь заставил его вздрогнуть. На пороге, бок о бок, стояли двое мужчин, низенький и тощий и высокий и тощий. В черных костюмах, неброских галстуках, черных туфлях с закругленными носами. Оба коротко стриженные, без усов, с чистыми ногтями. “ФБР”, — подумал Крайтон.

— Извините за вторжение, мистер Крайтон, — заговорил высокий с легким акцентом.

— Чем я могу вам помочь?

— Моя фамилия Матерс, а это мой помощник, мистер Доу. Мы представляем “Универсальное спутниковое телевидение” и будем очень признательны вам за короткое интервью.

Крайтон разом успокоился.

— Вы говорили с моим агентом?

— К сожалению, из-за ограниченности во времени нам это не удалось.

— Откуда вы?

— “Универсальное спутниковое телевидение”. Нас смотрят миллионы.

— Правда?

— Мы даем синхронный перевод наших передач на сорок четыре языка. Ваше интервью будет приурочено к всемирной премьере вашей книги, что увеличит и без того значительные продажи. Если вас не затруднит, мы бы хотели записать интервью прямо сейчас.

— Здесь?

— Наша мобильная студия развернута рядом с вашим домом.

— Я не слышал, как вы подъехали.

— Мы прибыли ранним утром.

— Так вы говорите, миллионы зрителей?

— Многие миллионы.

— Раз уж вы приехали в такую глушь, я, конечно, уделю вам несколько минут.

— Вы очень великодушны. Сюда, пожалуйста.

Трое мужчин пересекли заросшую сорняками лужайку за домом, Крайтон — посередине, мужчины — по флангам. Поле, редкий осиновый лесок, и они вышли к серебристо-серому трейлеру размером с товарный вагон. Крыша топорщилась многочисленными антеннами. Создавалось ощущение, что энергию трейлер черпает непосредственно из натянутых над ним проводов высокого напряжения. Борт украшали витиевато выписанные буквы: “УСТ”.

Крайтон присвистнул.

— Роскошный трейлер. Странно, что я не заметил его на подъезде к дому.

— Не совсем так, — первый раз заговорил низенький. — Вы видели лишь то, что мы дозволяем вам видеть. — В голосе слышались неприятные металлические нотки.

Крайтон остановился, как вкопанный. И вдруг понял, что их лица расплываются у него перед глазами. Моргнул. Одежда стала прозрачной. Снова моргнул. Одежда исчезла вовсе. А его тем временем подхватили под локти и потащили к трейлеру.

— Эй, осторожнее, — воскликнул он, когда к нему вернулся голос. — Мне больно. Что происходит? Кто вы такие?

— Я думаю, вы знаете ответ, мистер Крайтон. Долгие недели вы рассказывали миру о ваших... интимных контактах с инопланетянами. — Голос Матерса упал на октаву.

— Это что, шутка? — Но, даже задавая вопрос, Крайтон понял, что ничего забавного в сложившейся ситуации нет и быть не может.

— В наш предыдущий визит, мистер Крайтон, вам предоставили уникальную возможность совокупиться с представителем нашей расы. Ваша реакция очень помогла нам в наших исследованиях. К сожалению, нам не удалось полностью удалить воспоминания о случившемся. Воспользовавшись тем, что осталось в вашей памяти, вы в мельчайших деталях описали нашу госпожу Варну. Вы дали волю воображению и широко расстиражировали ваши сексуальные фантазии. Должен отметить, что серьезные неточности в вашем отчете вызвали раздражение, как у нас, так и у нашей госпожи Варны.

— Подождите... так Варна действительно была? Господи, этот приступ головокружения...

— Вы назвали нас яйцами, — напомнил Доу.

— И взяли наш шар, — добавил Матерс. — И теперь мы предлагаем вам возможность исправить недочеты.

Крайтон забыл про боль в бицепсах. Эти чудики предлагали ему продолжение книги. В глазах заплясали доллары. Если он добился такого успеха с выдумкой, то на какие высоты поднимет его реальная история?

— Эй, парни, не надо меня никуда тащить. Я и сам пойду к вашей Варне. Мне не терпится встретиться с ней. Я хочу сказать, еще раз.

— Мне бы вашу уверенность.

На зловещую нотку в голосе Матерса почему-то особенно остро отреагировал кишечник Крайтона, и тому пришлось изо всей силы сжать сфинктер. Писатель посмотрел направо, налево. Мужчины в костюмах, галстуках и начищенных туфлях исчезли. Руки с чистыми ногтями трансформировались в чешуйчатые лапы с когтями, которые рвали замшу пиджака и царапали кожу. Существа отдаленно напоминали рептилий, с широкими лягушачьими ртами и яростно горящими глазками. Н-да, не очень-то дружелюбно они выглядели. И определенно не ФБР.

— Послушайте, если дело в шаре, так мы сможем договориться.

— Вы запачкали имя нашей госпожи Варны. Вы наслаждались гостеприимством, а потом показали ее всем самым аморальным, самым похотливым, самым мерзким существом, какое могло только нарисовать ваше воображение.

— Эй, я не думаю, что...

— Нельзя терпеть подобную клевету.

Бицепсы его сжали еще сильнее. Мысли о грядущих доходах исчезли.

— Я перепишу книгу, как вы захотите. Я отзову непроданные экземпляры. Я обелю ее имя на национальном телевидении в программе Барбары Уолтерс. Только скажите мне, чего вы хотите.

— Мы хотим, чтобы вы вновь встретились с нашей госпожой Варной, только на этот раз все воспоминания о ваших ощущениях останутся при вас.

Крайтон ахнул, когда его оторвали от земли и швырнули в, казалось бы, прочную стену трейлера. Он напрягся, закрыл глаза, готовясь к жесткому контакту с металлической стенкой. Но вместо этого почувствовал легкое дуновение, словно проскочил сквозь поток теплого воздуха. А открыв глаза, обнаружил себя в довольно-таки большой комнате. От скрытых источников света по стенам неспешно перемещались тени. Пол мягко пружинил под ногами. В центре стоял огромный диван, обитый ярко-алым бархатом.

Комнату заполнила незнакомая, но приятная музыка. По воздуху поплыли пряные ароматы. Крайтон настороженно оглядывался, но видел только диван да перемещающиеся тени.

— Есть тут кто-нибудь? — едва слышно выдохнул он.

Очень, очень долго ему отвечали только гулкие удары сердца. А потом до него донеслось...

— Привет, мой Пантера-Человек.

Голос Варны, каким он его себе воображал или помнил, если верить Матерсу и Доу, чувственное контральто, мурлыкающее, многообещающее. Неужели все образуется?

— Варна? Это ты?

— Разве ты не узнаешь мой голос?

Разумеется, он узнал. Потому что сам же его и выдумал. Или нет?

— Где ты? Я тебя не вижу.

— Я здесь. Прямо перед тобой. Ты меня увидишь. Ты увидишь меня всю.

Голос, доносящийся из сумрака, начал меняться, в нем появились шипящие нотки. Пряные ароматы как ветром сдуло. Запахло гниющей плотью.

— Послушайте, если все дело в шаре...

Слова замерли у него на языке. Щупальце, толстое, как его рука, появилось над спинкой дивана, серо-зеленое и влажное. С волосатым, размером с дыню, наростом на конце. В центре нароста что-то поблескивало, возможно, глаз. Из тени за диваном раздался низкий, хрипловатый смех.

Крайтон с шумом выдохнул, вновь набрал полную грудь теперь уже вонючего воздуха. Губчатый пол облепил его ноги, не давая сдвинуться с места. Пот градом катился по лицу.

Второе щупальце появилось над диваном, присоединилось к первому. Они закачались в унисон, в чудовищном танце, глаза

ни на мгновение не отрывались от его лица. К ним добавилось третье щупальце, уже без глаза, зато с клешней, как у краба. И клешня эта, щелкая, раскрывалась и закрывалась у самого его носа.

Вонь усиливалась по мере того, как тело, из которого тянулись щупальца, поднималось над диваном. Бесформенная масса размером с холодильник, покрытая бородавками, сочившимися зеленоватым гноем.

Зачарованный этим ужасом, Крайтон не обратил внимания на то, что щупальце с клешней наклонилось и погладило его по щеке. А уж того щупальца, которое скользило по полу, а потом поднималось вдоль ноги, не увидел вовсе.

В трех милях от трейлера Кейл Макнаут оторвался от газеты, склонил голову и вытащил старую трубку изо рта.

— Ты слышала, мать?

— Слышала что?

— Вроде бы кто-то заверещал.

— Должно быть, одна из собак отловила енота.

— Возможно. — Кейл Макнаут еще с минуту прислушивался. Больше никто не верещал. — Очень даже возможно. ■

Перевод с английского
Виктора ВЕБЕРА.

от рожде

Итак, мы продолжаем нашу новую рубрику "Имя твоё", в которой рассказываем о том, как порой имя, данное человеку при рождении, влияет на всю последующую его жизнь, поступки, планы и свершения. Сегодня очередь имен, начинающихся на букву "В".

Валентина. Женская форма имени Валентин.

С раннего детства в Валентине заметна доброта. Она способна поделиться с близкими всем, что у нее есть. За свое бескорыстие она не ждет благодарности, и делает это не из расчета, а потому, что не может оставаться равнодушной к чужой беде.

Валентина вспыльчива, может поссориться с близкой подругой, но через несколько минут уже готова мириться. Ее нрав чем-то похож на изменчивое весеннее солнце.

Замуж выходит по любви, но ее чувство рождается скорее как ответное на чувство другого человека. Она не может обречь человека на страдания и соглашается связать с ним свою судьбу. Если брак удачен, Валентина полностью окунается в семейную жизнь. Все свое время она посвящает мужу и детям. Но вполне способна резко оборвать связь и уйти.

Завидные здоровье и выносливость, но должна вести размеренный образ жизни. Слабые органы — кишечник, легкие и кожа.

Удачным брак будет с Валентином, Владимиром, Иваном, Сергеем, Семеном, Александром. Непростыми отношения будут с Борисом, Георгием, Леонидом, Николаем, Станиславом, Юрием.

Валерия. Это женская форма имени Валерий.

Маленькая Валерия обладает непредсказуемым характером. Поведение ее зависит от того, с какой ноги она встала. Взрослея, Валерия остается все такой же сложной и малопредсказуемой. Постоянно меняет свои планы, по-разному оценивает через некоторое время одних и тех же людей. К такому характеру трудно приспособиться. В основе такого изменчивого поведения Валерии лежит легкая ранимость и повышенная чувствительность.

С незнакомыми людьми держится настороженно и недоверчиво. Но человек, который будет терпеливо завоевывать ее расположение или неожиданно понравится ей, станет для нее преданнейшим другом.

ИМЯ ДО...

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Валерия — хорошая хозяйка, дома у нее все в полном порядке. Предпочитает домашнюю тихую обстановку, общение с родными и близкими. Не любит ходить в гости и на вечеринки. Ревнива, самое безобидное общение мужа с другой женщиной вызывает у нее множество подозрений.

Больше всего неприятностей Валерии может доставить желудочно-кишечный тракт. Но если соблюдать разумный режим, их можно избежать.

Валерии наиболее подходит мужчина с именем Анатолий, Борис, Антон, Илья, Никита. А вот с Вениамином, Кириллом, Петром, Владиславом ей придется трудно.

Варвара. Имя имеет древнегреческое происхождение и означает "дикарка, варварка".

Девочка Варя — это добрый, улыбчивый ребенок. Больше всего она похожа на отца и наследует во многом не только его внешность, но и черты характера. Она скромна, трудолюбива. У нее есть много способностей для занятий музыкой, хореографией, рисованием.

По профессии Варвары чаще всего бывают медсестрами, педагогами, библиотекарями, бухгалтерами, продавцами.

Варвара влюблива, но несколько нерешительна и поэтому в отношениях с мужчинами проявляет излишнюю робость и нерешительность. Первый брак не всегда бывает удачным. Неплохая хозяйка, умеет создать дома комфортную обстановку.

Слабые органы — поджелудочная железа, почки и позвоночник, рекомендованы длительные прогулки и легкая гимнастика.

Наиболее подходят в мужья мужчины, имеющие имя Александр, Алексей, Борис, Владимир, Георгий, Михаил, Петр, Федор. Менее подходят Андрей, Олег, Семен, Иван, Егор, Евгений.

Вера. Это русское имя, оно имеет то же значение, что и слово "вера".

Вера в детстве уравновешенная девочка, с логическим складом ума. Избегает шумных компаний, капризов за ней не водятся. Учится прилежно, охотно ухаживает за младшим братином или сестренкой. Близких подруг у Веры немного. Не спешит раньше выйти замуж.

Вера имеет хорошо организованный практический ум. Она способна трезво оценивать обстановку и проявляет сообрази-

тельность в конкретных делах. У Веры есть музыкальные способности, имеет в жизни конкретные цели и старается добиться их.

Деловитость и целеустремленность преобладают в ней над эмоциональным и сентиментальным началом. Вера не согласится на рай с милым в шалаше. Предпочтение отдает реальным вещам на земле.

Мужа выбирает среди мужчин старшего возраста. Имеет чаще всего одного ребенка, но отдает ему всю себя. Воспитывает в строгости, не допускает вольностей. Она вкусно готовит, заботливо относится к мужу.

Слабое место — опорно-двигательный аппарат, также подвержена головокружениям и приступам дурноты.

Счастливый брак состоится с Александром, Вадимом, Егором, Евгением, Михаилом, Павлом. Лучше воздержаться от брака с Анатолием, Вячеславом, Владиславом, Олегом, Филиппом.

Вероника. Библейское имя, это имя женщины из Иерусалима, которая, согласно преданию, вытерла пот с лица Иисуса, когда он нес крест.

Вероника в детстве — робкая, застенчивая и нерешительная девочка. Обладает слабым здоровьем и чрезмерной чувствительностью — от вида крови может даже упасть в обморок. С возрастом в характере Вероники появляется раздражительность и упрямство. Основные черты характера заимствует у матери, а внешне она больше похожа на отца. Предпочитает мужское общество.

Вероника — общительная женщина. Внешне она привлекательна, одевается ярко и броско. Среди поклонников становится особенно оживленной, ее переполняют эмоции. Вероника хорошо танцует, любит петь под гитару. Чрезвычайно влюбчива и пользуется у мужчин ошеломляющим успехом. Но чувства ее непостоянны, и она без сожаления может порвать все отношения со своим возлюбленным. В браке стремится верховодить, и если муж не может с этим смириться, то скорее всего брак распадется.

Наиболее вероятен удачный брак с Александром, Артемом, Борисом, Владимиром, Игорем, Леонидом, Петром, Станиславом. Мало ей подходят Виктор, Владислав, Виталий, Константин, Николай, Семен, Эдуард.

Виктория. Это имя в переводе с латинского означает "победа".

Виктория чаще всего похожа на отца. В детстве она несколько медлительна и в детских играх редко бывает заводилой. Любит, когда родители читают ей книги, но сама долго не хочет учиться читать. Внешне спокойна, уравновешенна, болтливостью не страдает, иногда замыкается в себе.

В молодости Виктория становится более оживленной, начинает следить за собой. Из-за застенчивости и внутренней неуверенности ее попытки самоутвердиться принимают иногда причудливые формы. Профессию Виктория выбирает такую, где не требуется общения с людьми и где результат зависит только от нее

самой. Она может стать манекенщицей, фотомоделлю.

Мужа выбирает особенно тщательно. Это связано с очень высокими требованиями к будущему мужу. К тому же Виктория проявляет нерешительность, когда речь заходит о каком-то важном шаге в ее жизни. Даже выйдя замуж, продолжает сомневаться — правильно ли она поступила. Уверенность в себе ей поможет обрести муж, после чего Виктория неузнаваемо преобразится. Она станет доверчивой, откровенной, будет сильно любить и будет готовой на любые жертвы ради мужа.

Виктория склонна к остеохондрозу и восприимчива к вирусным заболеваниям.

Благоприятен брак с Владимиром, Михаилом, Львом, Сергеем, Семеном, Эдуардом. Брачные отношения скорее всего не сложатся с Александром, Виталием, Дмитрием, Григорием, Юрием.

Вадим. О происхождении этого имени не существует никакого сложившегося мнения. По одной из версий, оно произошло от древнерусского слова "вадити", что означает "спорить", "сеять смуту", "обвинять". По другой версии, "Вадим" — это вариация древнерусского "Владимир", что означает "водит мир".

В детстве Вадим очень непоседливый. Он постоянно находится в движении, любит побегать и поиграть, давая при этом выход своим эмоциям. На замечания родителей Вадим старается отреагировать правильным образом, так как отношения с матерью и отцом значат для Вадима очень

много. Он любит родителей и не хочет их огорчать.

В школе Вадим учится хорошо, хотя могут быть и жалобы на его неусидчивость. Вадим может стать хорошим руководителем. Он неплохо понимает людей, проявляет о них заботу, выполняет данные обещания. Очень трудолюбив и целеустремлен. Взвзвись за какое-то дело, всегда доводит его до конца. Вадим расчетлив и обладает немалой хитростью. Не совершает непродуманных поступков и не говорит ничего лишнего. Отношения с деловыми партнерами для Вадима иногда превращаются в своего рода состязание, в котором он старается обязательно победить.

Вадим — легко увлекающаяся натура. Он легко может пристраститься к картам, другим азартным играм. У него есть склонность к риску. За праздничным столом главный принцип Вадима "гулять, так гулять", что иногда приводит к неприятным последствиям.

Что касается здоровья, то плюс Вадима — избыток энергии — может обернуться для него же минусом. Другими словами, Вадиму нужно всегда знать меру и не переступать черту.

Отношения с женщинами у Вадима складываются непросто. Встречаясь продолжительное время с одной девушкой и подумывая даже о женитьбе на ней, он вдруг увлекается другой. Но если Вадим влюбляется по-настоящему, то это серьезно и надолго.

Вероятность счастливого брака у Вадима велика с женщинами, которых зовут Александра,

Вера, Екатерина, Светлана. Малоудачным может оказаться брак с Аллой, Еленой, Анной, Майей, Ольгой, Полиной, Тамарой.

Валентин. Имя происходит от латинского слова "валео", означающего "быть здоровым". Получило широкое распространение среди славянских народов.

Валентин — послушный и прилежный ребенок. В школе у него много друзей. Не лишен волевых качеств. Любит наблюдать за поведением животных и птиц. Серьезным увлечением могут стать аквариумные рыбки.

Валентин склонен к созерцательности и покою, он проявляет больше интереса к гуманитарным наукам, чем к естественным. В юношеском возрасте Валентин может увлечься такими предметами, как философия или психология, и он вполне может стать хорошим врачом-психиатром или психотерапевтом. Может добиться успехов и в других сферах деятельности.

Слабые органы Валентина — глаза и бронхи, он также весьма подвержен инфекционным заболеваниям. Ему необходим продолжительный сон и спокойный, размеренный образ жизни.

В женщине в первую очередь ценит скромность, ровный характер. Быстро сходится с родителями жены. В семье старается избегать конфликтов. Не будет ссориться из-за наспех приготовленного обеда. Равнодушен к алкоголю и не увлекается другими женщинами.

Удачно сложится брак с Валентиной, Викторией, Людмилой, Марией, Мариной. Вызывает со-

мнение бран с Антониной, Елизаветой, Надеждой, Тамарой.

Валерий. Имя происходит от латинского слова "валео", что означает "быть здоровым".

Характер Валерия с раннего детства доставляет родителям много волнений. Валерий любит подвижные игры, с удовольствием бегаёт, для остроты ощущений может перебежать дорогу перед близко идущей машиной. Такие забавы Валерия могут вызвать у родителей головную боль и учащенное сердцебиение.

Любит читать книги, ему нравятся приключения и фантастика. Валерий — любимец отца. С матерью отношения ровные. Он выслушивает все ее наставления, не спорит, но наставления ее выполняет не всегда.

В более старшем возрасте Валерий настойчив, серьезно подходит к выбору специальности. Имеет склонность к профессиям, которые дадут ему возможность больше поехать по миру. Увлекается спортом. Предпочитает единоборства. Ему нравятся работы в огороде и саду.

Здоровье, в принципе, должно быть безупречным, но Валерий склонен к психическим перенапряжениям и полноте. В зрелом возрасте нужно следить за глазами и артериальным давлением.

Тщательно подходит к выбору будущей жены. Валерию нужна женщина с богатым духовным миром, аккуратная и чистоплотная в быту. Поиски спутницы могут быть продолжительными. В браке Валерий однолюб и сильно привязан к жене. С большой нежностью относится к детям.

Скорее всего удачен будет брак с Зоей, Викторией, Галиной, Надеждой, Светланой, Татьяной. Маловероятен удачный брак с Верой, Зинаидой, Ириной, Ларисой, Маргаритой, Тамарой.

Василий. Имя происходит от древнегреческого слова, означающего "царский, царственный".

Василий в детстве очень любит возиться со зверюшками и птичками, никогда не обидит беззащитное существо. Вася — любимчик бабушек и дедушек. Ему постоянно необходимо находиться в обществе сверстников. Общение с друзьями у Василия на первом месте.

Ему нравится его работа, но он не будет стремиться к первенству в своем деле, чтобы не задеть честолюбивые помыслы своих друзей. Одно из немногих отрицательных качеств Василия — это пристрастие к спиртному.

Любит футбол и хоккей, но сам не играет, а предпочитает поболеть на трибуне в компании друзей. В отношениях с женщинами Василий стремится продемонстрировать рыцарские качества, и ему приятно, если его стремления будут отмечены.

Василий — человек долга. У него даже мыслей не будет о разводе, если онажется, что у жены не самый приятный характер или она плохая хозяйка. Рождение ребенка для Василия — огромное событие. Он испытывает к своим детям самые сильные чувства, в чем-то сравнимые с материнскими.

Василий должен избегать умственного перенапряжения и возбуждающих средств, зани-

маться спортом и не пренебрегать сном. После пятидесяти лет нужно обратить внимание на сердце.

Хорошую жену Василий найдет среди женщин с именами Маргарита, Нина, Юлия, Анна. Неудачный брак скорее всего сложится с Лидией, Инной, Енатириной, Любовью, Еленой.

Виктор. Имя происходит от латинского слова "Виктор", означающего "победитель".

Виктор — доверчивый мальчик, верит всему, что говорят ему взрослые. Не злопамятен, быстро забывает обиды и снова с доверием относится к людям. Можно пытаться заставить Виктора заниматься музыкой, например, обучать игре на пианино или скрипке, но маловероятно, что из Виктора получится профессиональный музыкант, хотя в компаниях он незаменимый аниматор и импровизатор.

Став взрослым, Виктор будет выбирать профессию, больше связанную с чем-то конкретным и осязаемым. Из него получится хороший электрик или шофер. Он может стать профессиональным футболистом.

Для брака Виктор обладает такими необходимыми качествами как терпение, основательность, неторопливость, способность заниматься кропотливым и монотонным трудом. Если жена пытается командовать им, то он относится к этому снисходительно и не пытается делать из этого проблему.

Прирожденный гурман, которого раздражает само слово "диета", поэтому склонен к полноте. Как правило, у него нет времени

заниматься своим здоровьем, поэтому болезни настигают его абсолютно неожиданно. Самое слабое место — печень.

Наиболее счастливый брак ждет Виктора с Валентиной, Галиной, Зоей, Инной, Клавдией, Ларисой, Любовью, Майей, Марией, Ниной, Ольгой. Трудно рассчитывать на хороший брак с Верониной, Евгенией, Екатериной, Зинаидой.

Виталий. Имя происходит от латинского слова "виталис", что означает "жизненный".

Маленький Виталий — типичный "маменькин сынок". Он ласковый и послушный мальчик, всегда старается быть поближе к матери. В обществе более младших по возрасту, чем он сам, уверенно возьмет на себя роль заботливого и доброго покровителя.

Виталий прилежен, умен, целеустремлен, до некоторой степени упрям. Интересуется музыкой, шахматами, к азартным играм равнодушен. Среди увлечений может быть и автомобиль, которому будет посвящать очень много времени.

В Виталии преобладает склонность к технической деятельности и точным наукам. Он будет хорошим инженером, конструктором, учителем математики или физики. Преуспеет и в бизнесе, хотя ни в одной сфере "не хватает звезд с неба".

Виталий сбалансирован физически и духовно, очень спортивен и по-мужски силен, но с возрастом ему может доставить неприятности желудок. Также следует обратить внимание на органы дыхания, особенно бронхи.

В женщине Виталий в первую очередь очень хочет найти замену своей матери, она должна стать ему верным другом. На второй план отступают любовные чувства и страстные переживания. На людях не демонстрирует никаких признаков супружеского расположения к жене, но верен в браке и дорожит любовью жены.

Хорошую жену Виталий найдет среди женщин с именами Антонина, Екатерина, Людмила, Лидия, Мария, Надежда, Тамара. Трудным будет брак с Зоей, Анастасией, Верониной, Викторией, Майей, Маргаритой.

Владимир. Это имя имеет славянское происхождение, состоит из двух корней: "влад" (владеть) и "мир", то есть имя может иметь смысл — "владеющий миром".

Владимир с раннего детства проявляет любознательность и стремится проверить свои знания на практике. Он склонен к риску и в некоторой степени даже к авантюрам. Стремится в компании сверстников занять ведущее положение. Прислушивается к советам родителей.

В учебе лучше всего ему даются технические науки, но ставку в своем продвижении по служебной лестнице Владимир в первую очередь делает на общественную деятельность. Не вступает в конфликты, избегает прямого столкновения при обсуждении спорных вопросов.

В быту особенно ценит комфорт. Он любит красивую мебель, дорогую посуду, ковры, картины. Стремится к идеальной чистоте и порядку, поэтому являет-

ся противником содержания в доме кошек, собак и всякой другой живности.

В людях прежде всего ценит ум и силу. Обладает быстрой реакцией на происходящие события, способен принять самостоятельное решение. Испытывает слабость к похвалам в свой адрес. Для Владимира очень важно мнение о нем окружающих.

Владимир верен в браке, но не из-за личной привязанности к жене, а скорее в силу большой занятости и нежелания испортить свою хорошо налаженную жизнь. Перекладывает на жену повседневные заботы, связанные с воспитанием детей.

Очень активен, может загнать себя буквально до полу-смерти. Необходимо заботиться о кишечнике и легких, а также помнить о наследственной возможности астмы.

Удачным брак будет с Аллой, Валентиной, Зинаидой, Вероникой, Евгенией, Инной, Любовью, Натальей, Раисой, Светланой, Софьей. Мало шансов на удачный брак с Майей, Елизаветой, Лидией, Надеждой, Ниной.

Владислав. Имя происходит от славянских слов "влад" (владеть) и "слав" (слава) — "владеющий славой".

Владислав с детства очень привязан к матери. Бережное отношение к женщине остается у Владислава на всю жизнь. Среди любимых занятий Владислава в детстве — разведение маленьких костров. Он испытывает магическое влечение к огню. Взрослым надо постоянно следить за мальчиком, чтобы он не наделал большого пожара. У Владислава

сильно развито чувство прекрасного. Он может стать музыкантом, художником, писателем, добьется больших успехов в профессиях, где требуется умение общаться с людьми — это врач, учитель, тренер. Владислав трудолюбив, ответствен.

У Владислава будет счастливый брак с Галиной, Инной, Ириной, Любовью, Мариной, Ольгой, Юлией, Тамарой. Сложным может оказаться брак с Зинаидой, Валерией, Маргаритой, Верой, Верониной, Майей, Натальей, Татьяной, Риммой.

Всеволод. Это нечасто встречающееся сейчас славянское имя означает "властелин".

Всеволоды обладают упорным характером. Талантливы, сильно развито чувство собственного достоинства. По своей натуре они карьеристы. Среди них встречаются врачи, математики, спортсмены, служащие.

Среди коллег по работе всегда на хорошем счету. Общительны, но нанесенную им обиду по долгу не забывают. Не очень доверчивы, настаивают всегда на своем способе решения вопроса. Стараются не прибегать к чужой помощи. Всеволоды имеют очень широкий круг интересов, любознательны. Обладают повышенной чувствительностью, иногда им изменяет чувство юмора. Расчетливы и любят давать советы.

Здоровье среднее, точнее, всецело зависит от самого Всеволода и его образа жизни. Он редко курит и почти не пьет, но если обладает какой-то вредной привычкой, то ни за что от нее не откажется.

В семейной жизни Всеволоды стремятся к лидерству. Поэтому у них часты разводы и повторные браки. Одной из главных, сдерживающих семью причин, являются дети. На них направлены самые сильные родительские чувства.

Более удачен будет брак с Верой, Верониной, Клавдией, Полиной, Элеонорой. Вызывают большие сомнения отношения с Евгенией, Жанной, Аллой, Мариной, Оксаной, Риммой, Светланой.

Вячеслав. Имя происходит от древнерусских слов "вяче", означающее "больше", и "слав" (слава).

Вячеславы — крепкие мальчики, обладают выносливостью и силой воли. Родителям нужно отдать Вячеслава в спортивную секцию. Обладая физической силой, он всегда будет бороться с несправедливостью, защитит слабого.

Вячеслав вспыльчив, склонен к импульсивным поступкам. Может дать волю приступам гнева. Так же быстро остывает и, испы-

тывая чувство вины, становится более покладистым.

Жениться старается на умной девушке. В будущей жене будет ценить красоту, индивидуальность, отсутствие комплексов. В семье надежен, любит заниматься с детьми. Он может приготовить обед, сам смастерить полки. Отношения в семье строит на доверии, но если будет обманут, то откажет в доверии навсегда.

Важное место в жизни занимает работа, ответственно относится к любым поручениям. Однородно преуспевает в любых профессиях. Если у Вячеслава есть автомобиль, то ремонтные работы будет стараться сделать сам. Любит принимать гостей, спиртным не злоупотребляет.

Предрасположен к инфартам, но в остальном очень крепок.

Удачным будет брак с Анной, Еленой, Ириной, Ларисой, Маргаритой, Марией, Юлией. Трудными будут отношения с Беллой, Зинаидой, Оксаной, Татьяной, Юлией. ■

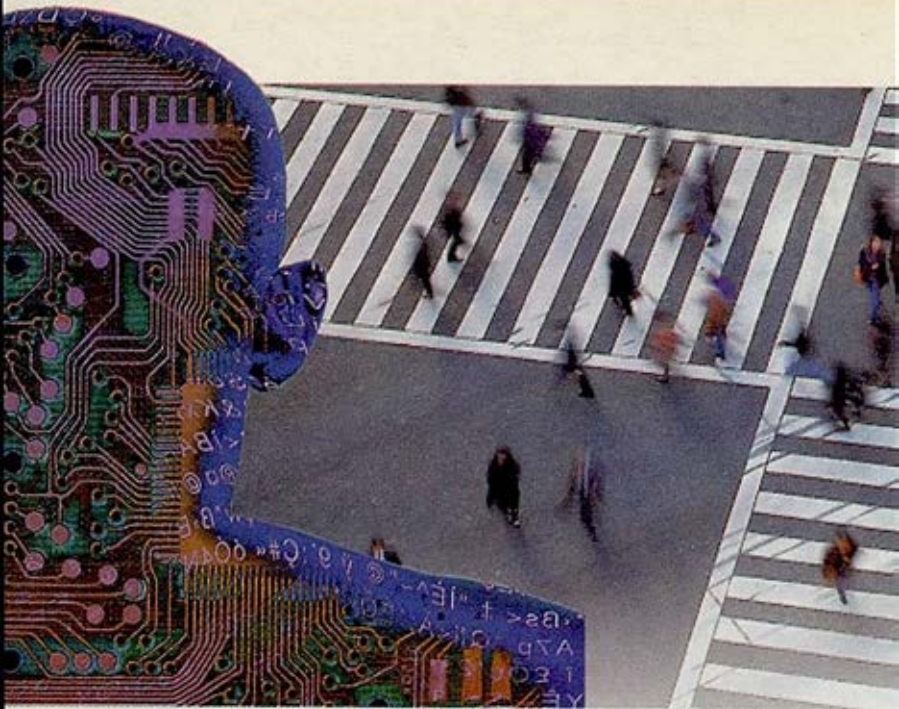
Поговори со мной, ...компьютер

Компьютерные игры — благо или зло? Что люди ищут в виртуальных битвах? Как игровой мир влияет на человека? Об этом — беседа журналиста со специалистом по компьютерным играм и психологом Игорем БУРЛАКОВЫМ.

Новый язык культуры

— Игорь Владимирович, признаюсь, когда в какой-то компании речь заходит о компьютерных играх, я обычно небрежно замечаю, что "это не мой вид спорта". Мол, я выше этого... Однако в последнее время все чаще приходится сталкиваться с тем, что "видом спорта", которым я демонстративно пренебрегаю, увлекаются люди не просто весьма образованные, но, на мой взгляд, духовно развитые. Что озадачивает...

— Представьте себе, что вы живете и работаете в 1915 году. Ваши коллеги-журналисты, знающие ходят в кино? Нет, интеллигентный человек не пойдет

смотреть эти дешевые пошлые мелодрамы, верно? Он почитает книгу, пойдет в концерт, в оперу, но не в кино, да? Сегодня компьютерные игры нажуются вульгарными, как и первые немые черно-белые фильмы, к которым в двадцатые годы относились точно так же, как люди старшего поколения сегодня относятся к компьютерным играм. Один в один.

— *И вы считаете уместным сравнение каких-нибудь "стрелялок" с кинематографом?*

— Компьютерные игры — новый язык культуры. Пройдет еще немного времени, и люди точно так же будут коллекционировать их, как видеонассеты с любимыми фильмами, будут собираться вместе, чтобы познакомиться со свежей игрой и обсудить ее. Новый язык культуры развивается у

нас на глазах и это похоже на взрыв.

— *"Новый язык культуры"? Не слишком ли это для компьютерных игрушек?*

— Попробую пояснить. Основа психики — знак. Наше сознание можно сравнить с реактором, в котором взаимодействуют эти знаки — символы. Символ как бы двояк: с одной стороны — это знак, изображение, а с другой — духовная часть, то, какой смысл мы в него вкладываем. (Звезду можно покрасить и в красный цвет, и в белый, вложив в этот знак разный смысл.) Душевная жизнь — это обмен символами. Опыт душевной жизни других людей мы постигаем через символы — знаки, которые становятся основой какого-либо языка культуры.

Сначала языки культуры были основаны на неподвижных зна-

ках — живопись, текст. Потом стали использовать динамические символы — это не только кинематограф, гораздо раньше появились церковная служба, балет, опера, театр.

(Маленькое отступление для примера. Когда Майе Плисецкой в Испании король должен был вручать национальную премию, к балерине пришел представитель протокольной службы с предложением помочь составить ответный спич. Она ответила, что ее спич будет... реверансом. И Плисецкая сделала реверанс так, что его весь день показывали по телевидению во всех новостях. Как этот знак повторить? Да никак. Такой "спич", такую "фразу" нельзя тиражировать, для этого нужна Плисецкая.)

Кинематограф по-настоящему стал массовым — стал досту-

пен всем только с появлением домашнего видео.

— *Логика мне понятна: сначала люди используют в качестве "букв" языка культуры статические знаки (мазки кистью, алфавит...), потом — подвижные, затем появляется возможность их тиражировать, сделать более доступными, массовыми. Но чем же компьютерные игры пошли дальше кинематографа? Почему игровой мир в компьютере — ни много ни мало — новый язык культуры?*

— Компьютер вобрал в себя все прежние символы: он может стать и страницей книги, и экраном кинотеатра, и музыкальным центром. Но, главное, новый язык культуры может использовать не только подвижные или неподвижные символы, но и интерактивные. Когда ребенок

возьмет в руки новую игрушку, он, как правило, ее укусит. Согласитесь, вам тоже обычно хочется потрогать новую вещь ("попробовать ее на вкус"). Взаимодействие с чем-то — это и есть ИНТЕРАктивность.

— *То есть знак интерактивен, если я могу на него влиять?*

— Он вовлекает вас в деятельность и подстраивается конкретно под вас, под любой тип восприятия. Если вы не щелкнете мышкой, либо не нажмете на клавишу, вы многие вещи просто не увидите, потому что их существование в статике на экране невозможно.

...*В самом деле, я могу скупать в кино или сопереживать героям, глядя на экран, могу возмущаться их поведением или представлять себя на их месте, но я не могу повлиять на их поступки, заставить их вести себя так, как хотелось бы этого мне. Я не могу узнать, что я почувствовала бы, если бы оказалась на месте... "крестного отца" или любого другого героя кинофильма. Я не могу помочь или помешать сделать что-то героям моих любимых книг (хотя иногда очень хочется!). Получается, эти "стрелялки", и в самом деле, своего рода новые "тексты"? Но, Боже мой, как же они носноязычны!..*

— Между наскальными рисунками и Джонойдой прошли тысячелетия, между "Прибытием поезда" и "Унесенными ветром" — полвека, — рассуждает Бурланов. — Классических произведений на языке виртуальных миров пока еще нет, но, уверен, что осталось ждать совсем недолго, когда появится поколение, адекватно владеющее этим языком

культуры, когда подрастут новые Толстой, Репин или Чайковский, для которых такой язык естествен с детства...

А язык задает и тип мышления. Когда-то в Европе давали научную степень за перемножение двух современных трехзначных чисел. И в этом нет ничего удивительного. Представьте себе, что у вас нет арабских чисел (1,2,3,4...) и нуля, а есть только римские (X, I, Y, L). Число 698, например, это же целая строка! Перемножить его на другое трехзначное — задача для крепких мозгов. С появлением новых цифровых символов — арабских цифр — сразу же увеличилась скорость математического мышления. Компьютерные игрушки позволяют сделать то же самое — перейти к новым символам. Сейчас растет поколение, которое привыкнет не только воспринимать новый язык, но и самовыражаться, думать на нем. Это, на мой взгляд, должно изменить графическое решение рекламы, архитектуру...

Я на Рождество получил от своей подружки рисунок по Интернету — домик, около него вырастает елка из снега. Щелкнешь мышкой — из трубы дымок начинает идти. Это уже интерактивное высказывание, это уже новый язык.

"Если бы Наполеоном был я"

— *Игорь Владимирович, на ваш взгляд, увлечение компьютерными играми как-то отражается на поведении людей, образе мыслей?*

— Могу вполне определенно сказать о детях. В составе груп-

пы психологов я участвовал в тренинге учителей одной из московских школ. И, конечно, спрашивал их об отношении к компьютерным играм. Так вот школьные психологи, преподаватели — от юных выпускниц училищ и до доктора наук — говорили приблизительно одно и то же. Дословно: "Мы в классах четко выделяем детей, у которых дома есть компьютеры и они играют на них". Эти дети менее конфликтны, они отличаются умением более гармонично достигать своих целей, они лучше успевают, у них богаче словарный запас, более широкий кругозор.

— Мне казалось, что любители "стрелялок", напротив, должны отличаться жестокостью.

— Им легче решать какие-то свои проблемы, потому что у более образованного человека больше способов выбирать, НАН добиться своей цели.

— Вы хотите сказать, что детишек, играющих дома в компьютерные игры, можно причислить к более образованным людям?

— Конечно! Что такое стратегические игры? Это, если хотите, шахматы, в которых гораздо больше фигур и более сложные правила. В них заложена достаточно мощная мировоззренческая концепция. Есть такая легендарная личность — Сид Майер, создатель игры "Цивилизация". Говорят, он участвовал в разработке серьезной компьютерной программы, прогнозирующей последствия глобальных геополитических решений. Закладываешь в нее информацию о текущих событиях и узнаешь, что произойдет в мире, если сегодня начать бомбить Югославию, на-

пример. Программу обслуживала огромная команда профессионалов высшего класса, аналитики выискивали разнообразную информацию и упаковывали ее в компьютерный код. Осколки того гигантского проента и появились в виде игры "Цивилизация", где можно "с нуля" построить государство. То есть эта игра — простенькая компьютерная реализация чудовищно сложных научных изысканий, что, согласитесь, завораживает. "Цивилизация" — это и есть новый язык. Как иначе объяснить ребенку, что такое государство и государственная политика? В "Цивилизации" я могу поиграть, например, в Бородинскую битву — и за Наполеона, и за Кутузова. Я могу посмотреть, что будет, если расставлю войска иначе, чем Кутузов. Когда ребенок лучше усваивает урок: в классе у доски или когда за партией дремлет? Так вот в компьютерной стратегической игре он всегда "у доски", потому что она интерактивна — его постоянно тормозат, ему надо реагировать, щелкая мышкой.

— Передо мной статья из серьезного издания о том, что ребенок за компьютером "деградирует", потому что "к несчастью, существуют компьютерные игры". Они, цитирую, "вызывают у детей аутичность". Так что компьютер — "самый настоящий враг, а не друг ребенка", делает вывод автор. И такое мнение весьма распространено.

— Аутичность — это погруженность человека в самого себя, категорическое нежелание ни с кем общаться. Но, играя, он общается с умными, грамотными людьми, которые сделали игру.

Это иллюзия, что с той стороны экрана никого нет. С той стороны — много талантливых, хорошо образованных людей. Если я просто сижу и смотрю в стену — это аутичность, если же я играю, то я веду очень быстрый разговор.

Известный философ Михаил Бахтин говорил, что наше сознание — это диалог, и все произведения искусства — тоже диалог. Чем он живее, тем нам интереснее, потому что так устроено наше сознание. (Не случайно мы по телевизору предпочитаем смотреть интервью, а не монологи.) Компьютерная игра заставляет меня постоянно высказываться, бросать реплики, двигая мышку. Это очень большой плюс, если говорить по Бахтину. То есть игра — интенсивный темпераментный разговор (тем более если это сетевая игра, где можно общаться с человеком с другой стороны планеты).

— *Еще один аргумент из прессы против игр, о которых мы говорим: ребенок мог бы развивать себя, гоня во дворе мяч, но там смеются над его неуклюжестью, поэтому ему легче воткнуться в игру, которая только отупляет и все.*

— Если людям тяжело воспринять новый язык, то можно начать бороться с ним, ничего нового в этом нет. Я думаю, в истории других языков культуры можно найти нечто подобное. В конце концов, и книги сжигали. А что касается насмешек, то в Интернет-сети посмеяться тоже могут, и достаточно жестко. Во дворе я хотя бы подраться могу, а попробуй найди обидчика в Сети.

— *Есть мнение, что компьютерные игры становятся чем-то вроде наркомании, алкоголизма.*

— Алкоголь — это химинат, замещающий естественные вещества, которые есть в человеческом мозге. Наркоман замещает свои собственные эндорфины синтетическими. То есть у нас все есть в определенных количествах и выделяется в организм в нужный момент (каждый может вспомнить моменты счастья, когда — "Остановись, мгновение!.."). Сверхто, что человек использует химинаты, обрезая себе возможность самостоятельно достичь такого душевного состояния, когда хочется "остановить мгновение". Но все это никакого отношения к новому языку культуры не имеет.

— *Игрок, как и наркоман, выключается из социальной жизни...*

— Среди десятков миллионов игроков наверняка найдутся и маньяки. Наверняка немало людей совершили преступления, насмотревшись телевизора. Если у человека проблемы с психикой, то при чем здесь компьютер? Вряд ли кто-то будет спорить, что и от большого спорта осталось много жертв. Но кто в этом виноват, вот в чем вопрос. Я думаю, что в основе многих возражений против компьютеров лежит ревность. Та же самая ревность, которая заставляла людей когда-то говорить о вреде книг, кинематографа. Что тут поделаешь, можно понять родителей, если их ребенок стал меньше времени проводить с ними, потому что ему интереснее играть в "Нвейк", потому что люди по ту сторону экрана показались ему на какое-то

время интереснее, чем папа с мамой.

— Но им слабо тягаться с создателями игр, я думаю...

— У благополучных людей нет таких проблем. Если у кого-то недостаточно теплые отношения с детьми, то появятся или компьютерные игры в ненормальном количестве, или, не дай Бог, наркотики. Лет пятнадцать назад, не умея как-то иначе решить свои проблемы, подросток мог оторвать длинные волосы или покраситься в оранжевый цвет... Сегодня можно отвернуться от родителей, которые тебя не понимают, уткнувшись в монитор.

— И все-таки игры вы упоминаете через запятую с наркотиками?

— В данном контексте — что заменит родительскую любовь? — да, конечно.

Судя по опыту моей приятельницы, компьютерными играми восполняют отсутствие не только родительской любви... Ее супруг на полтора года "подсел на компьютер". Она кляла это чудо электроники на чем свет стоит, рассказывая всем знакомым, что муж ее — преуспевающий бизнесмен и еще недавно вполне благополучный человек — заболел "компьютерной наркоманией". Излечился он от "наркомании" оригинальным способом — завел любовницу.

Теперь моя приятельница — завсегдатай рынка электроники. Ищет там самые свежие компьютерные игры — может, муж снова заинтересуется?

Убить Минотавра

— Сначала все привыкли к психотерапевтам, потом смири-

лись с существованием политехнологов (неизбежное зло — куда от этого денешься?). Однако не все подозревают, что, играя в компьютерные игры, они сталкиваются с работой психологов куда чаще, чем участвуя в выборах или пытаясь решить личные проблемы на консультациях, — *размышляет Игорь Бурланов*. — В играх использован практически весь арсенал существующих психологических методов. Все, что наработано психологией, здесь пущено в ход.

— В книге "Ното гатер" ("Человек-игрок") вы пишете о том, что мир игры создан из архетипов. Вы не могли бы расшифровать этот тезис для наших читателей?

— По Юнгу (это знаменитый психолог и философ прошлого века) архетип — биологический механизм поведения в определенной ситуации, который передается по наследству. Архетип — это регулятор поведения, который появился раньше нашего сознания и, видимо, был выгоден в дикой среде. Как только мы видим какую-то типичную жизненную ситуацию — она сразу же запускает архетип в подсознании, который управляет нашим поведением вопреки нашей воле и разуму. В культуре и истории западной цивилизации особенно мощно и часто проявляется архетип агрессивного лабиринта.

Вспомните миф и Тезея и Минотавра. Сын жены царя Миноса и быка — Минотавр — жил в подземном лабиринте, из которого не мог найти выход. Несмотря на отсутствие механических препятствий, никто из людей, попавших

в лабиринт, не мог выйти: чело-
вена заперли там свойства его
собственной психики. Другие два
компонента этого архетипа — чу-
довище Минотавр и герой Тезей,
который добровольно входит в
лабиринт, чтобы убить людоеда.
Этой истории почти тридцать ве-
ков. Почему нам до сих пор инте-
ресно читать про Минотавра, про
нить Ариадны, про Тезея?

— Потому что все это есть
внутри нас?..

— Да. Архетип — программа
поведения, которую мы наследу-
ем при рождении, очевидно, она
записана в генах. Я попадаю в
лабиринт и мне хочется почувст-
вовать там себя Тезеем. В сред-
ние века люди начали даже мате-
риализовывать этот архетип — в
камне, затем — в ландшафтном
дизайне. Перечислю бегло: гигантский лабиринт из черного и
белого камня, выложенный в Со-
боре Богоматери во француз-
ском Амьене, древний лабиринт
из дерна у собора Святой Кате-
рины в английском Винчестере, по-
пулярные в XIX веке публичные
лабиринты типа того, что описан
Джеромом Джеромом в книге "Трое
в лодке, не считая собаки"...
Этот архетип оказал влияние на
нашу литературу конца прошлого
века, особенно на писателей-
фантастов Аркадия и Бориса
Стругацких, Сергея Павлова. По-
наблюдайте за нашей речью: "я
зашел в тупик", "тупиновая ситу-
ация", "жизненный путь", "лож-
ный путь", "неожиданный пово-
рот", "я прижал его к стенке" —
мы как бы подразумеваем, что
жизнь — это очень большой ла-
биринт. Многие жизненные ситу-
ации мы склонны раскладывать
на препятствия, врагов (которые

поджидают нас, как Минотавр),
ловушки...

Когда внутри нас "включает-
ся" архетип, мы это ощущаем как
вторжение в свою жизнь некой
силы, которая притягивает своей
мощью и одновременно отталки-
вает невозможностью понять ее
природу.

— И компьютерная игра по-
строена таким образом, чтобы
"включить" в нашем подсознании
какой-либо архетип, например —
агрессивного лабиринта — вклю-
чить определенный механизм по-
ведения? После этого архетип у-
правляет нами — и мы не в состо-
янии оторваться от игры.

— В Дум-образных играх ши-
роко применяются архетип чудо-
вища и архетип смерти. Кстати,
именно архетип смерти заставил
людей в древнем Риме построить
Колизей, несмотря на потенци-
альную для государства опас-
ность рабов-гладиаторов, кото-
рые в случае восстания могли бы
стать ядром армии повстанцев.
Наверное, не найти современно-
го писателя, который не обра-
щался бы к этому архетипу.

Как утверждает знаменитый
итальянский психолог Антонио
Менегетти, некоторые античные
греческие трагедии обрели свою
известность не столько благода-
ря мастерству их авторов и лите-
ратурным достоинствам, сколько
из-за того, что в них поставлены
проблемы, волнующие человече-
ство. Видимо, это рассуждение
напрямую можно отнести и к
компьютерным играм. Возмо-
жно, они обрели сумасшедшую по-
пулярность именно потому, что
на своем языке говорят о тех
проблемах, которые волнуют
нас, они, как и античные траге-

дии, обращаются к тому глубинному, что есть в каждом из нас. Обращаются не столько в силу интуиции и таланта их авторов, сколько в силу того, что опираются на науку — психологию, на сюжеты и мотивы тех самых античных трагедий, переживших века, да что там века — тысячелетия.

Педагог, которого играет Вячеслав Тихонов в незабываемом "Доживем до понедельника", замечает, что русским языком можно написать "На холмах Гру-

зии лежит ночная мгла...", а можно — донос на соседа. Наверное, и на новом языке культуры тоже можно "написать" что-то, по силе чувств напоминающее "Я вас любил...", а можно — нечто, аналогичное матерным словам на заборе. Но виноват ли в этом русский язык и надо ли на этом основании полагать, что компьютерные игры несут зло человеку?.. ■

Беседу вела

Галина КАЛИНИНА.

От редакции. Компьютерные игры — благо или зло? Сегодня этот вопрос звучит почти риторически, поскольку широко распространено мнение, что компьютерные игры несут скорее зло, чем добро. Учителя, психологи, журналисты в многочисленных публикациях советуют, как оградить ребенка от негативного воздействия этих игр. Спорят о судьбе поколения, "рожденного нажимать клавиши". Один из общественных фондов, созданный для "содействия интеллектуальному развитию", проводит даже "круглые столы", организуя кампанию по отвлечению детей от виртуального мира. На этом фоне мнение Игоря Бурлакова вызывает, по меньшей мере, интерес и, возможно, желание поспорить. Если у вас, дорогие читатели, есть свой опыт общения с компьютерными играми, напишите нам, совпадает ли ваше мнение о них с рассуждениями психолога. Самые интересные письма будут опубликованы на страницах "Смены".

ЛЮБОВЬ РУСЕВА

Душа флота

Священна севастопольская земля, каждая пядь которой пропитана кровью русского моряка и солдата. Дважды Севастополь приковывал к себе внимание всего мира: в Крымскую войну и в Великую Отечественную...

Священна севастопольская земля — именно здесь, в древнем городе Тавриды Корсуне (Херсонесе), в 988 году принял крещение киевский князь Владимир Красно Солнышко. Долго в Корсуне стояла базилика “Пагода”, где находилась купель князя Владимира. Но есть в Севастополе и другая святыня — Собор Равноапостольного Святого князя Владимира. Символично, что именно в этом Соборе усыпальница четырех великих сынов России, четырех прославленных адмиралов: Михаила Петровича Лазарева, Владимира Алексеевича Корнилова, Владимира Ивановича Истомина и Павла Степановича Нахимова.

“... Три праха в склепе Владимирского собора, — писал Нахимов после похорон Истомина его старшему брату Константину, — будут служить святынею для всех настоящих и будущих моряков Черноморского флота...”. Вскоре к ним присоединился четвертый — самого Павла Степановича.

О трех героях-адмиралах Черноморского флота “Смена” уже писала. Настал черед вспомнить о четвертом — Владимире Ивановиче Истомине.

Утро 7 марта 1855 года, несмотря на яростную бомбардировку противника, было ярким и теплым. Осмотрев позиции Камчатского редута, которому, как всегда, больше всего досталось накануне, начальник 4-й линии обороны контр-адмирал Истомин в сопровождении саперного капитана Чистякова и капитан-лейтенанта Сенявина возвращался на Корниловский бастион.

— Владимир Иванович, переждать бы артобстрел в траншее. Не ровен час...

— Э, батенька, — отмахнулся Истомин, — все равно от ядра нигде не спрячешься!

Французское ядро поспешило подтвердить правоту любимца севастопольцев — оно снесло ему голову. Кости его черепа ранили Чистякова в лицо и сильно контузили в руку Сенявина. Оба были облиты кровью и мозгами контр-адмирала...

“Особенно памятен для нас останется печальный день 7 марта, в который мы лишились одного из знатнейших защитников Севастополя, контр-адмирала Истомина; полгода этот доблестный воин, как часовой бессменный, стоял на Малаховом кургане, — то был моряк, вскормленный в духе русском! Самоотвержение его было безграничное... Бесстрашие его возбудило общий восторг и соревнование подчиненных: в душе любя солдат, он делил с ними все, что мог; бывало, грена-

деры Бутырского полка (которые долее прочих имели честь служить под его командою) говорили: "Наш адмирал как будто о семи головах, в самый кипяток так и лезет". И подлинно, он был душою всех нас, и словом, и делом умел передавать геройский дух свой всем, его окружающим..."

Этот отрывок из письма очевидца наиболее ярко характеризует одного из героев легендарного Севастополя. Две страсти слились воедино в душе этого рыцаря без страха и упрека — любовь к России и к Черноморскому флоту.

Отвага, доброта, самоотверженность, готовность отдать свою жизнь, спасая ближнего, — все эти качества личности свойственны роду Истоминых. Их было пять братьев, и все посвятили себя российскому флоту, трое из них дослужились до адмиральского чина, а двое совсем молодыми погибли в морских волнах. 18-летний гардемарин Александр Иванович (1814-1832) утонул во время шторма на Кронштадтском рейде. Андрей Иванович (1807-1842), отличившийся во время знаменитого Наваринского сражения и получивший за храбрость орден Св. Анны 3-й степени, был старшим офицером на корабле "Ингерманланд", когда тот потерпел крушение в Балтийском море. Во время катастрофы погибло 360 человек. Андрей Иванович ценою своей жизни спас доктора и священника: те обходили полузатопленную палубу, когда волной сорвало баркас. Истомин успел их оттолкнуть, а сам был раздавлен.

Младший из братьев, Павел Иванович (1817-1881) дослужился до вице-адмирала. Волею судьбы он командовал кораблями, связанными с героическими событиями, в которых отличались его старшие братья: "Память Азова", "Наварин" и "Синоп". Павел Иванович был настоящим моряком. В 1854-55 годах он командовал Рижской прибрежной флотилией. Когда два английских паровых корабля приблизились к берегу и стали обстреливать город, Павел Иванович атаковал их на гребных канонирских лодках. Такого еще не бывало. Мощные паровые корабли не выдержали натиска лодок и через два часа боя убралась восвояси. За храбрость командующего флотилией наградили золотой саблей. В 1858 году, находясь в Средиземном море, корабль, которым командовал Павел Иванович, во время шторма у берегов Палермо спас неаполитанские и другие корабли. За беспримерное мужество Истомин был награжден Неаполитанским военным орденом Святого Георгия и нидерландским орденом Вильгельма.

Старший брат, Константин Иванович (1805-1876), стал полным адмиралом и кавалером многих российских и иностранных орденов. Он состоял в звите Его Императорского Величества, был членом Адмиралтейского Совета и Председателем главного военно-морского суда.

Во время Наваринского сражения Константин Иванович находился на корабле "Азов" и был награжден орденом Св.

Анны 4-й степени. На старшего Истомина обратил внимание Михаил Петрович Лазарев, и он становится адъютантом главного командира Черноморского флота.

В 1860 году Константина Ивановича “сослали” в Архангельск, где он исполнял должности военного губернатора города и главкома Архангельского порта. Опала связана с любопытным инцидентом: как-то встретившись во дворце с морским министром, Истомин обвинил его в нечестном поступке. Состоявшееся объяснение вывело прямого и честного Константина Ивановича из себя, он схватил министра за горло и ударил его головой о стену. В наказание адмирала отправили в Архангельск, где он участвовал в укреплении обороны Соловков.

Владимир Иванович (так же как и все его братья) являлся воспитанником Морского кадетского корпуса. Гардемарином он попал на корабль “Азов”, отправившийся в Средиземное море на помощь восставшим грекам. Уже в первом бою — знаменитом Наваринском сражении — юный моряк проявил чудеса храбрости и обратил на себя внимание командования. Вице-адмирал граф Гейден собственноручно нацепил на гардемарина знак отличия военного ордена св. Георгия. За отличие в этом сражении Истомин, кроме того, получил первый офицерский чин.

Выдающийся воспитатель морских офицеров Михаил Петрович Лазарев, создавший особую касту — черноморских моряков, приблизил к себе Владимира Ивановича и не обманулся в своих ожиданиях. Его любимец стал одним из лучших командиров Черноморского флота. Корабли под командованием Истомина становились образцовыми. Среди них и 120-пушечный “Париж”, на котором он прославил не только себя, но и Россию.

Истомин страстно любил морское дело, но вскоре вынужден был оставить корабль, чтобы сопровождать умирающего Лазарева в Вену. Смерть главного командира Черноморского флота стала сенсацией. На берегах туманного Альбиона не скрывали бурной радости. Неделю Лондон пил шампанское, звучали тосты за благоденствие “непобедимого” английского флота. Моряки поздравляли друг друга со счастливым событием для них. Но они глубоко заблуждались: со смертью адмирала Лазарева Черноморский флот не зачах, он перешел в руки его замечательных учеников. И вскоре весь мир убедился в этом.

Синоп

Наступил день, который, во многом благодаря Истому, вписан золотыми буквами в историю не только российского флота, но и нашего Отечества; день, за который Истомин был произведен в контр-адмиралы...

18 ноября 1853 года в 9.30 на флагманском корабле был поднят сигнал: "Приготовиться к бою и идти на Синопский рейд". Отслужив молебен, эскадра на всех парусах понеслась на неприятеля. Под прикрытием мощных шести береговых батарей лунообразно расположились корабли противника. Нахимов на ходу перестроил корабли в две колонны.левой командовал контр-адмирал Новосильский, находившийся на "Париже" (командир Истомина); правой — сам Нахимов, его флаг развевался на 84-х пушечном корабле "Императрица Мария" (командир Барановский).

В напряженном ожидании у орудий застыла прислуга. Взоры моряков прикованы к флагманскому кораблю, они ждут сигнала "Начать бой!" И вот сигнал "Полдень!" поднят... Полчаса в грозном молчании русская эскадра стремительно неслась на противника. Наконец, нервы у него не выдержали — на турецком адмиральском корабле сверкнула молния пушечного выстрела. Задрожала, застонала Синопская бухта: огонь вели все вражеские корабли и береговые батареи. Закипел отчаянный бой. "Императрицу Марию" засыпали ядрами и книпелями, но она шла вперед, обстреливая корабли противника, и бросила якорь напротив адмиральского фрегата "Ауни-Аллах". Через полчаса турецкий флагман, отклепав цепь, бросился на берег. "Императрица Мария" обрушивает весь огонь на фрегат "Фазли-Аллах", который вскоре тоже выбросился на берег. На протяжении всего боя Нахимов зорко следит за всеми своими кораблями и не скрывает восхищения действиями командира "Парижа". "Владимир Иванович Истомин, — писал адмирал, — проявил примерную неустрашимость и твердость духа, благоразумие, искусные и быстрые распоряжения во время боя". "Париж", сцепившись с тремя кораблями неприятеля, один за другим уничтожает их. После этого Истомин принялся за 5-ю береговую батарею, которую вскоре заставил замолчать. Нахимов отдает приказ поблагодарить "Париж" сигналом, но сделать это оказалось невозможно — неприятельские снаряды перебили все фалы.

На помощь Нахимову спешит эскадра адмирала Корнилова, но не успевает. "Мы двигаемся к рейду, — вспоминал Виктор Иванович Барятинский, — и можно уже различить город за перешейком, как вдруг мы видим полосу белого дыма вдоль всей длины Синопской бухты. Сильное возбуждение: мы догадываемся, что Нахимов уже вступил в бой с неприятелем, сожалеем, что нас еще там нет, и напрягаем ход машины. Вскоре уже видны разрывающиеся в воздухе снаряды над городом, другие снаряды падают в море в нашу сторону. Вслед за тем слышен сильный взрыв за горой. Страшное недоумение: мы понимаем, что это корабль взлетел на воздух, но какой? Наш ли, или неприятельский, за горой не видно. Наконец мыс обогнут, и мы видим рейд и все наши суда в линии,

извергающие адский огонь на турецкие суда и батареи, которые отвечают так же яростно...”

Упомянутый “сильный взрыв” произвел фрегат “Фазли-Аллах”. История этого корабля, некогда носившего название “Рафаил”, трагична. Он был построен в России в 1828 году, вошел в состав Черноморского флота и участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 годов. 11 мая 1829 года фрегат встретился в открытом море с турецкой эскадрой — 6 кораблей, 2 фрегата, 5 корветов и 2 брига. Из-за малого ветра “Рафаил” не смог оторваться от врага, и был окружен. Офицеры единодушно решают драться до последней капли крови... Но командир корабля капитан 2-го ранга С.М.Стройников приказал спустить флаг. Это был первый и единственный в истории российского флота случай, когда русский корабль без боя сдался врагу. Турки назвали его “Фазли-Аллах”, что на турецком языке означает “Богом данный”.

После заключения Адрианопольского мира экипаж фрегата вернулся в Россию. Суд приговорил капитана и всех офицеров “Рафаила”, кроме мичмана Вердемана (который во время сдачи фрегата находился в крют-камере), разжаловать в матросы без выслуги. На приговоре император Николай I написал: “Если когда-нибудь “Рафаил” снова попадет в наши руки, предать его огню, как недостойного носить русский флаг”. Бывшему же командиру фрегата император запретил жениться, “дабы не иметь в России потомство труса и изменника”.

Таким образом, 18 ноября 1853 года был приведен в исполнение приговор русского царя, вынесенный 25 лет назад. “Очень приятно думать, — выразил общее мнение Барятинский, — что туркам, которые его старательно оберегали, не придется больше его показывать в Константинополе в виде русского трофея”.

Объятый пламенем “Фазли-Аллах” не только сгорел, но и уничтожил саму цитадель — Синоп. Когда огонь достиг крют-камеры, фрегат взорвался и покрыл горящими обломками турецкую часть города. Сильный ветер раздул пламя и вскоре весь город был охвачен пламенем. “Большая часть города горела, — писал Барятинский, — древние зубчатые стены с башнями эпохи средних веков выделяются резко на фоне моря пламени. Большинство турецких фрегатов еще горело, и когда пламя доходило до заряженных орудий, происходили сами собой выстрелы, и ядра перелетали над нами, что было очень неприятно. Мы видели, как фрегаты один за другим взлетали на воздух... Весь рейд и наши корабли до того ярко были освещены пожаром, что наши матросы работали над починками судов, не нуждаясь в фонарях. В то же время весь небосклон на востоке от Синопа казался совсем черным”.

Узнав о победе, Николай I писал князю Меншикову: “Победа при Синопе являет вновь, что Черноморский флот Наш

достойно выполняет свое назначение. С искреннею, сердечною радостью поручаю вам сказать храбрым морякам Нашим, что я благодарю их за подвиги, совершенные для славы и для чести русского флота. Я с удовольствием вижу, что Чесма не забывается в русском флоте и что правнуки достойны своих предков”.

Международный резонанс победы русского флота был огромным. Европейские газеты надрывались в “плаче” по несчастным туркам, которых беспощадно уничтожила русская армада, пользуясь численным превосходством. Если вспомнить, что при Чесме, например, 18 русских кораблей уничтожили 100 турецких, то можно согласиться с “численным превосходством” эскадры Нахимова, поскольку у врага кораблей было всего в два раза больше.

Бессменный часовой Малахова кургана

Севастопольская оборона была разбита на четыре дистанции. Владимиру Ивановичу Истомину поручена была самая важная и самая неукрепленная четвертая дистанция — Малахов курган. Именно здесь наиболее полно раскрылись все его лучшие качества офицера и человека. Контр-адмирал переселился из своего городского дома на дистанцию. “Мне пришлось быть и артиллеристом, и инженером, и начальником войск, — писал брату Истомин, — к тому же живу на открытом воздухе”. Он руководил возведением многочисленных оборонительных сооружений.

Во время первых дней октябрьской бомбардировки Истомин постоянно выбирал для себя самые опасные места Малахова кургана, и долго полковник Ползиков не мог уговорить его сделать траверз для собственной его защиты. За невиданную отвагу, проявленную 5 октября, Истомин был награжден Георгиевским крестом.

Презрение к смерти развилось в Истомине до фанатизма: он непременно становился с трубой в руках на самые обстреливаемые места, вызывая во всех смешанное чувство опасения и восхищения. Подобное поведение магически влияло на подчиненных, которые не желали отставать от своего любимого начальника. “Много видал я людей храбрых в разных кампаниях, но такая фантастическая храбрость, как в Истомине, есть явление редкое и достойное подражания для всякого верного слуги Царя и Отечества”, — писал один из подчиненных Истомина.

Владимир Иванович, так же как и Нахимов, и Корнилов, в дни обороны города непременно помнил своего наставника Лазарева, считая, что всем они обязаны именно Михаилу Петровичу. Он так же, как и остальные ученики создателя Черноморского флота, считал своим долгом отчитываться за свои действия перед вдовой Лазарева. “Прошу тебя, любезный

брат, когда будешь в Петербурге, непременно побывать у Екатерины Тимофеевны и передать ей чувства моей искренней, душевной преданности. Скажи ей, что не проходит дня особенно трудного, в который я бы не вспомнил об ней и ее семействе, и что я слепо верую, что если мои дела до сих пор идут хорошо, то этим я обязан ей обо мне молитвам, потому что сам еще не заслужил перед Господом Его милости. Я бы сам написал им, но решительно не в состоянии этого сделать, потому что, как сказано, живу как собака, но как собака русская, — верная своему царю-хозяину до конца...”.

8 марта 1855 года в Петербург было отправлено донесение коллежского советника Мансурова о кончине адмирала. “К несчастью, я должен начать донесение печальным происшествием, вероятно, известным уже в С.-Петербурге, — достопамятной кончиной контр-адмирала Истомина... Можно бы удивляться силе впечатления, произведенного смертью В.И. Истомина, если бы не было известно, до какой степени все уважали его личные качества и военные достоинства; на него возлагали большие надежды, и все считали бастион Корнилова, или Малахов курган, неприступным, потому что с Истоминим шаг назад был невозможен. Сегодня отпевали покойного адмирала в Михайловской церкви, возле адмиралтейства. Совершенно обезглавленное тело умершего героя лежало в гробе посреди церкви, покрытое кормовым флагом с корабля “Париж”, который он столь славно водил против врагов Отечества в Синопском сражении...”.

После грустной службы в церкви печальная церемония с хоругвями и крестами потянулась вверх к бульвару мимо библиотеки, к тому месту, где покоятся Лазарев и Корнилов. Истомина положили возле них в склепе, и пушечными и ружейными залпами возвестили неприятелю о переселении в вечность еще одного праведного перед Всевышним заступника за русское оружие и защищаемое им святое дело... Мир праху твоему, герой Истомин! Ты был украшением нашего флота, имя твое с благоговением будут произносить потомки, и история Севастополя поставит тебя в число именитых защитников его...”.

Последний путь Владимира Ивановича сопровождался не только скорбным салютом, но и яростной бомбежкой противника. Вражеская артиллерия, изливая бессильную ярость, словно пыталась ядрами и снарядами развеять сам дух несгибаемого отважного часового Малахова кургана. Союзников не смущало даже присутствие церковных хоругвей, и они поливали многотысячную похоронную процессию смертоносным огнем.

Минута высокой скорби

Этим очерком завершаем рассказ о четырех прославленных адмиралах, покоящихся в Соборе Святого Владимира в

Севастополе. Каждый ученик Лазарева мечтал о последнем пристанище рядом с наставником и учителем. Но, как оказалось, эти священные для нас останки вечный покой обрели не сразу...

1927 год. 7 июля в Севастопольский горсовет поступило письмо. "Административный отдел Севастопольского районного исполнительного комитета просит назначить комиссию представителями административного отдела и военно-исторического музея на предмет осмотра и изъятия замурованных гробов в полу Владимирского собора. Местная советская власть устраняет или обязует соответствующих лиц устранить из храмов и других молитвенных домов, составляющих народное достояние, все предметы, оскорбляющие революционное чувство трудящихся масс, как то: мраморные или иные доски и надписи на стенах и богослужебных предметах, произведенных в целях увековечивания памяти каких бы то ни было лиц, принадлежащих членам низвергнутой народом династии и ее приспешников".

Тогда оскорбленное революционное чувство административного отдела не было сразу же удовлетворено. На свое требование они получили в ответ следующее сообщение: "Еще не подошло подходящее время для проведения этой операции".

1931 год... Вот когда настало "подходящее время для проведения этой операции". Владимирский собор был передан ОСОАВИАХИМу и в нем разместились авиамоторные мастерские. Усыпальницу вскрыли, гробы взломали, а останки большей частью уничтожили. Склеп завалили мусором, а вход в него замуровали.

1974 год... Собор передают Музею героической обороны и освобождения Севастополя. В город русских моряков приезжают специалисты из Института реставрации Ленинграда. Склеп вскрывают, очищают, собирают сохранившиеся немногочисленные останки адмиралов и их увозят в город на Неве, где они и затерялись.

1991 год... Останки адмиралов найдены в кладовке коммунальной квартиры в коробке из-под фруктов. Благодаря журналистам эти факты стали достоянием общественности.

1992 год...

*"Главкомандующему ВМФ адмиралу В.Н.Чернавину
Уважаемый Владимир Николаевич!*

К Вам обращаются потомки адмирала русского флота Константина Ивановича Истомина — старшего брата героя обороны Севастополя контр-адмирала Владимира Ивановича Истомина. С детства в нас воспитывалось почитание его памяти. Мы гордились, встречая его имя среди имен прославленных сынов Отечества.

Статья Б.Коржавина "Кошунство" ("Известия" № 246 от 15.10.91 г.) нас потрясла и не столько тем, что произо-

шло в 1927 году (тогда разрушалось все, что составляло честь и гордость России), а тем, действительно, кощунством, которое произошло в наши дни... Если даже в "главном" нашем военно-морском училище — ВВМУ им. Фрунзе — наследники Морского Корпуса, где учились Корнилов, Нахимов, пятеро братьев Истоминых, — статья Б.Коржавина прошла незамеченной, значит надеяться на то, что кто-то, кроме нас, вступится за судьбу праха адмиралов, нечего.

Нам не известно, дожили ли до наших дней потомки Корнилова, представители рода Нахимова, но мы считаем своим моральным и нравственным долгом обратиться к Вам с просьбой употребить Вашу власть и влияние для того, чтобы прах людей (вот уже 150 лет составляющих Славу флота России) был достойно предан земле.

За честь России адмиралы отдали жизни — самая большая жертва, которую может принести человек, как тогда говорили, на алтарь Отечества. На их примере воспитывались многие поколения россиян, наше же поколение не смогло сберечь их могилы. Адмиралы были похоронены в Севастополе, городе русской Славы. Невозможно представить себе, что их могилы могут оказаться за рубежами России. Мы верим, что местнические амбиции, непомерные притязания уступят место исторической справедливости, и мимо могилы адмиралов снова пройдут корабли родного для них Черноморского флота под Андреевским флагом. Это был их флаг... По поручению группы потомков адмирала К.И.Истомина с искренним уважением правнук адмирала Олег Игоревич Филимонов. 22.01.92"

29 февраля... День поминовения усопших адмиралов выдался ярким и красивым. Именно в этот день, благодаря усилиям потомков рода Истоминых, Главнокомандующего ВМФ адмирала Владимира Николаевича Чернавина и главнокомандующего Черноморским флотом адмирала Игоря Владимировича Касатонова состоялось перезахоронение священных останков.

Все жители города, весь Черноморский флот провожал в последний путь своих героев. Белокаменный Севастополь превратился в черное колышущееся море: на матросах и офицерах — черного цвета форма, на головах прекрасного пола — черные шляпки с вуалеткой. Траурная процессия началась на Малаховом кургане выносом останков из оборонительной башни Корниловского бастиона. Черноморцы на руках несли четыре гроба, которые впервые после революции были покрыты Андреевскими флагами. Сквозь замерший строй черноморцев процессия движется по улице адмирала Истомина к Аполлоновой бухте, где прах легендарных адмиралов переносится на ют тральщика. Последний раз великие флотоводцы проведут смотр боевым кораблям. Все экипажи

выстроены по большому сбору. Тральщик со священным прахом вышел на внутренний рейд Севастопольской бухты. Флаги приспущены, многократные артиллерийские залпы оглашают бухту — Черноморский флот прощается со славными флагманами.

Флотские офицеры бережно переносят гробы на площадь Нахимова, на БМП останки четырех адмиралов совершают свой последний путь к восстановленному храму — по проспекту Нахимова, мимо набережной Корнилова к Владимирскому собору. Их последний путь совершен под священным Георгиевским кормовым флагом «Азова». Это тот самый флаг, который впервые в истории русского флота был присвоен кораблю за беспримерный подвиг.

У Собора Равноапостольного Великого князя Владимира траурная церемония завершается. Под ружейный салют священные останки опускаются в склеп. Как некогда во время Синопского сражения дух Лазарева витал над Черноморским флотом, так и сейчас души четырех флагманов словно витали над Владимирским собором.

Мир праху вашему, герои-адмиралы, именитые защитники Севастополя! Вы являетесь украшением нашего флота! Имена ваши с благоговением произносят потомки. ■

спра

Три Марии у гроба Господня. 1598.

Владимир СОКОЛОВСКИЙ

Нгер

Тоскан и Сивилла (фрагмент)

На пути в Еммаус. 1598.

Автопортрет. 1580 — 1585.

В одном из залов Музея истории искусств в Вене висит портрет, мимо которого невозможно пройти. Он кажется просто удивительным — и по мастерству исполнения, и необычности и яркости изображенного на нем человека. С первого взгляда ясно, что он занимает очень высокое положение в обществе. Его шляпа украшена великолепным белым пером и роскошными драгоценностями. Из-под воротника, доходящего до самого подбородка, на грудь свисает массивная золотая цепь. Но, несмотря на все эти детали, портрет лишен традиционной для таких изображений парадности, напротив, свидетельствует о доверительном, интимном характере отношений художника и модели. словно из глубины веков из темного фона выступает лицо человека, в натуре которого сочетается одновременно необычная сила воли и интеллигентная мягкость и доброта, глубокий ум и какая-то почти детская восторженность.

Перед нами Рудольф II Габсбург, император Священной Римской империи, написанный своим придворным портретистом Хансом фон Аахеном. Один из самых великих коллекционеров своего времени, чье огромное собрание составило ядро коллекции нынешнего Музея истории искусств. И крупнейший меценат, с именем которого связана целая эпоха в художественной культуре XVI века, получившая название “пражской школы” или “школы Рудольфа II”.

Правление Рудольфа (1575-1612) совпало с тем временем, когда необычайно модным направлением в искусстве считался маньеризм. Живопись изысканная, вычурная, в основном рассчитанная на вкусы придворной аристократии.

Рудольф II охотно собирал произведения маньеристов, а также работы тех мастеров, которые оказали на них сильнейшее воздействие, таких, например, как Дюрер, Арчимбольдо, Брейгель, Корреджо и Пармиджанино. При этом Рудольф II отдавал предпочтение всему диковинному, оригинальному, высоко ценил полет фантазии, выдумку, воображение.

В особом кабинете, получившем название “Камера чудес”, император собрал диковинки со всего света — как природные, так и рукотворные. “Камера чудес”, конечно, оказала огромное влияние на мастеров, работавших при дворе императора, которых он приглашал со всей Европы. И вот в 1580 году в Прагу прибыл нидерландец Бартоломеус Спрангер, которому было суждено возглавить “школу Рудольфа II” и, более того, фактически стать законодателем стиля для всех нидерландских и немецких художников той поры.

Путь Спрангера в Прагу оказался долог и насыщен яркими событиями как личного, так и творческого плана. О его жизни мы узнаем из знаменитой “Книги о художниках” Кареля ван Мандера, в которой содержатся жизнеописания всех значительных нидерландских и немецких мастеров изобразительного искусства XV-XVI веков.

Бартоломеус Спрангер родился в Антверпене в Вербное воскресенье 21 марта 1546 года и был третьим сыном в благочестивой семье Иоахима Спрангера и Анны Роландс. Его отец, занимаясь торговлей, часто приезжал в Рим, хорошо знал работавших там нидерландских художников и сам понимал толк в изобразительном искусстве. Талант Спрангера-младшего проявился рано и довольно бурно. К тому времени, когда ему исполнилось 12 лет, в доме не оставалось ни одного чистого листа бумаги, не заполненного его рисунками. Даже в платежных документах отца, рядом с торговыми записями, нередко появлялись фигурки всевозможных ландскнехтов, барабанщиков и т.п. Дело стало заходить так далеко, что однажды отец семейства, человек обычно весьма сдержанный и рассудительный, не выдержал и задал сыну трепку. После чего, взволнованный случившимся, он немедленно отправился к своему старинному приятелю — Яну Мандейну, живописцу из Хаарлема, одному из последователей Иеронима Босха. После короткого обсуждения они приняли решение, что на следующее же утро юный Спрангер поступит к Мандейну в ученики. Что и было сделано. Однако Спрангеру не пришлось долго находиться в мастерской Мандейна, как, впрочем, и в ателье другого знакомого Спрангера-старшего — Франца Мостарта. А вот у Корнелиса ван Далема, дворянина по происхождению, занимавшегося живописью исключительно для своего удовольствия, Спрангер задержался на четыре года. В доме у ван Далема Спрангеру удалось прочитать немало книг — в основном исторические романы и поэтические сборники — что, несомненно, способствовало расширению его кругозора и общей культуры. Однако сами занятия живописью в мастерской ван Далема не удовлетворяли Спрангера. Здесь ему приходилось писать только пейзажи — с изображением утесов и скал, в то время, как фигуры в них вписывали другие художники. Спрангеру же, напротив, хотелось писать именно фигуры. Поэтому, покинув мастерскую ван Далема, он в марте 1565 года отправился в Париж, надеясь продолжить там свое художественное образование.

Вначале он поступил к придворному портретисту королевы-матери Марку, ученику одного из лучших миниатюристов того времени — Джулио Кловио. Однако все, что приходилось Спрангеру делать в его мастерской, так это копировать карандашные портреты своего учителя.

Марк занимал огромный дом с превосходно побеленными стенами. Постепенно все они оказались зачернены углем и заполнены разнообразными фигурами. По этому поводу хозяин дома высказался так: "Я знаю, что мой дом довольно просторен, однако теперь вижу, что для этого

молодого человека он все-таки слишком мал”, добавив при этом, что Спрангеру лучше бы найти такого мастера, который специализируется именно в написании фигур. На следующий же день Спрангер нашел такого живописца, и, работая у него, через некоторое время написал свою первую композицию с фигурами, изображающую Воскресение Христа и двух стражей у гроба. Пробыв несколько месяцев в Париже, Спрангер отправился в Лион, но и там долго не задержался, предприняв путешествие по Италии. Побывал в Милане, в Парме, где даже поработал у Бернардино Гатти, ученика Антонио Корреджо. И, наконец, в 1566 году Спрангер прибыл в Рим. Римский период оказался весьма плодотворным для художника. Он начался для Спрангера со знакомства с влиятельным Джулио Кловио, состоящим на службе у кардинала Фарнезе. Кловио, увидев его небольшую картину “Ночной шабаш” (с изображением ведьм, летящих на метлах на фоне античных руин, напоминающих Колизей), пришел в такой восторг, что немедленно ее купил. Эта же композиция произвела большое впечатление и на знаменитого мецената — кардинала Фарнезе. И он предложил художнику пожить в своем дворце Сан-Лоренцо. А в один прекрасный день Спрангера представили папе Пию V, который принял его к себе на службу. Спрангеру отвели роскошные апартаменты в папском дворце Бельведер, что находились прямо над тем местом, где стояла знаменитая греческая скульптурная группа “Лаокоон”. По заказу папы Спрангер написал композицию “Страшный суд”, изобилующую подробностями, на ней было изображено около 500 лиц. Он также написал на медной доске величиной в бумажный лист картину “Христос в Гефсиманском саду ночью”. Она так понравилась папе, что тот заказал Спрангеру выполнить в таком же формате изображение всех Страстей Господних. Однако потребовал, чтобы предварительно ему показали наброски к ним. Так Спрангер, до этого рисовавший только углем и мелом, стал рисовать пером. Но папа вскоре скончался, и рисунки, по словам ван Мандера, очень выразительные и с великолепной растушевкой, остались у Спрангера, а затем перешли в собственность императора Рудольфа II.

Представляется любопытным тот факт, что Спрангер, в отличие от множества художников, никогда не занимался копированием достопримечательностей Рима. Поэтому, как пишет ван Мандер, когда Спрангер покидал Вечный город, его вещевой мешок не содержал

RVDOLPHO II CAES AVGVSTVS
DIVA POTENS CHARITESQVE

ни одной зарисовки. Все, что художник считал для себя необходимым, хранилось в его памяти, которая была совершенно феноменальна.

Действительно, впечатления от пребывания в различных городах Италии на всю жизнь остались в душе Спрангера. Среди художников, оказавших на него особенно сильное влияние — представители пармской школы Корреджо и Пармиджанино, флорентиец Россо, римляне Кловио и братья Цуккари. Соединение двух художественных традиций — нидерландской и итальянской, сочетание северной экспрессии с итальянской утонченной культурой рисунка и цвета стало основой творчества Спрангера, определило своеобразие его художественного стиля. В Вену Спрангер отправился уже вполне сложившимся мастером.

К Венскому двору Максимилиана I — тогдашнего императора Священной Римской империи, Спрангер прибыл в 1575 году, в компании со скульптором Хансом Монтом и имея на руках рекомендательное письмо от известного скульптора Джованни да Болонья (автора знаменитой и очень популярной скульптуры “Летающий Меркурий”, изображение которой до сих пор еще широко используется в эмблемах различных коммерческих организаций). С Джованни Спрангер познакомился в Риме, где они иногда работали бок о бок в папском дворце Бельведер.

В следующем, 1576 году, после смерти Максимилиана его престол унаследовал Рудольф II. В связи с этим Монт и Спрангеру поручили руководить работами по оформлению Триумфальной арки, предназначенной для торжественного въезда нового императора в Вену. Монт занимался архитектурным и скульптурным оформлением арки, а Спрангер — живописным. Кроме того, Спрангер привлек к работам и Кареля ван Мандера. Ван Мандер вспоминает, что хотя во время работ постоянно лил сильный дождь, арка была полностью готова уже за четыре недели.

Первая картина, которую Спрангер преподнес только что коронованному императору, — аллегорическое изображение Рима в виде женщины с шаром, вместе с богом Тибром, а также волчицы с двумя младенцами. Жест глубоко символический и для Рудольфа, и для самого Спрангера. Для первого — потому как ему только вручили корону Римской империи. Для художника — потому что он перехо-

дил со службы при дворе римского папы на службу к римскому императору.

Впрочем, первое время Рудольф, как казалось, не проявлял особого интереса к изобразительному искусству. Согласно его указаниям, Спрангер некоторое время оставался в Вене, а Монт последовал за Рудольфом в Прагу, куда тот перевел свой двор. В Праге Монт хотя и получал регулярно жалованье, долго оставался не у дел. И потому, совсем отчаявшись, покинул пражский двор и уехал в Константинополь, где принял ислам. После этого следы его теряются. Спрангер в Вене оказался в таком же положении и чуть было не последовал примеру своего друга. Но тут очень вовремя прибыл посольный с указом императора — Спрангер немедленно вызывался к его двору в Прагу.

С этого времени начинается величайший расцвет двора Рудольфа II, иногда его называют “Рудольфинским возрождением”, а для Спрангера — период величайшего творческого подъема. Здесь он смог осуществить творческие мечты и создать самые знаменитые произведения — именно те, что принесли ему общеевропейскую славу.

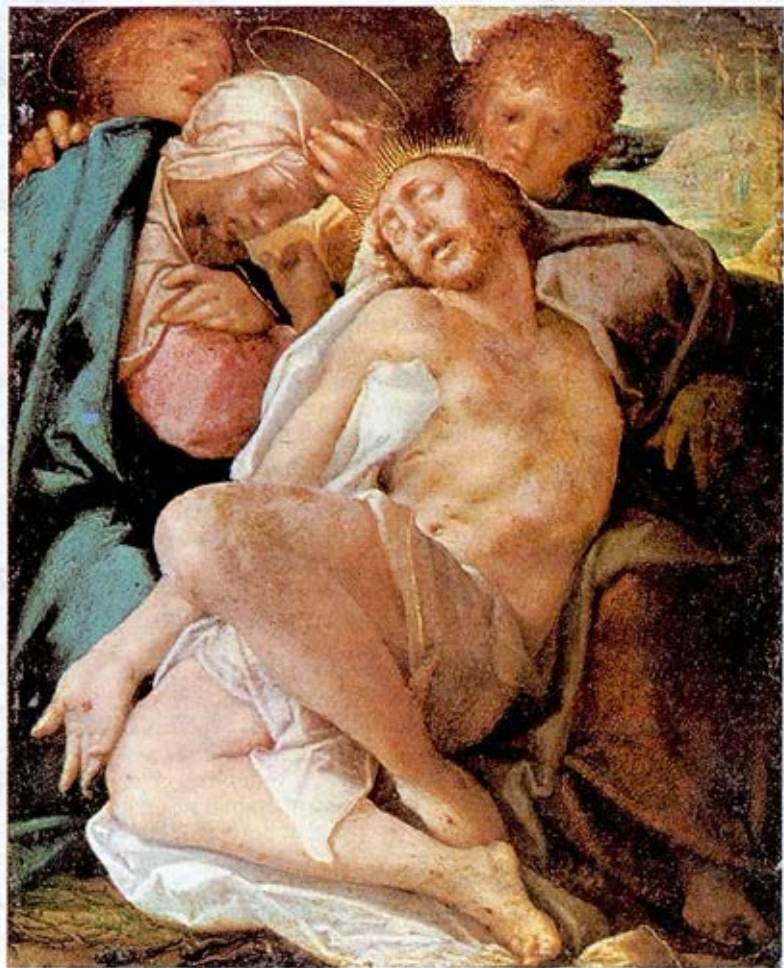
Итак, с 1580 года Спрангер в Праге. И, наконец, отдается своей давней страсти — созданию больших многофигурных полотен религиозного содержания. Одну за другой Бартоломеус оформляет пражские церкви. Пишет большое полотно “Христос, попирающий смерть и дьявола” в церкви св. Эгидия, фигуру св. Себастьяна в церкви св. Фомы, большую алтарную картину “Успение Пресвятой Богородицы” в церкви святых отцов-иезуитов, изображение св. Иакова...

В Праге Спрангер встретил и свою будущую супругу, 14-летнюю Христину Мюллер. Спрангер влюбился в нее с первого взгляда, и Христина отвечала ему взаимностью. Видя такое трогательное чувство, император отправил к родителям Христины своего посланника — обер-камергера, который от лица Его Величества попросил для Спрангера руку их дочери. Учитывая столь юный возраст избранницы, решили подождать два года. Однако в конце концов влюбленные обвенчались уже через девять месяцев.

В 1582 году Спрангер вместе с женой отправился с императорским двором в Вену. С этого времени Спрангер большей частью работал уже не в своей мастерской, а, по просьбе императора, в его личных апартаментах и обязательно в его присутствии, так, чтобы император мог видеть процесс создания спрангеровских шедевров. Такого порядка император и его любимый художник придерживались и по возвращении в Прагу. Это продолжалось на протяжении семнадцати лет, и именно так создавались произведения Спрангера “кабинетного формата”, которые сразу же оказывались в руках императора и затем заботливо сохранялись в его коллекции. Благодаря этому они в прекрасном состоянии дошли до наших дней и ныне, — наряду с произведениями двух

Воскресение Христа. Ок. 1576.

других замечательных представителей “школы Рудольфа II” немца Ханса фон Аахена и швейцарца Йозефа Хайнтца, — хранятся в Музее истории искусств в Вене.

Именно из личных коллекций императора в Вену перешли такие шедевры Спрангера, как “Геркулес и Омфала”, “Геркулес и Деянира”, “Вулкан и Майя”, “Гермафродит и Салмакида”, “Главк и Скилла”, картины, созданные на сюжеты историй несчастной любви, рассказанные Овидием в его “Метаморфозах”. Создавая свои произведения, Спрангер почти буквально следовал за текстом литературного первоисточника, насыщая их красочностью, беспокойной динамикой, изощренной

чувственностью. В них изысканный колорит, тонкие свето-теневые эффекты, а также особая выразительность поз и жестов. Они заставляют вспомнить о тех “живых картинах”, развлекавших жителей Праги во время разного рода фестивалей и празднеств, которые очень любил устраивать Рудольф II. Считается, что эти мероприятия, помимо того, что удовлетворяли эстетические запросы императора, играли еще и положительную политическую роль, так как отвлекали подданных от религиозных войн.

Что же касается личной жизни самого императора, то, в отличие от Спрангера, он не был счастлив. Он так никогда и не женился, хотя посылал своего придворного портретиста Ханса фон Аахена во все европейские столицы, давая ему поручение писать портреты тамошних принцесс, чтобы подобрать среди них спутницу жизни.

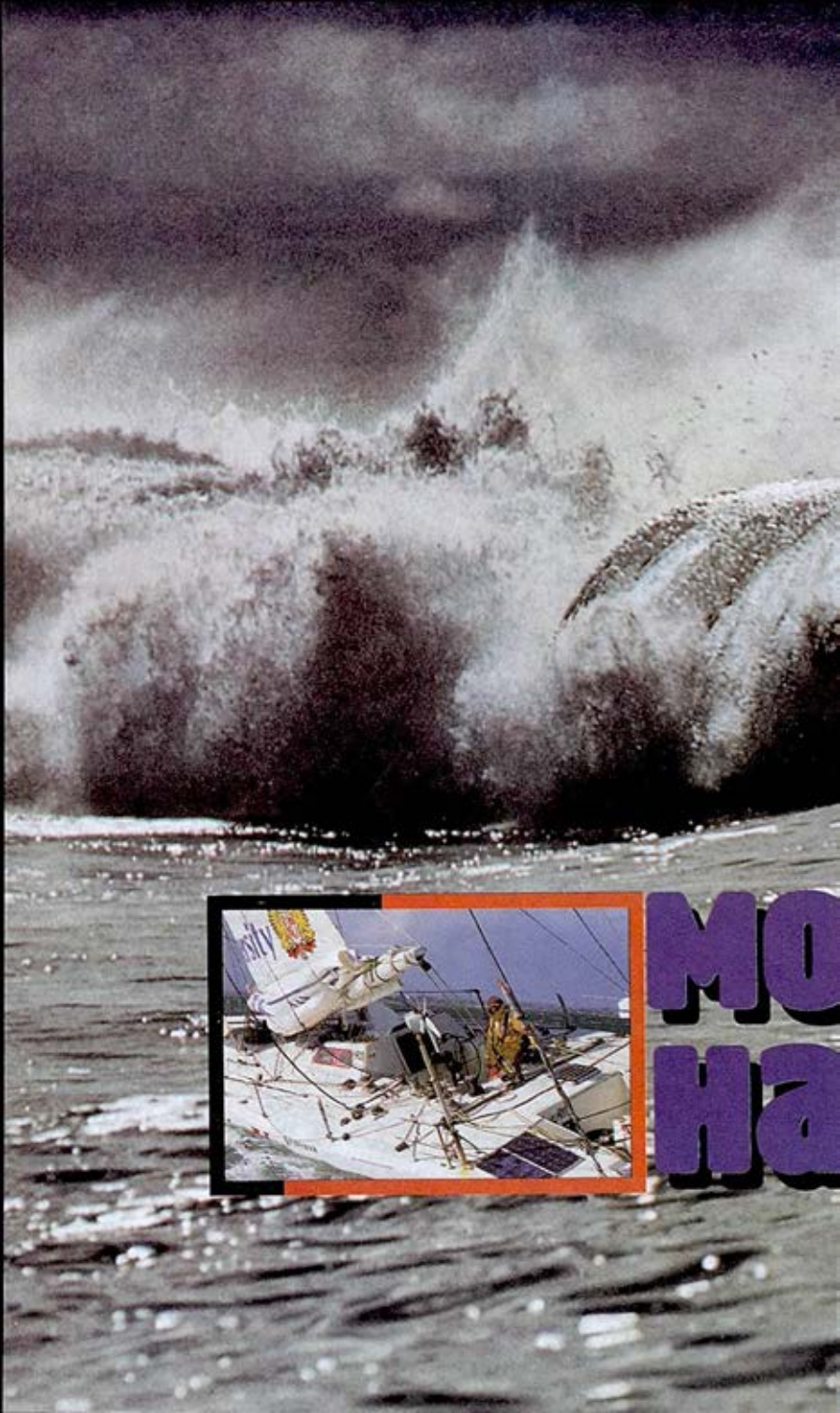
Сам Спрангер, не без влияния фон Аахена, также обращался к портретному жанру и оставил нам, в частности, великолепный автопортрет, где мы видим его лицо, обрамленное шевелюрой черных вьющихся волос, уже не молодое, но красивое и довольно-таки живое, а его голубые глаза смотрят на зрителя дружелюбно и внимательно.

Рудольф II по достоинству оценил Спрангера и как художника, и как человека. В 1588 году император в присутствии всего двора даровал Спрангеру тройную золотую цепь, а несколькими годами раньше возвел художника в ранг служилого дворянства, и теперь он стал именоваться не иначе, как “господин Бартоломеус Спрангер ван ден Шильде”, где приставка “ван ден Шильде” указывала на дворянское достоинство.

Спрангер продолжал работать до конца своих дней, и хотя стареющим рукам становилось все труднее держать кисть, созданные в этот период произведения, в особенности многофигурные композиции, необычайно хороши, а еще замечательны тем, что уже предвосхищают черты барокко — направления, пришедшего на смену маньеризму.

Спрангер скончался в Праге в 1611 году. На следующий год умер Рудольф II. Императорский престол занял суровый Маттиас I, которому были чужды интересы старшего брата. Один за другим стали покидать двор любимцы Рудольфа — художники, поэты, ученые... Лишь Ханс фон Аахен сохранил за собой должность придворного портретиста до своей смерти в 1615 году. С уходом Рудольфа завершилась целая эпоха... ■

MO
HA

ряк
Борис СМИРНОВ
эвересте

И

ди осторожно, у нас тут всю улицу перекопали, грязно и скользко! — звучит в телефонной трубке голос Федора Колюхова. Мне смешно: Федор

только что едва не утонул со своей яхтой где-то между Австралией и Антарктидой — и вот, пожалуйста, какие-то ямки на московской улице называет серьезным препятствием.

Ямки, в самом деле, оказались изрядными, но я вдохновенно проскакал через все преграды из брошенных в грязь бетонных плит: как же, сейчас вновь увижусь с путешественником, каждая встреча с которым — словно веха в моей собственной биографии! Это, конечно, чисто индивидуальное восприятие личности, но прошу поверить: за сорок лет репортерской работы более своеобразного человека я не встречал.

Когда я увидел его впервые — кажется, в 91-м? Он вернулся из своего одиночного похода на Северный полюс, и, помнится, только тогда о нем заговорили как об уникальном путешественнике. До этого просто констатировалось: ходил через Северный полюс в Канаду в составе группы Шпаро, на следующий год снова на полюс — уже в группе Чунова... Помню, как при встрече удивил меня его облик: герой с таной "лошадиной фамилией", дотащивший до полюса по дрейфующим льдам целый воз поклажи, оказался вовсе не богатырем, а невысок, почти хрупкого телосложения человеком (внушительно смотрелась только борода), сине-

глазым, с негромкой южнорусской скороговоркой. Не чинясь, он обстоятельно отвечал на мои вопросы. Доверительно сообщил, что его духовная цель — Гималаи и он готовится к экспедиции на Эверест, а потом к кругосветке на яхте...

Десять лет прошло с тех пор. За это время Колюхов единственным в мире побывал на главных вершинах всех континентов, прошел на лыжах по Антарктиде до южного полюса, три раза обогнул земной шар на яхтах. Четвертое плавание оказалось незавершенным: он участвовал в международной кругосветной безостановочной гонке яхтсменов-одиночников, но был вынужден прекратить борьбу. Когда стало известно, что яхта Колюхова потеряла управление, паруса порваны, шторм гонит лодку по льдам Антарктиды, а сам Федор страдает от приступа болезни почек — газеты принялись наперебой обсуждать, есть ли у него шансы на спасение. По всему выходило — шансов мало... Я звонил сыну Федора — Оскару, который поддерживал с отцом электронную связь, и Оскар уверял: отец обязательно выкрутится! Я усиленно подданивал. А жена Федора, Ирина, которую я встретил раз у Оскара, скрывая тревогу, даже улыбалась... У меня в те дни постоянно был с собой карманный атлас мира, потому что многие спрашивали: а где он, Колюхов, в какой точке? И — странное дело: как только Федор смог сообщить, что самое страшное позади и он помаленьку движется к Австралии — газеты дружно о нем забыли. Нет смертельной угрозы — значит, ничего интересного.

Федор появился в Москве тихо и незаметно. Несколько дней я не решался лезть со своими вопросами — надо же дать человеку прийти в себя! Наконец, звоню Оскару, и вдруг в трубке — знакомый голос самого путешественника. Давай, мол, приезжай, мы с Ириной будем ждать! — и то самое, позабавившее меня предупреждение, с которого начинаются эти записки.

Один на один с океаном

...Что-то в Федоре изменилось, но я никак не пойму, что именно. Он и шутит все время, и что-то кричит Ирине, которая хлопчет у плиты, — но вдруг, прервав разговор или потянувшись за чашкой чая, на две-три секунды словно замирает. Кажется, это океан еще не отпустил его от себя... Поймав момент, произношу вопрос, который не дает мне покоя с недавних тревожных дней:

— Федя, помнишь, ты как-то говорил, что в своих странствиях хочешь как бы дойти до предела риска, который тебе дозволен? Не считаешь, что на этот раз получил вполне определенный сигнал?

Федор, не дослушав, уже решительно кивал головой:

— Да, я в этом теперь уверен, был сигнал. И уже последний. Первый был три года назад, когда шел через Атлантику в Америку, в Чарлстон. Тогда я чудом выбрался живым из самого центра урагана. Ту гонку закончил, в общем, удачно, хотя и не уложился по времени в зачет. Дай, думаю, еще раз попробую,

другого такого случая может и не быть... За три дня до старта выяснилось, что моя яхта не проходит по новым техническим условиям гонок, пришлось срочно снимать все носовые паруса...

— Что, только к тебе придирались?

— Нет, просто моя яхта немного устарела, а организаторы решили повысить безопасность гонок. Компьютер показывал, что яхте трудно будет встать на киль, если в шторм ее вдруг положит на воду. Пришлось вызывать конструктора яхты, добавлять груза на киль, а еще — уменьшить парусность... В конечном итоге, может, именно это меня и спасло. Хотя, с другой стороны, без носовых парусов вести яхту намного труднее, вымотался здорово, а тут штормы — из одного в другой, все время...

— Но ведь океан для всех одинаков...

— Нет! Это же парусные гонки, каждый участник выбирает свой курс. От яхты до яхты — сотни миль, мы друг друга видим, как правило, на старте и финише... В прошлой гонке мне везло, удавалось проснакивать между самыми большими штормами — мы же по электронной связи все время получаем метеосводки. Узнаю, например, что меня догоняет циклон: надо изменить курс, увеличить парусность, поскорее уйти — а у меня количество парусов уменьшено, нет, например, спинакера. И шторм нас с яхточкой накрывает — на сутки, двое, трое... Волны — огромные, иногда выше мачты, надо держать яхту так, чтобы смягчать их удары, надо

уловить ритм шторма. Хорошо, когда удастся на несколько минут закрыть глаза. Хорошо, когда под рукой есть пожевать что-нибудь всухомятку... Бывали моменты, когда яхта зарывается носом в волну, не успевает подняться, а сзади догоняет новая волна, и я вижу, что яхта идет в переворот через нос... Я успеваю подумать: вот и все, Федор, сделай свой последний вдох в жизни — и чувствую, как яхта вся дрожит от напряжения, сбрасывает с себя тонны воды и медленно-медленно выпрямляется. Подправляю яхту штурвалом, "носовой платок" на мачте вновь наполняется ветром, и следующая волна с шипеньем и грохотом легко проходит под килем. Но если не попадешь в ритм, волна может догнать и обрушиться прямо на кокпит... Надо понимать волны, чувствовать ветер и знать паруса. Это и есть моя работа. Я не жалею, я давно привык, ведь больше ста тысяч миль пройдено в океанах!

Федор говорит ровным, спокойным тоном, и только иногда его голос чуть подрагивает. Понимаю, что он просто не хочет допускать в свой рассказ эмоции, а ведь они наверняка переполняют его. Он старается как бы подвести меня к тому моменту, когда в Индийском океане для него начались главные передряги: конечно, кому приятно такое вспоминать... В комнату входит Ирина, садится рядом с мужем — и просто невозможно не заметить, как их тянет друг к другу... Выключаю диктофон, прошу дать мне возможность подобрать цитаты из дневников — вот они, потрепанные блокноты,

стопкой лежат на столе. Страницы заполнены неровными колкими строчками, буквы пляшут, каждая начертана отдельно... Еще бы, не до каллиграфии в легкой лодке, в тесной каюте, посреди океана! Записи перемежаются рисунками: яхта в волнах, яхта под солнцем, яхта в когтях скалочной птицы-мечты, несущей лодку к далекому берегу...

Атлантическое одинокчество

(строки из дневника
Конюхова)

...Дует ветер из Антарктиды. Вспомнилось, как в 1995 году я мерз там, и сейчас получаю оттуда напоминание. Кто сейчас идет к Южному полюсу?

...За кормой яхты парят три альбатроса. У меня сейчас ощущение, что это те альбатросы, которые летели за моей яхтой "Караана" в 1991 году. Тот же ветер холодный, тот же серый океан, те же птицы.

...Зубы разболелись все до одного. Вышел в кокпит, чтобы набить лебедной стаксель, а одеться как следует поленился. И тут же меня окатило с ног до головы волной. Разозлился, начал ругаться, сорвал с себя куртку фирменную и зашвырнул в океан. Это меня немного успокоило.

...Ветер встречный. Соленые брызги выедают глаза, я их по минутно вытираю, и они воспалились...

...Сварил обед: в сухую картошку добавил банку консервированного тунца. Захотелось выпить чего-нибудь покрепче, чем чай или кофе. У меня остава-

лись еще две бутылки вина. Пошел в носовой отсек, нашел бутылку, заваленную веревками. Это я сам ее засунул, чтобы от тряски не разбилась. Открыл. Пока снимал настрюжку с плитки, яхта резко наклонилась и моя предпоследняя бутылка калифорнийского вина разбилась вдребезги о палубу. До чего же я расстроился...

...22. 00 — московское время. Приступ хандры повторился. Мне стоило немало труда справиться с ним. Два месяца я наедине со своими мыслями, один несу бремя ответственности за яхту и за себя. Нет, я не стал человеконенавистником, а с нетерпением жду берега...

...Жду встречи с Иринишкой и с Оскаром. Я виноват перед сыном, что мало ему уделял внимания, когда он был маленьким. У меня тогда были одна экспедиция за другой...

...После трех лет войны во Вьетнаме я, наверное, только и мог делать, что путешествовать. (В свое время, попав на действительную службу, Федор окончил разведшколу и выполнял специальные задания в Сальвадоре, Никарагуа, Вьетнаме — **Б.С.**) Из армии не вынес ничего такого, что могло бы пригодиться в гражданской жизни.

...Взошло солнце. Бог позволил мне ночью немного поспать, ночь прошла спокойно... Океан меняет свою окраску, из-под каждой тучки тень бежит по воде. Он вечно меняет свой лик. Пользуясь, что меня никто не слышит, пою во всю глотку: "у моря рожден в краю, где ветра". Альбатросы, и те шарахались от яхты...

...Как я устал! Все болит. Целый день у штурвала. Надо попить чаю, впереди длинная ночь...

...Сегодня весь день шторм.

...И сегодня шторм.

...Утро. Солнце взошло чистое-чистое. На палубе роса. Ветра нет, штиль, я никак не могу выйти в Индийский океан: течение относит назад...

...Сегодня у меня день рождения. Я разглядываю свое лицо в зеркале: как я постарел. Страшный, глаза красные от недосыпания, под глазами мешки с морщинами. Волосы в бороде поседели, а на голове поредели. Нос заострился от худобы и торчит нелепым рубильником. Рот сжатый, губы синие и потрескавшиеся. Уши... ну, ушей не видеть из-под грязных нерасчесанных волос. А уши у меня не особенно лопухие, только их все равно не видно! Как такого могла полюбить Иринушка? Не зря говорят: любовь слепа... От зеркала меня оторвали паруса, они начали хлопать и не дали полюбоваться своей персоной.

...Я стоял на палубе и долго всматривался в прозрачную серую пелену. Вспомнил слова пророка Мухаммеда: "Час созерцания лучше, чем год благословения". Да, ради таких минут стоит уходить от людей!

...Холодно. Вот я и в ревущих сороковых. Пытаюсь сварить кофе. До этого не было возможности подойти и зажечь печку... Шторм... Яхту кладет на правый борт... большие удары... Как вспомню, что это будет до конца рейса, так становится холодно, опасно, тяжело.

...Получил от Оскара сообщение, что завтра ветер 60 узлов, шторм. Похоже, приближается ураган.

Запах смерти

Я уже закрыл было дневник, но тут в глаза бросились строчки, от которых нельзя было оторваться:

"Кто меня преследует? На всем пути в Атлантическом океане чувствую, что кто-то на яхте есть. Когда резко оборачиваюсь, то не вижу, но чувствую: что-то мелькнуло. Когда сижу и о чем-то думаю, все равно чувствую: кто-то на меня смотрит. Но этот, кто преследует меня, он не добрый, от него веет чем-то тревожным и я боюсь его. Помню, на "Нараане" — там тоже за мной кто-то наблюдал все время. Но это был какой-то взгляд добрый и успокаивающий, а здесь — нет".

— Да, все так и было, — спокойно и даже как-то равнодушно подтвердил Федор. — И в прошлой гонке, и в этой. Я это не в бреду писал, галлюцинациями не страдаю.

— Можно ли так понимать, что все неудачи последней гонки ты связываешь с неким присутствием "злого начала" на твоей яхте?

— Ну, неполадки, поломки, отказы техники почти у каждого

яхтсмена случаются, в слишком тяжелых условиях эти гонки проходят. А у меня на этот раз — что-то особенное: только одно отремонтирую, ломается второе и так без конца. Оба двигателя, дизель-генератор, автопилот, гидравлика... А связь? В Индийском океане у меня из всех бортовых средств связи осталась только электронная почта, последняя ниточка. После острова Кергелен я прочно занимал последнее место в гонке, а впереди была самая сложная часть ее. И мыс Горн.

...После Кергелена яхта должна пересечь Индийский океан в самой пустынной его части. Но всем прелестям путешествия сквозь беспрестанные штормы добавляется еще и леденящее дыхание Антарктиды. Здесь понятие "север" означает тепло, а "юг" — холод и страшную возможность врезаться в айсберг. Но чем южнее маршрут, тем короче он для яхтсмена в кругосветной гонке. Связь с берегом — только через спутник. На помощь, в случае чего, надеяться бесполезно...

Яхта Федора была ровно посреди кругосветной трассы, когда произошло то, что могло случиться и в любую другую секунду многомесячной гонки: яхтсмен ошибся. Штормовой ветер не упустил возможности и с такой силой перебросил парус с борта на борт, что лопнули прочнейшие канаты. Еще секунды — и яхта легла парусами на воду. Следующей волной Конохов был смыт за борт, и только длинный страховочный трос не позволил океану окончательно разделаться с человеком. Новый порыв ветра

поднял чуть привставшую яхту и... положил ее уже на другой борт, парусами на голову барахтающегося в волнах Федора...

Его спасла чужая небрежность: один из швов на парусе оказался не двойным, как положено, а одинарным. Федор на этот брачок французских мастеров не обратил внимания, и вот теперь парус-грот, не выдержав колоссальной нагрузки, лопнул как раз по этому шву! И в мышеловке, которой стала для Федора накрывшая его парусная ткань, образовалась дыра, иначе бы он попросту захлебнулся. Дырявый парус уже не мог держать в себе зачерпнутую воду, и яхта, как ванька-встанька, снова приобрела вертикальное положение. Но натянувшийся страховочный трос так рванул Федора, что он буквально вылетел из воды и оказался... в кокпите яхты. Вот и говорите после этого, что чудес не бывает!

Нахлебавшийся соленой воды и оглушенный, Федор лежал на борту беспомощной яхты, и шторм мог теперь делать с ним и с яхтой все, что ему вздумается. Паруса и такелаж превратились в обрывки ткани и веревок, и этот клубок болтался на мачте где-то в пятнадцати метрах от палубы. Шторм теперь был не таким сильным, и Федору удалось одним рулем кое-как настроить дрейф. Совершенно продрогший, он пролез в каюту, где все было перевернуто вверх дном. Самое страшное — компьютер вырвался из своего гнезда и лежал на полу. Последняя ниточка связи... Едва освободившись от мокрого штормового костюма, дрожа от холода и ужаса, Федор

взгромоздил компьютер на место, подключил... О, Боже! Заработал!

Что сообщить в штаб гонки, Оснару, Ирине? Только самое основное: яхта потеряла ход и управляемость. Условного сигнала о помощи он подавать не будет: бесполезно, да и надо еще самому как следует во всем разобраться. Он идет последним в гонке, а вернуться к нему никто из участников, даже если очень захочет, не сможет. Самолет? Ну, долетит "Геркулес" из Австралии, но только для того, чтобы развернуться и дотянуть на остатках горючего обратно. Сбросят спасательный плот: что толку? Самому быстроходному военному кораблю идти сюда дня три-четыре, и даже близко подойти к аварийной яхте судно не сможет: волны в щепки разобьют лодку о стальную борт. Если же чудом удастся переправиться на

борт корабля, яхта, считай, обречена: по условиям гонки, брошенную яхту необходимо с корабля либо с вертолета расстрелять и отправить на дно, чтобы не возникло возможной помехи для судоходства... Нет, ни один из вариантов не годится. Выживать самому, и точно! Работа и молитва. Бог поможет!

Вот только почки что-то здорово разболелись... Еще бы, столько в холодной воде проболтался. Это началось в Антарктиде, пять лет назад, вот где был холод... Потом, вроде, вылечился, забыл, и вот опять. Надо у Ирины запросить, что в бортовой аптечке есть подходящего, она аптечку собирала... Ничего, выберусь!

— Ты знаешь, — подытожил Федор, — когда я все же забрался в каюту, сразу почувствовал какой-то особый запах. Это был запах смерти. То же самое было

два года назад в Атлантике, когда яхта лежала на боку в самом центре урагана, и нечем было дышать, словно я был опять на вершине Эвереста. Но на Эвересте мы с Женей Виноградским спаслись, потому что наткнулись на кем-то брошенную палатку и не замерзли. А в Атлантике, готовясь к худшему, я уже достал чистую рубашку, как это положено в таких ситуациях среди моряков. Но яхта вдруг медленно начала подниматься на ровный ниль... А на этот раз, в Индийском океане, я понял, что это уже черта. На погонях за риском — точка.

Федор слушает и читает подобное о себе вот уже лет десять и только посмеивается. Потому что такую, как у него, биографию нет необходимости приукрашивать.

Все очень просто. Надо родиться на берегу моря, прямо у черты прилива — как Федору, которого его матушка произвела на свет, собирая за считанные минуты до родов рачков на корм гусям. Надо с детства ходить с отцом в море на промысел, на трудную рыбацкую работу, а потом решиться в пятнадцать лет переплыть одному на весельной лодке Азовское море. Надо с детства грезить путешествиями

и прочитать все книги о них в деревенской библиотеке. А потом закончить две мореходки, изучить судовые механизмы и штурманское дело. Поработать моряком на разных судах, получить диплом яхтенного капитана, совершить множество разных походов и путешествий, поучаствовать в парусных гонках, и только к сорока годам отважиться на одиночное кругосветное плавание с романтической целью: обогнуть мыс Горн...

Разговоры о якобы саморекламе Федора Конюхова больше всего задевают, кажется, его сына. (Настоящая биография Оскара, которому сейчас 27 лет, складывалась до сих пор по вполне современным канонам: университетское образование, диплом юриста, успешная практика в зарубежных компаниях... Он побывал во многих странах

Нон-стоп через жизнь и три океана

"Да он мистификатор, этот Конюхов! Все время с ним что-то случается: то он чуть не утонул, то чуть не замерз, в пропасть едва не сорвался... Цену себе навбывает! Да и кто ему денег даст, если с ним ничего такого происходит не будет?"

света — правда, не как путешественник, а в качестве менеджера, официального представителя своего знаменитого отца.)

— Говорить о саморекламе со стороны участников одиночных кругосветных парусных гонок бессмысленно, потому что во всем мире пресса и так с жадностью ловит любые сведения об этих состязаниях: по сложности, по длительности их, пожалуй, сравнить не с чем, — рассуждает Оскар. — Одна из гонок, "Around Alone", стартует из американского порта Чарлстон, первый ее этап заканчивается в Кейптауне, второй — в Окленде (Новая Зеландия), третий — в Пунта-дель-Эста (Чили) и финиш снова в Чарлстоне. Другой парусный марафон, "Vendee Globe", проводится в режиме нон-стоп, без захода в какой-либо порт: старт и финиш — в Бискайском заливе, во французском порту Ле-Сабль д'Олон. Если участник хоть на час "завернул" к причалу, завел яхтенный двигатель, который опломбирован — он автоматически считается выбывшим из гонок.

Отец два года назад принял участие в "Around Alone", на яхте, которую для него арендовал московский Современный Гуманитарный Университет. Он прошел всю дистанцию гонки, хотя и финишировал "вне зачета", не сумев отметиться в одной из контрольных точек маршрута. Ему, новичку в этих соревнованиях, впервые попавшему на скоростную яхту такого класса, трудно было состязаться с опытными гонщиками: тот же француз Эрик Дюмон, которому раньше принадлежала доставшаяся Фе-

дору яхта, прошел по трассе кругосветки тридцать раз!

Срок аренды яхты еще продолжался, и с согласия ректора СГУ Федор подал заявку на участие в "Vendee Globe 2000-2001". Я как менеджер Конюхова снова присутствовал на старте, через наш штаб в СГУ осуществлялась постоянная электронная связь с яхтой, поэтому я обязан был быть в курсе всех моментов этой гонки. И если говорить о том, что, мол, только с Федором "постоянно что-то приключается"... Полная ерунда.

Вот факты. Старт "Vendee Globe" был назначен на 5 ноября 2000 года, но из-за штормовой погоды только 9 ноября все 24 участника смогли выйти в море. И в первую же ночь сразу три яхты вернулись в порт из-за неисправностей.

15 ноября бельгийский участник Патрик де Радригез запутался ногой в шкоте паруса, порывом ветра парус перебросило, и яхтсмена швырнуло головой о лебедку. В себя он пришел уже на берегу. Патрика, ветерана океанских гонок, спасла береговая служба Португалии, но его новая лодка стоимостью в миллион долларов вышла из строя.

17 ноября на яхте швейцарца Бернарда Стамма ударом волны было сломано рулевое управление, штурвал... смысл за борт. Яхта вышла из гонок.

18 ноября уже третий по счету участник выбыл из гонки: француз Эрик Дюмон на полном ходу врезался в полузатопленное бревно, которое в щепки разнесло рулевое устройство яхты.

30 ноября англичанин Ричард Толкинен заявил о выходе

из гонки: повреждены паруса и такелаж.

3 декабря француз Рафаэль Диннели сообщил, что врезался в спящего кита, корпус яхты сильно поврежден, спортсмен выбыл из гонки.

15 декабря испанец Хавьер Сансо, врезавшись в кита, сошел с дистанции.

18 декабря француз Ив Парле сообщил, что при резном броске яхты с волны мачта не выдержала и сломалась напополам, но он решил продолжать гонку и завершить оставшуюся половину дистанции на аварийном такелаже.

13 января яхта Федора Коныхова лишилась основных парусов.

2 февраля яхта самой молодой из участников, Элен Манартур ночью столкнулась с неизвестным предметом. Сломан левый шверт и поврежден руль, но Элен продолжает гонку: она — на втором месте, и лишь сутки проигрывает победителю соревнования французцу Мишелю Дежуайе!

20 февраля 2001 года. Победители гонки уже проводят пресс-конференцию в Париже, а французская участница Катрин Шабу, преодолев 25 тысяч миль, за два дня до финиша допускает ошибку в управлении и... сходит с дистанции. Сломалась мачта, и яхта может идти только с двигателем, а правила гонки этого не допускают. Вот уж кому обидно!

Из 24 участников гонки финиша достигли только 15 яхтсменов. И это, если анализировать историю гонок, очень неплохой результат!

Ну, а Федора мы встречали в Сиднее 2 февраля, — продолжил Оскар. — С директором яхт-клуба на его небольшом барнасе вышли в океан, по радиации слышим голос Федора, он где-то рядом, но яхты не видим: большие волны, пена летит. А ведь на яхте нет парусов, мачту голую не разглядеть... Наконец я заметил тонкий хлыстик мачты на фоне низких туч. Подошли поближе, но не слишком — опасно. Федор машет руками, что-то кричит... С нами друг Федора, австралийский яхтсмен Алан Небауэр — он первым прыгает на борт яхты, когда мы дошли до местечка потише и оказались у причального буйа. Здесь и дожидались пограничников, таможенников...

Два дня яхта стояла на дальней стоянке в бухте, а потом мы договорились о более удобном месте у причала: надо было выставлять яхту на продажу. Когда перегоняли, отец поставил меня к штурвалу, а сам приткнулся на корме. Я оглянулся: глаза у него были полны слез...

Неугомонный

Мы пьем чай в художественной мастерской Федора Коныхова... Это помещение ему выделили по распоряжению мэра Лужкова четыре года назад. Федор был счастлив: три комнаты в подвале блочного дома, отдельный вход... Ирина вспоминает, какая тут царил запущенность: грязь, плесень, сырость, неисправная электропроводка. Теперь же чисто, тепло и уютно, стены увешаны картинами Федора, много книг, есть какая-то мебель, даже любимое Иренино

старое немецкое пианино... Приют художника и странника. Маленькое семейное гнездо. И это — все? Все, что он нажил за пятьдесят без малого лет своих бесконечных скитаний?

Помню, на одной из пресс-конференций какая-то девчонка-журналистка спросила Колюхова: "Неужели вам после всех опасностей, лишений и одиночества не хочется как следует оторваться?" Федор растерянно заморгал глазами, переспросил, не понимая птичьего языка: "от чего... оторваться?"

"...Вокруг меня такой прекрасный мир: синий океан на все четыре стороны, синее небо. Отсюда, из океана, я гляжу на Россию и думаю: вот где сумасшествие!" "...Я понятия не имею, сколько у меня денег, сколько мне заплатят. Деньги для меня — это абстракция..."

"...Я висел на крючьях, вбитых мной на огромной высоте в ледяную стену хребта Винстона в Антарктиде, и вдруг подумал, что готов, как и раньше, месяцами обивать в Москве пороги разных учреждений и контор, чтобы пережить такие вот минуты..."

Федор написал уже три книги о своих путешествиях, о себе и о истинах жизни, как он их понимает. Четвертую начал писать в тропиках, во время изнурительных штилей, которые требуют от яхтсмена даже больше нервных сил, чем штормы. Книга эта о... собаках Аляски. Позапрошлой зимой он участвовал в знаменитой международной гонке собачьих упряжек. Федора тогда потрясла верность, выносливость и мудрость собак: "Если бы не мой вожак Кен, я бы не смог

закончить гонку!", — признавался он мне. А из последней парусной гонки, едва не закончившейся трагедией, Федор привез целый альбом выполненных им иллюстраций к книге китайского поэта и мыслителя Лао-Цзы.

Я сказал — из последней гонки? Как бы не так! Уже после разговора с Федором в одной из газет случайно обнаружил сообщение: оказывается, в Сиднее, на больничной койке, где Колюхов долечивался после своего аварийного плавания, он успел подать заявку... на участие в новой гонке. Старт — уже в этом декабре. Правда, дистанция будет куда короче прежних — всего 600 миль, от Сиднея до порта Хабарт на острове Тасмания. А еще в его планах — пересечь главные пустыни мира, организовать экспедицию по Полярному кругу, создать цикл документальных фильмов по географии и экологии, защитить диплом на юридическом факультете Современного Гуманитарного Университета. Мечтает он и о том, чтобы завершить когда-то прерванное духовное образование и стать сельским священником, осев где-нибудь неподалеку от Троице-Сергиевой Лавры. Он давно уже поговаривал о том, что хорошо бы покорить "Зверест наоборот" — спуститься в батискафе на дно самой глубокой в мире Марианской впадины... Вот уж точно: неугомонный!

— Федор, ты ведь уже был на Звересте, этого недостаточно? — спрашивал я его, а он хитровато улыбался:

— Ты что, не знаешь, что на Земле несколько Зверестов?

Вершина в Гималаях, две вершины Земли — Северный и Южный полюсы, потом Мыс Горн, который все яхтсмены мира считают своим Эверестом, и эта "антивершина" в Марианской впади-

не... Сколько получается, пять? Четыре из них я, можно сказать, покорил. Разве плохо будет, если русский путешественник первым "сделает" все пять Эверестов, а?

Михаил ЛЮБИМОВ

Эта была самая настоящая Жар-птица.

И порхала, ослепляя сказочно-живописными крыльями, на сборище кванерского Комитета Запад-Восток, где собирались отнюдь не насупленные патеры, а мобильные журналисты, дипломаты и чиновники Форин Офиса, главным образом, из отдела исследований — гнезда спецслужб. Там время от времени читали лекции яйце-головые и высоколобые о

всеобщем мире и других высоких материях, а после подавали чай с кренкерами, и присутствующие знакомились и живо обменивались своими впечатлениями.

— Рад познакомиться. Батлер.

Мы обменялись улыбками, рукопожатиями и визитными карточками.

Высокий как жердь, с чуть насмешливым взглядом сверху вниз, с умными невыразительными глазами, прикрытыми скромны-

ЖАР-ПТИЦА РАЗВЕДЧИКА

ми очками, в невыразительном темном костюме с галстуком в горошек ("бабушкина юбка"). Когда из визитной карточки я узнал, что Айвэн Батлер руководит отделом коммуникаций Форин Офиса, то оторопел: жар-птиц такого полета мне раньше не доводилось встречать, не редкостью были надутые от собственной важности партийные лидеры и министры, но что значил для разведки даже сам премьер-министр по сравнению с главным командиром шифровальщиков? И я ухватил жар-птицу за хвост и наменнул на желательность будущего общения. За чашкой ароматного "Эрл Грея" мы покаляли секунд тридцать, не больше — я боялся, что остальные любители чая могут подметить мой повышенный интерес, а это — конец разработки. И снова удача: оказалось, что мы чуть ли не соседи, и живем рядом с Гайд-парком, где Батлер прогуливал своих детей.

— Неужели находите время гулять с детьми в рабочие дни? — Вроде бы наивный вопросик.

— Увы, только в субботу... утром.

Значит, в субботу, зарубим на носу: в субботу!

Пришлось отменить традиционный выезд на рынок Портабелло, где закупали по дешевке овощи-фрукты, и после завтрака вместе с женой выкатить сына в коляске в Гайд-парк — здоровая советская семья на прогулке, любо-дорого посмотреть! И снова удача: долговязая фигура у озера Серпантин, в вельветовых брюках, словно изжеванных короной, в стареньком свитере, естественно, небритый, это вам не чопорная Австрия, где в выходные дни муж-

чины выражаются в лучшие костюмы и галстуки и непременно прикрывают свои желтые лысины венскими шляпами, а дамы напяливают на себя дорогие платья, набросив на них норковые шубки, и даже тусклую тансу облекают в модную попону. Трое маленьких детей (а может, и меньше, может, от счастья у меня двоилось и трюилось) и очень говорливая, замученная своим выводком жена, к тому же ирландка (*nota bene*: а вдруг мамаша тайный член Ирландской Республиканской Армии, ненавидевший Англию, а потому и готовая на все?). Состоялся зданий галоп ничего не значивших фраз и сладких улыбок. В Центр полетела победная реляция: мол, на контакт пошел, не убежал как заяц в кусты, и это при шумной кампании шпиономании, когда каждого честного советского дипломата подозревали в кознях против Альбиона.

Тут на футбольное поле резво выбежал Центр, который традиционно воевал с резидентурой, всегда учил, выискивал слабинку и ставил под сомнение любую инициативу. Центр сделал тонкий пас: действия резидентуры одобряем (ура! ура! значит, мне, тогда еще старлею, в срок дадут напитана!), все дело представляет огромную государственную важность и поставлено на особый контроль (это означало, что доложено самому председателю КГБ!).

К следующему оперативному выезду с коляской в Гайд-парк я уже проинструктировал жену, чтобы она не просто улыбалась как королева и сыпала любезностями, но и поговорила с ирландской супругой о политике (к сожалению, сын еще не обрел дара речи, ина-

че я поручил бы ему разработать детей). Все прошло идеально. Очередное единение душ приняло неожиданный оборот: мы разговорились о западной философии (известно, как рубили мы ее саблями и кололи пинами, скача на славных конях марксизма, хотя никто ничего не читал), и Батлер порекомендовал мне изучить английского философа Уайтхеда.

— У меня есть томик, я сейчас его вам дам. Мы идем домой, не засночите ли на секунду?

Разумеется, я засночил и взял томик мудреного автора (много раз открывал и почти тут же закрывал, не в состоянии вруться в текст), в квартире царил страшный навардан, Айвэн Батлер предложил мне виски, но я отказался и вернулся в семью, дышавшую Гайд-парновскими кислородами.

Подробная реляция в Москву. После долгой паузы, вызванной очевидно глубокими раздумьями и сомнениями, Центр похлопал резидентуру по плечу и выдал на-гора инициативу: Батлер ведет себя совершенно не так, как полагается чиновнику его ранга и засекреченности, об этом свидетельствуют встречи в Гайд-парке и особенно приглашение домой. Не исключено, что он вынашивает предложение о сотрудничестве с нами. Далее Центр изложил свой дерзкий план: мне следовало пригласить Батлера на уик-энд в приморский городок Гастингс, находящийся рядом с посольским "домом отдыха", куда мы ездили по фиксированному маршруту без предварительного уведомления Форин Офиса, как было положено делать во всех остальных случаях. Предписывалось остановиться в гостинице и там раздавить с фигу-

рантом бутылку водки, не обыкновенной, без которой на Руси нет жизни, а с психотропными примесями. Перед процедурой мне надлежало принять таблетку, которая спасает от выпадения из реальности, исповедей и истерик, приготовиться к искреннему монологу расслабленного Айвэна о его истинных намерениях и обо всех загадках английских шифров. Всю застольную беседу записать для страховки и последующего анализа на магнитофон и, конечно, помнить о ногтях английской контрразведки, мастерице подкладывать свинью, и потому проявлять повышенную осторожность: может быть, мой новый друг связан с английской контрразведкой МИ-5.

Только после этой депеши с припиской, что вся операция продолжает находиться на личном контроле(!) у Самого, я смог оценить глубину дьявольской хитрости Центра и хитроумность западни: сначала поддержали, обласкали, затянули в игру, затем поставили невыполнимую задачу: отказаться — расписаться в трусости, выполнять — чистый идиотизм, сопряженный со скандалом. Как будет выглядеть приглашение солидного чиновника в Гастингс на ночь? Уж не в одном ли номере гостиницы мы должны поселиться? Интересно, какие глаза сделают за спиной в регистратуре? Не призовут ли полицию для проверки на "голубизну"? Допустим, приехали, удобно устроились в номере за целебной бутылкой, мой ласковый и нежный зверь принимает первую рюмку. Какой будет эффект? Ведь психотропные препараты одних расслабляют, а других приводят в ярость, и они начи-

нают кусать собеседника, царапать ему физиономию и вполне могут выбросить в окно...

Резидент, как Нугузов, моментально оценил ловушку.

— Будем спускаться на тормозах...

Спускаться на тормозах мы умели, без этой бюрократической науки не жить. Естественно, у меня и в мыслях не было приглашать жар-птицу в Гастингс (поглаживая по бедру: "Старина Айвэн, давай рванем на ночь в отель, порезвемся вволю, мы так устали от работы! Жена будет не против?"). Спускаться на тормозах, сохранять хорошую мину при плохой игре, создать непреодолимую преграду из тончайших затяжек и проволочек, а затем мягко отойти от объекта оперативной страсти под стандартным предлогом: клиент не расположен к продолжению контактов. Дело упрощалось наказом Центра во имя конспирации не звонить Батлеру по телефону, а общаться лишь на кванерских ленциях или во время променадов по Гайд-парку.

В тот вечер у культуртрегеров-кванеров выступал известный советолог Макс Белофф (я тоже мечтаю о двойном "ф", но боюсь, из рта будет брызгать слюна), я явился в дом на Балком-стрит пораньше и нервно суетился среди гостей в поисках своей жар-птицы. Он тихо вошел в зал во время ленции, когда я уже потерял надежду, у меня даже ладони вспотели от волнения: наконец-то! За чаем я подкатился к Айвэну, жарко пожал ему руку и пригласил на "дринк", — это не вызвало у него никаких эмоций. Нашли уютное заведение в тихом переулке за

магазином "Барнер" на Ненсингтон Хай-стрит (исторический "Майкл и Сапог"), заназали по скотчу и ударились в приятную беседу.

— Извините, я выйду на секунду вымыть руки! — заметил мой приятель, и в этом не было ничего экстраординарного и подозрительного, не мыть же руки прямо за столом? Я рассеянно смотрел на долговязую фигуру, бредущую к туалету, и приниживал, как живописно распишу наше рандеву в шифровке. Блаженно вытянул ноги, опустил свой неблагородный нос в бокал, пронизанный ароматами редчайшего молта, нежно прикоснулся к стеклу губами, прочувствованно провел по нему, чуть цедя волшебную жидкость сквозь зубы, задрал голову к потолку и на миг прикрыл очи, уставшие от длительного созерцания фигуры выдающегося советолога Макса Белоффа.

Когда я раскрыл глаза, то с удивлением обнаружил, что за моим столиком образовалась милая компания: по правую руку маячила небритая, но грозная рожа, по левую — нечто мешковатое и подванивавшее жареной картошкой. Правда, не могу ручаться за точность портретов, поскольку от внезапности форс-мажорной ситуации у меня перехватило дыхание и томительно занял живот.

— Сэр! — послышался патетический голос то ли с неба, то ли из-под земли, не сам ли Вельзевул пожаловал из ада? — Сэр, ваша карьера закончена!

Вот так! — закончена, и никаких гвоздей. Уже не слоняться по любимым паркам и светским салонам, уже не стоять у мамонтоподобных фигур Генри Мура в

Тейт, не гнать автомобиль к чистым пляжам в Брайтоне и прогуливать дитя не в Холланд-парке, где вечная зелень перемешана с вечной тишиной, а в скверике в районе метро Сокол.

Вещал Мешон с жареной картошкой, а Небритая Рожа подвывала в тон, усиливая психологический прессинг. Я безмолвно слушал (увы, работала не холодная чекистская голова, а, скорее, ушедшее к динозаврам сердце), сквозь меня, как в форточке во время урагана, пронеслась целая стая мыслей: какие же прегрешения я совершил на Альбионе?!

Собственно, в то время их еще не накопилось. Ничего лишнего и даже отдаленно антисоветского я не говорил, все подарки от англичан сдавал в резидентуру, четко проводил в жизнь четкую линию партии, боролся с искушениями плоти почище святого Антония, чуть ли не пальцы рубил, как отец Сергей.

Хотя...

За месяц до роковой встречи с контрразведкой Лондон осчастливила своим визитом советская делегация во главе с симпатичным Львом Нулиджановым. Но не он был предметом моего вождения, а Она ("Заиндевшая в мехах твоя чертовская улыбка...", это уже потом), самая нежная в мире, признанная красавица, яркая звезда на сером небе моей оперативной работы. И рухнули разом, рассыпались на жалкие кирпичики все мои крепости, голова улетела в огненную пропасть, и я, наверное, дал бы фору по пылкости всем влюбленным на Земле.

В условиях злочной заграничной жаркий роман развивался стре-

мительно: охмуряющий Виндзор с буклическими лугами и уютной Темзой, частные галереи с советскими нетрадиционными художниками-изюминками того времени, легкомысленное кабаре Уиндмилл, а затем щедрый (по меркам советского дипломата) ужин в полинезийском ресторанчике "Намешен" с обезьянами, питонами, поугаями и львами (за решеткой).

Это вошло в историю жизни старлея-дипломата и потом родит вириш:

Толпа на улице ревет,

Машина рвется влево,

вправо.

Нам запеченного омара

Гаваец через зал несет.

Нак жаль, что это не кино!

Что я не тот герой-повеса!

Что нет той дымовой завесы,

Чтоб оторваться от всего!

Но оторвался. Машина летела на крыльях любви к Почестер-террас (семья отсутствовала), летела на полном ходу, и искры летели из разогретого мотора, искры и ужас, словно звук и ярость. Вдруг следят? Вроде, нет. В машине и дома "жучки". М-да. Это мешало и приводило в исступление во время автомобильных поцелуев (не выпускать руль!), и становилось жарко в предвкушении счастья. Почестер-террас (не засек ли машину шпик-сосед на мансарде?), быстрее, быстрее — и прямо на ковер в гостиной, меня трясло от страсти и ужаса, что весь этот пир чувств фиксируется вражеской службой. Сейчас войдут. В плащах с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походной и в широкополых шляпах, с выступающими, словно утесы, волевыми подбородками. Я вскакиваю как ошпаренный, моя лю-

бимая в растерянности, испортят песню, грязные козлы! Я не боялся компромата, я боялся ощущения греха перед Родиной...

О, эти стоны любви, как мешают они, как отвлекают и заставляют думать о длинных ушах в стенах, Боже, как трудно, как невозможно любить в жуткой темноте и в бесшумных поцелуях, постоянно думая о "жучках"!

Ведь тридцать лет — почти что жизнь!

Залейся смехом мне в ответ,

Нак будто мы еще кружим

На перекрестках в графстве Нент! — я потом целый сборник наскреб своей Прекрасной Даме...

Это сумасшедшее ретро заняло в моей голове доли секунды, но, к счастью, незваные собеседники начали вываливать на меня совсем иную компру, неприятную, но не слишком волнительную. Но все равно: провал! Выливали дерьмо на голову и повторяли, словно занюханые попугаи, что карьера закончена и пути назад нет, а я тихо радовался, что пронесло. Боже, как повезло! Внезапно дошло, что меня вербовали: мол, попался, брат, сгорел, за это в Москве по головке не погладят, но есть выход, все шито-крыто, будем тайно сотрудничать на благо английской короны, хорошо подзаработаешь. При всей любви к Англии мысли о тайном служении короне никогда не приходили мне в голову, к тому же, даже со своими начальниками не всегда ладилось, а уж с разными там прохиндеями из иностранных спецслужб... да идите вы все...знаете, куда?! Амбиции вздыбились, как девятый

вал: как посмели? Что за наглость! Каких подонков подослали! Не смогли найти приличных джентльменов со стенами, пахнувших не жареной картошкой, а хотя бы дешевой нельнской водой! Слава Богу, дело не в моей Прекрасной Даме! Ведь сгореть на агенте — это плохо, но в порядке вещей, а вот сгореть на бабе — это позор плюс выговор по партийной линии. На случай вербовочных подходов в разведшколе нас учили: никаких несанкционированных откровений! все отрицать! переходить в контрнаступление! уходить! если надо, бить по морде, даже пивной кружкой!

А Батлер все не возвращался из своего укромного места. Что он там делал так томительно долго? Пил пиво на унитазах?

— Провокация! — вскричал я возмущенно, картинно, но неуверенно отодвинул стол и двинулся к выходу.

— Куда вы, сэр? Куда?!

Я оглядел злосчастный паб в последний раз: за мной никто не гнался со "Смит энд Вессоном" в руке, вербовщики призывно, но растерянно зазывали меня руками, и в голове мелькнула мысль произнести нечто героическое, что, наверное, делали 26 банинских комиссаров перед расстрелом английскими интервентами. В голову лезло "И вы, надменные потомки..." или "А судьи кто?", но русская классина явно не вписывалась в атмосферу паба. Но я уже резво, как заяц, мчался к машине (хвостик откровенно дрожал).

Уже в 9.00 утра я стоял перед резидентом и докладывал о ЧП. Ситуация требовала срочных мер и шеф, ничтоже сумняшеся, вы-

нес вердикт: оперативную работу прекратить, встречаться лишь с сугубо официальными контактами, активизировать деятельность по "крыше" (пресс-отдел посольства), просить Москву санкционировать ноту протеста по поводу провокационной акции спецслужб против честного дипломата. Как раз во время дискуссии меня попросили к телефону у дежурного по посольству. Звонила жар-птица, говорила чуть обиженно.

— Дорогой мой, что случилось? Куда вы исчезли? Я ждал вас целый час!

Я промямлил что-то вежливое и невнятное. Действительно, мало ли кто может подсесть к человеку, пока его приятель блаженствует в сортире! В Англии полно эксцентриков и бродяг, разве их проконтролируешь? Форин Офис всегда чист, никто там даже не слышал о существовании спецслужб...

Москва реагировала на инцидент с удивительным спокойствием: одобрила мое героическое поведение, возмутилась поразительному вероломству контрразведки (будто сами — институт благородных девиц) и встала на мою защиту. Искренний гнев Центра был столь пафосен, что я вдруг почувствовал себя не шпионом, а борцом за мир, которого злые вороги попытались скрутить в бараний рог. Посол важно двинулся в Форин Офис с нотой протеста, ее надлежало вручить новому министру, лейбористу Патрику Гордон-Уокеру. Не думаю, что посол испытывал радость: лейбористы только одержали победу на всеобщих выборах, мы уповали на метеорический взлет англо-советских отношений, а тут какая-то подозрительная возня в

пабе! О, проклятый КГБ, вечно гадивший МИДу (и наоборот)! Едва лишь посол сделал предельно серьезное лицо, извлек из портфеля меморандум и раскрыл рот, как британский министр его прервал:

— Извините, ваше превосходительство, у меня имеется кое-что для вас...

Министр понопался у себя в письменном ящике и тоже вытащил бумаженцию, правда, зачитывать по лености не стал, а любезно передал послу. Английский меморандум гласил, что второй секретарь посольства (то есть я, тот самый старлей КГБ) занимался деятельностью, несовместимой с дипломатическим статусом и должен покинуть гостеприимный Альбион. Дата отъезда не указывалась, и министр, между прочим, заметил, что дело не будет предано гласности, зачем давать ность прессе, жаждавшей разрушить нежный англо-советский альянс.

Мы с женой начали срочно собирать чемоданы, горюя по поводу скандального отъезда, но Центр неожиданно занял предельно агрессивную позицию: англичане — наглецы! Мало, что совершили гнусный подход, еще и выгоняют вместо того, чтобы извиниться! За такие вещи морду нужно бить! Дата высылки героя не указана? И чудесно! Работу свернуть и еще полгода жить в Лондоне им назло! Пусть утрутся! И я начал по-настоящему внушать Лондон: когда вертишься в рабочей рутине, не замечаешь ни диких оранжерей в садах Нью, ни разгульного веселья в пабе "Проспект ов Уитби", ни живописных каналов в районе зоопарка — лондонской Венеции...

В этом счастье прошел почти месяц. Но вдруг на январском приеме в нашем посольстве тогдашний шеф русского отдела Форин Офиса мистер Смит (как я мог запомнить маршановское "По Бейкер-стрит, по Бейкер-стрит шагает быстро мистер Смит"?) обратил свой непроницаемый лик к послу:

— Сэр, а вон тот симпатичный молодой человек, который с таким аппетитом жует осетрину в углу... это случайно не мистер... который персона...

— Вы угадали, сэр!

— Но позвольте, сэр, разве вы не читали меморандум? Разве там не написано черным по белому, что он объявлен персоной нон грата, и обязан покинуть Англию?

— Но мы думали... там не указаны сроки... мы не думали... одноно...

Одноно.

Тут же на приеме посол жарко пошептался с резидентом, и оба впали в суматошную панику: сейчас раздуют скандал в прессе,

окончательно изгадят хрупкую англо-советскую дружбу — нельзя терять ни минуты! Началась свистопляска, нас упановывали всей резидентурой, экстренно доставали картонные коробки, втискивали туда нажитое добро, не разрешали выходить в город, боясь провокаций, и уже через день энергично вывезли в Харвич и погрузили на корабль. Пролив Ла-Манш разразился штормом, пассажиры тошило, палуба превратилась в скользкий и дурно пахнущий наток. Это скорбел (или радовался) суровый Альбион.

Что ж, в конце концов, и Байрон стал изгнанником!

*"Плывем на Запад, солнцу
вслед,*

Покинув отчий край.

*Прощай до завтра, солнца
свет,*

Британия, прощай!"

В 1965 году на добрый старый Альбион обрушились две страшных беды: изгнали благородного старлея и умер великий сэр Уинстон Черчилль. ■

Иван МАЙГУН

ПРЕДАТЕЛ

История о том, как отцовское равнодушие к судьбе внебрачного сына привело его на тюремные нары.

Ловелас — в ранге идеального отца?

Среди нас, россиян, оказывается, есть "идеальный отец", об этом сообщил один глянцевого журнала. Таким отцом объявлен довольно известный кинорежиссер. Но самое поразительное то, что он сам в интервью признается: "Никогда особенно не интересовался жизнью своих детей". А их у него, между прочим, немало, так как женился, как он выражается, "многожды". Но, по его словам, "никогда не жил в семье, где дети были бы старше семи лет. Уходил".

Сейчас у него снова, судя по снимку на обложке, молодая жена и пухлый младенец 11-ти месяцев. Интервьюерша детально выспрашивает собеседника, как он

ЬСТВО

спит, что ест, какие витамины принимает, чтобы сохранить все функции своего организма. Ее мало интересует, общается ли *"идеальный отец"* с брошенными детьми? И, если не общается, то почему? И как в этом случае он ухитряется играть роль *"идеального отца"*? Ведь мужчина, если он настоящий отец, да еще, как заявлено, *идеальный*, по-моему не должен ограничивать свою отцовскую роль лишь детородной функцией.

Тем не менее автор интервью, мимоходом называя своего собеседника ловеласом, все-таки возводит его в ранг идеального отца. Может быть, шутя?.. Нет, интонация серьезная, даже местами восторженная... А, может, это просто зигзаг нынешней моды? И

в соответствии с ее напризом роль отца теперь видится предельно упрощенной?

Если это так, то я, конечно, безнадежный ретроград. Потому что убежден: настоящий отец все-таки тот, кто дал ребенку не только жизнь, но и чувство защищенности от множества ее угроз; кто постоянно общался с ним, помогая стать жизнестойким, уверенным в себе человеком, не травмированным безотцовщиной.

А убедил меня в этом, представьте, мой собственный опыт: всю свою жизнь изживаю такую травму. И вижу, чем аунается она у моих сестер и братьев, рожденных в разных семьях, но от одного отца, — их изломанные судьбы бесконечно мучительны. И если

бы известный кинорежиссер, объявленный идеальным отцом, смутясь от этого непрошеного им звания, вникнул бы пусть только в одну из таких судеб и понял, что происходит в душе брошенного ребенка, мог бы получиться пронзительный фильм — об отцовском предательстве.

"Белой акации гроздь душистые..."

...Отец мой был в райцентровском поселке человек известный: учитель, завуч школы, любитель застолий. На этих вечеринках неплохо пел. Особенно — романсы. Один из них до сих пор щемит мне сердце — "Белой акации гроздь душистые..." Теперь, когда слышу этот романс — вижу сквозь длинную череду лет лица наших, подпевающих отцу, гостей. Отец как-то вдруг заражал всех своей порывистой, усиленной алкоголем страстью, становилось томительно жаль чего-то, может быть, того, что должно было в нашей общей жизни произойти, но не происходило.

Бывало, он спотыкался на словах — "Ах, какими мы были наивными...", комок в горле пресекал хрипловатый его баритон, он ронял вилку, которой дирижировал, опрокидывал стул, выходя из-за стола, махал гостям рукой — продолжайте, я сейчас, только вот курну на крыльце.

Мне было лет 13-14, когда на одном из таких застолий появилась светлоглазая девушка с русской челкой. Но вначале я наткнулся в прихожей на ее большой чемодан и старомодный зонтик с резной деревянной ручкой. Отец объявил гостям не без некоторого

смятения, что это его дочь от первого брака, только что окончившая педучилище.

Ее поздравляли и напутствовали. Она молча кивала, втягивая голову в плечи, и несмело улыбалась. Я с таким недоверием разглядывал ее, что она, когда мы разговорились, с удивлением спросила:

— Неужели отец про меня никогда не говорил?

— Никогда, — честно ответил я. И увидел в ее глазах испуг — она представить не могла, что до сегодняшнего дня не существовала в нашей жизни.

Устроилась она учительницей младших классов в дальней сельской школе, временами появлялась у нас. Из ее рассказов я понял: у нее было два отчима, но ни с одним у ее матери отношения не сложились. Они обе довольно часто писали отцу, но отвечал он редко и скупно, отделяясь алиментами, да пару раз присылал свое фото.

Когда моя старшая сестрица у нас освоилась, выяснилось: отсутствие папы в семье породило в ней довольно странное сочетание черт. Из состояния робости она часто впадала в неуправляемую настырность, бывала жутко обидчивой, пыталась командовать мной и моей младшей сестренкой-дошкольницей. А с отцом то заискивала, то грубила.

Так же трудно складывались у нее отношения с ее сельскими ухажерами, про которых судачили в отцовском кругу. Отца же она все больше раздранала. Ему было не до нее, и чувствуя это, она признавала все реже, пока не вышла, наконец, замуж и не уехала с мужем куда-то в Сибирь.

Долго не писала и не звонила. А лет примерно через десять нашла меня, стала писать. Выяснилось, что семейная ее жизнь тоже не получилась — живет одна, растит сына. И, судя по всему, тоскует по семейному кругу, которого у нее нет.

Чужой ребенок

Еще одним сильнейшим потрясением моего отрочества была встреча с братом, о существовании которого я тоже не знал.

Мне было уже 15, когда у нас в доме появился мальчишка — такого же роста, как и я, такой же худощавый и подвижный, и смеялся так же отрывисто. Только одет похуже и ногти на руках не стрижены. Но если этого не замечать, впечатление — будто я смотрюсь в зеркало.

Володька был внебрачным сыном моего отца, родившимся ровно через полгода после моего появления на свет. Его мать, одинокая женщина, работала одно время уборщицей в той школе, где начиналась учительская карьера нашего папеньки.

Приезд этот выбил отца из колеи. Он вдруг стал убеждать всех, будто Володька не его сын, просто по молодости ему, запутавшемуся в отношениях с женщинами, "приписали" чужого ребенка. Он носился со своей оправдательной версией, пока кто-то не сказал:

— Да посмотришь в зеркало, Семеньч, он же, как и твой сын, копия тебя.

Но две копии рядом отец вынести не мог — стал куда-то звонить, слать письма и телеграммы.

Володька же тем временем обживался — хлопотал по хозяйству, бегая с ведрами к колодцу,

подметал полы, помогал матери чистить картошку. Когда же мы с ним выходили на улицу и, влившись в компанию моих приятелей, шли к Дому культуры на очередную фильм, с ним что-то происходило: впадая в состояние тревожной неуверенности (главная травма безотцовщины!), он вдруг начинал рассказывать фантастические истории о каних-то своих поездках с геологами в Якутию, где на заброшенном прииске будто бы нашел слиток золота величиной с кулак, тайком продал его, купив на вырученные деньги дом для своей матери, а себе — ружье, из которого в тайге подстрелил уссурийского тигра. Ему, конечно же, никто не верил. Он сердился, настаивал, кричал обидные слова, даже как-то подрался с моим одноклассником, еле мы их разняли.

А вскоре выяснилось, что Володьку разыскивает мать, он, оказывается, уехал, не сказав ей — куда. Отец специально ходил с ним на почту, застав телефонный разговор с его матерью, после чего купил билет на поезд и проводил, подарив на память свое фото с надписью: "Не суди, да не судим будешь". Это фото Володька года через два вернул отцу, прислав в письме из колонии для несовершеннолетних, куда попал сразу же после отъезда от нас.

Отец, как я убедился, очень любил свои изображения, часто фотографировался и рассылал "себя" всем тем женщинам, чьи дети считали его своим папенькой — их было, по моим подсчетам, еще трое. Все они, подрастая, донимали его письмами, и, упреждая их приезд, отец исправ-

но отвечал им — исписывал множество листочков в клетку мелким, очень правильным почерком.

Время от времени он объяснялся с мамой. В очередной раз придя за полночь сильно навеселе, кричал на кухне, роняя на пол посуду, что мы все не понимаем его, а он неординарная личность, поэтому у него возникают сложные отношения с женщинами. И вообще он творческий человек, любая рутина, будь то семья или школа, тяготит его, мешает развиться его разнообразным талантам, один из которых — писательский, но вот из-за нас и наших напризов он третий год не может дописать вторую главу своего романа. Первую, будучи под хмельком, он читал гостям, и, когда ему кто-нибудь по-простецки говорил — “Брось, Семеныч, это никто не опубликует...”, — вскидывался радостно: “Что, очень смело, да?”.

“Здравствуй, брат!”

Вторую главу отец дописывал (если вообще писал) уже в другой семье, в областном городе, куда поехал на августовскую учительскую конференцию и — не вернулся.

Мать по ночам строчила на машинке — шила на продажу дефицитную тогда детскую одежку. Тем и кормились, потому как папеньнины гроши по исполнительному листу приходили нерегулярно. И вот года через два, когда мы стали привыкать к своему новому положению, в наш адрес на имя отца пришло то самое письмо от Володьки — из колонии.

В письме очень правильным, мелким почерком (как это переда-

ется? неужели через гены?) брат излагал свою историю: оназывается, уехав от нас, он не добрался до дому — вышел на промежуточной станции в буфет и отстал от поезда. Заночевал в ожидании следующего на вокзальной скамейке. Денег на еду не хватило, и его покормили кание-то бродяги, но за это заставили “стоять на шухере”, когда грабили на привокзальной площади палатку. Их всех замели, и вот он уже третий год в колонии для малолетних, высылают отцу его фото, чтобы тот удостоверился, что это не розыгрыш, и просит приехать, похлопотать у начальства, может, ему сократят срок.

Письмо переслали отцу. Он, как я потом узнал, никуда не поехал, отделавшись нравоучительным посланием. Тогда Володька стал писать мне. Писал, правда, нерегулярно, но все 15 лет — столько в общей сложности, по моим приблизительным подсчетам, ему пришлось отбыть в лагерях и тюрьмах, откуда выходил дважды, но всякий раз не успевал доехать до дому, оназываясь втянутым (так он объяснял) в новую уголовную историю.

Как-то (тогда я уже работал) у меня случилась командировка в Череповец. Там, на берегу Шексны, была колония, где брат отбывал свой срок. Я выкроил день, приехал. Шел дождь. У крыльца комендатуры блестела большая лужа. В кабинете начальника мне предложили выложить на стол то, что я привез брату по его просьбе. Шерстяные носки вывернули и оцупали. Надорвали упаковку с печеньем. Измяли тюбики с зубной пастой, выдавив ее “на пробу”.

— Бывает, наркотики в них провозят, — объяснили, внимательно осматривая меня с головы до ног. Предупредили: — Свидание здесь, в нашем присутствии.

Скрипнула другая — внутренняя — дверь, вошел конвойный. За ним, держа руки за спиной, шагнул худой человек в серой куртке и таких же штанах с оттянутыми коленками. Землистое лицо. Лихорадочный взгляд. Увидев меня, рванулся — "Здравствуй, брат!" — но конвойный стал между нами. Второй, следовавший за ним, схватил его за локти: "Не положено".

Нас усадили друг против друга, на стулья, но один из конвойных сидел рядом, напоминая взведенный курок, следил за каждым нашим движением. Разговор шел в скачущем темпе — о моей работе, о сестренке, о его самочувствии, пишет ли матери. Ответы короткие. Улыбается. Вижу морщинки у глаз, губы отливают синевой. Лицо вроде бы то же самое, узнаваемое, но чересчур пожившее. И кожа — серовато-пористая, будто все эти годы провел в подземелье. Спрашиваю, водят ли на работу.

— А как же! — восклицает весело, метнув взгляд на конвойного. — Мешки шьем, да песни поем, не жизнь — малина!..

— Заканчивайте, — пробурчал конвойный.

— Вот так-то, братец, — продолжал с усмешкой Володя, — не успеешь проснуться, как опять спать пора...

— Весельчак, — сказал неодобрительно начальник, когда его увели, но от моих расспросов о брате уклонился.

Отцовский рубль

Писал он о себе так: "Мальчонка я, в общем, неплохой, да, видно, родился не у той маменьки и не от того папеньки. Вот и маюсь..."

Про отца: "Зла на него не держу, но одно никогда не забуду: как он мне милостыню дал — рубль в карман положил, когда в поезд санал, объяснив, будто носелен дома забыл... А мне до мамки двое сутон пилить! Он, что, считал, святым духом питаться буду?"

Про свое окружение: "Ты не думай, здесь много хороших людей. И с высшим образованием есть. В общем, с ними не скучно".

Про свою мечту: "Выйду, к папанье приеду, в глаза ему посмотрю... Спрошу, не жалко ли ему того рубля..."

Про свое отчаяние: "Эх, братец, не нужен я никому и никогда не был нужен... Если пропаду здесь совсем, живи ты там за двоих, да я уж и не смог бы, наверное, жить на воле... А папашне скажи, если встретишь: за ту подаренную фотографию, за нищенский рубль, за то письмо в "малолетну", в котором он меня вместо того, чтоб поддержать, жучит, мол, сам виноват, в общем, за все его МИЛОСТИ хотел я папаню жизни лишить, когда последний раз освобождался. Да не доехал — познакомился с веселой компанией, загудел и опять загремел на нары..."

Не было письма, в котором бы не вспоминал отца. Видимо, считал: тот приезд к нам и отцовские хлопоты о его поспешной отправке роковым образом решили его судьбу. Может быть, он и прав. Кто знает, как сложилось бы, ес-

ли бы отец обошелся с ним иначе. Ведь нет в жизни ничего *прочнее* ощущения своей необходимости другому. И нет ничего *страшнее* отсутствия такого ощущения. Когда вокруг пустота. Когда человек хватается за любую протянутую руку, будь то рука профессионального вора или патологического убийцы, которому нужен лишь подручный.

Встреча в электричке

Однажды, в преддверии конца очередного его срока, я не просто взял с него слово, а заставил в письме поклясться, что на этот раз он не будет заводить дорожных знакомств, сразу приедет к нам. Я еще не знал, как именно, но твердо намеревался помочь ему адаптироваться в "нашей" жизни.

И он поклялся. Но — не доехал. И не написал потом. Почему? Снова загремел на нары и не хотел в этом признаться? Понял, что не судьба ему жить на воле? Или одна из пьяных драк стала последней в его жизни?

А года через полтора я по делам оказался в Екатеринбурге. Еду в электричке в Первоуральск, на трубный завод. Вагон набит плотно, сижу с краю снамьи, у прохода, пытаюсь читать. Стукнула вагонная дверь, зазвучали гитарные переборы, и надтреснутый, с хрипотцой, голос запел что-то очень жалостливое про мальчишечку-сироту.

Поднимаю глаза, вижу: идут по проходу двое: один — невысокий, бородатый, взгляд сонный, бренчит на гитаре, подпевая. Второй — следом, повыше, с откинутой слегка головой, с помятой

непкой в протянутой руке, в непке монеты — поет. Я не сразу разглядел второго, а когда увидел — подумал: надо же, как похож!.. Если бы не припадал на одну ногу и не щурил левый глаз (шрамом повреждена бровь), то...

Я уже нащупал в кармане двухрублевую монету, когда они оказались возле, и мы встретились со вторым взглядом. Он, увидев мои глаза, поперхнувшись, замолк, приостановился, словно забыл слова песни. Затем отвел взгляд, толкнул приятеля в спину и быстро заковылял за ним, шаркая хромавшей ногой.

Что-то странное было в их спешке. Да не Володя ли в самом деле? Ну, хромает, ну, шрам на лице — это ж в его среде дело привычное. Всканиваю, забросив сумку за спину. Иду в соседний вагон. И вижу — певцы торопливо пересекают его, без песен. Они просто уходят. От меня?

Хотел крикнуть, но они были уже в другом тамбуре. Вагон качнуло, с шипеньем открылись двери, певцы высочили на платформу, и я заметил, как бородатый, с гитарой, досадливо мотнул кудлатой головой... Но, может, мне это сходство почудилось?... А у них... Да мало ли у них поводов опасаться незнакомцев!.. Хотя не исключено, что и я им тоже ного-то напомнил.

"Как нас жизнь раскидала!.."

С тех пор прошло еще семь, нет, уже восемь лет. За это время от брата — никаких вестей. Жив ли?..

А вот отца видел недавно. Ему 82-й год, гуляет в сквере напротив дома, в котором живет. Его последняя жена, уж и не знаю,

наная по счету (генеральская вдова, женщина, как говорят, обеспеченная), моложе его на десять лет. Мы с ним не виделись лет двадцать, и когда я назвался, он, всматриваясь в мое лицо, не сразу вспомнил:

— Ты Тонин?.. Нет, постой, Настасьин. Да?

Пожевал губами, вздохнул:

— Вот как нас жизнь раскидала.

Он, в общем, неплохо выглядит для своего возраста — бодр, свеж. Правда, слегка обрюзг. И явные проблемы с памятью. Я поинтересовался, дописал ли он свой роман. "Какой роман?" — переспросил он. Я не стал уточнять, а он не настаивал, что-то его отвлекло. Но слово "дописал" вызвало в нем какое-то эхо, он вдруг пожаловался, что ему трудно написать даже записку жене — рука дрожит.

— И писем мне никто не пишет, — добавил. — Все забыли.

— А от Володи вестей не было? — спросил я.

— От какого Володи?

— От брата моего.

— Разве у тебя есть брат? — удивился он, не поняв, что речь идет и о его сыне. — У тебя же, кажется, сестра. Нет, она мне не пишет.

— Да помнишь, приезжал к нам Володя, и ты его обратно к матери отправил?

— Да-да, припоминаю, — нивнул, наконец, отец. — И что он? Где?

— Был в заключении. А сейчас — не знаю.

— Так-то вот... С законом конфликтовать...

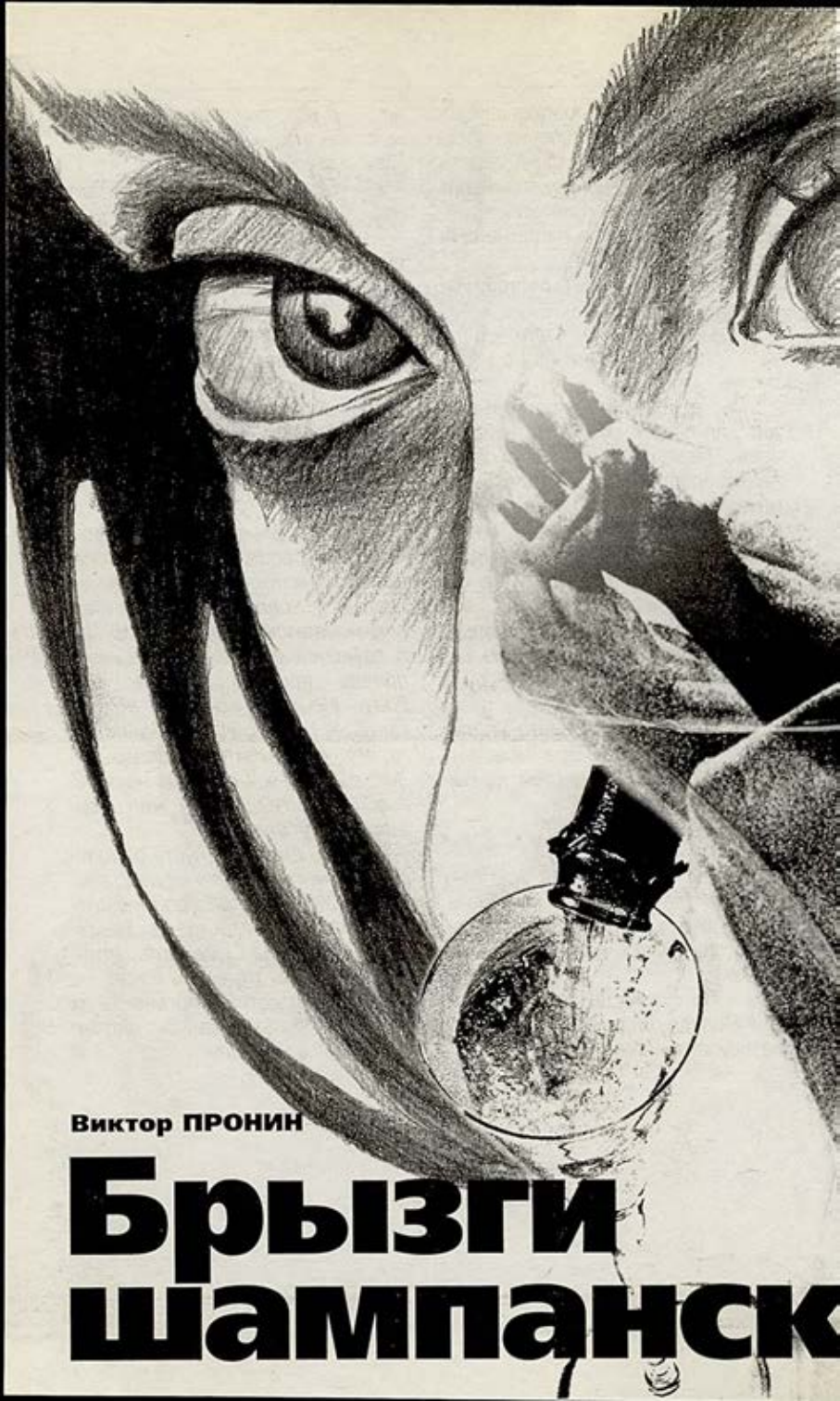
И опять отвлекся, взглянув вверх:

— Как думаешь, дождь будет? Я зонт не взял...

Он напрочь забыл Володю, мелькнувшего однажды в его жизни, чтобы навсегда раствориться в серой толпе российских зеков.

P.S. ...Только не подумайте, что я мщу своему старику, рассказывая эту историю (я здесь не называл его подлинное имя и сам подписываюсь псевдонимом). Да, я тоже клеймен безотцовщиной, правда, несколько иначе, чем брат. Но нет во мне обиды. Лишь — горечь. И понимание того, что отец мой из разряда людей, у которых в системе жизненных ценностей **семья как ценность отсутствует.**

Таких немало. И пусть они живут, как могут, только не надо возводить в культ их детородную способность. Давайте лучше создавать культ Отца Семейства, отца, неспособного отделить себя от жизни своих детей, сколько бы их у него ни было и как бы далеко они от него ни жили. ■

Виктор ПРЕНИН

Брызги шампанск

рисунок Виталия Федорова

ого

На Коктебель навалилось бабье лето. Снова наступили тихие, солнечные утра, море сделалось совершенно прозрачным, ушли грозы. Можно было войти в воду по горло и рассмотреть на дне камешки во всех подробностях. А волна все-таки была, почти неслышная, почти невидимая, и нужно было внимательно вслушаться, чтобы уловить ее даже не шелест — шепот.

Труп Мясистого увезли в Феодосию. Что с ним делать, никто не знал. Документов при теле не обнаружилось, не нашлось и денег, и было даже непонятно, на что этот человек жил. И самое главное — неизвестно, где жил. Всех горничных, вахтеров, администраторов гостиниц и пансионатов чуть ли не строем прогнали мимо Мясистого, но никто его не опознал.

Вывод мог быть только один — где-то снял комнату и там обитал вдали от глаз людских. При его профессии это было грамотное решение.

Молоденький лейтенант, конфузясь от свалившейся на него обязанности, ходил по номерам девятнадцатого корпуса и задавал постояльцам одни и те же бестолковые вопросы.

Пришел и ко мне. Рыжий, в веснушках, видимо, недавно что-то закончил, погоны лейтенантские получил. Ручки тоненькие, голос слабенький, шариковая ручка какого-то застиранного голубоватого цвета, конечно, не писала. Он и дул на нее, и тряс, и матерился вполголоса — ручка оставалась непреклонной.

— Скажите, вы что-нибудь слышали в эту ночь подозрительное? Сами понимаете, под вашими окнами нашли этот... В общем, труп нашли, — он еще не мог легко и свободно произносить это слово. Привыкнет. Насобачится так, что замечать перестанет, как из него будут выскакивать словечки и похлеще.

— Нет, ничего такого я не слышал.

— Крепко спали?

— Крепко. Поддатый был. Мы с приятелем посетили местное отделение стриптиза.

— Что за отделение такое? — удивился он.

— Голых баб показывают. Под музыку. Не совсем, конечно, голых, но так, почти. Они могут и до конца раздеться за отдельную плату. Пятьдесят гривен за трусики.

— Что-то дороговатые трусики, — включился лейтенант в разговор более для него приятный.

— Не сами трусики, — пояснил я терпеливо. — Трусики они оставляют себе. И на следующий вечер опять их используют при исполнении обязанностей, в служебных надобностях. А пятьдесят гривен берут за временное снятие трусиков. Чтоб клиент убедился — там у нее, в трусиках, все как у остальных женщин, или что-то необыкновенное, никем доселе не виданное.

* Окончание. Начало в № 6, 2001

— А что, некоторые сомневаются? — усмехнулся лейтенант.

Вопрос мне понравился, я даже посмотрел на рыжего с уважением. В этот момент наша беседа прервалась — кто-то постучал. Не успел я подняться, как дверь открылась и в комнату заглянула Жанна. Тонкой своей, опять я про тонкую руку, так вот тонкой своей загорелой рукой она сделала мне приглашающий жест, дескать, срочное дело, важное слово хочу сказать. Я вышел на площадку и закрыл за собой дверь, чтобы лейтенант не слышал наших тайн.

— Я сказала ему, что эту ночь мы провели вместе, понимаешь? — прошптала Жанна.

— С кем провели? — не понял я.

— Мы с тобой. Вдвоем. Вместе. В твоем номере. Любовью всю ночь занимались. Он меня допрашивал. Я ему так сказала.

— Зачем?

— Ну... Может быть, тебе это понадобится.

— Ты думаешь, что...

— Не смотри, что он такой тютя-матютя. Это внешнее. Он цепкий, как пиявка.

— Да! — ужаснулся я. — Как же быть?

— Молчи, и все. Ничего не видел, ничего не слышал. Спал с бабой. Баба — вот она. Все подтверждает. И он с носом.

— Ну, ладно... Спасибо, конечно. Ты очень меня выручила. Теперь мне с ним будет легче разговаривать. — Я поцеловал ее на ходу в загорелое плечо, подмигнул как можно более благодарно и вернулся в номер. Лейтенант продолжал безуспешную борьбу с ручкой.

— Твоя? — он кивнул на дверь.

— Моя.

— Ничего девочка.

— Она еще лучше, чем это может показаться на первый взгляд, — начал я отрабатывать Жаннину версию.

— Представляю, — сказал лейтенант и покраснел, осознав, какое словцо у него выскочило, что именно он себе представил и кому это говорит. — Извиняюсь, конечно. Здесь познакомились?

— На пляже.

— Она давно в Коктебеле, — медленно проговорил он, глядя в пространство и думая о чем-то своем. — Месяца два, не меньше. И без мужиков. — Лейтенант со значением посмотрел на меня — оценил ли я важность информации. Повторил снова: — Два месяца она здесь.

— Да, загорела. — Я никак не мог понять, о чем мы говорим. — За два месяца можно. С подружками опять же. Не скучно.

— Да, подружки... С подружками хорошо, — бормотал лейтенант, думая о чем-то своем. — Менялись вот только подружки. Менялись.

- Это хорошо или плохо?
- А она оставалась.
- А подружки менялись? — уточнил я.
- Менялись. — Лейтенант посмотрел на меня в упор, с какой-то опять же не понятной мне пристальностью.
- А она что... Заинтересовала вас?
- Конечно! — с вызовом ответил лейтенант. — Такая кого угодно заинтересует. Живой ведь человек.
- Кто? — не понял я.
- Я, — ответил лейтенант. — Подкатывался к ней на пляже. Не один раз подкатывался.
- И что?
- Ноль.
- Ты, старик, извини, — доверительно произнес я, — но мне это приятно слышать.
- Представляю, — опять сказал лейтенант и опять покраснел. — Извиняюсь, конечно. Она сказала, что эту ночь вы провели вместе. Это правда?
- Да, — сказал я твердо.
- Но если это так, значит, не спали?
- Сначала не спали, а потом спали. Потом опять не спали. Потом опять спали.
- Значит, вы должны были слышать, что происходит под вашими окнами?
- Шел дождь, — веско сказал я. — Над Карадагом громы-хал гром, сверкали молнии, деревья гнулись и скрипели, рядом в ресторане от музыки столы двигались, мужики и бабы орали так, будто совершали последнее в своей жизни совокупление... Мне продолжать?
- Не надо, я как-то не подумал про ресторан... Действительно. Кошкин дом. Скажите... Ведь вы все уже тут примелькались, знаете друг друга, одна половина с другой половиной если не спала, то пила... Неужели вы ни разу этого друга. — Он кивнул в сторону окна, из которого можно было видеть место, где недавно лежал несчастный Мясистый. — Неужели ни разу не встретили, не столкнулись в шашлычной, в чебуречной, хачапурной?
- Может, и сталкивались, но запомнить... — Я беспомощно развел руками. — Не запомнил. Может, он одет был иначе, встретил, к примеру, но в плавках, в трусах, шортах... Когда человек умирает, он всегда меняется. Мы же сталкиваемся друг с другом в основном на пляже, а голые... Голые все одинаковы.
- Да-да, я понимаю. Извиняюсь, конечно. Ведь он был вооружен... Пистолет с глушителем... Оружие киллера. На кого-то охотился, — произнес, наконец, лейтенант слова, к которым пробирался долго, но безошибочно. — Да, он охотился. Но нарвался на отпор. Кто-то оказался хитрее и ловчее. Профессиональнее.

— Удачливее, — подсказал я, не заметив, как произнес это слово.

Лейтенант внимательно посмотрел на меня, склонил голову вперед.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего. — Я пожал плечами. — Просто поддержал вашу мысль. Вы перечислили факторы, которые позволили в той ночной схватке, если она, конечно, была, победить тому, а не этому. Вот и все. Как я понимаю, удача в таких делах может оказаться решающим фактором.

— Значит, удачливость, говорите, — продолжал лейтенант, не обратив внимания на мою словесную дымовую защиту. — Можно было бы предположить, что пистолет, оказавшийся при нем, как раз и был орудием убийства. Но нет! Застрелили его из другого пистолета. А поскольку выстрелов никто не слышал, то он тоже был с глушителем. То есть, встретились в ненастную ночь два крутых мужика.

— Я читал в газетах, что киллеры бросают на месте преступления использованное оружие... Может быть, тот пистолет, который был при нем... и есть орудие убийства.

— Не надо. — Лейтенант поднял вверх указательный палец. — В его пистолете не хватает одного патрона. Мы его нашли. Он успел выстрелить один раз. А в трупе — четыре дырки. Две пули в животе, одна в груди и, конечно, контрольный выстрел в голову. Визитная карточка любого приличного киллера. Значит, тот, в кого он успел выстрелить... Ушел. Может быть, даже с пулей. Дождь, — неожиданно закончил лейтенант.

— Не понял?

— Дождь смывает все следы. Детектив такой есть. Допускаю, что второй участник полуночной схватки тоже был ранен, из него тоже хлестала кровь... Но этого мы уже доказать не можем.

— Вывод напрашивается сам собой, — сказал я.

— Ну?

— Поликлиники, больницы, аптеки, частные врачи... Их всех надо обойти.

— Правильно, — кивнул лейтенант. — Уже.

— Быстро работаете.

— Стараемся. Но кто второй? Кто смог завалить такую машину? Вы видели этого мужика? Кошмар. А его как теленка. С пистолетом в руке. Выстрелить успел. Такие не промахиваются. Где этот подранок? Где прячется и зализывает свои раны? Не верю я, что этот тип промахнулся. Мне уже некоторые говорили — видели его на набережной. Многие видели. Ни с кем в контакт не вступал. Шашлык ел в одиночку, коньяк пил в одиночку, на пляже лежал в одиночку. Кого он ждал?

— Ждал? — переспросил я, подталкивая лейтенанта к следующим его выводам, неплохим, между прочим, выводам. Грамотно у него все выстраивалось.

— И дождался! — Указательный палец лейтенанта, как некое предупреждение, снова замер передо мной. — Он ведь его дождался!

— Действительно, — пробормотал я.

— И где?! — Лейтенант уставился мне в глаза с такой пристальностью, что у меня мурашки пробежали по спине.

— Как где? — Это единственное, что я сообразил спросить.

— Где он дождался свою жертву? Под вашими окнами. — Лейтенант откинулся назад и в упор, с торжеством посмотрел мне в глаза. Будто уличил меня в ночном убийстве.

— Вывод убедительный.

— Я еще не все сказал. — Лейтенант снова уставился зелеными своими глазами в пространство, которое простиралось перед ним. — Ночь, дождь, гроза. Правильно?

— Да, все так и было, — подтвердил я.

— А он в белом костюме и при галстукке тащится в парк Дома творчества... Вы видели, какая лужа при входе сюда с площади? Десять на десять метров. Глубина — до сорока сантиметров. У этой лужи своя история, я помню ее с детства. Она всегда там образуется после хорошего дождя. Потом медленно куда-то впитывается, куда-то уходит. К обеду ее не будет. Так вот этот тип, — лейтенант снова кивнул в сторону моего окна, — полез в эту лужу, не боясь запачкать штанишки, промочить носочки... У него ноги насквозь мокрые.

— Так ведь дождь?

— Не надо. — Лейтенант опять поводит рыжим веснушчатым пальцем перед моим носом. — По этой луже он прошел перед самой своей смертью. У него туфли, полные воды до сих пор. Дождь не наполнит туфли водой. Пальцы все равно останутся сухими. Значит, он все-таки прошел по этой луже. За кем? К кому так торопился? Что гнало его в эту грозовую ночь?

— Действительно.

— И с пистолетом в руке, — добавил лейтенант многозначительно. — С навинченным глушителем. Со снятым предохранителем. Кого он выследил? И кто, в конце концов, оказался удачливее, на чем вы все время настаиваете?

— Да я вроде не очень-то и настаиваю...

— Не надо! — На этот раз лейтенант выставил вперед розовую свою ладошку. — Коктебель — поселок небольшой, отдыхающих в сентябре остается немного, все на виду... Найдем. Кстати, когда собираетесь уезжать?

— Побуду пока.

— Паспорт с собой?

— По-моему, остался в администрации. Они взяли у меня в самом начале... Там что-то с пропиской, с выпиской...

— Да-да, так обычно делается. Значит, в ближайшую неделю никуда не собираетесь?

— Пока Жанна здесь, — начал я с улыбкой и замолчал.

— Прекрасно вас понимаю. Ну что ж, — лейтенант поднялся, — приятного отдыха. В Коктебель заглянуло бабье лето. Вам повезло. И с девушкой тоже. У меня такое ощущение, что она тоже кого-то ждала... Не вас ли, случайно?

— Я же говорил, мы здесь познакомились. На пляже.

— Да, я помню, вы именно так и сказали. Чем меня немало удивили. Да, это вам удалось.

— Чем же я вас удивил?

— Эта девушка не знакомится на пляже.

— Видимо, я — редкое исключение?

— Очень редкое. Мы еще увидимся, да?

— Всегда к вашим услугам.

— С вами приятно разговаривать.

— А я, честно говоря, вообще первый раз присутствовал при анализе происшествия, причем, анализе профессиональном.

— Спасибо, — зарделся лейтенант — рыжие краснеют яростно, сразу всем лицом и, зная об этом, смущаются еще больше. — Мне кажется, что если я и допустил какие-то ошибки, то незначительные, а?

— Великие произведения всегда имеют некоторые погрешности, но они только украшают их, — ответил я со всей галантностью, на которую был только способен.

— Мне кажется, это не касается следствия. Ошибка, она и есть ошибка. — Он обвел взглядом мою комнату. И я, кажется, даже физически почувствовал, как хочется ему, как нестерпимо хочется прямо сейчас, сию минуту все здесь перевернуть вверх дном и осмотреть каждую тряпку — нет ли на ней крови, каждую железку — не пистолет ли это с глушителем, каждую бумажку — не документы ли это Мясистого. Но к подобным устремлениям я уже был готов. — Хороший номер, — сказал рыжий, чтобы хоть как-то объяснить свое затянувшееся молчание.

— Я не выбирал. Мне предложили, пришлось взять.

— Первый раз в Коктебеле?

— Нет, бывал и раньше. — Наконец-то я получил возможность искренне и правдиво ответить хоть на один вопрос.

— Да, побывав здесь хоть раз, уже нельзя забыть коктебельского моря. Особенно, если это связано с хорошими впечатлениями.

— За плохими впечатлениями в отпуск не едут. — Слова сами собой получились такими светскими и обтекаемыми, что я даже испугался — не сказал ли какую глупость.

— Что это у вас? — неожиданно спросил лейтенант, показывая на мой содранный локоть — все-таки он высмотрел небольшую травму, след ночных походов, все-таки высмотрел.

— Да так, — небрежно махнул я рукой, провоцируя, сознательно подталкивая его к следующим вопросам. И, конечно, он клюнул на эту наживку, конечно, захотел уточнить.

— Ну, а все-таки? — Лейтенант даже подошел поближе, чтобы рассмотреть содранный локоть во всех подробностях.

— Вражеская пуля, — ответил я словами из анекдота.

— Пуля? — Он услышал только это слово. Анекдот не пришел ему в голову, да и шутки он не пожелал услышать.

— Да какая пуля, что вы! — рассмеялся я. — Пуля разве такие следы оставляет?

— А что оставляет такие следы? — бдительно спросил он.

— Галька на пляже, если приземлиться не слишком мягко, доска забора, дверной косяк при неосторожном с ним обращении...

— Угол дома или какого-нибудь киоска, ларька, будки?

— Совершенно верно.

— В том числе трансформаторной будки? — Два зеленых глаза уставились на меня с такой пристальностью, что не рассмеяться было просто невозможно. И я рассмеялся, насколько мне это удалось.

— Вам виднее.

— Хорошо, — он кивнул головой, как бы проглатывая свои доводы и подозрения, чтобы лучше их сохранить, — тогда такой вопрос... Вы сказали, что пули оставляют не такие следы... Сказали?

— Наверно. — Я пожал плечами. — Уж если мы с вами говорим об этом, то... Вполне возможно.

— Ну как же, как же! — зачастил лейтенант. — Вы как бы пошутили, сказав, что это след вражеской пули. Но потом схватились и стали утверждать, что пули таких следов оставлять не могут. Так вот вопрос... Откуда вам известно, какие следы на живом человеческом теле оставляет пуля? Может быть, у вас есть опыт войны, опыт охраны порядка, опыт...

— Бандитский, — подсказал я и тут же пожалел — рыжий все воспринимал всерьез. — Шучу, — заверил я его, прижав обе свои ладошки к груди. — А что касается опыта... Да никакого опыта. Просто в кино видел. Сейчас в кино столько всего показывают, что у людей, даже очень далеких от криминальной жизни, складывается достаточно полное представление о том, чего они в жизни никогда не видели.

— Возможно, — холодно ответил рыжий.

Его, видимо, огорчило, что на заковыристый, уличающий вопрос можно ответить так легко и просто. Выходя из номера, лейтенант на секунду задержался в прихожей, наткнувшись взглядом на мои грязные туфли, чуть повернулся ко мне, видимо, хотел о чем-то спросить, но сам нашел ответ и промолчал, хотя далось ему это нелегко. На площадке он подергал ручку двери соседнего номера, вопросительно посмотрел на меня.

— Вы знакомы с этим жильцом?

— По-моему, там нет никакого жильца. Почти все номера пустые. Сентябрь — вы сами говорите.

— Я говорю? — удивился рыжий.

— Все говорят, — усмехнулся я. — Ведь действительно наступил сентябрь.

— Вот здесь вы правы, — значительно произнес лейтенант и, пожав мне руку, сбежал по лестнице вниз. Оглянувшись на прощание, дружески махнул рукой и скрылся в слепящем солнечном свете, которого уже никогда не увидит несчастный Мясистый.

А я этот свет видел. И буду видеть еще некоторое время.

В самом конце второго тысячелетия получила неожиданное развитие странноватая область человеческой деятельности — заказные убийства. Вроде и раньше все это было, мысль человеческая не дремала, развивалась и в этом направлении, изумляя время от времени простодушных обывателей изобретательностью и необычностью результатов. Но все это было от случая к случаю, и каждый раз, когда происходило очередное заказное убийство, люди успевали забыть о предыдущем и удивлялись, ужасались с обновленной искренностью. Назвать все это областью деятельности, мощным ответвлением человеческой цивилизации, как это случилось в последние годы тысячелетия, конечно, было нельзя. Но даже единичные случаи сделали свое дело. Они дали толчок мысли ищущей и нетерпеливой, всколыхнули натуры непоседливые и дерзкие, создали характеры, жаждущие справедливости немедленной и окончательной.

И, как говорили мыслители всех времен и народов, потребовались общественные условия, потребовался спрос на заказные убийства и на их исполнителей. А спрос, естественно, рождает предложение. И нашлись, нашлись люди, повылезали из каких-то неприметных щелей, где они, возможно, десятилетиями вытачивали бы гайки, сверлили дырки, развинчивали и завинчивали, заполняли бы ведомости, подшивали бумаги, стояли бы перед начальством, вытянув ручки вдоль туловища и покорно склонив свои головки, достаточно бестолковые, между прочим, головки.

А тут вдруг — спрос! Как гром среди ясного неба!

И потянулись, потянулись их руки к делам большим и судьбоносным, решительным и быстрым, потянулись к инструментам совершенно другим — к пистолетам, автоматам, гранатам, к минам и фугасам, к взрывчатке, которая по внешнему виду напоминает такие мирные, такие невинные вещи вроде сахара, сырого теста или хозяйственного мыла.

И пошло, пошло, сдвинулось дело, результаты с самого начала оказались просто прекрасными, убийства удавались, и неплохо — найти исполнителей было совершенно невозможно. Человек, который взял бы на себя труд систематизировать, описать, создать некую классификацию заказных убийств пос-

ледного десятилетия века, наверняка вошел бы в историю криминалистики, надолго прославил бы свое имя. Найдется такой человек, наверняка найдется, есть уже робкие попытки, есть первые успехи.

Мысль человеческая ни в чем на месте не стоит, и умы пытливые, стремящиеся к новому, неизведанному и здесь нашли свое применение. Наверно, не осталось ни одного способа исполнить задуманное, который бы не опробывался, не испытывался. Применялись различные яды — от химических и растительных до змеиных и радиационных, в пищу клиентам подмешивалось толченое стекло, в котлеты впрыскивалась ртуть, а уж что вливалось в спиртные напитки — требует отдельного исследования. Отдельного исследования наверняка требует взрывчатка. Взрывались машины, канцелярские столы, взрывались портфели и мобильные телефоны, авторучки и бутылки, прекрасно показала себя взрывчатка, заложенная в торты, почтовые посылки, детские игрушки.

Но, наверное, наибольшее применение получил способ обычного, без всяких премудростей расстрела. При стрельбе из снайперской винтовки целая толпа телохранителей, окружившая клиента плотным кольцом, ничего не сможет поделать. Если стрелок расположен на чердаке, в квартире на третьем или тринадцатом этаже — успех почти стопроцентный. Некоторые предпочитали стрелять в упор, иные — в кабинетах и на лестничных площадках. Удобно стрелять в пловца, который, ничего не подозревая, простодушно плещется в теплой воде, под летним солнцем, а красивая девушка призывно машет ему с берега и зовет, зовет к себе, а он плывет, выбрасывая руки вперед широко и устремленно. В этот момент происходил выстрел, неслышный и невидимый. Человек как бы случайно нырял, голова его навсегда скрывалась в воде, а девушка продолжала махать своей трепетной ладошкой. А через несколько дней, когда труп обнаруживали мальчишки из соседней деревни, все уже успевали смириться с безвременной кончиной, и слишком уж больших душевных терзаний находка ни у кого не вызывала.

Но наибольшее распространение получило заказное убийство клиента на пороге собственного дома. В этом была даже некоторая гуманность, потому что клиент сразу же после кончины попадал в руки родных и близких. Дело в том, что у своего дома, при виде светящихся окон своей квартиры, клиент расслабляется, теряет бдительность, чувствует себя в безопасности и уже не столь внимательно смотрит по сторонам.

Причем, убийца может войти в дом, постоять в подъезде, выкурить сигаретку, перемолвиться словцом-другим с соседями, дескать, задерживается ваш-то. Его успокаивают, заверяют, что все равно придет нужный человек, некуда ему больше идти, а если и задерживается, то от бесконечности забот, трудов и волнений. И наступает момент, когда кто-то говорит убий-

це — а вот, мол, и он, вот вы и дождались. Убийца сбегает по лестнице, на ходу передергивая затвор пистолета, торопится навстречу клиенту, тот тоже торопится и, наконец, на одном из пролетов лестницы они встречаются...

Именно такой способ решения жизненных своих проблем выбрал Курьянов — человек обстоятельный, в делах неторопливый, но надежный. Мешал ему Гуцин последнее время, мешал и вел себя непростительно дерзко, с оскорбительной самостоятельностью. А кого это не заденет?

Пришел день, пришел час, когда надо было принимать решение. Курьянов узнал, что удалось, удалось все-таки Гуцину отправить еще одно судно с лесом без его, курьяновского, ведома. Сумел обойти, кинуть, проявив непростительное пренебрежение.

— Очень хорошо, — сказал Курьянов, и даже сквозь обильные щеки видно было, как дрогнули, напрягшись, его желваки. — Очень хорошо, — повторил он уже с облегчением — все решилось как бы само собой, и теперь его решения просто вынужденны. Гуцин сам снял с него груз колебаний, сомнений, неуверенности. — Очень хорошо, — повторял Курьянов весь день.

— Очень хорошо, — произнес Курьянов в очередной раз уже на закате, в конце рабочего дня, когда опустели коридоры управления порта и ушла по его же настоянию секретарша Наденька, ушла несколько озадаченная, поскольку больше привыкла задерживаться, нежели уходить до окончания рабочего дня. Так вот, когда солнце красными бликами озарило летнее море, он набрал телефон, который вертелся у него на кончике указательного пальца всю последнюю неделю. — Ваня? — вкрадчиво спросил Курьянов.

— Ну?

— Это я... Узнаешь?

— С трудом, — ответил голос с едва уловимой приблатненностью.

— Повидаться бы, Ваня.

— Вот теперь узнаю.

— Ты как сегодня?

— Нет проблем.

— Есть такая кафешка поганенькая... "Аэлита" называется.

— Знаю.

— Ровно через час я буду проезжать мимо. Ровно через час, — повторил Курьянов.

— Усек.

— Я остановлюсь ровно на десять секунд.

— Мне этого хватит, — голос собеседника сделался улыбки-вым, он уже наверняка знал, с кем говорит, догадывался и о цели предстоящей встречи. — Затеваеся что-то серьезное? — спросил Ваня как бы между прочим.

— Посмотрим, — уклонился от телефонных подробностей Курьянов.

Через час солнце зашло, улицы южного города наполнились отдыхающими, прибавилось и машин — люди устремлялись в гости, на пьанки, свидания. Курьянов сидел в своей машине в нескольких кварталах от кафе “Аэлита”, посматривал на прохожих и, казалось, был совершенно безмятежен. Но это было лишь внешнее, ложное впечатление. В нем шла напряженная работа. Ровно за три минуты до назначенного времени он тронул машину, медленно проехал несколько кварталов и в назначенном месте притормозил. В ту же секунду со скамейки в сквере поднялся парень в белой рубашке и наглаженных серых брюках. Невысокий, поджарый парнишка с сероватым лицом, подойдя к машине, открыл переднюю дверцу, сел, и машина тут же тронулась вдоль тротуара, заполненного полуобнаженными южными прохожими.

— Вот и встретились, — сказал Ваня.

— Очень хорошо. — Курьянов настолько привык к этим словам, что уже перестал их замечать.

— Не прошло и года, не прошло и года, — пропел Ваня. — Куда путь держим?

— Покатаемся, — неопределенно ответил Курьянов. — Дело есть.

— Догадываюсь.

— Не слишком сложное...

— Для кого? — усмехнулся Ваня.

Курьянов не ответил. Он спокойно вел машину, не стремясь никого обогнать. Правый ряд его вполне устраивал и, видимо, тому были причины.

— Запомни эту улицу... Запомнил?

— Более-менее.

— И вот этот дом запомни... Частный дом, во дворе небольшая стройка... Зеленая калитка из железного листа... Видишь, да?

— Вижу.

— Над воротами приварены железные птички, видишь?

— Вижу. Что за тип? — спросил Ваня таким тоном, будто все остальное было уже сказано, согласовано, обсуждено.

— Хмырь, — коротко ответил Курьянов.

— Нехороший, значит, человек? — усмехнулся Ваня.

— Хорошие ведут себя пристойно.

— Покажешь?

— Покажу.

— Он что-то чувствует?

— Ни фига он не чувствует! — Курьянов ответил таким тоном, будто ему даже говорить о Гущине было неприятно.

— Почему?

— Дурак потому что.

— Дурак — это хорошо, — кивнул Ваня. — У него охрана?

— Говорю же — хмырь! Какая у хмырей может быть охрана? На фиг им, хмырям, охрана? Жлоб он, понял? Жлоб.

— Жлоб — это плохо, — произнес Ваня, словно именно этого объяснения и дожидался. — Когда?

— Недели хватит?

— Вполне. Сколько?

— Десять.

Ваня молча смотрел в окно, вертел головой, оглядывался и вел себя как обычный простодушный пассажир, которому показывают город, а он этим городом восхищается, все ему интересно, все его волнует и радует.

— Ты слышал, что я сказал? — не выдержал молчания Курьянов. — Мы договорились? — спросил Курьянов, как бы не слыша Ваню.

— Нет.

— Слушаю.

— Видите ли, Анатолий Анатольевич, — с некоторой церемонностью произнес Ваня, одним только обращением показав, что хотя человек он и невысокого пошиба, может быть, даже сидел какое-то количество лет, но все понимает и сделать из него дурачка никому не удастся. — Так вот, Анатолий Анатольевич...

— Мы же договорились, — недовольно поморщился Курьянов. — Какое к черту имя-отчество, если мы знакомы тыщу лет!

— Ты сказал — слушаю? Слушай.

— Хорошо, говори.

— Так вот, Анатолий Анатольевич, — неуклонно вел свое Ваня. — Человек вы большой, значительный, влиятельный. У вас под началом сотни людей. Тоже значительных и влиятельных. Я правильно понимаю положение?

— Продолжай, Ваня, я слушаю.

— И вот я что подумал, Анатолий Анатольевич... Со всякой шелупонью вы связываться не станете. Хмырь, который вам поперек горла стал... Он кто — водила, подметала, подносила? Я думаю, что он тоже большой человек. Но мне это по барабану. Вернее, меня это касается, но только по части цифирек, ноликов... А уж с крестиками я разберусь сам.

— Сколько? — спросил Курьянов.

— Двадцать пять. Видел, какая девушка пошла? — живо обернулся Ваня к Курьянову. — Обалдеть и не встать!

— Двадцать.

— Заметано. Теперь вот еще что...

— Возьми в бардачке.

Ваня с удивлением посмотрел на Курьянова, будто тот неожиданно показал ему забавный фокус. Открыв дверцу бардачка, он увидел там пачку долларов в банковской упаковке.

— Там десять, — сказал Курьянов. — Остальные после.

— Прямо на следующий день?!

— Скажем так... Через несколько дней. После этого... После того, как... Ты меня понимаешь... Наступят хлопотные дни, будет много суеты, всякой бестолковщины... Как это всегда бывает... Поэтому я не уверен, что у меня будет свободная минута повидаться с тобой. Да и не надо нам с тобой тут же к встрече стремиться.

— Заметано, — кивнул Ваня.

Курьянов, не торопясь, проехал по вечернему городу и свернул к управлению портом. На площади, забитой машинами, он нашел небольшой просвет, втиснулся между машинами и как бы перестал существовать вместе с Ваней, вместе со своим "жигуленком". Даже человек, наверняка знающий, что он здесь, на площади, никогда бы не заметил его.

— Мне выходить? — спросил Ваня.

— Сиди.

— Кого-то ждем?

— Клиента.

— Он поедет с нами?

— Тебе это нужно?

— Ни в коем случае. Я ничего не хочу о нем знать. Мне так лучше. Проще.

— Прекрасно тебя понимаю.

— Мне достаточно того, что ты сказал — он поганый жлоб. Мешает жить хорошим людям. Пакостит, портит воздух, и все, кто находится рядом, испытывают настоящие муки. Когда он уйдет, все вздохнут облегченно.

— Ты все понимаешь правильно, — кивнул Курьянов, не сводя взгляда с проходной. — А вот и он, — сказал Курьянов каким-то будничным голосом, словно говорил о вещах скучных и необязательных.

Действительно, по освещенному пространству площади не спеша шел Гуцин. Он быстро нашел свою машину, не доходя до нее метров двадцать, нажал кнопку сигнализации, и машина тут же откликнулась радостным повизгиванием, как истосковавшийся щенок, мигнула два раза фарами и замерла в ожидании, когда хозяин откроет дверь, усядется, заведет мотор и...

— Запомни эту машину, — сказал Курьянов. — Пригодится.

— Уже, — негромко отозвался Ваня. — Он всегда в это время уходит со службы?

— Завтра задержится. Совещание у руководства.

— Намного задержится?

— Час на два.

— Уже темно будет, — не то спросил, не то утвердился в своей мысли Ваня.

— Да, вполне. — Курьянов немного странно разговаривал с Ваней — не смотрел на него, видел перед собой только лобовое

стекло машины и даже, кажется, опасался повернуть голову к своему собеседнику. Срабатывало подсознательное стремление заранее отгородиться от этого человека и от всего, что с ним будет связано, начиная с завтрашнего вечера.

Ваня не был столь тонок и умен, чтобы в полной мере осознать состояние Курьянова, но общее его настроение уловил вполне. Так случилось, когда к нему приходили заказчики и, сунув деньги, даже не в руки, а вот как это сделал Курьянов — возьми, дескать, в бардачке, там для тебя приготовлено. Он усмехнулся про себя, когда услышал о бардачке и понял, что Курьянов ни на секунду не задумается, если ему представится какая-то возможность избавиться от Вани, отмазаться, говоря языком преступным, но в данном случае наиболее точным.

— Ну что, Толя, — усмешливо проговорил Ваня, тощеватый парнишка, с наглаженными штанишками и начищенными туфельками. — Ну что, Толя, — повторил он врасстяжку, — опять мы с тобой покорешались?

— Вроде того, — согласился Курьянов и в то же время как бы поставил под сомнение слова Вани, как бы отодвинул его от себя подальше.

— Подбросишь к дому?

— Конечно, нет, Ваня, — усмехнулся Курьянов и быстро взглянул ему в глаза. — К остановке доставлю, а дальше доберешься сам.

— Остановка — это хорошо, — согласился Ваня.

— Когда думаешь приступить?

— Зачем вам об этом беспокоиться, Анатолий Анатольевич? — удивился Ваня. — Как-нибудь соберусь.

— Клиента запомнил?

— Поехали, Толя. Поехали, — устало проговорил Ваня, будто общение с Курьяновым лишило его всех сил, будто он до конца выложился.

Курьянов тронул машину, выбрался из металлического мезива, свернул на тенистую улочку и уже через минуту был далеко от порта, от всех тех мест, которые так или иначе, но были связаны с предстоящим убийством. К троллейбусной остановке он подъехал медленно, остановился в отдалении, где бы никто не смог увидеть его, узнать, броситься приветствовать.

Выходя из машины, Ваня не сказал ни слова, будто не только силы у него кончились, но и слова оказались израсходованными. Он лишь поднял руку, как бы прощаясь, Курьянов кивнул, и оба расстались с чувством облегчения. Они уже тяготились друг другом, стремились избавиться от собеседника, который знал о другом главное. Легкой походкой зека Ваня шагнул в листву деревьев у троллейбусной остановки и скрылся с глаз.

А на следующий вечер, оставив машину у громадного грузовика, Ваня двинулся в сторону того самого дома, на воротах которого были приварены две жестяные птички. На Ване были

потертые джинсы, растоптанные кеды, светлая безрукавка, на плече — сумка с инструментом. Наверно, убийство можно сравнить с выдергиванием зуба — лучше не тянуть, а сразу, без промедления, а там уж будь, что будет. Какой-то анекдот есть, когда клиент у зубного врача возмущился — как, вы тянули зуб три секунды и я должен отдать вам за это уйму денег? На что врач отвечает что-то в том духе, что если настаиваете, то я могу тянуть ваш зуб полчаса, только бы вам не было жалко своих рублей.

Ваня придерживался точки зрения врача — сразу и быстро.

Гущин подъехал, как и говорил Курьянов, уже в темноте. Он остановил машину напротив своего дома и направился к калитке, чтобы открыть ворота изнутри и уже потом въехать во двор.

Все получилось в точности, как и рассчитал Ваня. Когда Гущин потянул ворота на себя, внутрь двора, и оказался совершенно открытым, со стороны улицы уже стоял Ваня. И как только ворота распахнулись и перед ним оказался Гущин, он трижды выстрелил ему в грудь. После первого выстрела Гущин рванулся было к дому, но последующие выстрелы свалили его наземь. Пистолет был с глушителем, поэтому в доме, во дворе никто не забеспокоился, никто не бросился на помощь хозяину дома, который в эти мгновения уже бился в предсмертной агонии.

Однако Ваня знал, что подобные подергивания еще не доказательство выполненного задания — он подошел к Гущину и дважды выстрелил в голову. Пистолет не бросил, полагая, что зачем добром разбрасываться. И потом, оружие — какой-никакой, а все же след и оставлять его ни к чему, хотя во всех криминальных телепередачах заботливые ведущие всегда подчеркивали — пистолет лучше бросить тут же, на месте преступления.

Ваня вышел из света фар оставленной Гущиным машины и сразу оказался в темноте. Случайный прохожий, который так и не понял, что произошло, впоследствии не смог даже сказать, куда делся человек, на несколько секунд мелькнувший в воротах.

А Ваня направился к своей машине, которую оставил здесь же, за ближайшим углом. Правда, номера пришлось немного изменить, на всякий случай. Открыв дверцу, бросил на заднее сиденье сумку с инструментом, завел мотор и тут же, не включая света, тронул машину с места. Лишь свернув за угол, он включил габаритные огни, подфарники, а еще через сотню метров — ближний свет. Свернув еще раз, Ваня оказался на пустоватом в это время проспекте и, не торопясь, не нарушая ни единого правила движения, он миновал проспект, свернул в полутемную улочку, потом в переулочек и как бы растворился в большом южном городе, среди огней, среди машин и прохожих, среди обстоятельств и происшествий.

Уже в своем гараже, слепленном из ржавых листов железа, Ваня восстановил родной номер своей машины, отнес сумку с

инструментом в безопасное место — у каждого наемного убийцы должно быть такое место. И лишь проделав все это, прокрутив мысленно все события вечера, все, что с ним произошло и все, что могло произойти, Ваня вошел в маленький глинобитный домик, где жил со своей мамой, поздоровался, поцеловал женщину в щечку, посидел у телевизора, не слыша и не видя ничего, что происходило на экране, и лишь после этого прошел на кухню и выпил стакан водки. Залпом. Без закуски. И лег спать. И уснул.

Вот и октябрь. Похолодало. Вроде и солнце, вроде и море, теплый ветер с гор, а пляж по утрам стылый, галька холодная, ветерок на рассвете иначе, как бодрящим, не назовешь. К полудню пляж прогревается и даже парапет становится теплым, почти как в июле, но море штормит, набегают тучи, пляжники тоскливыми глазами выискивают просветы в небе и ждут, ждут, пока солнечный зайчик, мелькнувший где-то на Карадаге, приблизится, наконец, к пляжу, коснется их истерзанных ожиданием бледных тел, покрытых гусиной кожей.

Там, где недавно еще гремели оркестры южных ресторанов, теперь пустые проплешины — ни столиков, ни навесов, ни пестрых баров, предлагающих все напитки, которые только можно себе вообразить. Но и осталось ресторанчиков достаточно. Действует “Кипарис”, который мне почему-то все время хочется называть “Казимиром”, гудит “Зодиак”, тасуются “Бубны”, салон Славы Ложко тоже не думает сворачиваться и замечательный ансамбль из города Днепродзержинска продолжает сотрясать ночной воздух побережья. Моя любимая столовая “Восток” в самом конце набережной, у начала нудистского пляжа, закрылась, и ее директор Виктор Степанович, почти Черномырдин, единственное, что мог сделать для постоянного посетителя, это пригласить на прощальный обед сотрудников столовой.

Жору я нашел на его обычном месте — у пня за чайным домиком. Он ваял новое произведение. Опять все тот же мужской орган, но какой-то маленький, скрюченный — в полном соответствии с тем, что творилось на набережной, на пляже, что творилось в природе. Рядом на земле стояла початая бутылка мадеры, и Жора вместо приветствия протянул мне не руку, а эту самую бутылку, к которой я и приник охотно и даже с чувством какой-то свершенности.

— Жизнь продолжается? — спросил я, показывая на изваяние в его руках.

— И будет продолжаться еще некоторое время, — ответил Жора привычными своими словами.

— Что нового в большом коктейбельском мире?

— Какой-то водила, вроде из Феодосии, обидел Славу Ложко. Он не виноват, он просто не знал, кто такой Слава Ложко.

- И что? — спросил я.
- Увезли.
- Славу?
- Нет, водилу увезли. Швы накладывают, гипс... Говорят, будет жить, — пояснил Жора, не отрываясь от работы.
- Слушай, а зимой ты тоже здесь работаешь, на этом пне?
- А где же? — удивился Жора.
- Так ведь снег!
- Какой снег в Коктебеле... Хочешь, стихи читаю... Сегодня утром меня посетили.
- Хочу.
- *Живу от пьянки и до пьянки...
И больше уж не на что жить...
Подайте хоть бледной поганки —
Бесплатно разок закусить!*
- Ничего, — сказал я. — Жизненно. Спиши слова.
- Вечером. Кстати... Приглашаю... Слава Ложко в своем литературно-музыкальном салоне "Богдан"... — Все эти слова Жора проговорил старательно, медленно, чтобы не сбиться, но пока произносил, забыл, что именно хотел сказать.
- Куда?
- Так в салон же... Слава устраивает мой поэтический вечер. Карадагский поэт Георгий Сергеевич Мельник. Прошу любить и жаловать. Публику просим не бесноваться.
- Сегодня?
- Да, в восемь. Слава позволил мне пригласить друзей. Вот я тебя и приглашаю.
- Будет банкет?
- Во всяком случае, стол. Для героя вечера. Хочешь еще несколько строк?
- Хочу.
- *Не упрекай меня в холодности моей...
Я избегаю близкого свиданья...
Лишь потому, что чувства тем сильней...
Чем больше между нами расстояние.*
- А стихи-то хорошие, — сказал я.
- Я знаю, — ответил Жора легко и беззаботно.
- А откуда знаешь?
- Уж если московские поэты, которым я иногда их читаю, могут под своими именами публиковать в столичных журналах... То, наверно, не так уж они и плохи.
- Было и такое?
- Случалось. Они, глупые, не понимали, что я им для этого и читал! — рассмеялся Жора, не прекращая творить свое изделие, которое прямо на моих глазах приобретало вид совершенно неприличный. Жоре неизменно удавались те подробности, которые и делают обычную подделку произведением искусства. А все эти мелочи он, видимо, знал досконально, поскольку не

было рядом никаких зарисовок, фотографий, медицинских атласов. Наверное, так и должно быть, иначе он делал бы не обобщенный образ, способный воспламенить угасающую человеческую плоть, как мужскую, так и женскую, а некое пособие для людей пустых и бестолковых, для людей, которые ничего не понимают ни в утренней мадере, ни в вечерней текиле.

Литературно-музыкальный салон Славы Ложко представлял собой несколько мрачноватое помещение на самом берегу моря. Собственно, при обилии солнца эта мрачноватость воспринималась как желанная, как спасительная. Салон вплотную примыкал к главной площади у писательской столовой и как бы отгораживал набережную от моря, благодаря чему люди, проходя мимо, могли свободно рассматривать, кто сидит в салоне, с кем, что пьет и чем закусувает. А дальше простиралось море, Карадаг с профилем Волошина или, уж во всяком случае, с профилем бородатого мужика — Волошину нравилось, когда говорили, что мужик похож на него, на Максимилиана.

К восьми вечера почти все столики были заняты, толпа менее обеспеченных граждан, тех, кто не в состоянии был оплатить ужин со стихами, толпилась у входа, чтобы хоть глазком взглянуть на живого поэта, хоть строчку услышать и тем утолить духовный голод. Внутри грохотал днепродзержинский ансамбль, вооруженный громадными динамиками. От чарующих звуков оркестра подпрыгивали столики, скользили по скатертям пустые фужеры, правда, полные стояли более устойчиво, и потому посетители не спешили их опорожнять.

На стенах висели фотографии, на которых Слава Ложко был запечатлен с выдающимися отдыхающими — писатели, местные власти, редакторы журналов, печатавшие его стихи. Столик для героя вечера был установлен недалеко от сцены, но сидеть там не было никакой возможности — звуки оркестра, тысячекратно усиленные динамиками, создавали ощущение откровенного истязания.

Жора пришел прямо от парапета — отряхнул руки от каменной пыли, он как раз заканчивал очередное произведение, сложил в черную свою клеенчатую сумку головки женские, мужские, прочие головки и через две минуты был в салоне.

Место, где Слава накрыл стол, меня вполне устраивало — за спиной стояла кирпичная стена, отделяющая меня от тех, кто в данный момент прогуливался по набережной. Среди гостей за нашим столом оказался и рыжий лейтенант — он чуть запоздал и, увидев меня, так радостно рванулся к столику, что, казалось, мечтал об этой встрече не один год.

— Приветствую! — Он пожал мне руку и уселся рядом.

— И я очень рад вас видеть! Как продвигается расследование?

— А! — он небрежно махнул веснушчатой ладонью. — Все остановилось. Никакого движения вперед.

— Неужели так чисто сработано?

— Сработано не очень чисто... Но ведь вы знаете, что Коктебель — проходной двор. Скорее всего, убийца умотал отсюда в тот же вечер.

— Вполне возможно. Во всяком случае, я бы на его месте поступил точно так же.

— Да? — удивился лейтенант в какой-то невероятной тишине — оркестр замолк, и девушка, которая только что сотрясала воздух львиными рыками, волчьими воями, слоновьим трубным ревом и еще черт знает чем, отложила, наконец, свой микрофон в сторону и так легко спрыгнула с эстрады, будто не она исторгла из себя все эти чудовищные звуки. — Вы хотите сказать, что вполне могли оказаться на его месте? Я правильно понял?

— Нет, неправильно. Я сказал предположительно. А вы, видимо, приняли мои слова за признательные. Как вы относитесь к сухому вину?

— Прекрасно! — воскликнул лейтенант. — Тем более, что на столе, кроме алиготе, ничего нет.

— Жора, а ты как?

— Нет-нет, я потом наверстаю. А то все стихи перезабуду... — он сидел, подперев щеку кулаком и отсутствующе глядя в зал.

— Печально, когда смерть наступает человека в таком прекрасном месте, — проговорил лейтенант, залпом выпив стакан.

— А что, есть места, где смерть не столь печальна? — спросил Жора с прежней отрешенностью.

— Не знаю, не думал... Наверно, везде это все-таки нежелательное явление.

— Знаешь, как я бы хотел умереть? — спросил Жора, почему-то оживившись. — Чтобы без следов.

— Без следов? — дернулся лейтенант. — Без следов ничего не бывает. Ничего.

— Умереть так, — продолжал Жора, как бы не слыша лейтенанта, — чтобы не осталось от меня ни трупа, ни отдельных частей. Был я — нет меня. Где я, что со мной, куда пропал, надолго ли... Чтобы ни у кого не нашлось ответов на эти вопросы. Был — нету. Все. Ветер в ветвях прошумел, где-то на Карадаге гром прогремел, упали редкие капли дождя... И все.

— Сесть в лодку, — заговорил рыжий лейтенант, — отплыть в море, привязать камень к ногам и перевалиться за борт. Ничего не останется.

— Не годится, — Жора отрицательно покачал головой. — Все равно волны вытолкнут на берег нечто кошмарное... Кстати... А знаешь, как я поступил с первой сотней камней, которым придаю форму женских головок, чудищ морских, улиток, ящериц... Я все их выбросил в море. Сто камней.

— Зачем?

— Глупость, конечно... Я подумал так... Вот море во время шторма выбросит их на берег, люди будут находить и удивляться — надо же, что море может сделать из обыкновенной гальки.

Подошел Слава Ложко — большой, розовый, как сердолик из Лисей бухты, с короткими седыми волосами, взором веселым и наглым. И сразу, едва он только появился в зале, забегали официантки, снова рванулись было на сцену музыканты, но Слава мановением сильной руки вернул их на место, за столик в углу.

— Жора! — сказал он властно и положил кулак на стол. — Если опять начнешь шептать в микрофон — выгоню.

— Понял, — кивнул Жора.

— Чтоб с чувством, с толком, с расстановкой.

— Понял.

— Микрофон держи у самых губ. И это... Без мата. У меня заведение приличное, и некоторых твоих произведений публика не потерпит. И я не потерплю.

— Понял.

— Ну тогда вперед, — подвел итог этому разговору Слава и, встав, решительно подошел к микрофону. Как он представлял Жору Мельника, я не помню, поскольку у входа со стороны набережной появилась Жанна. Она помахала мне рукой, я ответил. Легко проскользнув между посетителями, Жанна подошла к нашему столику и села на стул, с которого только что поднялся Слава.

— По какому случаю пьянка?

— Георгий Сергеевич Мельник сегодня будет читать свои потрясающие стихи. Коктебельский цикл.

— А, знаю! Если ты в чужой постели и, конечно, не один, значит, точно в Коктебеле... Дальше забыла.

— Извините, мне пора, — сказал Жора и покорно, даже как-то подневольно направился к микрофону. Раздались жидкие, пьяные аплодисменты.

Жора стоял у сцены с таким выражением, будто не совсем понимал, зачем здесь оказался и как ему дальше быть, чтобы ответить на обращенные к нему взгляды.

— Ладно, прочту, — сказал он. — Так и быть... Авось, что-нибудь из этого получится... Поехали, — сказал он самому себе.

— *Пьем за здоровье, пьем за встречу,*

За одоление всех преград!

И льются пламенные речи,

И я тебе, и ты мне рад...

Но, помня горькие примеры,

Свои помятые бока,

Вот главный тост — за чувство меры,

Мне незнакомое пока.

Жора неловко поклонился, помолчал.

— А знаешь, стихи-то — ничего, — сказала Жанна.

— Обалденные стихи.

Жора снова заговорил в микрофон:

— *На берегу, на пляже, из бокала*

Мы пили крепкое вино.

А возле нас волна ласкала
Песочно-галечное дно.
К закату солнечного света,
Почуяв бодрости приток,
Я начал говорить про ЭТО,
Ты ж стала говорить про ТО,
Что я тебя совсем не знаю,
Еще бы надо закусить,
Что мужу, мол, не изменяю,
Неплохо бы еще испить...
Я взял еще.
А к ночи где-то
Вино дает обратный ток —
Ты стала говорить про ЭТО,
Я ж — ни про ЭТО, ни про ТО.

Жора продолжал читать стихи, захмелевший лейтенант смотрел на меня с пьяной пристальностью, как смотрят на человека, который двоится в глазах, и ты не знаешь, какой из двух сидящих перед тобой — настоящий. Я понимал, что раздваиваюсь у него не только после алиготе, на которое лег коньяк, но и в его уголовных папках. У меня тоже было не все в порядке со зрением и по той же причине — алиготе плюс коньяк. Рядом сидела Жанна, в полумраке светилось ее загорелое плечо. А потом я вдруг осознал, что Жора давно рядом, гремит оркестр, и Слава, слушая звериные рыки из динамиков, получает неизъяснимое наслаждение. Видимо, он был человеком более современным.

А потом Жора пригласил Жанну танцевать.

И здесь произошло маленькое событие, почти неуловимое, почти незаметное. Когда поэт склонился в полупоклоне перед Жанной, а это было для нее полной неожиданностью, она дернулась было оставить сумочку на месте, но тут же, спохватившись, снова ее взяла, хотя лучше будет сказать — схватила. И пошла танцевать с сумочкой. Но Жора привык к другим манерам. Спокойно и твердо он взял сумочку из рук Жанны и, поскольку она была на длинном ремешке, повесил ее на спинку стула. И повел женщину в танцующий круг.

Я сидел, отодвинувшись от стола, закинув ногу на ногу, и руки мои лежали на коленях. Но что-то меня зацепило, что-то вошло внутрь хмельного моего сознания, и прошло несколько минут, пока я сообразил, в чем дело. Сумочка!

Когда я это осознал, у меня не осталось никаких сомнений, я твердо знал, что делать. Опустив руки, я в полумраке ресторана нащупал сумочку. Она висела совсем рядом, и открыть ее не составляло труда. Я смотрел на Жанну, она смотрела на меня, мы были едины, пальцы мои в эти же самые секунды, нащупав несложный замочек, спокойно отодвинули один шарик относительно другого и скользнули в сумочку.

У меня не было никаких ожиданий или предчувствий. Просто сработало нечто криминальное, тем более, что рядом, с другой стороны стола, сидел бдительно-рыжий лейтенант и что-то говорил мне о своей опасной работе.

Едва пальцы мои погрузились внутрь сумочки, я сразу нащупал, сразу узнал, сразу протрезвел — у меня в руке был холодный ствол пистолета. Я нащупал даже насечку рукоятки, кнопку предохранителя.

Танец кончился, Жанна, счастливо улыбаясь, шла к столу, за ней, поддерживая ее под локоток, шел не менее счастливый Жора. И я счастливо улыбался, глядя на них. А пальцы мои в это время, покинув криминальные внутренности сумочки, легонько соединили два шарика. И я не столько услышал, сколько почувствовал — замочек легонько щелкнул.

Чтобы оправдать свои опущенные вниз руки, я подхватил стул снизу и чуть сдвинулся в сторону, чтобы Жанне было легче пройти на свое место.

Она пытливо посмотрела мне в глаза — то ли там выражение, которое она оставила несколько минут назад? Выражение оказалось точно таким же, и она успокоилась. Тем более, что сумочка опять лежала у нее на коленях, на загорелых коленях, по форме чем-то напоминающих большие, зрелые яблоки. Может быть, даже антоновку.

— Твои колени напоминают большие спелые яблоки, — сказал я, наклонившись к Жанне. — Может быть, даже антоновку, — иногда совсем неплохо озвучивать свои мысли — это создает ощущение искренности.

— Неплохо, — зарделась Жанна. — Мне нравится. Продолжай.

— Здесь?!

— А ты что имеешь в виду?

— А ты? — спросил я.

Она некоторое время молча смотрела мне в глаза, потом положила легкую свою ладошку мне на колено и чуть сжала. И я понял — будет ночь и будет утро.

Выговский не жалел денег на обустройство фирмы. Приобретение и ремонт старого особняка обошелся ему в миллион долларов, даже чуть побольше. Теперь он мог приглашать в свой кабинет людей любого пошиба, просто любого. Если бы вдруг у него в гостях оказался президент страны, Выговский все равно выглядел бы достойно. Его ближайшие соратники тоже сидели в кабинетах, ничуть не уступающих министерским. Ему удалось даже отвоевать у городских властей небольшую площадку перед домом под стоянку машин. Он велел мастерам замостить ее фигурными плитками, поставить невысокий забор из кованых кружев, на новые дубовые двери прикрепить роскошные медные ручки. На решетки для окон Выговский тоже не поскупился. Как и на

камеры кругового обзора — охрана внутри здания прекрасно видела все, что происходит снаружи. Сразу было видно — здесь расположена фирма богатая, процветающая, могущественная.

По стране открывались все новые магазины “Нордлеса”, работали пилорамы, уходили через Босфор суда с лесом, брусом, досками — все международных стандартов. Новый сотрудник фирмы Курьянов обеспечивал бесперебойную отправку грузов в самом щадящем режиме.

Но и аппетиты его росли. А не надо бы ему жадничать, не надо бы... Жадность фраера погубит.

Как и прежде, правой рукой Выговского был Здор — он единственный имел право входить к нему без предупреждения. Но пользовался этим своим преимуществом чрезвычайно редко, прекрасно понимая — не надо злоупотреблять, не надо.

Охрана особняка на внутренних мониторах давно заметила странного человека, который вот уже несколько раз проходил мимо, но не останавливался, хотя на окна смотрел пристально, поворачивая голову, насколько позволяли шейные позвонки. И когда, появившись в очередной раз, он направился к входу, его уже ждали.

Раздался звонок — человек нашел нужную кнопку.

— Слушаю вас, — проскрежетало из встроенного динамика.

— Мне к руководству.

— Вы договаривались?

— Нет.

— В таком случае руководство не может вас принять.

— Речь идет о миллионах долларов. Доложите, пожалуйста.

Сначала охранник доложил о посетителе Здору, тот выслушал, подумал и отправился к Выговскому.

— Игорь... Какой-то тип говорит о миллионах долларов.

— Где он? — спросил Выговский.

— На пороге.

— Ты его знаешь?

— Нет.

— Кого он спрашивает?

— Руководство. Не называя фамилий.

— Миллионы долларов? Он так и выразился?

— Ребята сказали, что именно так.

— Хорошо, — Выговский передернул плечами, — пусть общаются и пропустят.

Через несколько минут посетитель сидел в приемной на краешке стула, сжав коленки и положив на них плоский чемоданчик. Рассматривая его на экране монитора, Здор и Выговский не видели никаких следов волнения, каких-то приготовлений к разговору, посетитель даже не смотрел по сторонам, хотя посмотреть было на что — картины на стенах, красивая секретарша, современная мебель. Но нет, все это гостя нисколько не интересовало.

— Чудной какой-то хмырь, — пробормотал Здор. — Я пойду?

— Оставайся, — сказал Выговский и нажал кнопку звонка, разрешая секретарше впустить посетителя.

Через несколько секунд тот просунул голову в приоткрытую дверь и вопросительно посмотрел на Выговского, сидевшего за большим столом. Он сразу распознал в нем начальство.

— Входите. Садитесь. — Выговский предложил гостю расположиться у приставного столика. — Слушаю вас внимательно.

— Мне бы хотелось поговорить... Без свидетелей.

— Я доверяю этому человеку. — Выговский поднял брови. — Это один из руководителей нашей фирмы, можно сказать, второе лицо.

— Я, конечно, дико извиняюсь, — впервые в голосе посетителя прозвучали слова если и не хамские, то с явной вульгаринкой. — Я доложу вам причину своего визита, а вы, если пожелаете, конечно, можете этого господина пригласить снова. Возражать не буду.

Выговский некоторое время молчал. Он не привык, чтобы в его кабинете люди вели себя столь самоуверенно или, лучше сказать, независимо. Это озадачивало.

— Хорошо, — сказал Выговский. — Миша, подожди в приемной. Не уходи, ладно?

Здор вышел, подчеркнуто плотно закрыл за собой дверь. Выговский вместе с креслом чуть повернулся к посетителю.

— Простите, но вы забыли представиться, — сказал он.

— Это неважно.

— Даже так?

— Видите ли, это в самом деле не имеет никакого значения — кто я, что я, как я... Считайте, что я никто и звать меня никак.

— Говорите, я слушаю, — сказал Выговский, но напряглось у него все внутри, напряглось и зазвенело ноткой тревожной и опасной.

— Важно то, кого я здесь представляю.

— Кого же вы представляете?

— Я представляю тех пятерых.

— Не понял? — сказал Выговский, но побледнел. Он догадался, о чем пойдет речь.

— Я говорю о тех, кто остался в гостинице "Россия". Их там осталось пятеро. Пять молодых прекрасных трупов.

— Что вы хотите от меня?

— Миллион за каждого. Итого — пять миллионов. Долларов, естественно.

— А почему вы решили, что именно я должен вам отдать эти деньги? Какое я вообще имею к этому отношение?

— Видите ли, Игорь Евгеньевич. — Посетитель, оказывается, знал, как зовут Выговского, видимо, все-таки к разговору подготовился. — У меня нет доказательств вашей причастно-

сти к трупам на ковровом покрытии гостиничного номера, — посетителю был не чужд слог высокий, даже выпендренный. Но, странное дело, именно эти куражливые слова убедили Выговского в серьезности разговора. — А если бы у меня доказательства были, все равно я бы их не представил. Нет надобности. Пустое это. Я человек простой, живу скромно, летаю низко, над самой землей, небесные, горные выси не для меня. Впрочем, некоторые выражаются точнее — не горные выси, а горные. Люди добрые попросили вас навестить — я навещил. Попросили произнести некоторые слова — произнес. Все, что скажете, запомню и тем добрым людям, которые обратились ко мне с просьбой, все в точности передам. Поэтому говорить о подробностях не будем. Не уполномочен, видите ли. Да, не уполномочен, — повторил человек с серым лицом.

— Что вы хотите от меня услышать? — спросил Выговский и нажал невидимую для посетителя кнопку звонка. Вошел Здор.

— Садись, Миша. Этот человек хочет получить пять миллионов долларов.

— Я тоже.

— Он говорит, что хочет получить миллион долларов за каждый труп, обнаруженный некоторое время назад в гостинице "Россия". Что-то похожее, по-моему, недавно передавали по телевидению.

— И что же, настаивает? — вежливо спросил Здор.

— Нет, — вмешался в разговор посетитель. — Настаивать я не уполномочен, — он опять повторил это слово. — Я уполномочен поставить в известность и получить ответ. Эти люди... Погибшие от пуля злодея... Приехали в вашу фирму. Была назначена встреча с вашим представителем. Тогда речь шла о гораздо меньшей сумме. Но точно в назначенное время вместо представителя пришли убийцы. И расстреляли всех пятерых. Сейчас их ищет милиция. Думаю, не найдут.

— Почему вы так решили?

— Такие люди долго не живут.

— А если мы сейчас сдадим вас в милицию за шантаж? — спросил Здор несколько нервно.

— Не возражаю, — улыбнулся посетитель, показав железные зубы. — Но тогда сумма увеличится до шести миллионов. Долларов, — добавил он как бы из опасения, что его неправильно поймут.

— Может быть, вы хотите еще что-нибудь добавить? — спросил Выговский, понимая, что любой его конкретный вопрос будет истолкован как признание, может быть, даже как улика. Косвенная, но все-таки улика.

— В случае, если вы согласитесь заплатить деньги, вопрос будет исчерпан.

— Продолжайте, — сказал Выговский, хотя на языке у него вертелся другой вопрос — "А если не заплатим, что будет?"

— В случае, если вы платить откажетесь, те добрые люди, которые послали меня сюда, оставляют за собой право принимать решение. В чем оно будет заключаться, не знаю, но они сказали, что ответ будет адекватным... Другими словами: соответствующим тому, что произошло.

— Мне знакомо слово адекватность, — раздраженно ответил Выговский и посмотрел на Здора — как, дескать, быть?

— Вы утверждаете, что вам не знакомы люди, пославшие вас сюда? — спросил Здор.

— Да, так можно сказать. — Гость и подтвердил, и одновременно отверг предположение Здора.

— И часто приходится выполнять такие поручения?

— Если говорить о размере вознаграждения, то впервые.

— Какая доля обещана вам? — Выговский задавал пустые вопросы, пытаясь оттянуть время, собраться и ответить хоть что-то внятное, твердое.

— Если сдадите меня милиции, то из того миллиона, на который увеличится требуемая сумма, мне обещано сто тысяч. Долларов, естественно. Если же обойдемся без милиции, то мое вознаграждение будет несколько меньше.

— Хороший заработок, — пробормотал Здор. — Вы не боитесь, что вас обманут?

— Нет, не боюсь. Меня нельзя обманывать.

— Почему?

— Опасно. Если вы затрудняетесь что-либо ответить немедленно, — с некоторой церемонностью в голосе проговорил посетитель, — то я могу подождать в приемной. — Он видел необязательность вопросов Выговского и Здора, он вообще прекрасно понимал все, что происходит в кабинете.

— Да, так будет лучше, — сказал Выговский. — Подождите в приемной. Надолго не задержим.

— Вы можете задержать меня настолько, насколько нужно. Главное — чтобы мы решили вопрос. — И опять какая-то мертвящая церемонность прозвучала в словах посетителя. — Ко взаимному удовольствию.

— Удовольствие вы предлагаете сомнительное, — сказал Выговский.

— Чтобы уж все между нами было сказано, — гость остановился в дверях, — то могу уточнить... Удовольствие, которое я упомянул... Называется жизнью.

— А неудовольствие? — вырвалось у Здора.

— Неудовольствие — это смерть. Естественно. — Гость извиняюще улыбнулся, сверкнув железными зубами, бесшумно закрыл за собой дверь.

Некоторое время Выговский и Здор молчали, глядя друг на друга. Потом Здор молча показал на оставшийся у стула чемоданчик. И приложил палец к губам, дескать, надо молчать. В чемоданчике может быть магнитофон, радиопередатчик — все

что угодно. Не зря же он оставил его здесь. Выговский молча сделал отбрасывающий жест рукой в сторону двери.

— Понял, — пробормотал Здор и, осторожно взяв чемоданчик за ручку, вынес его в приемную. — Вы забыли прихватить с собой имущество, — сказал он посетителю, ставя чемоданчик рядом с ним.

— Извините, — приподнялся тот. — Мне подождать?

— Мы же договорились.

— Извините, — опять приподнялся человек со стула, как бы опасаясь, что его сидение будет истолковано как невоспитанность.

Вернувшись в кабинет, Здор упал в глубокое кресло и, закинув ногу на ногу, уставился в окно. Говорить было не о чем. Обсуждать и прикидывать варианты, возможности тоже не было никакой надобности. Все было сказано предельно ясно. Единственное, что можно было сделать в сложившемся положении, — это принять решение новое, свежее, может быть, отчаянное. Во всяком случае, оно должно быть неожиданным. Здор и Выговский думали именно над этим — как поступить свежо и неожиданно.

— Надо бы Мандрыку позвать, — обронил Здор.

— Позови Мандрыку, — безразлично проговорил Выговский.

Здор легко поднялся, подошел к столу, поднял трубку секретарши.

— Люся... Мандрыку в кабинет.

Мандрыка вошел через три минуты.

Закрыв за собой дверь, окинул взглядом соратников, сел в свободное кресло.

— Проблемы? — спросил он.

— В приемной сидит тип, который требует по миллиону долларов за каждого... В "России", ты знаешь.

— Их человек?

— А если, говорит, со мной что-нибудь случится, это с ним, значит, то наш долг поднимется до шести миллионов, — пояснил Здор.

— Грозился?

— Нет. Мило так пояснил, что речь идет о жизни и смерти.

Мимоходом, ненавязчиво.

— Может, пудрит мозги? — предположил Мандрыка.

— Не похоже.

— А это неважно — похоже, не похоже... Проверить надо.

— Надо, — кивнул Выговский. — Наша задача — протянуть время. Как можно дольше.

— Можно выдвинуть еще одно условие... — Мандрыка помолчал, пошевелил в воздухе пальцами, как бы на ощупь проверяя качество своего предложения. — Надо сказать, что мы согласны иметь дело только с первыми лицами.

— Неплохо, — кивнул Выговский. — Совсем неплохо. На том и остановимся. Но! — Указательный палец Выговского устался в лоб Здору. — Все охранные службы в полную боевую готовность. Понял?

— Игорь! Да сюда и так никто не просочится!

— Но этот тип вошел!

— Да мы сами его и запустили!

— Зови!

Человечек вошел, осторожно приблизился к приставному столику, присел на краешек стула, положил свой чемоданчик на колени и, подняв голову, посмотрел на Выговского почти с преданностью, с готовностью выполнить все, что тот скажет, запомнить каждое его слово. Но робости во взгляде не было, зато чувствовалась тщательно спрятанная усмешка. Посетитель знал, что от его предложения отказаться трудно.

— Мы вот тут посоветовались... То, что вы сказали... Достаточно неожиданно. — Выговский тщательно подбирал слова, следя за тем, чтобы не выскочило невзначай признание, покаяние, сожаление. Ничего этого быть не должно.

— Да-да, — закивал человечек, подбадривая Выговского, поощряя, как бы желая прийти на помощь в столь сложном для хозяина кабинета положении.

— То, что вы сказали... Смаживает на обычный шантаж и вымогательство. Вам не кажется?

— Вполне возможно, — легко согласился гость. — Да, смаживает. Но только внешне. Суть-то в другом... Случилась беда... По неосторожности, по неопытности, да мало ли какая причина может быть... Погибли люди. У каждого дети, семьи, нарушены деловые связи... Кроме всего этого, существует и самое обычное чувство справедливости, согласны? А на что смаживают мои слова, может быть, не совсем удачные слова... Так ли уж это важно? — Наконец человечек усмехнулся, уже не скрывая этого.

— Так вот, ответ таков... Мы можем иметь дело только с первыми лицами. Еще лучше — с первым лицом. Никаких посредников, посланников, гонцов и прочих. Я внятно выражаюсь?

— Выражайтесь, как вам будет угодно. Внятность в ваших словах ощущается. Но предложение неприемлемо.

— Почему?

— Вспомните гостиничный номер после посещения ваших ребятишек... Одно это воспоминание заставляет быть осторожным.

— Как нам тогда убедиться, что вы действительно кого-то представляете?

— Видите ли... — Человечек задумался, но его заминка была вызвана не растерянностью, вовсе нет, он прикидывал — можно ли этим людям, сидящим перед ним, сказать все, что знает, все, что может сказать. И, видимо, решил. — Видите ли... Я могу

представить доказательства. Естественно, вас не устроит бумага с подписями и печатями? Изготовить подобный документ нетрудно, так ведь?

— Продолжайте, — сказал Выговский.

— Доказательства, которые убедят... Они ведь могут оказаться... Крутоватыми.

— В каком смысле? — Выговский не сразу понимал причудливые выражения посетителя, хотя выражался тот достаточно точно, никакой двусмысленности в его словах не просматривалось, все предельно откровенно.

— Вам кое-что удалось доказать в гостинице... Доказательства послуживших меня людей могут иметь такой же характер.

— Пужаете? — спросил Мандрыка.

— Ни в коем случае! — замахал ладошками гость. — Такой задачи передо мной никто не ставил, а сам я от своего имени запугать никого не могу. Не дано. Если речь идет о прямом контакте... Это может быть телефон. Или же встреча на наших условиях.

— Что же это за условия?

— Мы назначаем время, место и прочие мелкие подробности. Пожалуйста.

— Наше помещение вас не устраивает?

— Естественно.

— Почему?

— Я уже ответил на этот вопрос. Должен сказать одну вещь... Мы провели большую работу и убедились, что недооценили вас. Вы нас поправили. В гостинице. Теперь у нас открыты глаза, мы знаем, с кем имеем дело. И готовы к сотрудничеству.

— И начинается это сотрудничество с пяти миллионов долларов? — спросил Мандрыка.

— Не сразу, можно постепенно. Но первый взнос должен составлять не менее пятидесяти процентов от заявленной суммы.

— Кем заявленной? — не выдержав, нервно спросил Здор.

— В данном случае мною... С вашего позволения.

— Так, — сказал Выговский — ни одно другое слово не повернулось на язык.

— Я чувствую, что вы не можете ответить немедленно, — сказал гость. — Не торопитесь. Подумайте. Прикиньте свои возможности. Я позволю через несколько дней, и вы будете более готовы к разговору серьезному и конкретному. Допустим, послезавтра. Годится? — Он поднялся.

— Что у вас в этом чемоданчике? — неожиданно спросил Здор.

— А ничего, — улыбнулся человек простодушно. — Он пустой. Я беру его с собой для солидности. Когда в руках что-то есть — это всегда вызывает уважение к человеку.

— К вам? — спросил Мандрыка.

— В данном случае ко мне, — опять улыбнулся гость. — Мусульмане четки перебирают, дети в носу ковыряются, а я чемоданчик с собой ношу. — Посетитель щелкнул замочками и откинул крышку — внутри не было ни единой бумажки.

Почти беспомощный, почти глуповатый показ пустого чемоданчика больше всех слов и угроз убедил Выговского в том, что дело затевается опасное, что человек этот действительно представляет людей, готовых на многое.

Все слова были сказаны, гость с прилизанными волосиками великодушно давал им время подумать. Видимо, и это было заранее оговорено с заказчиками. Маленькая его уступка тоже подтверждала — за ним стоят крутые ребята. Пять трупов в гостиничном номере — после такого люди могут идти на что угодно. Со святым чувством возмездия. Отдать им эти миллионы? И все начинать с нуля? Можно, но... Это ведь удавка.

Получив пять миллионов, они не отступятся и затянут петлю навсегда. Проблема именно в этом. Нельзя принимать их условия, просто нельзя.

— Пусть подумают ваши ребята о встрече, — сказал на прощание Выговский.

После ухода посетителя некоторое время все молчали, изредка поглядывая друг на друга. Каждый словно хотел определить — как далеко готов зайти другой.

— Ну, что сказать, — наконец произнес со вздохом Выговский, — надо объявлять общий сбор. Пусть все проникнутся. А то ведь они только и думают, на сколько мы их обманули. Миша, — повернулся он к Здору, — это на тебе. Вызывай срочно Славу Горожанинова, Колю Усошина, хватит с зеками якшаться, пусть отдохнет маленько. И Сережу Агапова.

— А Курьянова?

— Давай и Курьянова... Пусть знакомится с народом, проникается нашими проблемами. Я подозреваю, что Гущина он убрал.

— И сомневаться не надо, — обронил Мандрыка. — Все было состыковано с точностью до часа. Не успели объявить по телевидению, а от него уже звонок — предлагает услуги. Откуда у него наши телефоны, имена, отчества и прочие подробности? Он хлопнул мужика, тут и думать нечего.

— Если он такой крутой, пусть займется этими. — Выговский кивнул в сторону стула, на котором недавно сидел человек с прилизанной головкой и пустым дешевым чемоданчиком.

— Не надо бы ему этим заниматься, — сказал Мандрыка. — Рановато. Пусть маленько пообщается, потрется среди нас. А то...

— Не понял, — повернулся к нему Выговский.

— Если он хлопнул Гущина, то и мы для него не слишком большая ценность. Я бы его вообще не вызывал. Пусть на отшибе побудет. Присмотреться надо.

— Не получится, — сказал Выговский. — Через два дня он будет здесь. Звонил сегодня.

— Ломится мужик, — сказал Мандрыка. — Торопится.

— А чего нам корячиться, — сказал Здор. — За ним порт. Такими вещами не разбрасываются. Другое дело... Вы меня, конечно, простите... Нам нужен Усошин? Нужны его зеки? На нас три леспромхоза работают. И у них бревнышки потолще. Евро-стандарт.

— Что ты предлагаешь? Кинуть Колю?

— Не то чтобы кинуть. — Здор несколько сник под холодным взглядом Мандрыки. — Но задуматься никогда не мешает.

— А ты, Игорь?

— Я бы не спешил. Николай надежный мужик. И нас до сих пор не подводил. Ни в чем.

— Согласен, — кивнул Мандрыка.

— Виноват. — Здор куражливо развел руками, понял, что остался в одиночестве и не знает, как выкрутиться из неловкости. — Виноват, — повторил он.

— Бог простит, — сказал Мандрыка, и не было в его голосе улыбки, не было прощения.

И Здор это почувствовал. Подошел к поднявшемуся из кресла Мандрыке, похлопал его по плечу, усмехнулся как смог.

— Ты, Вася, не имей на меня зуб, ладно?

— Я? — удивился Мандрыка. — На тебя?! — еще больше удивился он. — Зуб?! Миша, ты чего? Буксуешь?

— Замнем для ясности, — подвел итог Выговский, но все поняли — непростые слова прозвучали в конце разговора, совсем непростые.

Странная публика собиралась в ресторане Славы Ложко. Вроде бы люди как люди, так же пьют, так же едят, разговаривают, когда молчит музыка, и намертво замолкают, когда раздаются взрывоподобные рулады со сцены — пустыми глазами смотрят в кирпичную стену перед собой и уносятся куда-то, где тихо и прохладно, уносятся, оставляя здесь, за столом, свое потное, упившееся тело. А едва замолкает грохот, души вновь возвращаются в свои постылые тела. Так вот, несмотря на то, что публика вроде бы самая обычная, таковой она вовсе не является. В каждом посетителе таится что-то от истории самого Славы, его прошлого, а то и будущего.

В тот вечер, когда я снова оказался в зале, в нем за поворотом, у открытой террасы с видом на Карадаг, за сдвинутыми столами сидели две компании. Веселились и произносили тосты мужики, блистали женщины, не больно хороши, не больно, но блистали, чем могли. После третьей рюмки кто угодно заблещет, заискрится, заиграет имеющимися цветами радуги.

Мы со Славой сели в сторонке за маленький столик тоже с видом на профиль Волошина, на пустынный холодный уже пляж,

где маялись несколько посиневших моржей. Похоже, Слава как-то проникся ко мне, что-то во мне учуял обостренным своим нюхом.

— По коньячку? — спросил он.

— Можно.

Он сделал какой-то жест над головой, и Алла, так похожая на знаменитую когда-то Монику Витти, принесла нам в графинчике коньяк, на тарелочке нарезанный лимон, две маленькие рюмочки, о чем-то пошептала со Славой и умчалась.

— Дай бог тебе здоровья. — Я поднял свою рюмку, и Слава в ответ поднял свою и улыбнулся.

— Видишь эти компании? — спросил он, показав в конец террасы. — Как они тебе?

— Нормальные ребята.

— Присмотрись повнимательнее — может, чем-то отличаются? Хоть чем-то? А теперь послушай. — Он наклонился, приблизившись ко мне через стол. — Те, что у самой стены, — феодосийские воры. Среди них несколько крутых авторитетов. А ближе сюда — менты. Тоже из Феодосии. И не просто менты — руководство уголовным розыском.

— А как они здесь оказались?

— Мои друзья, — невозмутимо ответил Слава. — А для друзей, как ты успел заметить, здесь всегда найдется и стол, и кров. И даже кое-что еще. — Он так пристально посмотрел на меня, что я догадался — Монику Витти имеет в виду.

Обе компании продолжали веселиться, мужчины разливали вино и коньяк, женщины весело хохотали, иногда все склонялись к центру стола — обсуждалось что-то закрытое, предназначенное не для всех, не для каждого уха.

Потом началось то, что и должно было произойти. Задумчивый парнишка из воровского застолья пригласил танцевать полную тетеньку с соседнего стола, а опытный опер, как объяснил Слава, не поднимаясь со своего места, протянул руку, тронул женщину, сидящую за соседним столом, кивком головы пригласил пройти к эстраде.

Прошло совсем немного времени, и оба стола опустели — все отплясывали на каменных плитах под грохот динамиков. Когда танцующие вернулись к своим столам, то не все, не все сели за свой стол, кое-кому больше понравилось у соседей. Все так же весело смеялись женщины, мужчины наполняли бокалы, иногда склоняясь к центру стола пошептаться, поделиться чем-то важным. И никого не смущало, что компании уже переполовинились и, судя по оживлению за столами, было ясно, что многие из них знакомы давно и достаточно близко.

— И часто они вот так собираются? — спросил я у Славы.

— Случается, — коротко ответил он.

— Они как — договариваются о совместной встрече?

— Конечно, нет. Сегодня вот столкнулись... Какая-то у них совместная дата.

— Здесь не ссорятся?

— А чего им делить, — удивился Слава. — У меня места всем хватает. А кроме того, люди-то одного пошиба. Ну, случился в жизни казус — оказались по разные стороны баррикады... А гражданская война? Братья, даже братья воевали друг с другом — кто у белых, кто у красных... Сейчас то же самое. Видишь, как им хорошо друг с другом! Хочешь познакомлю? И с теми, и с другими? Хорошие ребята, ты им понравишься. Я вижу, ты мужик непростой, что-то есть у тебя в прошлом... А может, в тебе зреет какое-то будущее, а? — Слава пристально уставился мне в глаза.

— Скорее всего, и то, и другое, — ответил я и только сейчас увидел, что за воровским столом, опьянев и приспустив галстук, сидит мой знакомый рыжий лейтенант и, положив руку на плечо рыжей женщине, что-то доверительно шепчет на ухо. Судя по блуждающей улыбке женщины, он говорил совсем не об уголовных делах, похоже, он склонял ее к делам совершенно иным. И она принимала его шепот вполне благосклонно. Было ясно, что речь между ними шла о времени и месте. Остальное было уже решено.

Подняв голову, лейтенант долго всматривался в меня и, наконец, узнав, погрозил указательным пальцем. Дескать, знаю я о тебе кое-что, дескать, только доброта моя позволяет тебе сидеть здесь и наслаждаться изысканным обществом.

— Твой знакомый? — спросил Слава.

— Допрашивал.

— По какому поводу?

— По поводу трупа.

— И что?

— Отвертелся.

— Если будет слишком уж стараться, скажи мне.

— Заметано.

— Наконец-то родное словечко услышал, — усмехнулся Слава и пошел к стойке по ресторанным своим делам — выпивка, как я заметил, закончилась и на одном столе, и на другом. Менты и воры уже начали обмениваться — вино на водку, водку на коньяк, хлеб на салат.

Этого Слава допустить не мог, и еще до того, как вернулся за наш маленький столик, Моника Витти уже несла подносы с бутылками. Некоторое время Слава хмуро рассматривал оживающие столы своих друзей, потом резко повернулся ко мне.

— А ты напрасно позволяешь бабе своей шастать с кем угодно!

— Ты о чем, Слава?

— Черненькая, загорелая...

— Ну?

— Только что пошла с каким-то хмырем в Дом творчества. Смотри, я предупредил своевременно.

— Давно?

— Две минуты назад. Пока я с выпивкой разбирался, они прошмыгнули мимо меня. По набережной. И тут же свернули в узкий проход, знаешь?

— Я пошел, — сказал я.

— Дуй, Женя. Это лучше, чем на моих девочек пялиться.

Только что прошел дождь, и набережная была в плоских мелких лужах. Редкие прохожие шли уже в куртках и свитерах.

Свернув в парк Дома творчества, я не увидел ни Жанны, ни ее спутника. Далеко они уйти не могли да и не принято в Коктебеле ходить быстро, куда-то спешить или опаздывать. Я пересек парк, всю территорию Дома творчества, но Жанны так и не увидел. Не было ее и за воротами с противоположной стороны. Куда она могла деться? Только на базар. Я прошел мимо винных рядов, мимо коньячных, овощных, осетровых, котлетных... Жанны нигде не было.

Если Слава видел ее две минуты назад... Хорошо, он мог ошибиться и видеть ее четыре, пять минут назад. Но и в том случае ей некуда деться. В эту дождливую погоду... Не в кустах же она спрячется с этим хмырем!

И тут я догадался — переговорный пункт!

Я направился через шоссе в обратную сторону. Нет, не ревность меня обуяла, все было гораздо проще. Нащупав в ее сумочке холодный ствол пистолета, я понял, что девочка эта непростая. Затянувшийся отдых Жанны на этих берегах должен иметь какое-то объяснение.

В переговорном пункте я увидел ее сразу — она стояла в открытой кабине лицом к аппарату и уже с кем-то говорила. Да, время, чтобы получить талончик и набрать номер, у нее было.

Отойдя в заросли низких деревьев, я расположился под навесом газетного киоска и стал ждать. Жанна появилась минут через пять. Раскрыв зонтик она быстро прошла к шоссе, пересекла его почти бегом и тут же нырнула в увитый диким виноградом проход к частным домикам. Так, теперь я знал, где она живет.

Не торопясь, все тем же коктебельским прогулочным шагом я пересек шоссе, подошел к увитой виноградом калитке, заглянул внутрь — длинный зеленый проход, маленькие домики, низкие двери.

Я вошел в павильон, увитый диким виноградом, и, взяв кружку пива, пристроился у крайнего столика. Отсюда хорошо были видна и дорога, и выход из калитки, в которой скрылась Жанна. Павильон был хорош еще и тем, что сам я оставался за стеной зелени совершенно невидимым.

Заросшая калитка, в которую совсем недавно проскользнула Жанна, выходила прямо на улицу, на единственную централь-

ную улицу Коктебеля. Пройдя в нее, я увидел то, в чем можно было убедиться и со стороны — уйма построек, мелких, нагроможденных одна на другую, бесконечное множество дверей, какие-то низенькие заборчики. На каждой двери — номерок. Видимо, здесь было нечто вроде коммуналки, и жильцы сдавали свои конуры приезжим.

Продолжая идти по кривоватому зеленому коридорчику, я изредка встречал хозяев, смотревших на меня с явной надеждой — неужели в конце сезона у них появится постоялец? Проход, между тем, все круче поворачивал влево, и через некоторое время я опять шел в сторону дороги. Так и есть — впереди забрезжил выход, и когда я миновал последнюю дверь, то оказался прямо на центральной улице имени Ленина. И все стало на свои места.

Жанна, конечно, знала об этом проходе и воспользовалась им, чтобы отсечь “хвост”, то есть меня. Причем проделала все это просто безукоризненно. Я вспомнил, как, входя в заросшую калитку, она даже сложила зонтик, сунула его в сумку, давая понять, что она дома. На то, чтобы быстрым шагом пройти весь этот лабиринт, требовалось не больше двух-трех минут, но вышла она уже за поворотом. Оставался один вопрос — зачем ей понадобились эти игры?

А может быть, это не игры, а суровая необходимость, возможность уцелеть, выжить? Опять же пистолет в сумочке...

Рыжему лейтенанту она сказала, что провела ночь со мной, хотя я ее об этом не просил. Она меня спасала или себя?

Все-таки есть различие, когда собирается мелкая шелупонь, мечтающая купить подержанный “жигуленок”, и когда в одной комнате оказывается публика другая — миллионеры, пусть даже скрытые, тайные. Как далеко, как далеко был тот банкет с шампанским в центральном Доме литераторов, когда все радовались необыкновенным закускам, непривычному питью. Возбуждала сама обстановка, пустота высокого зала, обилие свежего воздуха, не испорченного дымом плохих сигарет, вонью рыбных потрохов, криками дурными и необузданными. Теперь, посетив рестораны Кипра и Мадрида, Канар и Стамбула, все немного поуспокоилось, как бы подустали. Да, наверно, именно это появилось в словах, поведках, даже в походке — этакая изысканная утомленность.

На звонки Выговского съехались все точно в срок, не позже и не раньше. Время для всех вдруг обрело какую-то неизбежную твердость, с ним уже нельзя было поступать как прежде — легко, беззаботно, с безоглядной щедростью. И в глуповатом определении “время — деньги” появился смысл, значение, даже тяжесть.

Агапов приехал на новом джипе, а почему бы и нет? Машина надежная, с хорошей проходимостью, сильная, красивая машина, ее можно загрузить всем, что понадобится в дороге. Фран-

цузский джип, едва ли не самый большой из всех джипов. Усошин — на поезде. В мягком вагоне, двухместном купе, которое он занял с красивой девушкой — дерзкой, вызывающей, но при этом послушной. Курьянов прилетел рейсовым самолетом. В общем, собрались. В кабинете Выговского.

Разговаривали сдержанно, здоровались вполголоса, улыбались затаенно. Посверкивали дорогие туфельки, вспыхивали в полумраке дорогие галстуки, воздух наполнял запах хороших духов, одеколонов и прочих лосьонов. Серьезная публика собралась. Миллионеры. Особняки в Испании и на Кипре, дачи в Подмосковье, квартиры в лучших домах, внутри Садового кольца.

Выговский толкался в общей толпе, произносил какие-то слова, улыбался, но когда сел за свой стол, все поняли, что пора заниматься делом. Немного суетился Курьянов — всем крепко жал руки, заглядывал в глаза, жарко дышал. Чувствовал себя новичком, хотел понравиться и выдавал, выдавал себя. На него поглядывали усмешливо и понимающе. Ну, хлопнул мужика, завалил, можно сказать. С кем не бывает? Делал бы дело. А дело свое он делал, деньги получал и вслушивался, вслушивался в каждое оброненное слово — проникался. И это тоже все видели и снисходительно прощали. Проникайся, дорогой, проникайся. А там посмотрим...

— Давно мы не собирались в столь полном составе, — сказал Выговский.

— Надо бы почаще, — быстро вставил Курьянов, и все опустили головы, скрывая понимание — лезет мужик, лезет без мыла. Не надо бы ему вот так возникать, не надо бы...

— Был бы повод, — сказал Выговский. — Суть знаете. По нашей вине случилась беда. В гостинице "Россия". Люди пострадали. Недоработка вышла. Решение было правильное, исполнение... Оставляет желать лучшего.

— Ни фиги себе! — дернулся Здор.

— Миша, ты хочешь что-то сказать? — спросил Выговский.

— Виноват. — Здор прижал ладони к груди.

— С нас хотят получить пять миллионов долларов. По миллиону за каждого.

— Послать их! — сказал Курьянов.

— Ты берешься это сделать?

— Обсудить надо... Поприкинуть, — смешавшись, пробормотал Курьянов.

— Вот и я о том же.

— Они сами пришли сюда? — спросил Горожанинов.

— Не приходили. Не звонили. И не возникали никаким образом. Усвоили урок в гостинице. Общаться с нами им показалось опасно. Человечка прислали.

— А может, этот человек никого не представляет? — спросил Агапов. — Сейчас такие водятся... Появились откуда-то. Раскрутить бы его.

— Обещал представить доказательства.

— Какие?

— Позвонил и сказал, чтобы мы не волновались. Доказательства, дескать, будут достаточно убедительными.

— Пять миллионов — это ни в какие ворота! — воскликнул Курьянов. — Нет таких цен. На нас просто наехали. Беспредельщики какие-то. Отшивать их надо.

Мандрыка сидел в глубоком кресле лицом к окну. Слушать слушал, но головой не вертел и как бы показывал своей нарядной неподвижностью, что это еще не разговор, это все треп, а настоящий разговор начнется позже.

— Что молчишь, Вася? — обратился к нему Выговский.

— Миллион можно отдать, чтобы погасить пожар. Миллион — это нормально. Много, но нормально. И мы такую сумму выдержим без больших потрясений.

— Миллион долларов неизвестно кому?! — Курьянов недоуменно обвел всех гневным взглядом. — Не понимаю!

— Мы можем, конечно, им сказать, что сами разобрались с исполнителями, — медленно проговорил Выговский.

— Не понял? — резко повернулся к нему Усошин. — Это что же получается... Вы сами разобрались с ребятами?

— Получается, — пожал плечами Выговский. — Дело в том, что они тоже запросили за каждого из пятерых... Не так много, но достаточно круто.

— И вы с ними... разобрались? — уточнил Горожанинов.

— Ладно, Коля, проехали! — не выдержал Здор. — Проехали. Успокойся. Они уже никогда у нас ничего не потребуют. Ни сегодня, ни завтра. Вляпались они! Засветились! И мы все оказались на волоске!

— Твоя работа? — спросил Усошин.

— Ладно, Николай, хватит, — вмешался Выговский. — Действительно, дело прошлое.

— Его работа? — продолжал Усошин с непонятной настойчивостью. — Здор их убрал?

— По нашему общему решению.

— Их убрал Здор?

— Да, — наконец произнес Выговский.

— Больше вопросов нет. — Усошин откинулся в кресле и закрыл глаза, словно получил наконец то, чего так долго добивался. — А я и не знал, — проговорил он. — Думаю, куда это мои ребята пропали, почему молчат, почему прячутся... А это, оказывается, Здор с ними разобрался... Надо же, какой молодец. Нехорошо, — пробормотал Усошин, но в наступившей тишине все его услышали.

— Что нехорошо? — спросил Здор.

— Гриша и Валера — мои ребята. И если с ними решили разобраться, я должен об этом знать. А я не знал. Решение принималось без меня. Это нехорошо.

— Да, действительно, накладочка вышла, — примирительно сказал Горожанинов.

— Накладочка? — удивился Усошин. — Хороша накладочка... Но главное сделано — разобрались! — Усошин подмигнул Здору, весело так подмигнул, заговорщицки, чуть ли не половиной лица. Дескать, уж мы-то с тобой знаем, как все надо понимать, уж мы-то с тобой не промах, крутые ребята.

— Не слышу предложений, — напомнил Выговский.

— Я уже предложил, — сказал Мандрыка. — Отдать миллион долларов и закрыть вопрос.

— А ты, Толя? — обратился Выговский к Курьянову.

— Послать подальше. Сколько бы мы им ни дали — это будет только начало. Знаю я эту публику. Нам надо или всем разбежаться в разные стороны, или послать. Предлагаю послать.

Все слушали Курьянова с легкой полуулыбкой — он слишком часто подчеркивал причастность к делам фирмы, к людям, к проблемам, без всякой надобности все время повторял “мы”.

— Повидаться бы с ними, — предложил Агапов.

— Уже говорили об этом... Не отказываются, но пока уклоняются. Побаиваются.

— А чего им опасаться?

— Бояться, что гостиничная хохма может повториться.

— Решайте, — пробормотал Агапов.

— Нет, ребята, так не пойдет! — жестко сказал Выговский. — Или мы едины в принятии решений, или нет. Каждое решение должно приниматься сообща. Мы все в равной степени замараны. Никто не должен остаться в стороне, другими словами, никто не должен оставаться слишком уж чистеньким. Это попросту опасно для всех.

— Хорошая мысль. — Усошин все так же сидел в кресле, откинувшись на спинку, глаза его смотрели прямо в потолок.

— Николай, повторяю, произошла накладочка. — Выговский услышал негромкие слова Усошина. — У нас не было времени собирать всех и устраивать подобные совещания. Пойми — ребята засветились. Их вычислили.

— Можно было позвонить.

— И на звонок не было времени.

— Так не бывает.

— Тогда садись на мое место, — вспыхнул Выговский.

— Все мы рано или поздно сядем... На то место или на другое место. — Усошин усмехнулся, нехорошо усмехнулся, имея какую-то свою мысль, свое понимание происходящего.

— Как я понимаю, никто не может ничего предложить? — сказал Выговский.

— Дать бой, — продолжал настаивать Курьянов.

— Мы уже дали бой... И не один... С каждым боем проблем у нас не становится меньше, их становится больше. С каждым бо-

ем. Так будет продолжаться и дальше. Я совершенно в этом уверен.

— Они обещали доказательство того, что существуют? — спросил Агапов. — Тогда подождем доказательств.

— Обещали в течение нескольких дней.

— А этот их посланник или представитель... Если ему пальцы в дверь? — предложил Курьянов. — А можно еще кое-что зажать дверьми... Заговорит.

— Он ничего не знает, как мне кажется, — сказал Выговский. — Сознательно подобрали человека со стороны, который бы ничего не знал. Грамотно поступили.

— Будут звонить?

— Не знаю.

— Может быть, письмо подбросят?

— Сомневаюсь. Письмо — это уже след. Миша, — обратился Выговский к Здору. — Твое слово.

— Отдать миллион, и пусть катятся. Миллион за пятерых отморозков — это хорошая цена.

— Если откажутся?

— Усилить охрану.

— А если начнут грозить?

— Еще усилить охрану.

— Я склоняюсь к тому же, — сказал Усошин.

— Пусть так. — Выговский передвинул на столе какие-то бумаги, бездумно передвинул, просто чтобы сосредоточиться. — Сергей. — Он поднял голову, нашел глазами Агапова. — Ты вроде как шкуру медвежью обещал привезти из диких своих краев?

— Есть шкура! — обрадовался Агапов перемене темы. — Отличная шкура!

— Где же она?

— Привез шкуру! — Глаза Агапова сияли такой неподдельной радостью, будто не он привез медвежью шкуру, а ему привезли. К своим сорока годам Агапов умудрился сохранить румянец и выглядел если не красавцем, то где-то совсем рядом, совсем рядом. — Сейчас! — и он рванулся к двери.

— Куда он? — спросил Выговский.

— К машине, — пробормотал Усошин, который чувствовал себя причастным ко всем делам, касающимся Агапова. Все-таки оба из одних мест, оба представляли северный блок фирмы. Поднявшись из кресла, он подошел к окну, отдернул штору. Перед окном простиралась небольшая площадь, уставленная машинами, хорошими машинами.

Сзади к Усошину подтянулись остальные, и все увидели, как большими, даже не шагами, а как бы прыжками Агапов пересек площадь, подбежал к своей машине, к роскошному французскому джипу, на котором он за сутки преодолел почти две тысячи километров. Все видели, как он достал из кармана ключи, открыл дверцу джипа, протиснулся внутрь машины, пытаясь дос-

тать с заднего сиденья объемистый сверток, перетянутый шпагатом...

А потом, словно на экране, словно понарошку все увидели взрыв — изнутри джипа вырвался огонь, раздался оглушительный грохот, оконные стекла ввалились внутрь кабинета Выговского, осыпав всех стеклянными брызгами, так похожими на брызги шампанского, которые совсем недавно, совсем недавно тоже сверкали в воздухе искрящейся радугой.

Развороченный джип горел, черные клубы дыма поднимались вверх с каким-то злобным торжеством, изломанное, дымящееся тело Агапова, выброшенное взрывом, лежало в нескольких метрах и тоже дымилось, дымилось, как какая-то часть джипа.

И в этот момент прозвенел звонок. Не отвечая, Выговский поднял трубку и тут же опустил ее на рычаг. Прошло ровно столько времени, сколько требуется на то, чтобы снова набрать номер.

— Да! — отрывисто крикнул Выговский в трубку.

— Простите, пожалуйста, — прозвучал вкрадчивый надтреснутый голос. — Я был у вас несколько дней назад по поводу пяти миллионов долларов... Вы меня помните? Я — никто и звать меня никак...

— Помню.

— Во время нашей встречи вы пожелали получить доказательства серьезности наших намерений.

— Припоминаю.

— Теперь вы их получили. Этого достаточно? Или, может быть, вы захотите...

— Вполне достаточно. — Выговский положил трубку и обвел взглядом все оцепеневшее руководство фирмы "Нордлес", которое молча слушало разговор. — Это они звонили. Спрашивают, достаточно ли нам этого доказательства. — Выговский кивнул в сторону разбитого окна, в которое уже просачивалась гарь пылающего джипа.

— Может быть, он живой? — предположил Здор, показывая на распростертое тело Агапова.

— Живые так не лежат, — сказал Мандрыка. — Ты что, не видишь, у него полголовы нету.

На площадь из здания фирмы выбежали охранники, оттащили от горящей машины тело Агапова, собрались прохожие, толпа все нарастала, а здесь, в кабинете, стояла полная тишина — говорить было не о чем. Потрясенные люди молча наблюдали за суетой на площади.

— А вы сожалели, что приехали напрасно, — сказал наконец Выговский. — Очень кстати приехали. Похоронить надо Сергея.

— Я его с собой увезу, — сказал Усошин. — Там и похороним.

— Да, — кивнул Горожанинов. — Так будет лучше. И вам здесь меньше хлопот.

В этот момент снова раздался звонок.

— Да, — сказал Выговский.

— Простите, но нас неожиданно разъединили, — снова раздался надтреснутый голос.

— Нет, это я положил трубку.

— Но мне нужно что-то передать пославшим меня добрым людям. Каково будет ваше решение?

Выговский некоторое время молчал, потом покачал трубку на руке, как бы взвешивая, как бы удивляясь ее неподъемной тяжести, и, не добавив ни слова, положил на рычаг.

Девятнадцатый корпус, одиннадцатый номер — даже в звучании этих чисел мне последнее время видится что-то мистическое, но благорасположенное, словно добрый знак. Оба они нечетные, причем даже отдельные цифирьки — и те нечетные.

И вот стою я на лоджии, слушаю шелест дождя в кипарисах, подо мной сверкают тяжелые зеленые листья лаврового куста и со все возрастающим ужасом наблюдаю за тем, что происходит на моих глазах. А происходит следующее.

Рыжий лейтенант набрал где-то чуть ли не роту солдат, человек двадцать, не меньше, выстроил в одну шеренгу и велел медленно двигаться, всматриваясь в траву и подбирая все, что они в состоянии увидеть молодыми своими, зоркими, старательными глазами. Окурки, спички, косточки от персиков, пивные пробки, презервативы всех цветов радуги, а он, лейтенант, потом будет все это осматривать и прикидывать — есть в этих предметах какая-либо ценность для следствия или нет.

И вот вижу, как движется эта шеренга, медленно и неумолимо приближаясь к тому полузасыпанному колодцу, в котором спрятан мой пистолет с глушителем. Но еще до того, как два десятка солдат приблизились к колодцу, я услышал возбужденный крик одного из них. К солдату тут же бросился лейтенант, шеренга рассыпалась, и все столпились у дерева. Я все понял. Солдаты нашли пудю в дереве.

Подойдя, лейтенант внимательно осмотрел повреждение на коре, поковырял пальцем, сдвинув бровки к переносице, о чем-то задумался и велел солдатам снова растянуться в шеренгу. Парни неохотно оставили дерево и медленно двинулись к моему колодцу. А лейтенант продолжал выковыривать пулю.

Я решил к нему присоединиться.

— Что они ищут? — спросил я, кивнув на солдат.

— Кто ищет, тот всегда найдет, — невпопад ответил лейтенант, но не мог, не мог удержаться, чтобы не похвастаться находкой. — Видите? — спросил он, показывая на ствол акации.

— А что тут?

— Пуля. Сюда вошла пуля. Так что той ночью здесь происходило настоящее сражение, а вы, наверно, и знать не знали?

— Был пьян, ничего не помню.

— Да, я заходил в стриптизное заведение. Ваши показания подтвердились. Вы действительно выпили на двоих три бутылки коньяка.

И лейтенант снова повернулся к дереву и снова начал пальцем ковырять твердую, неподдающуюся кору акации.

— Надо взять стамеску, молоток и вынуть пулю вместе с частью дерева, чтобы не повредить полоски на боковой поверхности пули.

— А если повредить? — Лейтенант уставился на меня немигающим взглядом.

— Вам же надо установить, из какого оружия выпущена пуля, из какого ствола. А если полоски повредить, это определить уже будет невозможно.

— Да? — протянул лейтенант. — Откуда вам известны все эти подробности?

— Не знаю, — ответил я беззаботно. — Сейчас, наверно, каждый все это знает. Криминализация всей страны идет более успешно, чем в свое время электрификация.

В это время солдаты, столпившиеся вокруг моего колодца, вдруг заволновались, стали кричать, махать руками и звать лейтенанта к себе, чтобы показать нечто настолько кошмарное, чего он никогда в жизни не видел и наверняка больше не увидит — такое, примерно, возбуждение охватило молодых солдат.

— Не уходите, — сказал лейтенант, увидев, что я направился в сторону набережной. — Мне нужно еще с вами поговорить. Вы ведь не торопитесь?

— Куда можно торопиться в Коктебеле?

— Тоже верно. — Для верности он ухватил меня за рукав и потащил к колодцу. Я уже знал, чем вызваны крики ребят — наверняка нашли мой пистолет с глушителем. Был ли я огорчен этим, испуган, потрясен...

Нет. Ничуть. Какое-то безразличие охватило меня. Нашли? Ну и молодцы. Удачи вам и побед. На всех фронтах.

Если и был кто потрясен по-настоящему, так это рыжий лейтенант. Когда он увидел, что от толпы солдат отделился парень и, опасливо держа пистолет на вытянутых руках, шагнул к нему навстречу, он даже, кажется, немного отшатнулся. Такой удачи он не ожидал. Лейтенант побледнел от волнения, и его веснушки сделались на лице почти серыми.

— Вот, — сказал солдатик, потрясенный собственной находкой. — Нашли.

— Где? — осевшим голосом спросил рыжий.

— В колодце. Ветками был прикрыт, мусором, бумажками.

Лейтенант почему-то обернулся ко мне и некоторое время рассматривал мое лицо, словно хотел обнаружить на нем какие-то преступные следы.

— Каково? — спросил он, кивнув в сторону пистолета — солдат все еще держал его на вытянутых руках.

— Отличная находка. Это большой успех. — Опередив лейтенанта, я шагнул вперед и первым взял пистолет в руки. Чего не бывает, вдруг на какой-то планочке остались отпечатки моих пальцев, вдруг на каком-то изгибе я по неосторожности оставил свои следы. А теперь все они обесценены — и лейтенант, и солдаты видели, как я взял пистолет, я вертел его перед глазами и в конце концов протянул лейтенанту. — Теперь надо провести эксперимент.

— Какой?

— Баллистическая экспертиза.

— Цель?

— Необходимо установить, не из этого ли оружия убит человек, которого вы нашли несколько дней назад.

— И что для этого нужно сделать? — спросил лейтенант, видимо, полагая, что он сатанински хитер и раскалывает меня так тонко и изощренно, что я даже этого не замечаю.

— Необходимо сделать несколько выстрелов из этого пистолета, лучше теми же патронами, которые остались в рукоятке, — я взял из рук лейтенанта пистолет и отщелкнул обойму — вдруг там остались мои отпечатки.

Она была пуста. Видимо, удивление отразилось на моем лице, и лейтенант это заметил.

— Что с вами? — спросил он.

— патронов нет. Обойма пуста.

— А почему вы решили, что они должны там быть?

— Ничего я не решал... Просто механически взял пистолет из ваших рук... Вы сами спросили, для чего нужна баллистическая экспертиза. Я ответил.

— Вы не закончили, продолжайте, — усмехнулся рыжий с таким видом, будто понял, наконец, то, что я давно и успешно скрывал, а теперь, благодаря его хитрости и мастерству, раскрылся.

— Надо несколько раз выстрелить из этого пистолета в песок, например, и сравнить пули с теми, которые вы извлекли из Мясистого тела погибшего, — произнес я и спохватился — не надо было произносить слово "мясистый", ох, не надо было. Я даже крикнул от досады. В нечеловеческой цепкости этого рыжего уже убедился.

— Мясистое? — переспросил он, глядя на меня с милой лукавинкой. — Откуда вам известно, что у убитого было мясистое тело? Вы встречались с ним на пляже?

— Нигде мы с ним не встречались... А то, что тело его довольно обильное, было видно, когда он лежал в траве.

Лейтенант взял у меня из рук пистолет, обойму, резко, со щелчком, вогнал ее в рукоятку, еще раз коротко взглянул на меня и обернулся к солдатам.

— Продолжайте.

— Долго нам еще шарить тут? — спросил парень, который нашел пистолет.

— От забора и до обеда, — рассмеялся лейтенант. Потом взял меня под локоток и отвел в сторонку, к клумбе, усадил на скамейку, сел рядом. Пистолет он положил себе на колени стволом в сторону от меня, правильно положил, грамотно.

— Что-то подозрительно часто мы с вами встречаемся, — обронил он как бы между прочим.

— А я живу здесь, в девятнадцатом корпусе.

— Подозрительно часто, — продолжал рыжий, не слыша моих слов. — В утро убийства, у вас в номере, в ресторане Славы Ложко, здесь вот опять... Хватаете пистолет в руки, вынимаете обойму, щупаете ее, оставляете следы своих пальцев... Если вы действительно убили этого человека, то ведете себя очень хорошо.

— Я всегда стараюсь вести себя хорошо.

— Мы прекрасно друг друга понимаем. — Он похлопал меня рукой по коленке. — Если на этом пистолете и были ваши отпечатки, то теперь они потеряли свою доказательную силу.

— Вы действительно меня подозреваете?

— А почему бы и нет? По отпечаткам установили, кто был этот человек. — Лейтенант кивнул в сторону дерева, под которым нашли Мясистого. — Он в розыске. Наемный убийца. За ним много чего числится. Но здесь он потерпел поражение. Или удача изменила, или нарвался на кого-то более крутого.

— Вы считаете, что я подхожу на эту роль?

— Вполне. Хотите выстрою свою версию... Недоказанную, правда, но достаточно логичную... Хотите?

— Хочу.

— Он приехал сюда ради вас. Видимо, вас не знал, поэтому нашел не сразу. Но нашел безошибочно. Когда вы гудели в стриптиз-баре, он дождался вас. Вы брели с Андреем, а он шел следом. На набережной не решился сделать свое дело. Хотя погода была неважная, но люди сидели в кафешках, под зонтиками, в кустах... В ту ночь на набережной много было людей. Он уже знал, где вы живете, знал, что у него будет возможность выполнить заказ. Вот в этих зарослях, — лейтенант сделал широкий жест рукой, охватывая пространство от будки до колодца. — Вас есть за что убить? — неожиданно повернулся он ко мне.

— Я думаю, что если покопаться, то у каждого найдется нечто такое, за что можно убить, не раздумывая.

— Ладно, не хотите отвечать, не надо.

— Вы не закончили излагать свою версию, — напомнил я.

— Нет, закончил. На этом мои знания кончаются. Что-то произошло здесь, что-то совершенно непредвиденное. Полторы бутылки коньяка, которые вы якобы выпили... Может быть, вы их действительно выпили, а может, создавали себе алиби. Дело не в этом... Что-то здесь произошло тем вечером... Но самое потрясающее во всей этой истории... Знаете, что?

— Не знаю.

— Ваши глаза, когда вы вынули из рукоятки пистолета пустую обойму.

— Надо же, — пробормотал я растерянно, и это были единственные слова, которые я мог произнести в тот момент. Ведь я до этого вот момента действительно не мог прийти в себя от этого открытия. Если кто-то случайно нашел пистолет в колодце, он мог его взять себе, отнести в милицию, спрятать, продать, отдать кому-то... Но оставить без патронов... В этом была загадка. Похоже, что кто-то меня здесь знает. Знает меня настоящего. Друг он мне или враг?

Это произошло как-то незаметно, как бы само собой — все вопросы, связанные с производством, снабжением, поставками сырья и отгрузкой готовой продукции, даже сбыт этой продукции уже, кажется, не волновали руководство "Нордлеса" слишком уж сильно. Всеми этими делами занимались второстепенные люди — мастера, прорабы, оптовики, торговцы, которых в фирме появилось как-то уж слишком много. У всех у них было дело, все зарабатывали на хлеб, кое-кому удавалось воровать в меру сил и сообразительности.

А высшее руководство фирмы скатилось к чисто криминальным разборкам, потому что именно здесь решался вопрос жизни и смерти каждого, вопрос процветания или угасания самой фирмы.

Расстреляли во дворе собственного дома Гущина.

Прямо перед окнами главной конторы фирмы взорвали Агапова вместе с джипом и медвежьей шкурой, которую он привез Выговскому в подарок для его новой квартиры.

И, наконец, пропал Фаваз. Просто исчез, не оставив никаких следов ни от себя самого, ни от трех сухогрузов с лесом, отправленных в Ливан. Все поиски не дали никаких результатов. Сведения, которые вроде выглядели надежными и достоверными, оказались ложными, фальшивыми. Номер в гостинице был снят на другое имя, мобильный телефон молчал, в квартире, которую снимал Фаваз со своей Валентиной, жили другие люди, которые ничего не знали о лукавом арабе.

— Что будем делать? — спросил Выговский, собрав своих приближенных. — Три корабля с лесом — большие деньги!

— А как могло произойти, что мы отдали лес без предоплаты? — спросил Здор.

— Спроси у Мандрыки.

— Мандрыка! — нервно воскликнул Здор. — Как понимать?

— Давний надежный партнер... С его помощью началось наше восхождение к высотам бизнеса, — развел руками Мандрыка.

— Я понимаю — один сухогруз! — кричал Здор. — Но три?! Вася, как понимать, что ты отправил три сухогруза, не взяв с этого подонка ни копейки?

— И на старуху бывает проруха.

— Не то говоришь, — вмешался Выговский.

— Ребята... Не надо. — Голос Мандрыки окреп. — Все решения мы принимаем сообща. И ты, Игорь, и ты, Миша, прекрасно знали, что происходит. Когда мы загружали третий сухогруз, позвонил Курьянов, помните? Дескать, ребята, у вас все в порядке с деньгами? Мы его заверили, что все в порядке.

— Я его найду, — неожиданно сказал Здор.

— Как?

— Я его найду, — повторил Здор, невидяще глядя в пространство, будто видел где-то там, за горизонтом, толстомордую физиономию Фаваза.

— Есть мысль? — улыбнулся Выговский.

— И не одна. Я должен выехать немедленно.

— Куда?

— Украина.

— Куда именно? — спросил Мандрыка.

— Львов. — Здор сказал неправду, но что-то заставило его спохватиться, насторожиться. То ли тон Мандрыки не понравился, то ли проскользнула в нем какая-то неуловимая фальшь, но произнеся слово "Украина", Здор как бы зажал себе рот двумя руками. Он понял, что не должен, не может, не имеет права даже здесь, в кабинете Выговского, быть откровенным.

— А что во Львове? — спросил Выговский.

— Улица Великановича.

— Ну? — торопил с ответом Мандрыка, и это тоже не понравилось Здору.

— Там живет обалденная баба. Клара Агафонова. Мы с ней общались в Трускавце. — Здор нес полную чушь, замечая следы, пудря мозги и вешая распаренную лапшу на уши.

— И что эта баба?

— Обалденная! — повторил Здор. — У нас с ней было несколько встреч... Которые невозможно забыть. Просто невозможно.

— А как же Шарон Стоун?

— Да! Действительно! — вскричал Здор. — Как же Шарончиха?! Ты обещал!

— "Мерседес" у тебя есть?

— Есть. Но это только одно условие нашего уговора. А второе — Шарончиха! — Здор куражился, нес явную чушь с единственной целью — заставить Выговского и Мандрыку забыть одно неосторожное слово, которое он невзначай произнес — "Украина".

— Разберемся и с Шарончихой, — усмехнулся Выговский. — Кстати, она сейчас где-то в Испании снимается.

— Снимем в Испании! — уверенно заявил Здор, с облегчением чувствуя, что от слова "Украина" разговор уходит, уходит, и,

кажется, теперь уже никто не верит в то, что он поедет на Украину.

— Хорошо, — сказал Выговский, — разбирайся с Фавазом и рванем в Испанию. Я наведу справки и узнаю, где она там сейчас ошивается.

— С чего решил начать? — спросил Мандрыка.

— Что начать? — прикинулся дураком Здор.

— Поиски Фаваза.

— А что тут думать — найду хозяина квартиры, которую снимал Фаваз. Что-то у него должно быть, какой-то договор они заключали, соглашение подписывали... Сейчас же все оформляется у нотариуса.

— Ну что ж, может быть, и в самом деле неплохая мысль, — проговорил Мандрыка, и уловил Здор, все-таки уловил нотки облегчения в его голосе. Почему-то для Мандрыки было чрезвычайно важно все, что касалось Фаваза.

И Здор это понял. Не то чтобы осознал ясно и здраво, нет, просто где-то в уголке сознания образовалось облачко опасливости. Он мог о нем забывать, не вспоминать неделями, но едва звучало слово "Фаваз", а где-то рядом находился Мандрыка, в этом маленьком уголочке сознания словно вспыхивала сигнальная лампочка — "Осторожно!"

Разговор произошел в пятницу, на выходные все разъезжались по дачам, и у Здора было несколько дней, чтобы попытаться выполнить задуманное.

— Так что, с понедельника займешься Фавазом? — спросил на прощание Мандрыка уже у двери.

— Конечно, нет! — ответил Здор. — В понедельник я вылетаю в Архангельск. Ты что забыл?

— Ах да, в самом деле! — Мандрыка хлопнул себя ладонью по лбу.

Насколько помнил Здор, поезд на Запорожье отходил где-то около восьми вечера. Билет он купил легко и просто, поезд шел полупустой — с некоторых пор люди стали меньше ездить, меньше писать писем, меньше звонить и общаться друг с другом. Всё это стало вдруг неожиданно дорого, неоправданно дорого. Но зато тем, кто с деньгами, стало жить проще.

В Запорожье поезд пришел утром, и это тоже было кстати. Ехал он налегке, с дорожной сумкой, в которой лежали документы, бутылка водки, за всю дорогу он к ней так и не притронулся, дорожный нож и совершенно несъедобный бутерброд, который ему сумели всучить на Курском вокзале.

— Свободен? — спросил Здор у частного, выбрав машину почище, поприличнее — сам того не замечая, он быстро привык к вещам хорошим, добротным, касалось ли это носков или машины для десятиминутной поездки.

— Смотри для чего, — ответил водитель с некоторым гонором в голосе — Здор к этому уже был готов. На Украине едва ли

не каждый водитель, швейцар, сантехник или продавец в киоске не упускал случая подчеркнуть какое-то свое, ему одному известное достоинство. Дескать, я человек не просто так и разговаривать со мной надо подобающим образом.

Услышав такой ответ, Здор молча захлопнул дверцу и подошел к следующей машине.

— Едем? — спросил он.

— Едем.

— Это хорошо. — Он сел рядом с водителем, положил сумку на колени. — Есть у вас тут институт... Не то машиностроительный, не то индустриальный... Что-то в этом роде... Есть?

— Дело в том, что у нас есть и тот, и другой.

— Давай куда поближе, а там разберемся.

Здору повезло — кафедра геодезии, которую он искал, оказалась именно в индустриальном институте — в двадцати минутах езды от вокзала. Была суббота, но институт работал и на кафедре тоже нашлись живые люди. Здор вошел в комнату легко, даже игриво, а увидев там единственную женщину, даже обрадовался — разговор один на один всегда проще, чем с целым коллективом. Женщина, судя по всему, была здесь не то секретаршей, не то лаборанткой.

— Здравствуйте! — сказал он громче, чем следовало, и уже одним этим словом задал тон всего разговора — шуточный и доброжелательный. — Я — Миша!

— Очень приятно... А я — Люба.

— Точно Люба? — обрадовался Здор. — Надо же! Мне всегда на Люб везло.

— А мне на Миш! — рассмеялась женщина. — Вы, наверно, Владимира Ивановича ищете?

— А кто такой Владимир Иванович?

— Заведующий кафедрой. Подгорный его фамилия. По совместительству он еще и ректор. Но его сегодня нет — поехал в Попасное. Мать повез... Ей девяносто шесть лет, и она в одиночку не любит ездить.

— Нет, начальство мне не нужно. Я вот о чем хотел спросить. Работала у вас молодая деваха... Потом вышла замуж за араба... Он учился здесь.

— А, — женщина с легким пренебрежением махнула рукой. — Была такая. Валентина. Тищенко ее фамилия.

— Правильно, — подхватил Здор. — А мужа зовут Фаваз.

— Ох, и намучились мы с этим Фавазом!

— А что такое?

— Лодырь. Учиться не хочет, если бы не Владимир Иванович, давно бы отчислили.

— Найти бы мне эту Тищенко, — сказал Здор.

— Была она здесь недавно, — задумчиво проговорила женщина. — Точно была... недели три назад. Золотица на ней... Как на новогодней елке.

— Это правда, — кивнул Здор, вспомнив Валентину в офисе Фаваза.

— К матери она поехала, в Аннозачатовку.

— Куда? — не понял Здор.

— Село так называется... Аннозачатовка. В Днепропетровской области. Вроде, Фаваз к ней собирался.

— Да-а-а?! — протянул Здор. — Так это я и его могу повидать?

— Если в Арабию свою не слиняли... Они и сейчас там. Кого угодно спросите — где Тищенко, которая за арабом... Каждая собака до дома доведет.

— А улица, номер дома...

— Какая улица в Аннозачатовке! — рассмеялась женщина. — Вы что, никогда не были в Аннозачатовке?

— Никогда, — честно признался Здор.

— Это же село... Там никто цифр сроду не знает... Только по фамилиям друг друга и различают. Так и спросите... Валька, которая за арабом, где живет? Говорю же — каждая собака. А добираться вам надо по трассе Днепропетровск — Кривой Рог. Там указатель на дороге... Мимо не проедете. Водителю можете на всякий случай сказать...

Водитель, как и наказал ему Здор, ждал у подъезда, обеспокоенно поглядывая по сторонам — не обманул ли его заезжий хмырь. Увидев Здора, даже обрадовался.

— Ну что... Еще покатаемся?

— Куда?

— Днепропетровск.

— Это восемьдесят километров да еще по городу... Сто гривен.

— Поехали.

В Днепропетровске Здор вышел из машины в центре города, возле универсама, чтобы не давать водителю никаких намеков о дальнейших своих планах. Выпив пива под красным тентом, он остановил еще одного частника.

— Свободен?

— Пока все мы свободны! — рассмеялся водитель.

— А что будет потом?

— Суп с котом.

— По дороге на Кривой Рог есть село такое... Аннозачатовка.

На полпути.

— Знаю.

— Едем?

— Сто гривен.

— Вперед. — Здор распахнул дверцу и плюхнулся на переднее сиденье рядом с водителем.

— А кто там у тебя? В Аннозачатовке?

— Родня.

— Родня — это хорошо, — кивнул водитель одобрительно. —

Я, честно говоря, в этом селе никогда не был. Но мимо проезжать доводилось. Название такое, что не забудешь, верно?

— Да, трудно забыть, — согласился Здор. — А оттуда выехать сложно?

— Если недолго, подожду.

— Нет, я могу задержаться и на неделю.

— Выйдешь на трассу, проголосуешь... Самое большее — через пять минут отъедешь.

— Годится, — ответил Здор.

Аннозачатовка оказалась обычным украинским селом, разрезанным надвое асфальтовым шоссе. По обе стороны дороги стояли белые хатки, огороженные прозрачным забором из штакетника. Здор вышел из машины у магазина, расплатился и отправил водителя домой, в Днепропетровск. Недавно прошел дождь, воздух был прохладен, в листве поблескивали капли влаги. Предстоящее дело, ради которого он и приехал, почему-то не волновало его, отодвинулось, и Здор просто наслаждался хорошей погодой и собственной молодостью.

— Скажите, пожалуйста, — обратился он к пожилой женщине, — Тищенко... Где они живут?

— Это какие Тищенко? — Женщина остановилась и пристально всмотрелась в Здора — не знаком ли он ей.

— Валентина ихняя за араба вышла...

— А, Валька... — Женщина усмешливо покачала головой. — Видите справа зеленый забор? Вот за этим забором Валька и живет со своим арапом.

— Они сейчас дома?

— Кто ж их знает... Вчера вроде Вальку видела... А сегодня она может уже в Африке! — Женщина рассмеялась.

— Собака у них есть? — спросил Здор на всякий случай.

— Какая там собака! У них арап.

— Неужели такой злобный?

— А зачем ему быть злобным? — удивилась женщина. — Он черный — этого вполне достаточно. Фазаном его зовут, — крикнула вслед женщина.

— Спасибо! — рассмеялся Здор.

Валентину Здор не узнал. Он помнил надменную, светскую даму, всю в черном, с многочисленными золотыми побрякушками в ушах, на шее, на пальцах, на запястье, а сейчас увидел нечто другое. Калитку открыла красивая, все-таки красивая молодая женщина в ситцевом халатике, на ногах у нее были растоптанные тапочки, волосы кое-как собраны в пучок, и только взгляд, как и прежде, оставался слегка блудливым.

— Вам кого? — спросила Валентина. Она тоже не узнала Здора.

— Вас, — ответил Здор, улыбаясь широко и показывая потрясающие свои зубы.

— Да?

— Мы с вами познакомились в Москве, в офисе вашего супруга... Миша меня зовут, Миша.

— А, вспомнила! — Она открыла калитку, пропустила Здора во двор и снова накинула крючок. — А Фаваза нет дома. Вас это огорчает?

— Нисколько!

— Да-а-а? — протянула она, и только по этому ее словцу, произнесенному с придыханием, Здор понял, почувствовал — все возможно.

— Проходите. — Она показала на небольшой стол в тени вишни. — Присаживайтесь.

Здор прошел во двор, огляделся по сторонам, усмехнулся чему-то про себя, присел к столику. Сумку свою поставил у ног, выжидательно посмотрел на хозяйку. Какие, дескать, будут дальнейшие указания?

Что делать, что предпринять, Здор не представлял. Да, он вспомнил о словах Валентины — Запорожье, Индустриальный институт, кафедра геодезии, где она когда-то работала лаборанткой, где и познакомилась с мягкоголосым, большеглазым Фавазом. Что руководило ею тогда — действительно ли влюбилась в полненького, брюхатенького араба или же просто решила, что с ним ей будет лучше... Трудно сказать. Как бы там ни было, вольно или невольно она сказала лишнее, и Здор почти без труда нашел берлогу Фаваза.

Но что делать дальше? Обыскивать дом? Здесь денег нет, здесь их не найдешь. Деньги давно лежат в каком-нибудь бейрутском или каирском, а может, даже в швейцарском банке. Дождаться Фаваза? Дождался — и что дальше?

— У меня есть вишневая наливка, — сказала Валентина.

— Наливка — это хорошо, — ответил Здор.

— Пригубим? — Женщина стояла в полураспахнутом халатике, уперев кулачки в бока, и смотрела на Здора не то снисходительно, не то выжидаяще.

— Маленько можно, — кивнул он.

— Нужно, — поправила Валентина.

— И опять согласен.

— Ты начинаешь отвечать правильно, — хмыкнула она себе под нос и шало оглянулась, уже входя в дом.

— Я всегда отвечаю правильно.

— Будем посмотреть.

Шел какой-то пустоватый, двусмысленный разговор, и положение, в котором оказался Здор, тоже было неопределенным. Он почувствовал не беспокойство, нет, его охватила какая-то раздражающая подвешенность, что ли... Вроде бы все хорошо, он нашел беглеца, если не его самого, то убежище... А дальше, что делать дальше?

Появилась Валентина с трехлитровой банкой. В ней плескалась жидкость вишневого цвета. Поставив банку на стол, она прошла по Здору каким-то затыжным взглядом, усмехнулась про себя и, не сказав ни слова, снова удалилась в дом. На этот

раз вернулась минуты через две — в руках у нее была тарелка с белым вареным мясом.

— Свинину ешь? — спросила она.

— Я же не мусульманин.

— Фаваз не ест.

— Его проблемы, — механически ответил Здор. — Он когда появится?

— А зачем он тебе?

— Поговорить надо.

— Поговори со мной... Меня тебе мало?

— Да нет, — смешался Здор — он не привык к таким темам. — По-моему, в самый раз.

— Ну вот и все, — произнесла Валентина странные, невнятные слова и, снова отлучившись в дом, принесла два граненых стакана, две вилки, нож, хлеб. — Еще что-нибудь нужно? — спросила она, опять уперев кулачки в бока.

— Мне кажется, — Здор помялся, окидывая стол придирчивым взглядом, — мне кажется, что для хорошей беседы здесь всего достаточно.

— Беседы? — удивилась Валентина. — А о чем ты собираешься со мной беседовать?

— О жизни, — брякнул Здор первое попавшееся словцо.

— Да? — протяжно удивилась Валентина и разлила по полному стакану наливки. — Будем живы, — она тяжело ткнулась стаканом в стакан Здора и выпила до дна. Здору ничего не оставалось, как последовать ее примеру. Наливка оказалась довольно приятной на вкус, правда, несколько сладковатой, но крепости, как он заметил, в ней было достаточно. Крепковата оказалась наливка, градусов под сорок. — Так о чьей жизни будем говорить, — уже хмельно спросила Валентина, глядя на Здора полуприкрытыми глазами. — О твоей? О моей?

— О нашей.

— О нашей... Разве мы с тобой уже живем?

— Пока нет, но, я думаю, у нас все впереди. — Здор решил больше не корчить из себя недотрогу и, кажется, впервые произнес нечто прямое и откровенное.

— Ну, ты даешь, — сказала Валентина и, протянув руку, провела ладонью по щеке Здора. — Люблю, когда мужчина слегка небрит... С женщиной такого ощущения не получаешь, — произнесла она странноватые слова, и Здор, услышав их, впал в некоторую озадаченность. Но к тому времени стакан снова был наполнен, Валентина свой уже подняла и выжидающе смотрела на него чуть сонными глазами. Тянешь, дескать, стаканы-то наполнены, заждались стаканы-то!

— За Фаваза... Чтоб не приехал он раньше, чем ему положено.

— Но чтоб все-таки приехал, — вспомнил Здор о цели своего появления в Аннозачатовке. — Да, а что за чудное название у вашей деревни?

— Наверно, лет триста назад зачала здесь какая-то Анна... И на людей это произвело такое сильное впечатление, что до сих пор опомниться не могут. Здесь у нас такие...

— Какие?

— Жизнелюбивые.

— Это как? — спросил Здор, справившись, наконец, со своим стаканом.

— Ну... Другими словами — похотливые. Я, кстати, тоже здесь родилась. И тебя вот судьба забросила. Это не зря, люди здесь случайно не оказываются. Что-то их сюда тянет, и нет у них сил сопротивляться.

— Надо же!

— То ли волны какие, не открытые еще наукой, то ли испарения из глубин земных... Что-то есть, это точно. — Для убедительности Валентина кивнула головой.

— Какие испарения?

— Возбуждающие. Понял? Будоражащие. Испарения, толкающие людей на поступки необдуманные, чреватые, в чем-то даже опасные для их дальнейшего существования. — Валентина говорила все медленнее, как бы врасстяжку, и ее полноватая, обнаженная рука завораживающе проплывала мимо Здора то в одну сторону, то в другую. — Люди не в состоянии сопротивляться этим волнам, более того, они и не хотят сопротивляться... А впоследствии, — Валентина замолчала, не уверенная, видимо, в том, что это длинное слово удалось ей с первой попытки.

— Так что же бывает впоследствии?

— Они ни о чем не сожалеют. Понял?

— Понял.

— Тебе не жарко в пиджаке?

— Жарко.

— Так сбрось его с себя к какой-то там матери! И галстук... Туфли тоже снимай... Пусть ноги дышат. — Она толкнула его под столом босой пяткой.

Здор подумал, склонив голову к плечу и глядя в хмельные, шальные глаза Валентины, бросил взгляд на банку, в которой еще было достаточно, вполне достаточно наливки, и одним движением руки потянул узкий конец галстука. Узел сразу распался, и он бросил полосатую ленту на вишневую ветку, которая раскачивалась перед самым его лицом. Рубашку Здор снял тоже охотно, уверенный в своем кипрском загаре — золотистом, жарком, ровном.

— А ты ничего, — оценивающе протянула Валентина.

— Ты тоже вроде в порядке...

— Хочешь убедиться?

— Хочу.

— Пошли. — Валентина легко поднялась, в полной уверенности, что поступает единственно правильно, и прошла в прохладный полумрак хаты.

— Ни фиги себе, — озадаченно пробормотал Здор, но при этом понимал: ничего ему не остается, как пройти в тот самый полумрак, куда его так ловко и без всяких усилий увлекла Валентина. — Ни фиги себе, — повторил он и уже стоя выпил почти полный стакан наливки. Из хаты на него дохнуло сеном, молоком, высушенным навозом и сильным, душным запахом греха.

И он окунулся во все эти запахи безоглядно, даже с каким-то чувством правоты и справедливости.

— Только, знаешь, я капризная, — сказала негромко Валентина, расстегивая прыжку его брючного ремня.

— Я тоже, — сказал Здор, занявшись мелкими пуговичками ее халатика.

Они вышли из хаты, когда уже низкое солнце едва пробивалось сквозь густую вишневую листву. Первой появилась Валентина — с неопределенной, какой-то смазанной улыбкой она прошла к столику, села, закинув ногу на ногу, подперла подбородок кулачком и уставилась в сторону солнца. Красноватые блики чуть шевелились на ее лице. Пройдясь взглядом по столу и увидев свой почти полный стакан, она выпила наливку и, вытирая губ, снова подперла подбородок кулачком.

И только тогда из хаты показался Здор. Босиком, в одних штанах он щурился на солнце, улыбался и молчал. Подойдя к столику, присел напротив Валентины.

— Ты как? — спросил он.

— Нормально. А ты?

— В порядке.

— Повторим?

— Ты что?! — ужаснулся Здор.

— Я имею в виду... Наливку... А ты о чем? — усмехнулась Валентина.

— Да ладно... У нас еще есть время?

— Фаваз будет через полчаса.

— Откуда ты знаешь?

— Поезд из Киева, потом такси. Так примерно и получается.

— Там надо навести порядок. — Здор кивнул в сторону хаты.

— Успею, — поморщилась Валентина. — У тебя с ним надолго?

— Если все в порядке... Сегодня уеду.

— Это хорошо.

— Да? — последнее слово задело Здора, что-то не понравилось ему в ответе Валентины.

— Ты что, Миша? — она удивленно посмотрела на него. — Не можем же мы жить втроем. И потом, арабы, знаешь... Люди дурноватые в этом смысле. Непредсказуемые.

— Все мы дурноватые в этом смысле.

— Ты не забыл? — она кивнула на галстук и рубашку, которые все еще болтались на вишневых ветвях, оповещающая односельчан о событиях, случившихся в доме.

— Елки! — спохватился Здор. — Что-то я совсем расслабился.

— Немного есть. — И Валентина прошла в хату.

Здор надел рубашку, заправил ее в брюки, повязал галстук, сунул ноги в туфли, пошевелил плечами, как бы убирая с рубашки складки греховные и непристойные.

В это время у калитки остановилась машина, а через некоторое время на дорожке появился Фаваз с плоским чемоданчиком в руке. Увидев Здора, он остановился и некоторое время молча смотрел на него.

— Здравствуйте, Фаваз! — сказал Здор. — Рад снова видеть вас в добром здравии!

— Здравствуйте... А где Валентина?

— Обещала дать поесть. — Здор показал на пустой стол, где, кроме опустевшей банки из-под наливки, ничего не было. Фаваз, похоже, увидел и количество оставшейся наливки, и стаканы с остатками красноватой жидкости на дне.

— Хорошо. — Он направился в хату.

— Простите, пожалуйста! — громче, чем следовало, произнес Здор, чтобы предупредить Валентину и дать ей немного времени убрать следы их безнравственного поведения.

— Да, слушаю, — обернулся Фаваз уже от двери.

— Вы меня узнали?

— Конечно. Мы с вами встречались. В Москве. — Фаваз снова повернулся к двери.

— Нам надо поговорить. Я для этого сюда и приехал.

— Поговорим, — кивнул Фаваз, и хотя Здор опять что-то прокричал ему вслед, все-таки вошел в дом и бросил за собой дверь так, что она погасила все звуки, которые, возможно, уже раздавались в хате.

— Ладно, — пробормотал Здор. — Что мог, сделал. А дальше, дорогая, выкручивайся как можешь.

Валентине, видимо, удалось выкрутиться, поскольку через пять минут она появилась с улыбкой на устах. Подойдя к столику, взяла опустевшую банку из-под наливки, не оборачиваясь к хате, подмигнула Здору, давая понять, что Фаваз, скорее всего, наблюдает за ними сквозь занавеску на маленьком окне.

— Ты меня выручил своими криками, — сказала она. — С меня причитается.

— Только натурой.

— А на другое я и не согласна, — улыбнулась Валентина. — Он зовет тебя. Заходи. — Она первой прошла в хату. — Вы побеседуете, а я пока соображу на стол.

— Годится, — кивнул Здор.

Фаваз сидел в комнате за столом, накрытым кружевной скатертью, и нетерпеливо барабанил пальцами. На Здора взглянул исподлобья, но с любопытством, что-то он хотел для себя уяснить, на что-то надеялся.

— Садитесь, — сказал Фаваз, показав на стул напротив себя. — Как добрались?

— Спасибо, хорошо. А вы?

— Давно из Москвы? — спросил он, не слыша вопроса.

— Вчера выехал. Сегодня здесь.

— Когда снова собираетесь?

— Поговорим и — в обратную сторону.

— Как же вы нашли меня?

— О! Секрет фирмы! — воскликнул Здор, решив, что выдавать Валентину не следует. — Сам даже удивился.

Произошло нечто странное — последние слова если не обрадовали Фаваза, то, во всяком случае, вызвали какое-то оживление, словно он услышал нечто приятное для себя, обнадеживающее.

— Ваши обрадуются, когда вы им доложите о своем успехе, — не то спросил Фаваз, не то предположил — в его мягких, завораживающих словах Здор еще не привык разбираться быстро и безошибочно. Нашкодив в этом доме, он, сам того не заметив, потерял наступательность, и похвала Фаваза ему даже польстила.

— Премию выпишут! — воскликнул Здор, опять подтвердив какие-то мысли и настроения Фаваза. — Из вашего долга!

— А какой за мной долг?

— Три сухогруза с лесом. Контора подсчитает.

— Подсчитает, — согласился Фаваз, будто сделал одолжение, будто речь о пустяках и его ответ — просто манера поддерживать необязательный разговор. — Значит, отпустили вас на два дня, — обронил Фаваз вроде бы незначащие слова.

— Да никто меня не отпускал! — сорвалось у Здора. — Сам поехал. Сам приехал.

— Они что же, и не знают о вашем успехе? — спросил Фаваз с печалью, которая производила впечатление искренности и расположения.

— Узнают! — хохотнул Здор. Он оглянулся на стоявшую в дверях Валентину, посмотрел на Фаваза, и что-то в нем напряглось — он понял, что до него дошло не все сказанное, может быть, как раз главного-то он и не уловил. Валентина смотрела на него чуть ли не с испугом, Фаваз водил пальцем по вышитым узорам скатерти и, казалось, был равнодушен к тому, о чем они говорят, будто другие мысли, более важные, занимали его в эти минуты.

Здор помолчал, искоса поглядывая по сторонам.

Фаваз тоже молчал.

— Так что?

— Вы о чем?

— О деньгах.

— Ах, о деньгах... — протянул Фаваз. — Так бы сразу и сказали... Так бы сразу и сказали, — повторил он механически,

как говорят слова незначачие, предназначенные лишь для того, чтобы успокоить собеседника — продолжай, дескать, внимательно тебя слушаю.

— Да, о них родимых! — уже твердо произнес Здор. Он понимал — разговора не получается. Фаваз думает не о том, как отдать деньги, когда и в каком количестве. Он думает о другом.

— Вы напрасно беспокоились, — проговорил Фаваз нечто внятное. — На следующей неделе я собираюсь в Москву. У меня уже билет в кармане. Но поскольку вы приехали, проделали столь долгую дорогу... Некоторую сумму я могу вам дать, под расписку, естественно.

— Я дам расписку.

— Чтобы вы могли предстать перед своими товарищами достойно и, как говорят, с победой.

— Пусть так, не возражаю.

— Хорошо. — Фаваз поднялся, подошел к старому комоду, купленному, наверно, не меньше пятидесяти лет назад, выдвинул ящик, покопался там, отгородившись от Здора полноватой спиной, что-то положил в ящик из кармана, что-то сунул в карман и наконец повернулся, держа в руке чистый лист бумаги. — Вот, — сказал он. — Ручка есть?

— Пиджак во дворе остался. — Здор похлопал себя по карманам. — Сейчас принесу.

— Стойте! — воскликнул Фаваз. — Есть ручка... Зачем вам бегать, — и он протянул Здору шариковую ручку. — Пишите.

— Что писать?

— На какую сумму вы рассчитываете?

— Ну, — помялся Здор, — допустим...

— Сто долларов вас устроят?

— Сколько? — отшатнулся на спинку стула Здор.

И только сейчас, только сейчас посмотрев на Фаваза зло и в упор, он увидел, что тот стоит уже ближе к двери и в его согнутой, прижатой к туловищу правой руке тускло поблескивает маленький черный пистолет. Здор сначала его и не увидел, в комнате стоял полумрак, и только издевательское предложение Фаваза о ста долларах как бы отрезвило его и образумило.

— Да, Миша, да, — печально сказал Фаваз на немой вопрос Здора. — Согласись, мне больше ничего не остается.

— Но тебя же найдут на краю света!

— Не найдут, — улыбнулся Фаваз. — Ты сам только что рассказал, что никто не знает о твоих поисках и находках. И то, что ты здесь, тоже никому не известно. Осторожней, Миша! — тихо предупредил Фаваз, заметив, что Здор медленно двинулся к двери. — Не торопись, послушай. Звук у этого пистолета очень тихий. Никто не услышит. Промаяхнуться с трех метров невозможно. В этой деревне не принято просто так ходить в гости. Сюда никто не придет в ближайшие несколько дней. Ты понимаешь меня?

— Слушай, Фаваз, так себя не ведут.

— Не будем спорить. Я повторяю — мне больше ничего не остается. Я не буду стрелять, если послушаешься меня.

— Конечно, послушаюсь! — воскликнул Здор, звериным чутьем поняв, что только такой тон может его спасти. Он поскользнулся в сторону — Валентина тихонько выскользнула на кухню, и теперь они с Фавазом остались вдвоем. Она, видимо, выходила, чтобы убедиться — калитка закрыта, дверь заперта.

— У меня нет денег, за которыми ты приехал. Не буду объяснять — у вас кидают и у нас кидают. Меня кинули. Денег нет. Конечно, твои ребята мне не поверят. Отдавать свои деньги и остаться нищим я не хочу. Не знаю, повезло тебе или, наоборот, не повезло в том, что ты нашел меня... Не надо бы тебе быть таким сообразительным. Это всегда плохо.

— Что ты хочешь?

— Ты сейчас пройдешь на кухню и спустишься в погреб. Там есть много наливки, которая, как я вижу, тебе понравилась. Закусить я тебе спущу. Ты пробудешь там два или три дня. За это время мы с Валентиной уедем. Далеко уедем. Ее мама вернется через два или три дня. Она тебя выпустит. Согласен?

Здор вдруг совершенно ясно и отчетливо представил, что произойдет, если он согласится — едва опустится в погреб на три-четыре ступеньки, Фаваз выстрелит ему в голову. Сверху. В темя. И все. Живым из погреба он никогда не поднимется. Фаваз не может поступить иначе. Он только что выпытал главное — никто в фирме не знает, что он нашел Фаваза. Это была грубая ошибка, это была смертельная ошибка. Отпустить сейчас Здора — он найдет его снова и будет не один, он будет с крутыми ребятами. Как поступают в таких случаях, Фаваз хорошо знал.

— Так, — протянул Здор, осматриваясь вокруг. И вдруг заметил, что перед тем, как войти в дом, он надел свои туфли под столом во дворе на босую ногу. Носки остались в кровати, где они баловались с Валентиной. Может быть, она убрала их, а может быть, и не убрала. Но в этом что-то есть, в этом что-то есть...

— Миша, — напомнил о себе Фаваз. — Мы с тобой в одинаковом положении.

— Да? — удивился Здор.

— Я не могу поступить иначе, и ты не можешь поступить иначе. Мне нужно уехать, а ты должен дать мне такую возможность. Согласен?

— Да.

— Погреб на кухне. — Фаваз нетерпеливо пошевелил рукой с пистолетом, указывая, куда нужно идти.

— Так, — опять протянул Здор, оттягивая, все еще оттягивая тот момент, когда ему придется пройти на кухню, откинуть сделанную в полу дверцу и спуститься в собственную могилу. Едва он мысленно произнес эти слова "собственная могила",

словно какое-то оцепенение отпустило его и все происходящее он увидел в истинном свете — его убивают. — Хорошо, — сказал он, как бы решаясь, наконец, выполнить требование Фаваза. — Хорошо... Ты знаешь, как тебя зовут в деревне?

— Как?

— Фазан.

— Очень хорошо. Красивая птица.

— И жена твоя называет тебя фазаном.

— А я ее называю голубкой, ласточкой или просто пташкой.

— Хорошо, Фаваз... Значит, так... Видишь, у меня туфли надеты на босую ногу. — Здор поднял штанины, чтобы Фаваз мог лучше рассмотреть его тощеватые лодыжки.

— Тебе так мало платят?

— Мои носки в твоей спальне. — Здор кивнул на дверь в следующую комнату. — У тебя под подушкой! В подвале холодно, а в твоей постели жарко. Принеси носки, Фаваз!

Фаваз дернулся, как от удара, и резко повернулся к Валентине. Он, видимо, знал ее неплохо, знал, что Здор не врет. И это его минутное замешательство — все, что нужно было Здору, все, на что он надеялся. Не глядя, не рассчитывая удара, он двинул рукой по вазе с пионами, которые стояли на столе. Фаваз увернулся, но в ту же секунду в него полетела пепельница, коробок спичек, бутылка, часы, стоявшие на телевизоре. Фаваз не знал, что запустит Здор в следующий момент, и вынужден был уворачиваться. Улучив момент, Здор метнул в него стул и тут же опрокинул на Фаваза стол, покрытый белой кружевной скатертью. Едва тот выбрался из-под стола, Здор схватил подвернувшуюся Валентину и с неожиданной для себя силой швырнул в Фаваза — пролетев два метра, Валентина наткнулась на мужа, но пошатнулась и, чтобы не упасть, схватила Фаваза за руку, за ту самую руку, в которой он держал пистолет.

Здор бросился к ним и, увидев прямо перед собой руку с пистолетом, изо всей силы ударил по ней каблуком. Пистолет выпал. Схватив его, Здор бросился к уже поднимающемуся Фавазу, захватил левой рукой волосы, запрокинул голову и воткнул пистолет во второй или в третий подбородок Фаваза, так что весь короткий ствол погрузился в жирные складки.

— Ну, сучий потрох, — прошипел Здор. — Ну, мразь черномазая... Теперь мы с тобой поговорим иначе. Теперь ты, козел вонючий, будешь сидеть в погребке и нюхать мои носки. И пить наливку, пока не изблюешься весь.

Наверно, все так бы и случилось, но все испортила Валентина. Увидев, что Здор приставил пистолет к шее Фаваза, услышав его хрип, блеснувшие белки глаз, она бросилась к ним и, схватив руку с пистолетом, резко дернула вниз. Как и говорил Фаваз, выстрел был совсем тихим. Впрочем, может быть, оттого, что пистолет был плотно прижат к шее Фаваза, и звук получился негромким, приглушенным. Фаваз дернулся всем

телом, сделался сразу неподъемно тяжелым и выскользнул из рук Здора, распластавшись на полу. Он еще был жив, что-то в нем хрипело, дергалось, но это продолжалось совсем недолго. Он затих, замер, и только носки узких блестящих туфельек еще некоторое время подрагивали в такт уходящей жизни.

— Зачем ты это сделал? — закричала Валентина.

— Зачем ты, ты это сделала? Я не собирался стрелять. На фиг мне нужен твой Фазан вонючий! Я не собирался его убивать. Поняла? Не собирался. Ты дернула меня за руку!

— Пистолет был в твоей руке и твой палец нажал на курок, — сказала она неожиданно тихо и спокойно. — Зачем ты сказал ему про носки? Это нечестно.

— Мне нужна была хотя бы секунда, чтобы он оказался в шоке. — Здор наклонился к Фавазу, внимательно осмотрел рану. — Навылет, — сказал он. — Пуля вошла в шею и вышла в темечко.

— Он умер?

— Похоже на то.

— И что теперь?

— По всем законам... Я должен пришить и тебя.

— За что?

— Не о том спрашиваешь... Лучше спроси — зачем?

— Зачем?

— Чтобы ты меня не заложила. Ты знаешь, откуда я, кто я. Доказать, что ты дернула за руку, что он хотел пришить меня, а вовсе не я его... Невозможно.

— Что же делать? — спросила Валентина с жалобной улыбкой — она, похоже, не осознавала нависшей над ней смертельной опасности, не знала, как близка к своему концу.

— Рискну... Не полный же я зверюка... Не могу завалить бабу, с которой только что в постели кувыркнулся... Мне пора литься. Пока. — Здор коснулся плеча Валентины.

— Подожди, а мне как быть? Что с ним делать? — она кивнула на остывающее тело Фаваза.

— Вали все на меня. Только не говори, кто я и откуда. Кроме леса, он еще занимался чем-нибудь?

— Одежда из Турции... Свитера, куртки, постельное белье... Гардины с позолотой...

— Вот так и скажи — о белье шел разговор с гостем, о свитерах... Подробностей не знаешь, но шел разговор о куртках. Снова повторяю — о лесе, обо мне, о нашей фирме ни слова. Ты же знаешь, найти тебя я всегда смогу. И наши ребята тебя найдут. И маму твою. И Аннозачатовку ни с каким другим селом не спутаешь. Меня видели в деревне, я спрашивал дорогу к твоему дому, твои слова подтвердят. Мы договорились?

Валентина долго молчала, глядя в окно, потом повернула голову к Здору.

— А может, мы его куда-нибудь денем? Никто не будет искать. В Ливане могут хватиться через месяц, не раньше.

— Не надо, — твердо сказал Здор. — Будет хуже. Для тебя будет хуже.

— Почему?

— Следы всегда остаются. Поэтому пусть остаются. Но перестанут быть следами. Они тебя ни в чем не уличают. Говорю еще раз — вали все на меня. Пришел, дескать, совершенно тебе не знакомый человек, поругался с Фавазом, когда заглянула в комнату, потеряла сознание. Пришла в себя и сразу в милицию. Мне нужно три часа. Даешь мне три часа?

— Бери, — передернула округлыми плечами Валентина.

— Меня искать не надо. Звонить не надо. Если прижмет — сам найду.

— Найди, — безучастно продолжала ронять словечки Валентина. — Мама здесь остается. Она будет знать.

— Учту.

— Я позвоню тебе в Москве из автомата. Не завтра... Через месяц, через год.

— Через год позвони.

Здор полуобнял Валентину одной рукой, прижал к себе, ткнулся губами в ее уже знакомые волосы и, не оглядываясь, вышел из комнаты, вышел из дома, вышел со двора. Он знал дорогу и не медля направился к трассе. Когда поднял руку, остановился первый же “жигуленок”.

— В Днепр довезешь?

— Сто гривен.

— Поехали.

Километров через десять Здор сошел у какой-то забегаловки.

— Перекушу, — сказал он. — Меня не жди, — вручив водителю тридцать гривен, бросил за собой дверцу и вошел в темное, душное помещение придорожной столовки. Когда водитель отъехал, он вышел, перебежал на противоположную сторону шоссе и уже через пять минут ехал в обратном направлении, к Кривому Рогу. Следующий частник подвез его в Кировоградский аэропорт. Подойдя к кассе, Здор спросил:

— Куда отлетает ближайший самолет?

Ближайший самолет отлетал через час в Киев.

В Киеве Здор сел на вечерний поезд и утром был в Москве.

В понедельник. А ровно в десять он вошел в главную контору фирмы и тут же, столкнувшись с Мандрыкой, весело пожал ему руку.

— Слушай, а как ты все-таки собираешься искать Фавазу? — спросил Мандрыка, проявляя все ту же непонятную настойчивость.

— Да ну его к бесу, этого Фавазу! Что мне, больше делать нечего?!

— Тоже верно. — Мандрыка пожал плечами и направился в свой кабинет.

И опять Здор заметил, не мог не заметить — с облегчением перевел дух Мандрыка. С явным облегчением. Будто у него гора с плеч свалилась.

— Тю-ю, — озадаченно протянул Здор.

С каждым днем в Коктебеле все холоднее. Стылая галька уже не манит как прежде, теперь она вызывает озноб и опаску. Подойдя к необыкновенно чистой воде, окидываешь взглядом водные горизонты — нет ли где одинокого пловца, нет ли среди круглых буев одинокой головы человеческой? И увидев такую шальную голову, невольно и сам обретаешь твердость, способность войти в воду.

Бредя по набережной в сторону спасательной станции, в преме ресторана “Богдан” я увидел Славу Ложко — поэт призывно махал рукой, зазывая пройти внутрь.

— По глоточку? — спросил он.

— Можно.

Слава сделал какой-то жест рукой, и перед ним на столике, накрытом вишневой бархатной скатертью, сами собой возникли две рюмки с тяжелыми литыми донцами и графинчик с коньяком “Коктебель”. Слава налил в рюмки, посмотрел на меня.

— За победу над силами зла! — с убежденностью произнес он, требовательно глядя мне в глаза.

— Как мы их понимаем, — добавил я.

Слава подумал, вскинув бровь, видимо, моя поправка пришлась ему по душе, и одним махом опрокинул рюмку в себя. Мне ничего не оставалось, как последовать его примеру.

— Давно нашего дознавателя видел? — спросил Слава.

— Давно.

— Спрашивал о тебе. Интересовался.

— А сам из ресторана чужую бабу увел, — сказал я ворчливо. — Из бандитской компании, между прочим.

— Не увел. — Слава махнул рукой. — Они подсунули ему эту бабу. А он и рад.

— А, тогда ладно, тогда ничего.

— Если будет доставать — скажи. Отошью.

— Заметано, — сказал я.

Графинчик к этому времени кончился, впрочем, вполне возможно, что кончился не первый и не второй графинчик, поскольку в ресторане Славы Ложко подобные вещи случаются.

И я снова оказался на пустынной, солнечной набережной. Слепяще играла на солнце сильная волна, с моря дул порывистый ветер, над Карадагом собирались тучи — ночью будет дождь. Я двинулся дальше, прикидывая, что сил моих после выпитого должно хватить, чтобы свернуть в парк Дома творче-

ства, пробраться к девятнадцатому корпусу, подняться по лестнице на второй этаж и запереться, запереться на все обороты ключа. И отрубиться.

Все это я проделал, на все это у меня хватило сил и, главное, ума. И уже лежа в кровати, я подумал, что есть, все-таки есть и смысл, и радость в повторении, в ежедневном повторении простых вещей, необязательных встреч, легкомысленных слов и поступков, которые никому не в тягость. И ты, как осенний лист, летишь на солнечном ветру, поигрывая бликами последних своих прелестей, которых все меньше, которые все сомнительней, которые уже давно никакие не прелести, а нечто им противоположное...

Проснулся я уже ночью от шума ветвей за окном. Хмель на свежем морском воздухе уходит быстро, и уже к полуночи я достаточно отрезвел, у меня не болело ни в голове, ни в желудке, глядя в темноту, освещаемую вспышками молний, я упивался своим одиночеством и собственной ночной неуязвимостью. Не было слышно ни человеческих голосов, ни собачьего лая, ни шума моторов. Только шелест дождя и грохот ночной грозы. Боже, как это здорово!

Но знал я, знал непоколебимый закон бытия — если ты чем-то ошастливлен и сам это сознаешь, значит, предмет твоего счастья находится в данный момент под угрозой. Пришла вдруг жесткая уверенность в том, что шелест дождя, мягкие удары волн, молнии, которые с непонятной озлобленностью вонзались в море, возникающий в их свете черный контур Карадага не могут продолжаться слишком долго, и надо торопиться все это запомнить, вместить в сознание и постараться навсегда в себе оставить.

Так все и вышло.

В беснующейся ночной катавасии вдруг возник посторонний звук, слабый, почти несуществующий. Я встал, подошел к закрытой стеклянной двери на лоджию, но ничего не услышал, ничего не увидел, кроме грозы. Но потом как-то сразу и неожиданно на лоджии возникла человеческая фигура.

Небольшая человеческая фигурка в трико легко перемахнула через перила. Человек оглянулся, посмотрел вниз и направился к двери. Я стоял за шторой, и увидеть меня было невозможно. Вдруг в метре от меня, в самой комнате, раздался скрежет металла. Я наклонился к двери и увидел, что в щель между дверью и рамой просунуто стальное полотно. Тонкая пила двигалась довольно уверенно, проникнув насквозь, тут же пошла вверх, уперлась в крючок, который всегда казался мне таким надежным...

Прошло пять секунд, десять — и крючок сдался.

Человек по ту сторону двери не торопился входить, он словно привыкал к новому положению — дверь открыта, сопротивление запора сломлено, цель близка. Начиная понимать, что

происходит, я отошел от двери и сел в кресло, ожидая дальнейших событий. Закинув ногу на ногу, я подпер подбородок кулаком и расположился в позе свободной, даже вальяжной.

Дверь открылась, и человек неслышно скользнул в комнату, закрыл дверь за собой и на всякий случай, видимо, для того, чтобы дверь не хлопала на ветру и не издавала лишних звуков, снова набросил крючок на петлю. Вспыхнул сильный луч фонарика.

— Ой, — сказала Жанна, — это ты?

— Нет, это не я. Я сейчас нахожусь в Ялте у своего давнего друга Марика Козовского. Мы пьем вино, вспоминаем прошлые годы и смотрим на ночную грозу. В Ялте сейчас тоже гроза. Прекрасная погода, не правда ли?

— Ты меня напугал, — сказала Жанна, и я не мог не признать — отличные слова. Просто потрясающие по уместности.

— Я вел себя тихо, не делал резких движений, не издавал громких звуков... Как я мог напугать?

— У тебя такой тон, будто я в чем-то провинилась перед тобой.

— У меня в самом деле такой тон?

— Ты даже не представляешь, сколько в нем издевки.

— Извини, пожалуйста, я не хотел тебя обидеть, задеть, пройтись по твоему достоинству. По женскому, по человеческому, профессиональному...

— На что ты намекаешь?

— Напекаю?

— Можно я сяду? Мог бы и сам предложить!

— Только не на кровать. С тебя течет вода. Где ты умудрилась так намочнуть?

— Там дождь. — Она махнула рукой в сторону двери.

— Если у тебя здесь какие-то дела, можешь спокойно ими заниматься, я не буду мешать.

— Опять издевка. — Она села на стул, но чувствовала себя неуютно, меняла позу, привставала, снова садилась.

Этот разговор, совершенно не соответствующий положению, в котором мы оказались, мог бы, наверно, продолжаться еще долго, но мне попросту надоело тешиться словами пустыми и ложными.

— А ты ничего даже в мокром состоянии. — Жанна действительно и после проливного дождя была в порядке.

— Наконец-то заметил.

— Не хочешь ничего объяснить?

— Ты о чем?

— Ну... Вообще-то, это немного странно... Ты не постучала в дверь, не бросила камушек в окошко, не посигналила своим замечательным фонариком... А проникла с помощью стального полотна. Знаешь, я так удивился!

— Мог бы сказать, что обрадовался.

— Конечно, я впал в неопишуемый восторг! Можно даже сказать, что в радостное неистовство.

— Язвишь?

— А что мне остается?

— Ты привык, наверно, что все поступки должны иметь какое-то разумное объяснение, да? Все должно быть согласовано, выверено, с точки зрения здравости, да? А все, что выходит за эти рамки, — преступно, подло, низко, да?

— Я так сказал?

— Это написано у тебя на лбу. Большими буквами. Красным фломастером. И подчеркнуто тремя жирными линиями.

— Кошмар какой-то. — Я невольно потер ладонью свой вспотевший лоб. — Если я правильно понял, ты пришла этой ночью, чтобы подтвердить некие возвышенные качества своей натуры? Я внятно выразился?

— Вполне.

— Так, — протянул я озадаченно.

Жанна встала со стула, подошла к моему креслу, опустилась на колени и заглянула мне в глаза. И, ничего не произнося, продолжала смотреть на меня и как бы вбирать, вбирать в себя всю мою волю, твердость, гневное непонимание происходящего. И все это у нее получалось. Я чувствовал, что вот-вот сдамся и мне ничего не останется, как раздеть ее, обтереть махровым полотенцем и уложить в кровать.

— Ну? — спросила она. — Все в порядке?

— Почти.

— Женья! — произнесла она врасстяжку, решив, видимо, что я созрел для осмысленного разговора. — Женья... ну как ты не можешь понять простых вещей? Что ты там напридумал своей глупой головой. — Она потрепала ладошкой мои волосы и я, кажется, в самом деле устыдился. — Ну, задержалась я, неважно где... если хочешь, скажу. Целомудренно и невинно задержалась. Пришла домой, а хозяйки нет. Дверь закрыта. То ли она ключ не оставила, то ли с ней что-то случилось, не исключено, что и я могла этот несчастный ключ потерять... Куда деваться? Ну скажи — куда мне деваться? И я направилась к дому, где всегда встречала тепло и ласку. Конечно, я не надеялась тебя здесь застать, ты сам говорил, что уезжаешь в Ялту. И решилась. Прости.

Ее глаза были совсем рядом, темные мокрые волосы обрамляли загорелое лицо, она смотрела на меня снизу вверх и казалась еще меньше, еще беззащитнее, чем обычно. И я сдался.

— Выпьешь что-нибудь?

— А что у тебя есть?

— Каберне.

— По-моему, это самое лучшее, что может быть в моем положении. Красное вино быстро поставит меня на ноги.

— На ноги? — ужаснулся я. — В горизонтальном положении ты выглядишь гораздо лучше! Просто потрясающе!

— И опять согласная, — рассмеялась Жанна, и мне ничего не оставалось, как вынуть из шкафа бутылку каберне коктейльного разлива.

Первые стаканы мы выпили залпом, и после этого я в самом деле растер Жанну махровым полотенцем. Потом вино неожиданно кончилось и мне пришлось открывать вторую бутылку, которая тоже оказалась не слишком емкой, не слишком. Из закуски у меня нашелся только солоноватый белый сыр с базара. Второй бутылки каберне нам оказалось вполне достаточно, и друг друга нам тоже оказалось вполне достаточно. Мне больше никого не хотелось, ей, надеюсь, тоже.

Мы лежали рядом в полной темноте и только молнии время от времени вырывали нас из небытия и освещали нервным голубоватым светом, сопровождаемым запаздывающими раскатами грома.

— А знаешь, у меня неприятности, — неожиданно сказала Жанна. — Тот рыжий лейтенант достает последнее время.

— Достает или пристаёт?

— Если бы приставал... Я бы знала, что делать.

— Что его смущает в твоей жизни?

— Его смущает та ночь, когда под твоими окнами человека убили.

— Ты плохо себя вела в ту ночь?

— Нашелся какой-то свидетель, придурковатая старуха... Она утверждает, что видела меня в тот вечер с тем типом.

— Тип, естественно, не может ни подтвердить ее показания, ни опровергнуть. — Я все никак не мог настроиться на серьезный лад, хотя понимал, уже прекрасно понимал, что не зря затеяла Жанна этот разговор.

— Женя, мне не до шуток.

— Он подозревает тебя в убийстве?

— Может быть. Хотя, мне кажется, и сам в это не верит. Сегодня опять на допрос.

— Пошли его подальше.

— Не могу. Я на крючке. Он все мои данные уже знает — адреса, телефоны, место работы... Женя, помнишь, когда тебе понадобилось, я сказала, что была в ту ночь с тобой... Помнишь?

— Ну? — произнес я в полном смятении — я никогда не просил Жанну говорить подобное, никогда не нуждался в ее помощи, в ее показаниях, ложные они или истинные. Да, она сказала следователю, что в ту ночь была со мной. Но я ее об этом не просил. И тут до меня дошла маленькая, но очень важная подробность — оказывается, она не мне создавала алиби, совсем даже не мне... Себе. Значит, уже тогда допускала, что оно ей понадобится. А это говорит о том, что придурковатая старуха могла

и в самом деле видеть ее с Мясистым. Интересные выстраиваются предположения...

— Я не поняла. — Жанна даже чуть приподняла голову с моего плеча. — Ты помнишь тот наш разговор или не помнишь?

— Очень хорошо помню. Каждое слово.

— Ну вот, — рассудительно произнесла Жанна, и я почувствовал, как она кивнула головкой на моем плече. — И прекрасно. Я думаю, твои слова успокоят этого настырного дознавателя.

— А где старуха могла видеть тебя с пострадавшим?

— Спроси у старухи.

— Хорошая мысль.

— В самом деле будешь проверять мои показания?

— Конечно.

— Ты рехнулся!

— Нет, рехнулась ты, потому что перестала понимать шутки.

— Да? — удивилась Жанна. — Тогда наливай.

И мне ничего не оставалось, как открыть третью бутылку. Закутавшись в одеяла, мы расположились в креслах на лоджии, пили красное вино каберне, закусывали белым овечьим сыром и прекрасно себя чувствовали в эту ночь. Я не спрашивал у Жанны, откуда у нее взялось в такое время стальное полотно, где она раздобыла фонарик, как догадалась, что с помощью этой узкой пластинки можно откинуть крючок на моей двери... Зачем? Без всех этих вопросов ночь была так хороша.

Уже начинался рассвет и острые контуры кипарисов на фоне светлеющего неба выделялись все четче, все резче, гроза уходила в горы, и уже оттуда слышались ее глухие неудовлетворенные раскаты. Будто она не всего добилась здесь и теперь, с рассветом, вынуждена уходить к себе, в недоступные бездонные ущелья.

Выговский свернул с Кольцевой дороги на Дмитровское шоссе и двинулся в сторону центра. Он сам сидел за рулем джипа, а джип на дороге уважали, уступали, притормаживали, позволяя занять удобный ряд, перестроиться, повернуть. Привыкли владельцы слаонервных "жигулей", что в таких машинах простые люди не ездят, даже остановка перед красным светом светофора может не понравиться водителю джипа, и он, не раздумывая, съездит по морде слишком уж законопослушному владельцу "Жигулей". Все это Выговский знал и ехал спокойно, понимая, что никто не ткнется сзади, не подсечет спереди, не притрется сбоку. Большинство водителей простодушно полагали, что в каждом джипе наверняка два-три автомата, ящик со взрывчаткой, гранатометы с боекомплектом и прочие предметы первой необходимости. И были правы, частенько были правы.

Уже подъезжая к Савеловскому вокзалу, Выговский обратил внимание на “жигуленок” голубого цвета, достаточно редкого по своей отвратности — он видел его в зеркало уже несколько километров и только сейчас осознал, что тот ведет себя неправильно по отношению к джипу, как-то настырно, будто сознательно пытается обратить на себя внимание. Выговский решил проверить свои наблюдения — проскочив под мостом развязки и проехав по Новослободской метров триста, он повернул в обратную сторону, снова к Савеловскому вокзалу. Голубой “жигуленок” не отставал. Он даже как бы нарочно ехал чуть левее, чтобы его хорошо было видно в боковое зеркало.

— Так, — пробормотал Выговский и повернул на Суцевский вал.

“Жигуленок” шел следом. Не отстал он ни на Тихвинской, ни на Новослободской, куда Выговский снова свернул, ни на площади Савеловского вокзала.

— Вас понял. — И Выговский, уже не задерживаясь и не петляя, направился к себе в контору. Убедившись, что его заметили, обратили внимание, “жигуленок” на каком-то повороте исчез. На стоянку перед конторой Выговский вырулил уже без преследователя.

Войдя в кабинет, бросив чемоданчик в кресло, он подошел к окну — голубой “жигуленок” стоял в переулке напротив. Едва Выговский отодвинул штору, неизвестный водитель несколько раз мигнул фарами. Дескать, рад приветствовать тебя, дорогой товарищ, с прибытием на рабочее место.

Выговский вызвал Здора и Мандрыку.

— Вас пасут? — спросил, едва они вошли в кабинет.

— Не замечал, — ответил Мандрыка.

— Вроде нет, — пожал плечами Здор.

— А меня пасут. — Выговский снова подошел к окну и, позвав остальных, показал им голубой “жигуль”. — Этот тип вел меня через всю Москву от самой Кольцевой дороги.

— Может, случайно? — предположил Мандрыка.

— Я делал такие петли, такие выкрутасы, что... Он отстал на Садовом кольце, а когда я вошел в кабинет, уже стоял на противоположной стороне переулка и мигал мне фарами. — Словно в подтверждение слов Выговского, фары голубого “жигуленка” опять несколько раз мигнули.

— Скажи ребятам, пусть его возьмут, — обратился Выговский к Здору. Но неизвестный водитель, словно услышав его слова, медленно тронул машину с места, свернул за угол и исчез.

Выговский сел за свой стол, потер лицо ладонями, замер на какое-то время, взглянул на своих соратников, расположившихся в креслах.

— Ну? — спросил он. — Что будем делать?

— Усилить охрану, — быстро ответил Здор. — Повысить бдительность. Прекратить болтать по телефону.

— Думаешь, могут подключиться?

— За хорошие деньги? Запросто. Как нынче говорят... То, что нельзя купить за деньги, можно купить за большие деньги.

— И тебя тоже? — спросил Мандрыка.

— Конечно! Как и тебя, дорогой друг, как и тебя!

— А ты не торопись меня в продажные записывать! — почему-то взвился Мандрыка. — За себя отвечай, а за меня не надо. Сам как-нибудь управлюсь со своими делами.

— Со своими управляйся, — уже потише сказал Здор. — А что касается общих... Надо посмотреть.

— Слушай! — вскочил Мандрыка, но гнев его был каким-то ненастоящим, он вполне владел собой, хотя часто дышал, вращал глазами и даже сердито кулаки сжал. Но истинного гнева не чувствовалось. Это поняли все и опустили глаза, чтобы дать возможность Мандрыке с честью выйти из тупика, в который он сам себя и загнал.

И в этот момент раздался телефонный звонок. По прямому номеру, который знали немногие — учредители, два-три оптовика, руководство банка...

— Игорь Евгеньевич? — почтительно осведомился голос. Выговский сразу узнал человека, который приходил сюда с чемоданчиком и прилизанными волосенками.

— Да, это я.

— Вы меня узнаете?

— Да.

— Мои клиенты попросили меня задать один вопрос... Позволите?

— Да.

— Вопрос такой... Вам все понятно?

— Что вы имеете в виду?

— Сегодняшняя прогулка по городу... Все эти метания, повороты, развороты... Для вас ничего не открыли?

— А что они должны были открыть?

— Вы, Игорь Евгеньевич, следующий.

— В каком смысле?

— В том самом, Игорь Евгеньевич, в том самом. — И человек повесил трубку.

Странное впечатление произвел на Выговского этот разговор. Если бы собеседник кричал, грозил, брызгал в трубку слюной и обещал взорвать, сжечь, расстрелять... Это не произвело бы столь сильного впечатления, как тихий, уважительный голос, негромкий и предельно почтительный, временами он даже казался сочувствующим, но это уже было сочувствие жертве, еще не состоявшейся жертве, но приговоренной и обреченной.

Выговский медленно, осторожно, словно боялся нарушить тишину малейшим звуком, положил трубку.

- Что там? — не выдержал молчания Здор — он почувствовал, что разговор был непростой.
- Я — следующий.
- Не понял? — Мандрыка глянул на Здора, на Выговского.
- Меня оповестили, что следующим взорвут, отравят или сожгут не тебя, не Здора, а именно меня. Началась охота.
- Ни фиги себе, — протянул Здор озабоченно.
- Разбежаться надо, — сказал Мандрыка.
- И что дальше?
- Протянем время. Когда-то Насреддин брался за десять лет обучить осла чтению и за это попросил у шаха хорошие деньги.
- Шах дал деньги? — спросил Здор с такой заинтересованностью, будто речь шла о его собственных деньгах.
- Дал. И сказал — не научишь осла читать, отрублю голову.
- Научил?
- О, сказал Насреддин своим друзьям. За десять лет кто-нибудь из нас обязательно умрет — или я, или шах, или осел. Протянем время.
- О каком времени ты говоришь?
- Месяц. Два месяца. В крайнем случае — три. Полгода. За это время обязательно что-нибудь случится. Эти ребята запросто могут на чем-то подзалететь. Или снизят сумму.
- Или нас хлопнет кто-нибудь другой, — нервно хохотнул Здор, но никто его шутки не поддержал.
- Может, дать бой? — предложил Мандрыка.
- Кому? — спросил Выговский.
- Надо узнать, кто были те пятеро... в гостинице. И от них плясать.
- Личности не установлены. Хвост тянется к железной дороге.
- Я поговорил со Славой Горожаниным... Он не знает, кто это мог быть.
- Не знает или не хочет знать? — спросил Здор.
- Он бы сказал. Как они взорвали Агапова, так они могут взорвать и его... Ему нет смысла таиться.
- Может, припугнули?
- Значит, хорошо припугнули.
- А может, отдать им эти пять миллионов? — предложил Мандрыка. — И пусть они горят синим пламенем.
- Да отдал бы я им эти деньги! — со стоном произнес Выговский. — Нельзя, Вася! Завтра потребуют еще столько же. И мы будем до конца дней своих работать на эту банду! Стоит им дать миллион — и мы на крючке! Они счастливы, что потеряли своих пятерых! У них за спиной крылья справедливости и возмездия! Им все можно, понял? Теперь им все можно!
- Снова зазвенел телефон, и Выговский, подняв трубку, некоторое время молча слушал.

— Да, я хорошо слышу... Да... Когда? Понял. А подробности? Понял.

Разговор продолжался минут десять, и за все это время Выговский не меньше десятка раз произнес это "понял". И с каждым разом произносил это слово все тише, все безнадежнее. Положив трубку, посмотрел на своих соратников.

— С чем я вас и поздравляю, — сказал он.

— Спасибо! — брякнул Здор.

— Докладываю... Только что, в эти самые минуты в своем кабинете расстрелян Слава Горожанинов.

Ни Мандрыка, ни Здор не произнесли ни звука. В каком-то оцепенении сидели в креслах и молча смотрели на Выговского. А тот точно с таким же выражением смотрел на них.

— Кто позвонил? — спросил Мандрыка, обретая, наконец, способность что-то произносить.

— Секретарша. Она же — его жена.

— Как держится?

— Лучше, чем можно было ожидать. Истерика начнется позже.

— Что она рассказала?

— Пришел какой-то тип... Не то электрик, не то телефонный мастер. Моток проволоки на плече, в руке сумка. Говорит, что начальник вызывал. Его, конечно, пропустили. Через несколько секунд раздались выстрелы. Она сразу и не поняла, что это выстрелы. Мужик вышел, на прощание рукой махнул. Дескать, счастливо оставаться. Когда она вошла в кабинет, Слава уже был мертвый. Три пули в груди.

— В голову не стрелял? — уточнил Здор.

— Не было надобности.

— А этот тип...

— Говорит, что где-то его видела, он вроде бы ей знаком... Но сейчас ничего вспомнить не может.

— А дальше куда он делся? — спросил Мандрыка.

— Смотри последние известия. — Выговский кивнул в сторону телевизора. — Доложат со всеми подробностями, покажут, куда вошла каждая пуля, откуда каждая пуля вышла, как рыдает вдова, как безутешны осиротевшие дети. И утром покажут, и вечером, и в обед, и в ночном выпуске. Труп нашего Славы неделю будут по всем программам муржить. Вскрытие заснимут, какие органы как повреждены, в результате какой именно пули смерть наступила... Как воронье на трупы слетаются, а потом неделями от этого кровавого пиршества оторваться не могут, все доклевывают, доклевывают. До последней капли крови. Кто-то за эти передачи хорошо платит.

— Известно кто! — хмыкнул Здор.

— Зачем вот только? — спросил Мандрыка.

— Как зачем? — удивился Выговский. — Народ запугать, ужас разрушения, тлена и смерти внушить людям. Чтоб боя-

лись жить, боялись детей рожать, чтоб знали, в какой страшной стране живут, и стремились разбежаться по странам сытым и счастливым.

— Стрелять их надо, — буркнул Здор.

— Кого? — спросил Мандрыка.

— Всех этих трупоедов!

— И до них дело дойдет.

— Не дойдет, — усмехнулся Выговский. — Разбегутся в те самые страны, куда они всех так настойчиво зазывают. Уж виллы куплены, счета открыты, яхты на теплых волнах парусами играют... Помнишь, Вася, недавно передача была в последних известиях... Патология новорожденных. Как без ног, без рук младенцы рождаются, откуда у кого какая кишка торчит, какая жижица вытекает из головы, какого цвета эта жижица... Подобное во всех странах случается. Но там знают — это медицинская, специальная тема. У нас же показывают в последних известиях, вечером, когда страна у телевизоров замерла. Трупоеды называют это свободой слова.

— А цель? — спросил Мандрыка.

— Чтоб люди боялись детей рожать. Девочка с мальчиком, поженившись и увидев эту передачу... Они не только на разных подушках будут спать, они на разные улицы разбегутся, чтоб только с ними такого не случилось. И вот результат — в стране каждый год на миллион меньше населения. Такая работа больших денег стоит. И трупоеды эти деньги получают.

Произошло так, как и предсказывал Выговский. В вечерних новостях убийство Горожанинова показали во всех подробностях — как лежал Слава, разметавшись на залитом кровью ковре, показали три входных отверстия в груди, три выходных отверстия в спине, бьющейся в истерике женой полюбовались, сумев просунуть объектив камеры между ладонями, чтоб страна видела вдовьи слезы, чтоб миллионы видели ее обезумевший от горя взгляд. И как выносили труп в черном пакете, как анатом перед вскрытием пальцы совал в пулевые отверстия, показывая любознательному корреспонденту изменения, происшедшие с телом после смерти. Радостно сверкая глазками от возбуждения, корреспондент все это старательно заснял и, ничего не скрывая, не утаивая, показал стране.

Хорошая передача получилась, с обстоятельным текстом, крупными планами, психологическими подробностями. Но самое удивительное сообщили в конце — убийцу задержали.

Надо было такому случиться, что как раз в тот момент, когда он в халате электрика выбежал из управления железной дороги и впрыгивал в поджидавшую его во дворе машину, в ворота въезжал грузовик. Люди, выбежавшие вслед за убийцей, стали махать грузовику руками: остановись, дескать, не проезжай дальше. Водитель ничего не понял, неудачно переключил скорость, и мотор заглох. Набежавшие люди выволокли из маши-

ны и убийцу, и водителя. Вскорости выяснилось, что водитель вообще посторонний человек и убийца просто подхватил его на улице и попросил подвезти. Тот подвез. Выходя из машины, убийца попросил его не выключать мотор, дескать, спешу, опаздываю, в общем, как смог, припудрил мозги... И ничего из этого не получилось, потому что грузовик... Показали и грузовик в воротах, и перепуганного водителя, который уже и не рад был, что оказался замешанным в этой истории.

Но самое потрясающее произошло в конце передачи.

Раздался телефонный звонок — звонил начальник лагеря Усошин Николай Иванович.

— Я знаю убийцу, — сказал он. — И знаю, на кого работает.

— Откуда, Коля? — спросил Выговский.

— Он сидел у меня.

— Долго?

— Лет пять сидел. Мы за это время хорошо с ним познакомились. С разных сторон. Неплохой, в общем, парень, но озабоченный какой-то. Видно, жизнь его крепко прижала, если взялся за такой заказ. Не для него эта работа, потому и попался.

— Это все хорошо, — протянул Выговский. — Это все хорошо, — повторил он с безнадежностью в голосе. — Нам бы знать, кто его послал, кто заказчик.

— Я знаю, — чуть слышно обронил в трубку Усошин.

— Да?!

— Этот человек хлопотал о нем, когда Олежка у меня сидел.

— Олежка — это кто?

— Убийца.

— А кто хлопотал?

— Есть такой человек, — уклонился Усошин от ответа. — Слава тоже его знал.

— Они вместе работали?

— Скажем так — соприкасались.

— Он из ваших краев?

— Нет, — ответил Усошин. — И не будем об этом по телефону. Я разберусь. Может, удастся Олежку повидать... Обещали ребята. Если будут новости, позвоню. Вы как там?

— Держимся.

— Что-то крутые времена у нас настали, а, Игорь?

— Похоже на то.

— Не пора линять?

— Чуть попозже, Коля, чуть попозже. Ты же за колючей проволокой, тебе спокойнее.

— О вас пекусь, — усмехнулся Усошин и положил трубку.

Усошин вошел в свой кабинет, плотно уселся в жесткое кресло, сработанное умельцами из зеков, сцепил ладони в один сдвоенный кулак и, тяжело положив его на поверхность стола, надолго замер в неподвижности. Кто-то заглядывал в кабинет, из

коридора доносились голоса, за окном хлопнул выстрел или прозвучал хлопок очень на него похожий — все это нисколько его не интересовало и не отвлекло от главной заботы.

Ему необходимо было понять происходящее. То, что Сергею Агапова взорвали в собственной машине — можно понять. Ребята разбирались с москвичами. Они потеряли пятерых и им необходимо было свести счеты. Агапов просто подвернулся под руку. Хорошо. Принимаем.

Но теперь выясняется, что все обстоит иначе. Оказывается, Агапова убрали не случайно — пошел отстрел северного участка фирмы. Северяне ни перед кем не провинились. Агапов командовал леспромхозом. Да, он прибрал его к рукам, можно сказать, приватизировал, но он производственник. И Слава Горожанинов производственник. Он не сидел сложа руки, тоже кое-что смог приватизировать, с его помощью фирма обзавелась собственными вагонами, цистернами, платформами.

Все это так, но ни один, ни второй не замешаны в разборках, все разборки происходили без них. Ими занимались московские ребята. Если же теперь добрались до северян... Как это понимать?

Передел? Кто-то хочет передела?

— Так, — крикнул Усошин, поерзал в кресле, расцепил сдвоенный кулак, размял пальцы и снова их соединил. Усошин не чувствовал слишком уж большого беспокойства за собственную жизнь — он был под охраной, его управление располагалось за колючей проволокой и подобраться к нему было непросто.

Но в это же время он прекрасно знал, что если такая задача будет кем-то поставлена, то доберутся. Кованые решетки, железные ворота, вооруженная охрана, бронированные стекла — полная чепуха, которая остановит разве что подвыпившего хулигана. Если за дело возьмутся серьезные ребята, то вся эта картонная мишура не защитит, не спасет. Насколько Отарик был крут, насколько защищен — без толпы охранников шагу не делал. И какие охранники — мастера спорта, борцы, боксеры, чемпионы всяких единоборств... А кому-то понадобилось — из мелкашки завалили.

Поэтому Усошин не заблуждался. Опасность он почувал, собрался, сжался, уселся в своем кабинете, бросив помощнику несколько слов:

— Ко мне никого, — и плотно закрыл за собой дверь.

Через час заглянул помощник.

— Николай Иванович... Прошу прощения... Из управления звонят.

— Ну?

— Просят расположить у нас Олежку Есюгина. Того мудака, который Славу порешил.

— Зачем?

— Говорят, для сохранности.

Усошин помолчал, подвигал кустистыми бровями, как бы бросая на чаши весов разные доводы, варианты, возражения, и, наконец, поднял глаза на помощника.

— Не возражаю.

— Они хотят доставить прямо сегодня.

— Пусть, — ответил Усошин.

— Куда его?

— Сам знаешь.

— Хорошо, — кивнул помощник. — Они боятся, что он не один... Как бы чего не вышло. Если будет здесь, у нас, им вроде бы спокойнее.

Усошин кивнул, давая понять, что он все услышал, понял и доводы управленцев принимает.

— Слушай, — остановил он помощника уже в дверях. — Зачем он взялся не за свое дело? Он же домушник.

— Жизнь прижала, — усмехнулся помощник. — Она хоть кого прижмет. Похоже, Есюгину сделали предложение, от которого он не смог отказаться. Так бывает.

— Постой, — опять остановил помощника Усошин. — Ты не слышал, на место Славы никто не рвался?

— Да нет, такое и в голову никому не могло прийти.

— Пришло, — негромко обронил Усошин. — Кто-то метит на его место?

— Зам, больше некому.

— Что за мужик?

— Поганый, — одним словом ответил помощник.

— В каком смысле?

— Как говорят в народе... Если мужик не пьет, то или больной, или падлюка. Так вот этот зам, похоже, отметился и там, и там.

— Не пьет? — уточнил Усошин, будто в этом и было самое важное.

— Ни капли! — шепотом произнес помощник с напором, будто сообщал опять же главное.

— Это плохо.

— Он Славе зять.

— Да?! — вскинулся Усошин. — Интересно. Наследник, значит?

— Вообще-то да, — озадаченно проговорил помощник. — Мне это и в голову не пришло. Слава посмеивался над ним, но от себя не гнал — все-таки родственник.

— Значит, так. — Усошин разжал сдвоенный кулак и положил на стол горячие ладони. — Значит, так... Жду звонка. Междугороднего. Помнишь один хмырь об Олежке хлопотал?

— Чуфаров! — вспомнил помощник.

— Точно. Соединяй сразу.

Усошин больше не задерживал помощника и опять углубился в тяжкие раздумья о случившемся. Наконец раздался звонок, которого он ждал. Он поднял трубку, некоторое время слушал захлебывающийся голос Чуфарова. Да, это был он, человек, который не один раз приезжал сюда за время отсидки Есюгина. Привозил посылки, передачи, что-то пытался всучить Усошину, чтоб он лучше относился к его подопечному. В общем, запомнился Эдуард Витальевич Чуфаров. Что его связывало с Есюгиным, был он ему родственник, сосед, просто добрый знакомый, Усошин не знал, да это его никогда и не интересовало. При желании он всегда мог найти Чуфарова — тот написал на его имя не одно письмо все с той же просьбой — не слишком мучить Есюгина.

И вдруг Есюгина показывают как заказного убийцу. Конечно же, Чуфаров должен забеспокоиться, конечно же, он должен почувствовать холодок за своей спиной.

— Алло! Алло! Николай Иванович? Здравствуйте! Моя фамилия Чуфаров... Вы меня помните? Я приезжал в лагерь по поводу заключенного Есюгина. Был у вас такой заключенный, помните?

— Я все помню, Эдуард Валентинович.

— О! Меня действительно зовут Эдуард Валентинович.

— Есюгин совершил убийство, — холодно произнес Усошин. — Это ваш заказ?

— Боже! Что вы?! Как вы можете такое подумать!

— Есюгин — ваш человек, — спокойно, но твердо произнес Усошин. — Вы смотрите последние известия?

— Смотрю, — мертвым голосом, чуть слышно ответил Чуфаров.

— И я смотрю. Почему вы решили мне позвонить?

— Это случилось в ваших местах... Кроме вас, мне некому звонить.

— Хорошо, больше некому. А мне с какой целью звоните? Чтобы я подготовил нары для вашего приятеля?

— Олег Есюгин — сын моего друга. Друг погиб. Перед смертью он попросил меня не оставлять парня. Я обещал. Вот и все. Что еще я могу для него сделать?

— Что еще? — переспросил Усошин. — Пожалуй, ничего. Я даже не представляю, что можно сделать для парня... Как он дошел до жизни такой? Что превратило домушника в наемного убийцу? При чем бездарного домушника в бездарного убийцу... Слушаю вас.

— Не знаю, — после долгого молчания проговорил Чуфаров. — Не могу даже себе представить.

— Как он провел лето?

— Мы отдыхали... Вместе.

— Где?

— На море.

— Где?

— В Новороссийске.

— Так. — Усошину потребовалось время, чтобы усвоить услышанное. Новороссийск — это место, которое неизменно цепляло его подозрения. Тем более, что именно в Новороссийске их фирма понесла первый урон. Там был застрелен Гуцин. “Баллистическая экспертиза. Сопоставить пули” — мелькнула мысль короткая и ясная. Стреляли в обоих случаях в упор. В Новороссийске — когда Гуцин открыл ворота и стал под пули, а здесь — когда Горожанинов впустил убийцу в собственный кабинет. Тоже, по сути, открыв к себе доступ. Есть и различия, но кое-что и сходится.

— Как отдохнули? — спросил, наконец, Усошин.

— Нормально. Купались, пили вино, бродили по городу...

— Все время вместе?

— Нет, это невозможно... Он ведь помоложе меня, другие интересы.

— Какие? — жестко спросил Усошин.

— Ну, как... Танцы-шманцы, девушки, ребята...

— Поздние возвращения, необъяснимые отсутствия... Да?

— Было.

— И было кое-что еще, что озадачивало, вселяло тревогу в душу?

— Было, — упавшим голосом ответил Чуфаров.

— Опасные знакомства?

— Не то чтобы опасные... Чреватые, скажем так... Простите... Я хочу спросить... Ведь вы сможете его повидать?

— Да, — резковато ответил Усошин, поскольку повидать Есюгина он собирался и сам, хотя прав на это не имел.

— А я? Я могу его повидать?

— Нет. Хотя передать кое-что... На словах... Можете.

— Спасибо. Скажите ему, что звонили из Новороссийска... Ему передавали привет.

— Мужской привет? Женский?

— Мужской.

— Еще что-нибудь добавили? Слово ласковое? Напоминание о счастливых местах, прекрасных напитках, незабываемых встречах?

— Да нет, ничего этого не было... Просто позвонил какой-то парнишка и сказал, что все между ними остается в силе... Как и договаривались.

— Как зовут парнишку? — спросил Усошин, даже не надеясь на успех, просто так спросил, чтобы убедиться в своем прозрении.

— Не назвался. Слышимость была плохая, видимо, звонил по междугороднему...

— Звонок был до убийства Горожанинова или после?

— После, — голос Чуфарова показался Усошину каким-то смазанным, тот, похоже, сам сознавал важность того, что говорил.

— Значит, разговор с этим парнишкой, как вы его называете, был междугородний? По автомату?

— Нет, сначала возникла телефонистка.

— И о чем это говорит?

— Это говорит о том, что звонил он, скорее всего, из какого-то маленького городка, со станции, из поселка...

— Правильно мыслите, Эдуард Валентинович, — одобрительно произнес Усошин. — Позванивайте. Если у меня будут новости — поделюсь. Но с одним условием, — чтобы и вы тоже со мной делились.

— Согласен.

— Этим вы поможете своему подопечному убийце. — Он сознательно произнес это слово, взял тон жесткий и даже безжалостный. — Вполне возможно, что вашему Олежке не одному придется нести ответственность.

— Понимаю.

— И тогда его вина, его ответственность, срок, который он получит... Все это может разделиться на двоих... На троих...

— Да-да, я понимаю, о чем вы говорите. Передайте Олежке, что я звонил. Хотя бы это можете передать?

— Это могу, — сказал Усошин и положил трубку.

И опять он молча сидел за столом. Выражение лица у Усошина было сонное, слегка недовольное, глаза были полуприкрыты, и, казалось, он просто дремал в ожидании не то совещания, не то какого-то сообщения, не слишком важного, не слишком...

Но состояние Усошина было далеко не сонным. Он чутко прислушивался ко всем звукам, которые доносились до его кабинета из внешнего мира. И он хорошо представлял себе все, что происходит в коридорах здания, за окном, на плацу, в бараках. И лязг ворот услышал, и шум милицмейской машины, сдержанные голоса, топот в коридоре. И не сдвинувшись с места, не пошевелив пальцем, уже знал, что Есюгин находится в его владениях, под замком, знал, в какой камере и что делать дальше.

Заглянул помощник.

— Доставили, Николай Иванович.

— Все в порядке?

— Да, ребята уже уехали.

— Тот самый Есюгин?

— Тот самый.

— Мне бы надо с ним повидаться.

— Нет проблем.

— Он как, в порядке?

— Насколько это возможно в его положении.

— Значит, в самый раз.

Усошин поднялся и тяжелой поступью направился к камере, куда поместили вздрагивающего всем телом Олега Есюгина. Двери как бы сами по себе раскрывались перед ним, встретившиеся в коридоре сотрудники прижимались к стенам, уступали дорогу, здоровались. Усошин отвечал кивком головы, но как-то механически, словно опасался расплескать скопившуюся в нем энергию, которую он берег для разговора с бывшим своим заключенным. Последний раз тяжело лязгнули запоры, и он шагнул в камеру.

Есюгин сидел в углу, на железной кровати, и вошедшая в него дрожь продолжала колотить его изнутри. Чтобы как-то унять ее, он обхватил колени руками, и замер. На вошедшего Усошина он только скосил глаза и тут же снова отвел их в сторону.

— Привет, Есюгин, — сказал Усошин. — Узнаешь?

— Узнаю.

— Быстро вернулся... Видно, неплохо тебе здесь было, если так назад торопился, а? — Усошин присел на шаткий табурет посредине камеры.

— Как было, так и было. — У Есюгина, похоже, просто не было сил вдумываться в слова Усошина.

— Привет тебе из Москвы. Эдуард Валентинович звонил, просил передать пожелания здоровья и счастья.

— Спасибо.

— Из Новороссийска звонили.

— Кто? — дернулся Есюгин.

— Не знаю...

— Мужчина, женщина?

— Женщина, — соврал Усошин. И понял, что поступил правильно — Есюгин лишь кивнул головой, дескать, знаю, кто это мог быть. — Обо всем, что ты тут натворил, страна оповещена. Кстати, Горожанинов был моим другом. Едва ли не единственным.

— Я не знал.

— А если бы знал?

— Не пошел бы.

— Спасибо на добром слове... — Усошин помолчал, рассматривая свои ладони, потом медленно, невидяще окинул взглядом камеру, задержался на маленьком зарешеченном окне, тяжело вздохнул, как бы собираясь с духом, прежде чем произнести нечто важное. — У меня к тебе один вопрос, Олежка. Кто заказчик?

В ответ Есюгин закрыл глаза, сжав зубы так, что проступили тощеватые желваки, и покачал головой из стороны в сторону.

— Так, — протянул Усошин, и голос его окреп. — Тогда послушай меня. Мы с тобой пять лет бок о бок прожили, за это время я звезду на погоны заслужил, дите у меня родилось. На тебя я тоже насмотрелся за пять лет. Скажи мне, пожалуйста... Я ведь ничего мужик, а?

— Нормальный мужик. — Есюгин опасливо скосил глаза в сторону Усошина.

— Я не подличал с тобой... Не всегда наказывал даже, когда мог, а? Лечил тебя, дурака, когда ты болел или когда сказывался больным. Было?

— Было.

— Со мной можно разговаривать по-человечески?

— Можно.

— С тобой тоже можно, — польстил Усошин.

— Спасибо.

— Ты ведь не один был, это ясно. В милиции уже нашли концы. Группу захвата в командировку собирают.

— Куда? — опять дернулся Есюгин.

— В Новороссийск. Неплохо отдохнул там этим летом?

— Откуда вы знаете?

— Да ладно. — Усошин махнул тяжелой ладонью. — Послушай меня... Горожанинов — мой друг. Его убийство — моя личная проблема. Я не собираюсь никому ничего докладывать, никого не собираюсь подключать, и уж, конечно, не побегу в милицию рассказывать что и как... Повторяю — это моя личная забота. Все, что скажешь, останется между нами. Даю слово. За пять лет ты должен был убедиться, что если Усошин дает слово, он его держит.

— Знаю, — кивнул Есюгин.

— Ты же ведь домушник... А тебя толкнули на другую работу.

— Никто меня не толкал!

— Не надо! — Усошин опять махнул рукой. — Какой дурак тебя заставил въезжать во двор к Горожанинову? Машину в таких случаях надо оставлять на улице. А ты?

— Кто же знал, что грузовик в воротах застрянет?!

— Ты должен был и об этом подумать. Если уж взялся за такую работу. Более опытные товарищи должны были тебя предупредить, — методично, негромко продолжал Усошин, как командир, разбирающий ошибки, допущенные во время учебных стрельб. — С тобой все ясно. Свое получишь. Если вас окажется двое — получишь половину. Если снова попадешь ко мне... Все будет нормально. Обещаю. На волю выйдешь живым. Я могу позаботиться о тебе, даже если окажешься в других лагерях. Перезвонимся с ребятами, договоримся. А сейчас я прошу тебя о помощи. Мы не должны допускать, чтобы с нашими друзьями поступали вот так плохо. Подключать милицию не буду, разберусь во всем сам. Он вам выдал аванс?

— Выдал.

— Обоим? — уточнил Усошин.

— Да.

— Сколько?

- По пятерке.
- А остальные?
- По факту.
- Сколько?
- Столько же.

— Хорошие деньги. Но недостаточные. Ты вляпался. Твой приятель тоже не успеет их потратить. Тебя кинули, Олежка. Тебе поручили ту часть работы, к которой ты не готов. И они это знали. Так не поступают. Дальше... Я не имею права здесь с тобой находиться — злоупотребил служебным положением. Поэтому никто не будет знать, что я у тебя был. Понимаешь, о чем говорю?

- Да.
- Кто заказал Славу Горожанинова?
- Курьянов.

— Так. — Усошин даже дыхание попридержал, боясь, что в воздухе исчезнет, испарится та звуковая волна, которая донесла до него эту фамилию. — Как его зовут?

- Не знаю.
- Кто такой?
- Таможенная шишка в порту.
- Каком порту? — уточнил Усошин, хотя ему все уже стало ясно. — Морском?
- Да, в Новороссийске.
- Ты его видел?
- Нет.
- Кто второй?
- Ваня.
- Какой-токой Ваня?

— Ваня, и все. Ничего больше о нем не знаю. На пляже познакомился. Он и предложил. Как-то по пьянке проговорился насчет Курьянова. Вроде Толиком зовут. Они с Ваней давно в паре работают. У них уже были кое-какие дела.

- Он рассказывал о них?

— Как-то похвастался, что недавно одного мужика завалил... Тоже по заказу Курьянова. В собственных воротах. Очень удачно, говорит, получилось. Вроде, крутой был мужик. По телевидению показывали.

- Усошин лишь кивнул — речь явно шла о Гущине.

- Там же, в Новороссийске?

— Да. Кстати, Николай Иванович... Если уж мы заговорили об этом... У Вани на безымянном пальце правой руки наколка... Перстенок с ромбиком. Живет с матерью на окраине Новороссийска. Рядом какой-то рынок.

- Ты был у него дома?

— Нет, только на пляже встречались. Иногда пиво пили. От его дома море видно.

- Как называется улица?

— Не то Матрос Железняк, не то Матрос Кошка... Что-то вроде этого.

Этих вроде бы разрозненных и бестолковых сведений было вполне достаточно, чтобы найти шустрого Ваню, который иногда выполняет деликатные поручения Анатолия Анатольевича Курьянова, человека веселого, красномордого, решительного.

— Мы договорились, да? — напомнил о себе Есюгин, когда Усошин встал и отодвинул к стене шаткую табуретку.

— Я здесь не был и ничего от тебя не слышал, — сказал Усошин негромко. — Такое мое слово тебя устраивает?

— Годится, — кивнул Есюгин.

— Но поступаю, как считаю нужным. — Усошин со значени-ем поднял указательный палец.

— Это уже ваше право.

— Мы с тобой знакомы по прошлой отсидке. Встречались последний раз около года назад. Я правильно все понимаю?

— Годится, — повторил Есюгин. — И еще... Если позвонит Эдуард Валентинович... Скажите ему что-нибудь не слишком жесткое... Что-нибудь обнадеживающее.

— Скажу.

— Чтоб себя не слишком корил... Ему не в чем себя винить, он делал для меня даже больше, чем я заслуживал.

— Договорились.

— Бестолковый, беззлобный, наивный человек, а ему достался такой вот убудок вроде меня. Если приехать захочет... А он, наверно, захочет... Отговорите. Не надо ему всего этого знать. А то еще умом тронется, бедняга.

Жизнь в Коктебеле замерла совершенно. Люди исчезли не только с пляжей и с набережной, они исчезли с улиц, даже, казалось, покинули свои дома и ушли куда-то в горы, где окончательно одичали и обросли густой, клочковатой шерстью. Опустел базар. Только несколько бабок, одетые во что-то невообразимое, среднее между зековской фуфайкой и спецовочным халатом, нахохлившись, как старые вороны, пытались продать по дешевке поддельный коньяк "Коктебель". Божественный напиток, как выразился поэт.

Я остался один на весь девятнадцатый корпус. Директор Леонид Николаевич сделал для меня единственное, что мог, — оставил в номере и велел уборщице притащить рефлектор, чтоб не замерз я здесь окончательно.

— Прячешься? — спросил он меня как-то напрямик.

— Прячусь, — кивнул я.

— От кого?

— От себя, в основном.

— Удастся?

— Иногда.

— По коньячку? — спросил он.

— Можно, — кивнул я, и мы направились в его собственную гостиницу, сооруженную рядом с Домом творчества писателей. Под одним черным зонтом, который директор великодушно раскрыл над нашими головами.

— Прекрасная погода, не правда ли? — неожиданно сказал я, и только произнеся эти слова, ужаснулся — в них таилось мое разоблачение.

— Жить можно! — весело рассмеялся Леонид Николаевич.

Он ничего не уловил в этих словах, они показались ему простенькой шуткой, которыми обычно тешатся, когда затягивается молчание. Да, наверно, так можно сказать — я пребывал в затянувшемся молчании. Во мне опять наступала пустота.

Перед самым поворотом на улицу Десантников мы увидели рыжего лейтенанта. Он стоял посредине мостовой и с недоумением рассматривал мутные ручьи, обтекавшие его сапоги. На дождь он не обращал никакого внимания.

— Вы куда? — спросил рыжий, увидев нас под зонтом.

— Коньяк пить.

— Возьмите меня.

— Пошли, — рассмеялся директор. — О делах ни слова, — предупредил он.

— Только про баб и погоду! — клятвенно заверил лейтенант.

— Принимается, — кивнул Леонид Николаевич.

Ох, и набрались мы в тот дождливый день, ох, и набрались. Коньяк был хороший, рюмки тяжелые, с гранями, а из закуски нашлись только конфеты в сверкающих обертках.

Лейтенант разулся и оставил сапоги в прихожей. Там же повесил на крючок свой мокрый китель и тяжелую фуражку, с которой сочилась вода. Войдя в комнату, он снял и рубашку, старательно разложив ее на батарее. И неожиданно оказался щупленьким, несчастным парнишкой с неуверенным взглядом и всклокоченными рыжими волосами. Он не говорил ни о бабах, ни о погоде, лишь молча переводил взгляд с меня на Леонида Николаевича и исправно пил до дна. И только ночью, когда уже отключили свет и мы сидели при свечах, а при свечах коньяк приобретает вкус действительно божественный, он наклонился ко мне и спросил шепотом:

— Скажи честно... Как собутыльник собутыльнику... Это ты?

— Конечно. Это я.

— Я так и знал, — он нацупал под столом мою руку и крепко пожал. И я ответил ему пожатием не менее крепким и не менее искренним. И не менее хмельным, если уж откровенно.

— Кончайте шептаться, — сказал Леонид Николаевич и поставил на стол новую бутылку коньяка. В глубине ее, в самой глубине, вспыхнули огоньки свечей, обещающая жизнь счастливую и бесконечную, полную настоящей любви и настоящей дружбы.

А что, собственно, еще есть на земле? На земле больше ничего и нету. Наверное, и не будет.

— Будем живы! — Леонид Николаевич поднял свою рюмку, и мы тоже подняли свои рюмки. И в каждой из них блеснули огоньки, золотистые, трепещущие огоньки, обещающая жизнь счастливую и...

С некоторых пор главная контора фирмы "Нордлес" стала напоминать осажденную крепость. Попасть внутрь особняка могли только приглашенные люди, прошедшие тщательную, подозрительную проверку охраны, те, кто не один, не два раза договаривался о встрече с руководством по телефону. Машины не оставляли без наблюдения ни на одну минуту, все окна были плотно задернуты шторами. Неведомым злобным шантажистам не помогла бы ни самая сильная оптика, ни самое точное оружие. Стрелять в окна, надеясь на случайное попадание, — это было совершенно бессмысленно.

Ночевали каждый раз в другом месте, в новом и неожиданном — то у друзей, то друг у друга, а нередко попросту оставались в особняке, надеясь на мощную охрану, вооруженную по последнему слову криминальной техники. На джипах, "мерседесах", "фордах" установили затемненные стекла, бронированные двери, никто даже в город не выезжал, не имея за спиной двух автоматчиков.

И все же спокойствия, уверенности в безопасности ни у кого не было. Предприятия продолжали работать, продукция расходилась по стране. Брус, доски, балки, вагонку охотно брали и в ближнем, и в дальнем зарубежье, фирма работала прибыльно, деньги поступали как в местные банки, так и забугорные, но радости все это не приносило.

Как-то Выговский позвонил на север Усошину.

— Николай Иванович, что новенького в нашей жизни, полной смертельного риска и каждодневной опасности?

— А ничего! — весело ответил Усошин. — Зеки заготовливают лес как никогда охотно и радостно.

— Что же их так радует?

— Кормежка! Я их усиленно подпитываю. За счет фирмы, разумеется. Голодный зек — не работник.

— С железной дорогой проблем нету?

— Ха! Вы, Игорь Евгеньевич, об этом узнали бы в тот же день!

— Новое руководство не капризничает?

— Пластается и стелется.

— Вы имеете в виду горожаниновского зятя?

— Его самого.

— Что следствие?

— Так ли уж важно, что скажет следствие? — произнес Усошин странные слова. — Убийца задержан. Вины своей не отри-

цает. Да ее и невозможно отрицать. Скоро будет суд и преступник получит по заслугам. Надеюсь, ко мне его и определят.

— Уж вы тогда покажете ему кузькину мать! — усмехнулся Выговский.

— Ничуть! Прекрасный парень, умелец, хороший работник. Мы с ним уже сотрудничали пять лет в деле перевоспитания... Добились неплохих результатов.

— Оно и видно.

— Если ты, Игорь, имеешь в виду убийство Славы Горожанинова, то это была ошибка. Зablуждение. Олежка искренне раскаялся в нехорошем своем поступке.

— Олежка — это кто? — не понял Выговский.

— Наемный убийца, который расстрелял Славу в собственном кабинете.

— Вы так легко об этом говорите, Николай Иванович...

— В отпуске потому что был. На море.

— Да, я знаю. Что-то вы все в Новороссийск повадились?

— Места хорошие. Опять же прием на чрезвычайно высоком уровне. Курьянов решает все проблемы отдыха до того, как они возникают. Рекомендую. Пока не поздно, — неосторожно, а может быть, продуманно добавил Усошин.

— Пока не поздно? — переспросил Выговский.

— Да, Игорь, да.

— Я не врубился, честно говоря... Что вы имеете в виду? Ничего не хотите добавить?

— Жизнь добавит!

— Ладно, замнем для ясности.

— Что касается следствия, заказчика убийства... Принимаем меры.

— Мне не следует задавать лишних вопросов?

— Правильно понимаешь, Игорь. Скажу больше — и об этом нашем разговоре не сообщай кому бы то ни было.

— Без исключений?

— Именно это я и хочу сказать — без исключений. В кабинете, кроме тебя, никого нет?

— Никого, я один.

— Это хорошо.

— Ты хочешь сказать, что все настолько... — Выговский замялся, подыскивая слово поточнее, но Усошин его перебил:

— Да, Игорь! Все настолько близко, настолько рядом, что...

Ближе не бывает.

— Хорошо... Мы со Здором завтра улетаем на отдых. У тебя нет возражений?

— Куда? — спросил Усошин.

— Испания.

— А что там, в Испании?

— Шарон Стоун снимается в новом фильме.

— А вам что до этого? — удивился Усошин.

— Я когда-то обещал Здору познакомить его с этой красавицей. Он напомнил про мой должок. И все как-то удачно сложилось. В общем — летим.

— Она ждет вас?

— Да ладно тебе, Николай Иванович... Летим. На две недели.

— Хороший срок.

— Слово "срок" в твоих устах звучит несколько... Зловеще.

— Знаю. Но две недели — действительно хороший срок.

— К нашему возвращению будут новости?

— Очень даже может быть, — проговорил Усошин.

— Тогда мы не задержимся.

— Привет красотке... Как там ее...

— Здор называет Шарончихой.

— Правильно называет. Привет ей из северных лагерей. Передайте, что всегда готов принять и предоставить все условия для хорошего содержательного отдыха. Пока, Игорь.

— Пока.

Выговский положил трубку, откинулся на высокую спинку кресла и закрыл глаза. Его озадачил разговор с Усошиным. Какие-то намеки, предупреждения... Что-то всего этого стало слишком много последнее время. Настолько много, что сделалось уже нормой. День, прожитый спокойно и с пользой, казался ненастоящим, полезностью и спокойствием даже настораживал — не затишье ли перед бурей?

Дверь распахнулась без стука, и в кабинет ворвался радостный Здор.

— Игорь! — закричал он. — Шарончиха снимается в Толедо!

— Значит, полетим в Толедо, — безучастно ответил Выговский.

— Ехал только что в машине, слышал по радио. Ребеночка родить не смогла, усыновила чужого и теперь души в нем не чает.

— А тебе-то какая радость?

— Ну, как же! Значит, живой человек эта Шарончиха! Не мызга какая-то закомплексованная! Настоящая живая баба! И горести у нее, и радости, и опять же что-то не так...

— Утешить хочешь?

— Хочу!

— Значит, летим.

— Подарок бы ей присмотреть?

— Присмотрим. Ползунки какие-нибудь, слюнявчики, подгузники. У них там, в дальнем зарубежье, с этим постоянная пряженка.

В Толедо они оказались ранним утром, солнце уже встало, но до мостовых еще не добралось — были освещены только остроконечные шпили зданий и соборов. Выговский и Здор шли по узкой каменистой улочке, как по горному ущелью, и только вы-

соко над собой видели узкую полоску неба. Улочка, выложенная необработанными булыжниками тысячу лет назад, постепенно становилась светлее, откуда-то спереди шло сильное золотистое сияние. Улочка расширялась, полоска неба над головой увеличивалась, и, наконец, они вышли на залитую солнцем площадь перед собором.

Здесь шла съемка какого-то фильма с участием Шарон Стоун. Здесь-то Выговский со Здором ее и увидели — среди киносъемочной аппаратуры, осветительных приспособлений, треног и колясок, среди проложенных по булыжникам рельс, по которым на маленьких колесиках катились кинокамеры. Все были заняты, куда-то бежали, орали друг на друга, делали страшные глаза, показывая то на небо, то на шпили собора, то на площадку, на которой и стояла...

Да-да-да. Маленькая, невзрачная, растерянная женщина, к которой надо было очень уж внимательно и благожелательно присмотреться, чтобы узнать в ней черты знаменитой Шарончихи.

— Слушай, Игорь, мне страшно, — пробормотал Здор осевшим голосом.

— Значит, так, Миша, — назидательно сказал Выговский. — Я обещал познакомить тебя с Шарончихой, правильно? Больше ничего не обещал. Я тебя с ней познакомлю. А дальше устраивайте свою судьбу сами. Хотите в Москву переезжайте, в Бескудниково, хотите в Голливуде особняк снимайте... У тебя хватит денег особняк для нее снять на годик-второй?

— Хватит.

— Ну, всякие там приемы-шмиемы... Сделаешь?

— И это потяну. Я ей матрешку купил, — сказал Здор шепотом.

— Матрешку?! — Выговский готов был расхохотаться.

— Двадцать четыре вкладыша один в другом. Все расписано золотом и прочими делами... И все на нее похожи.

— На каждой портрет Шарончихи?!

— Обобщенный, — поправил Здор. — В особом матрешечном стиле.

— Ну ты, Миша, даешь, — протянул Выговский потрясенно. — Мне с тобой не тягаться... Я по убогости своей и простоватости сообразил купить только бутылку шампанского.

— Хорошего?

— Не знаю... Триста долларов. Дон Периньон.

— Ничего, — одобрил Здор. — Не слишком хорошее, но сойдет.

— Перебьется, — проворчал Выговский.

— А на каком языке общаться будем? — спросил Здор.

— Как на каком? На русском.

— Думаешь, она знает русский язык?

— Это ее проблемы.

— Игорь, она ни фиги не поймет.

— Когда Шарончиха увидит бутылку шампанского Дон Периньон за триста долларов, она делается такой сообразительной, что ты даже удивишься. Ты просто руками всплеснешь от ее сообразительности.

— Это я могу, — кивнул Здор. — Руками всплескивать каждый может. И я тоже смогу. — Он бормотал, повторяя одни и те же слова, чтобы хоть как-то скрыть полнейшую свою растерянность.

А Выговский тем временем, ухватив Здора за руку, тихонько протискивался сквозь толпу, продвигаясь все ближе к съёмочной площадке, и наконец они достигли цветастой ленты, которая сдерживала любопытных.

— Как только я шагну через ленту, — Выговский показал на пластмассовую полосу, натянутую на металлических столбиках, — ты делаешь то же самое.

— Я боюсь.

— Я тоже.

Как ни странно, но именно эти слова успокоили Здора и даже придали ему куражливую уверенность.

Съёмка продолжалась, тощий лысый человечек метался от камеры к Шарончихе и обратно, что-то кричал, делал страшные гримасы, которые должны были изображать его горе и отчаяние, Шарончиха весело смеялась, двигались камеры, поднималось солнце, постепенно охватывая площадь, окружённую шпилями собора и островерхими домами. И наступил момент, когда Выговский решительно перешагнул цветастую ленту, так же решительно отвел в сторону полицейского, бдительно рванувшегося к нему, и, вплотную подойдя к Шарончихе, протянул шампанское, повернув бутылку этикеткой к ней, к звезде, к красавице, к актрисе. Похоже, она разбиралась в шампанском ничуть не хуже самого Выговского, потому что тут же улыбнулась и произнесла восторженно:

— О! Дон Периньон!

— Между прочим, уважаемая красавица, — заговорил Выговский с великолепной светской улыбкой, — это вовсе не от меня, а от моего лучшего друга Миши Здора, который в вас души не чает и даже плачет по ночам, роняя слезы в истерзанную подушку.

Шарон Стоун склонила голову набок, внимательно все выслушала, время от времени кивая своей божественной головкой в такт словам Выговского. Но улыбка на ее устах постепенно из радостной сделалась несколько растерянной. И тогда Выговский перешел на чистый иностранный язык.

— Сувенир, — сказал он, протягивая шампанское.

— О! — расцвела Шарончиха.

И в этот момент из-под мышки у Выговского вынырнул Здор, расправившись, наконец, с оберткой, которой была уку-

тана матрешка чуть ли не в полметра высотой. Когда Шарончиха увидела нечто, сверкающее золотом, когда она, справившись с повисшими на ней охранниками, увидела на матрешке собственную физиономию, глаза у нее сделались совершенно потрясающими по своей красоте и выразительности. Но стоило Здору с ловкостью провинциального фокусника сорвать с матрешки верхнюю ее часть, под которой оказался новый портрет Шарончихи, еще более молодой и прекрасной, раздался уже всеобщий вопль восторга и восхищения. Вручив Шарончихе верхний колпак матрешки, Здор сорвал следующий и там тоже, и под следующим тоже...

И, наконец, когда все вокруг держали по матрешке с портретами, сработанными лучшими московскими мастерами, а Здор продолжал извлекать все новые, несчастная Шарончиха не выдержала потрясения и бросилась ему на шею, покрывая своими поцелуями совершенно обезумевшего от счастья Здора.

Подарок действительно был невероятной красоты и неожиданности. Фотографы, которые всегда вертятся на съемочной площадке, торопились увековечить улыбки, объятия, восторг. Пожалуй, единственный, кто во всей этой суматохе сохранял спокойствие и рассудительность, был Выговский. Высмотрев в беснующейся толпе фотографов наиболее, по его мнению, достойного, с фотоаппаратом большим и глазастым, он оттащил его в сторону и заговорил на чистом русском языке:

— Нужны снимки, понял? Фото! — Выговский показал пальцами размер фотографий. — Двадцать четыре на тридцать.

— О'кей, — кивнул фотограф.

— О'кей еще впереди. — Вынув из кармана, Выговский показал фотографу триста долларов. — Усек?

— Усьок, — фотограф улыбался широко и весело.

— Морроу, — сказал Выговский на чистейшем английском языке, давая понять фотографу, что снимки ждет завтра. И тут же вручил ему гостиничную визитную карточку.

— О'кей! — снова воскликнул фотограф и, спрятав карточку, унесся к Шарончихе — там снова происходили события, достойные воплощения. Отдав какие-то распоряжения на непонятном своем языке, Шарончиха уже через минуту разливала шампанское в высокие бокалы, которые притащил тот самый тощеватый, лысоватый человечек, метавшийся недавно по площадке с горестно вздетыми к небу руками.

В утренних лучах испанского солнца шампанское играло и пенилось, как никогда радостно и празднично. Таким оно было разве что в ресторане Дома литераторов, очень давно, около трех лет назад, когда все еще были живы и ни одна затея не была обагрена кровью. Но здесь, на площади в Толедо, об этом не думалось — первая красавица мира Шарон Стоун обнимала Выговского и Здора, пила их шампанское, чокалась с ними высоким тяжелым бокалом и улыбалась так, как, наверно, ей еще не

удавалось в самых любвеобильных фильмах. Потрясенная двадцатью четырьмя матрешечными своими портретами, самый маленький из которых изображал ее разве что во младенчестве, Шарончиха, наверно, и сама еще не была так счастлива, как в это толедское утро, освещенное солнечными лучами, которым, наконец, удалось протиснуться сквозь остроконечные шпили собора.

А наутро в гостиницу пришел фотограф и принес полтора десятка снимков, как и заказывал Выговский, размером двадцать четыре на тридцать сантиметров. Снимки сверкали глянецом, Шарончиха на них была еще краше, чем в жизни, так бывает, и не столь уж редко. Здор улыбался роскошными своими зубами, улыбался так радостно и раскованно, что никто не смог бы в нем заподозрить бывшего фиксатого зека, фирмача и убийцу. А Выговский был просто роскошен с бутылкой, из которой лилось шампанское, сверкающее в утренних испанских лучах. Остальной толпы как бы и не было, она только чувствовалась где-то рядом, за кадром, а на снимках были эти трое — как никогда молодые, красивые, счастливые. Такими им уже не быть никогда.

Выговский расщедрился и дал фотографу не триста, а все пятьсот долларов. Тот словно ждал этого — вынул из папки и положил на стол еще полдюжины снимков — Шарончиха с Выговским, Шарончиха со Здором, Шарончиха с матрешками.

Когда фотограф ушел, Выговский открыл бутылку шампанского из холодильника, наполнил хрустальные бокалы и упал в низкое глубокое кресло. Здор расположился рядом. Некоторое время он перебирал снимки, и разноцветные солнечные блики играли на его лице, создавая выражение праздничное, даже торжественное.

— Итак, — сказал Выговский, — я выполнил и второе свое обещание — с Шарончихой познакомил. Как теперь сложится ваша жизнь, меня не касается. Если вы в мою честь назовете сына...

— Она не может рожать, — печально обронил Здор.

— Решайте, ребята, решайте, — беззаботно произнес Выговский и выпил бокал шампанского одним залпом. Правда, последний, самый большой глоток подзадержал во рту и позволил шампанскому медленно, уже легким газовым облачком впитаться в организм. И глухо простонал от наслаждения.

— Когда я буду умирать, — сказал Здор, — когда я буду умирать...

— Ну? — поторопил Выговский.

— Я улыбнусь, вспоминая Толедо.

— И Шарончиху?

— Да, Толедо, Шарончиху и себя на площади перед собором. Над нами возвышается стометровая башня, а из-за нее выглядывает испанское солнце. И когда все это вспомню, то умру спокойно и безболезненно. Умиротворенно.

- Только не торопись, ладно?
- Не буду.
- Обещаешь?
- Обещаю!

Выговский и Здор обменивались словами вроде бы пустыми и легкими, не чувствуя в них тяжести, колдовской силы, не подозревая даже, что такие слова не бывают случайными. И не спохватились, не ужаснулись их смыслу, не ощутили собственной обреченности. Кто-то заботливый и хорошо к ним относящийся заставил произнести эти слова вслух, чтобы их же устами предупредить о приближающейся опасности.

Нет, не помогло.

Может, шампанское виновато, может, снимки, полные жизни и любви, может, древний мистический город Толедо подавил в них осторожность и опасливость. Его корявые каменистые улочки, узкие, как горные ущелья, еще хранили в себе тени мавританских чародеев, способных уноситься в прошлые времена, проникать в будущие столетия, влиять на судьбы людские.

Выпив еще бокал шампанского и положив перед собой портрет Шарончихи, Выговский, не отрывая от нее взгляда, набрал московский номер своей конторы. Связь установилась легко и быстро.

— Алло! Слушаю! Говорите! — зачастил в трубке Мандрыка.

— Здравствуй, Вася! — сказал Выговский. — Как поживаешь?

— Лучше всех, да никто не завидует! Вы где?

— В Толедо!

— Где?!

— Испания, Вася, Испания! Тебе привет от Шарон Стоун!

— Как она там?

— Загорела, поправилась, похорошела...

— Похорошела?! Куда же дальше?!

— Да, Вася, да. Оказывается, даже Шарон Стоун может похорошеть при виде нашего Здора!

— Привет ему! Когда вас ждать?

— Завтра, Вася. Самолет в Шереметьево прибывает около семнадцати? Встретишь?

— Не могу, Игорь, никак! На семнадцать у меня назначена встреча! Оптовики нагрянули. Я подгоню джип в Шереметьево на стоянку. Найдете?

— Найдем. Ключи у меня есть.

— Заметано. И дуйте прямо в контору. К тому времени я уже освобожусь. Что будете пить?

— Только шампанское.

— Заметано, Игорь! Жду!

— Только это... При джипе-то водитель нужен... Мы с Мишей будем слегка поддаты. Сам понимаешь — Испания.

— Понял! Будет водитель. Прилетайте! Ждем!

Выговский с некоторым недоумением посмотрел на трубку, из которой уже неслись короткие гудки, положил ее на аппарат.

— Что-то не так? — спросил Здор.

— Да, но не могу понять, что именно...

— Он встретит?

— Сказал, что прилетит машину. Переговоры у него назначены. Оптовики, говорит, нагрянули.

— Ну и отлично!

— Да, но... Оптовики — это мои заботы. Тебе он мог сказать, что у него встреча с оптовиками. Но не мне. Тем более, что уже завтра я буду в Москве. И ему нет никакой надобности брать на себя груз этих переговоров.

— Да пусть он с ними трепется сколько угодно! Бумаги на подпись все равно лягут на твой стол. И ты будешь их подписывать. Или не подписывать. — Здор изо всех сил старался сохранить тот счастливый мир, в котором оказался со вчерашнего утра.

— Так-то оно так, — опять с сомнением протянул Выговский. — Но что-то здесь не так.

— Приедем — разберемся!

— Тоже верно. — Выговский взял бутылку, вылил в стакан остатки шампанского, выпил и отставил стакан в сторону, подальше отодвинул, как бы говоря себе, Здору, высшим силам — хватит, ребята, пора остановиться.

— Позвони секретарше, — посоветовал Здор, видя, что сомнения не оставляют Выговского.

— Я и звонил секретарше.

— А почему Мандрыка взял трубку?

— Не знаю.

— Наверно, случайно оказался в приемной... А Люся куда-то вышла на минутку...

— Да, скорее всего, так и было, — согласился Выговский.

Встав, он подошел к холодильнику, как-то замедленно, словно колеблясь, словно без уверенности, что поступает правильно, вынул еще одну холодную бутылку шампанского и вернулся в свое кресло.

— Завтра утром выезжаем в Мадрид и сразу в аэропорт. А сегодня можем побаловать свои пороки и прихоти. Не возражаешь?

— Я?!

— Значит, не возражаешь. — Выговский свинтил проволочки с пробки и, поставив бутылку на стол, откинулся на спинку кресла. Он ждал, пока раздастся грохот пробки, вылетающей из горлышка. И грохот раздался, грохот, который так напоминал выстрел. — Не хочется мне возвращаться в Москву, — сказал Выговский, разливая шампанское по стаканам. — Не знаю почему, но не хочется.

- Все, что мог, ты уже совершил.
- Ты имеешь в виду Шарончиху?
- Да. Теперь мне уже нечего бояться. И мечтать не о чем.
- Не надо, Миша, так говорить.
- Почему?
- Не знаю... Но откуда-то мне известно — не надо.
- Не буду.

Самолет из Мадрида в Шереметьево прибыл по расписанию. Погода была солнечная, и земля в иллюминаторы была видна все время полета. Как говорится, над всей Испанией безоблачное небо. А перед самой посадкой стали хорошо видны подмосковные дороги с машинами, опушки березовых рощ, множество выросших за последние годы домов самых причудливых, вычурных, а то и попросту бестолковых. Неожиданно разбогатевшие люди старались перещеголять друг друга в изощренности архитектурных форм, в изысканности фасадов и заборов, зимних садов, бань и гаражей.

— Где-то там и наши с тобой домишки стоят, — сказал Здор, оторвавшись от иллюминатора.

— Отсюда их не видно.

— Почему?

— Шереметьево на север от Москвы, а наши имения на западе. Вот если бы мы подлетали к Внуково... Могли бы и увидеть. Белые люди строят на западе.

— А мне опять хочется к Шарончихе, — неожиданно сказал Здор.

— Будем живы — смотаемся. Или сюда пригласим. Не потерял ее визитку?

— Ты что?! — ужаснулся Здор.

Джип стоял на обычном месте автостоянки, но водителя не было. Выговский воспользовался своими ключами. Расположившись внутри, они подождали минут двадцать — никто не подходил.

— Может, водитель не знает, что самолет уже сел, и шатает-ся между киосками в зале ожидания?

— Там такие табло, что последний идиот разберется.

— Или перекусить решил.

— Так не бывает. — Откинув заднее сиденье, Выговский убедился, что помповое ружье на месте. Передернул затвор — ружье, как и положено, было заряжено.

— Порядок? — спросил Здор.

— Как в танковых войсках. — Поколебавшись, Выговский положил ружье на пол, возле сиденья водителя. Здор удивился, но ничего не сказал и сел рядом. — Поехали, — и Выговский тронул машину.

Платить на выезде пришлось немного, из чего можно было сделать вывод, что машина на стоянку поставлена недавно, не более часа назад.

Стоял теплый летний вечер, солнце еще не потеряло слепящей своей силы. Оно посверкивало между деревьев слева, на западе. Джип на дороге уважали, не каждый решался обогнать, даже если и позволяла обстановка. "Шевроле" был один из лучших джипов — большой, мощный, с затемненными стеклами и широким задом. Едва вырвавшись из развязочных переплетений Шереметьева, Выговский сразу набрал скорость, тем более, что дорога была почти свободна — час пик еще не наступил.

— Они хоть догадаются что-нибудь в холодильник поставить? — неожиданно спросил Здор.

— Ты же слышал — Вася даже поинтересовался, чего пить желаем.

— А ты?

— Я сказал, что шампанское.

— Да, в такую жару, после четырех часов духоты в самолете...

А дальше начались какие-то непонятные события. Выговский, сидевший за рулем, хотел было обогнать замызганный грузовичок, но тот неожиданно вильнул влево, и ему пришлось затормозить. Тут было явно нарушение сложившихся норм. Грузовичок откровенно хамил. Если, конечно, его водитель не был пьян. А в том, что он трезв, и Выговский, и Здор убедились на следующем же километре. Когда скорость джипа была погашена, к нему с двух сторон приблизились мотоциклы. На каждом по два человека — водитель и пассажир на заднем сиденье.

Почувствовав неладное, Выговский попытался увеличить скорость и обойти грузовичок, но тот опять оказался посредине дороги, подставляя замызганный свой зад под удар роскошного джипа.

И в этот момент с двух сторон ударили автоматные очереди — стреляли с задних сидений мотоциклов. Выговский резко рванул в сторону и сшиб один мотоцикл, а Здор, схватив с пола помповое ружье, высунулся в раскрытое окно и почти в упор послал заряд в спину ближайшего мотоцикла. Он даже видел, как заряд разворотил спину стрелявшего.

Но тут сзади снова ударила автоматная очередь, и Здор с простреленной головой свалился внутрь машины. Досталось несколько пуль и Выговскому, но он еще нашел в себе силы нажать на тормоз. Грузовичок резко рванул вперед и ушел, затерялся среди машин. Уцелевшие мотоциклы тоже исчезли в солнечном пространстве дороги.

Джип замер, вильнув на обочину. Рядом остановились несколько машин, шедших сзади. Выговский склонился над Здором — тот лежал на сиденье, неловко свесившись вниз.

— Миша! Живой?!

— Нет, Игорь... Все... Конец... Конец... — Здор почему-то улыбался, но уже неживой улыбкой — это был предсмертный оскал.

Когда подъехала милиция, внутри джипа лежали двое. Один, с правой стороны, был мертв, второй еще дышал.

Выговский пришел в себя через трое суток. В палате был ночной полумрак, но он рассмотрел прикорнувшего на стуле милиционера. Рядом, прислоненный к спинке кровати, стоял автомат. Услышав стон, санитарка метнулась к дежурному врачу, тот прибежал, включил свет.

— Где я? — спросил Выговский.

Не отвечая, врач вытер испарину со лба, глубоко вздохнул, пытаясь унять сердцебиение.

— Ну что? — спросил милиционер.

— Будет жить, — врач опустил на соседнюю кровать. — Не знаю, долго ли...

В Коктебеле дождь со снегом.

Но снег до земли не долетает, превращается в воду. Я выхожу из номера, только чтобы поест и купить в ближайшем магазине каберне и коньяк. Шампанское не помогает — холодно.

На всем протяжении от Тихой бухты до Сердоликовой можно увидеть только одну черную фигурку — Жора после шторма ищет камни, чтобы выточить из них, выскоблить своим ножичком какое-нибудь чудище морское, земное, лесное...

После обеда дождь прекратился, снег исчез незаметно и неслышно. Выглянуло солнце, и за какой-то час асфальт успел даже просохнуть. Лишь в некоторых местах остались лужи, как слабое напоминание об утренней невзгоде.

Выйдя на набережную, я убедился, что она так же пустынна, как и во время недавнего снегопада. Жора уже не бродил по берегу, в полном одиночестве он стоял у парапета перед писательской столовой, как это бывало каждый вечер в июле, в августе, когда площадь была забита народом, когда шла бойкая торговля. Увидев меня, Жора помахал рукой. Подойдя, я удивился — на парапете были выставлены каменные произведения — от самых целомудренных до самых бесстыдных.

— Как понимать? — спросил я и еще раз оглянулся по сторонам — от профиля Волошина до могилы Волошина, на пляже, на набережной, в горах не было не только людей, но даже собак и чаек. Море грохотало, и ветер доносил брызги даже сюда, на набережную, — каменные изваяния были влажными со стороны моря. — Как понимать?

— А! — Жора беззаботно махнул рукой. — Пусть подышат.

— Любят морской воздух?

— Да, — без улыбки ответил Жора. — Понимаешь, они ведь миллионы лет дышали именно морским воздухом. Иногда на столетия погружались в пучину, потом их снова выбрасывало на берег... А тут всю зиму в грязном мешке, в сарае... Пусть подышат, — повторил Жора. — Выпить хочешь?

— А что есть?

— Мадера. — Жора передернул плечами, будто я спрашивал о чем-то совершенно очевидном.

— Можно, — согласился я.

— Нужно, — назидательно поправил Жора и, порывшись в черной хозяйственной сумке, извлек початую бутылку золотистой мадеры и ресторанный бокал, завалившийся с летних времен. — Не успел отдать, — пояснил Жора. — Летом верну.

Море продолжало грохотать, водяная пыль долетала до парашета и оседала на наших лицах, на каменных чудищах, покрывая их соленой влагой. Мадера от этого тоже казалась горько-солонатовой, но это ничуть ее не портило, более того, придавало особый привкус, которого, вполне возможно, ей недоставало.

— И часто сюда приносишь? — спросил я, кивнув на ряд камней.

— Бывает, — неопределенно ответил Жора.

— А как определить — надышались или им еще хочется?

— Сами говорят.

— Как?!

— Находят способ, — произнес Жора с некоторой таинственностью в голосе. — Пока выточешь какую-нибудь фигурку, пока соскоблишь лишнее, с ней такое понимание налаживается... Не с каждым человеком, понял? Не с каждым.

— А человека тебе никогда не хочется поскоблить? Меня, например?

— Тебя? — Жора взглянул мне в глаза прямо и твердо. — Нет, не хочется. Много работы. Некоторые камни вообще не поддаются обработке, — добавил Жора, как бы извиняясь. — Какие есть, такие и есть.

— Их тоже покупают?

— Редко. Охотнее берут те, которые изменились до неузнаваемости. Прирученные камни охотнее покупают. Как и людей, — добавил Жора и опустил глаза, чтобы я не прочитал в них нечто такое, чем ему не хотелось бы делиться.

— Надо же, — пробормотал я. — А ты помнишь, где какой камень нашел?

— Все до единого. Могу показать с точностью до одного метра. Был тут один писатель... Детективы сочиняет... Подарил мне камень, почти готовый член... Зеленый в крапинку... Длинный, чуть ли не полметра... Но я ничего не мог с ним сделать. Не поддается обработке.

— Тебе бы станочек какой-нибудь?

— Не хочу. Я должен руками камень согреть. Как стакан. — Жора улыбнулся. — С хорошим вином.

— Может, пройдем? — предложил я. — Там какая-то забегаловка открыта.

— Нет. — Жора покачал головой. — Постояю.

— Не надышались? Еще хотят?

— Да. — Жора не был настроен шутить.

Уже миновав ресторан Славы Ложко, я оглянулся — Жора стоял там же, возле своих камней. С одной стороны они были сухими, с другой — покрыты соленой влагой. Как и Жора. Как и все мы.

Усошин смотрел последние известия совершенно безучастно. Его полуприкрытые глаза могли показаться даже сонными. Он не бегал в возбуждении по кабинету, не причитал и не бросался звонить кому бы то ни было, не подбегал к окну, чтобы задернуть шторы и как-то себя обезопасить. Нет, он сидел, нависнув над столом, и смотрел на экран телевизора. И видел изрешеченный пулями джип, видел, как выносят из него мертвого Здра, на лице которого так и осталась страшноватая улыбка трупа, видел, как вдвигают в машину “Скорой помощи” залитого собственной кровью Выговского. И ни разу не отвел взгляда от крупных планов, которыми упивались и впадали в какое-то счастливое неистовство телевизионные трупеды. Захлебываясь от радостного возбуждения, диктор докладывал ему все новые и новые подробности покушения на главу фирмы “Нордлес”, но ничего, ничегошеньки нового сообщить не мог. И все слова его Усошин пропускал мимо ушей, даже как бы пережил дал захлебывающийся от большого азарта голос.

Усошин терпеливо дождался окончания репортажа и, нажав кнопку, выключил телевизор. Потом нажал другую кнопку и вызвал помощника из приемной. Тот возник в дверях через несколько секунд, молчаливый и исполнительный. Не поворачивая головы, Усошин видел его, но не торопился произносить слова, понимая, что они превратятся в нечто смертоносное, в нечто безжалостное, но справедливое.

— Ты это... — наконец произнес он сипловатым от долгого молчания голосом. — Видел последние известия?

— Да, в приемной.

— И как?

— Круто.

— Наши ребята.

— Я знаю, они были здесь полгода назад.

— Нехорошо с ними поступили.

— Я больше знал Славу Горожанинова.

— Да, и Слава Горожанинов... Что-то происходит... Нам пора. — Усошин произносил совершенно незначащие слова, и даже непонятно было — разговаривал с кем-то или с самим собой. Но чувствовалось — он приближается, приближается к важному решению, и незначащие ответы помощника ему были нужны, чтобы еще раз, еще раз убедиться в том, что он должен поступить так, как задумал, более того, он имеет на это право. — Знаешь, что я тебе скажу... Я вот что тебе скажу... Ты доставь мне этого...

— Шестопалова, — подсказал помощник.

Усошин быстро взглянул на помощника, как бы даже злясь оттого, что тот понял его состояние.

— Да, его самого. Где он у нас?

— На кухне.

— Не отощал?

— В порядке Шестопалов.

— Давай его сюда.

И Усошин снова навис над столом, но уже не было в его позе неуверенности и колебаний. Он просто ждал, когда войдет зек Шестопалов, коротающий годы на кухонных работах.

И Шестопалов вошел. Постучал деликатно, выждал две-три секунды и, не дождавшись из кабинета ни единого звука, сам открыл дверь. Без робости, без подобострастия и поклонов. Остановился в дверях, держа в руках вязаную шапку.

— Садись. — Усошин махнул рукой в сторону приставного столика.

Шестопалов сел, расположил на столе свои крупные ладони. Сам он был тощ, как и положено зеку, но на вид здоров, глаза ясны и насмешливы, во всей его фигуре чувствовалось достоинство. Подождав некоторое время и не услышав от Усошина ни слова, заговорил сам:

— Прекрасная погода, не правда ли, гражданин начальник?

— Кончай, — обронил Усошин.

— Я вот шел сюда и думал про себя... Гена, говорю я себе, если тебя вызывает руководство, то это может обернуться чем угодно. И повышением по службе, и порицанием. Чего ты, Гена, больше хочешь, спрашиваю я себя, направляясь в ваш кабинет, Николай Иванович... И отвечаю самому себе...

— На море хочешь? — спросил Усошин.

— Хочу.

— Недельки на две?

— Готов.

— По твоей специальности.

— Мастерство пропить невозможно, Николай Иванович. —

Шестопалов пытливо посмотрел в глаза Усошину.

— Я тоже на это надеюсь.

— Не надо надеяться, Николай Иванович. Вы просто будьте в этом уверены.

— Ты мне разрешаешь быть уверенным?

— Я когда-нибудь подводил вас? Нет-нет-нет, — замахал руками Шестопалов. — Были, конечно, досадные подробности. Но они бывают в каждом деле. По большому счету, у нас с вами разногласий никогда не было. И не будет, Николай Иванович. — Шестопалов положил обе свои ладони на стол, как бы ставя печать надежности, даже клятвенности.

Ответить Усошин не успел — в дверь заглянул помощник.

— Я, конечно, извиняюсь, — сказал он.

- Слушаю, — обронил Усошин недовольно.
- Опять передают последние известия, — помощник кивнул в сторону телевизора. И вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Усошин взял пульт, направил его на экран.
- Посмотри, — сказал он Шестопалову. — Пока ты здесь решаешь кухонные проблемы, жизнь на воле бьет ключом.
- Шестопалов не ответил. Молча, не проронив ни единого звука, он просмотрел весь репортаж. Усошин тоже не сказал ни слова. Когда передача закончилась, выключил телевизор.
- Грубая работа, — произнес наконец Шестопалов. — Так нельзя.
- Мои ребята погибли.
- В джипе? — уточнил Шестопалов.
- Да, Гена... В джипе. Игорь Выговский и Миша Здор. Они меня не подводили. И Слава Горожанинов... Слышал?
- Здесь, на станции? Слышал.
- Я не могу этого оставить.
- Этого нельзя оставлять. Есть зацепки?
- Есть.
- Нет проблем. — Шестопалов твердо глянул в глаза Усошину. — Какое море вы имели в виду, Николай Иванович?
- Черное.
- Самое синее в мире, Черное море мое, — пропел Шестопалов. — Там сейчас прекрасная погода.
- Там всегда прекрасная погода.
- Город? — спросил Шестопалов.
- Новороссийск.
- Годится.
- Для всех ты отправляешься на дальнюю просеку. Лес валить.
- Будем валить. Лес, — уточнил он.
- Значит, о главном договорились?
- Заметано, Николай Иванович. Если уж я кивнул головкой в знак согласия, это более надежно, чем десяток международных соглашений. Не бойтесь потерять хорошего зека?
- Не боюсь, Гена. Все свои страхи я уже проехал. Давно проехал, Гена.
- Я тоже. Остались маленькие подробности.
- Прежние ставки тебя устраивали?
- Вполне.
- Они остаются в силе. Даже удваиваются.
- Да?!
- У тебя два клиента.
- Они в связке?
- Да. Поэтому, когда выйдешь отсюда... Тебе ведь осталось не так много?
- Не так.
- Так вот, ты выйдешь состоятельным человеком.

- Не обманете, Николай Иванович?
— А мне нельзя. Я же первый окажусь на мушке.
— Это точно.

— Все получишь завтра. Одежду, документы, сухой паек. Инструмент достанешь сам.

— За дополнительную оплату, — быстро вставил Шестопа-лов.

— Конечно. Документы прежние. Ты еще не забыл, как тебя зовут, как звали твоего отца, где родился, куда едешь... Все помнишь? Ничего не перепутал?

— Значит, паспорт прежний?

— Да. Ты ведь прошлый раз нигде не наследил?

— Вроде обошлось. И потом, Николай Иванович... Если бы наследил, вы бы знали. У вас хорошая служба оповещения. Ориентировки, портреты, отпечатки... Все отлажено.

— Значит, так... Вот тебе справка... Это хорошая справка, по ней доберешься до вокзала. На справке карандашиком указан номер камеры хранения. Там тебя ждет дорожная сумка. В ней есть все, что требуется. Включая аванс, документы, одежду, прочее. Справку уничтожишь.

— Понял.

— По этой же справке тебя выпустят отсюда. Молча пока-жешь и молча выйдешь.

— Это правильно. Слова мешают человеческому общению.

— У тебя как с памятью?

— Не жалуюсь.

— Тогда слушай...

И Усошин подробно рассказал все, что ему было известно о Курьянове Анатолии Анатольевиче, о его исполнительном помощнике. Рассказал, где служит Курьянов, какой пост занимает, как можно найти исполнительного Ваню. Время от времени он снова и снова повторял фамилию Курьянова, его имя, отчество, улицу, на которой живет Ваня, его отличительные признаки.

Наконец Шестопалов его прервал:

— Хватит, Николай Иванович. Не перепутаю. Возвраще-ние?

— Позвонишь, я встречу поезд.

— И отвезете меня на нары?

— Есть возражения?

— Никаких. Вопрос можно?

— Давай.

— Зачем вы это делаете?

— Иначе он доберется до меня.

— Здесь?! — Шестопалов откинулся на спинку стула.

— Я ведь не только здесь бываю, — усмехнулся Усошин. — Иногда и на волю выхожу.

— Как и все мы, — обронил Шестопалов с неожиданной печалью. — Как и все мы.

— Все хорошо, — с некоторой снисходительностью произнес Усошин. — Все хорошо. Профессию не потеряешь.

— Потеряю. — Шестопалов взглянул на Усошина твердо и даже осуждающе. — Я ведь механик, Николай Иванович. И неплохой механик. Во всяком случае, все установки зековской кухни благодаря мне работают без простоев.

— А я в школе картины писал, — сказал Усошин тоже твердо. — Маслом. На выставках премии получал, грамоты... Пейзажи, портреты, даже сказочные сюжеты умудрялся изображать. Царевна в заточении, храбрый воин в схватке с чудищем трехголовым... А сейчас передо мной тысячеголовое чудище.

— Вы имеете в виду наш любимый лагерь? — усмехнулся Шестопалов, показав зубы темные, редковатые, но крепкие.

— Да.

— А что... Похоже. И каждая голова не только укусить может, но и послать подальше.

— Стерплю. Пока я тебя посылаю. И достаточно далеко. Вернешься?

— Знаешь, Николай Иванович, что я тебе скажу. — Шестопалов первый раз назвал Усошина на ты. — Может быть, ты не поверишь, я ведь не очень здесь тоскую, не очень на волю стремлюсь. О свободе я мечтал первые три года. Потом отпустило. Я принял эту жизнь. Ты ведь тоже за колючей проволокой жизнь коротаешь. И ничего, живешь. Можешь даже щупальца свои смертоносные протянуть за тысячи километров, а?

— Вернешься? — спросил Усошин.

— Я не подведу, Николай Иванович. Жив останусь — приеду.

— Буду ждать. — Усошин протянул руку.

— Надо же, — со смущением пробормотал польщенный Шестопалов, но руку пожал крепко, даже встряхнул, успокаивающе похлопав левой рукой по плечу Усошина.

Когда зек вышел, Усошин подошел к окну и долго смотрел, как тот удаляется от здания по узкой тропинке, протоптанной к его конторе. Шестопалов шел, опустив одно плечо, ссутулившись, и шаги у него были какие-то разные — то большой, то два коротких, то чуть ли не прыжок. Усошин знал — это притворство, может быть, даже неосознанное притворство. Годы заключения меняют человека в совершенно неожиданную сторону. То вдруг гордыня охватывает его непомерная, то обидчивость настолько истончает душу, что, выйдя на волю, он готов бросаться на каждого, кто не так посмотрит на него, не так улыбнется. Но это происходило здесь, за колючей проволокой. Усошин знал, что если ему придется встречать Шестопалова с поезда через две недели, со ступенек вагона спрыгнет молодой, с уверенной, раскованной улыбкой стройный красавец, загорелый и гладко выбритый, в белоснежной рубашке и отлично сшитом костюме. Это уже бывало, бывало.

На вокзале в Новороссийске с поезда действительно сошел совершенно другой человек, нежели тот, которого видел Усошин из окна своего кабинета. Светлый костюм, спортивная сумка на широком кожаном ремне, короткая стрижка, выдающая человека спортивного склада, делали Шестопалова неузнаваемым. Пожалуй, никто из тех, с кем он коротал годы за колючей проволокой, не узнал бы в нем сокамерника.

Жилье Шестопалову предложила бабуля тут же, прямо на перроне. Он выдвинул единственное условие — близость моря. Да, и отдельный вход. Все это было обещано, и они, не задерживаясь, отправились к остановке такси.

Весь оставшийся день он провел на море, плескаясь, весело смеясь, приставая к девушкам и попивая золотистое пиво под большим красным зонтом, который делал всех какими-то розово-счастливыми.

Шестопалов следовал давней своей привычке — необходимо вымыть из себя, из всех своих пор зековскую пыль, зековский пот, зековскую вонь, все, что хотя бы отдаленно могло напоминать ему о местах, покинутых двое суток назад. Он купил дорожную зубную пасту, хороший лосьон, бритвенные принадлежности, помазок, даже помазок облюбовал непростой — с большой янтарной ручкой. И наслаждался всеми этими мелочами искренне и безоглядно, как ребенок, истосковавшийся по долгожданным игрушкам.

И второй день провел на море. Лицо его порозовело, исчезла сероватость, затравленность и какая-то тяжкая угнетенность. Он легко вступал во все разговоры, которые только подворачивались — с продавцами пива и мороженого, с девушкой в троллейбусе, с мужиками в пивной, с жирноватыми тетеньками на пляже. Со всеми ему было интересно, со всеми разговаривал искренне и увлеченно. И понимал, четким своим, настроженным зековским умом понимал, что поступает правильно, что так и нужно, что не должен он вызвать малейшего подозрения случайным словом, неуместным смехом, странным вопросом или диковатым замечанием.

Шестопалов проникался жизнью вольной, бестолковой и расслабленной.

А вечерами бродил по городу, присаживался к столикам, выпивал кружку пива и шел дальше. Но все-таки не мог, не мог избавиться от вьезшейся под кожу опасливости при виде милиционеров, которые не обращали на него никакого внимания. Светлые полотняные штаны, кожаные плетеные туфли, белая майка с легкомысленными словами на непонятном языке делали Шестопалова совершенно неотличимым в праздничной, хмельной, беззаботной толпе южного города. Он прогуливался, улыбался, садился в троллейбус и выходил из троллейбуса и нашел, нашел, наконец, улицу не то Матроса Кошки, не то Матроса Железняка. И частный домик, из окон которого было видно мо-

ре, тоже нашел. На четвертый день увидел невысокого, щупловатого парнишку в старательно наглаженных брючках. Пожалел его нескладную судьбу, недолгую жизнь. Заодно и попрощался. Попрощался, еще никак с ним не поступив.

И Курьянова нашел. Здесь было проще — Шестопалов прошел на территорию порта, легко прошел, лишь взмахом руки поприветствовав разомлевшего от жары вахтера. В здании управления не торопясь осмотрел таблички на дверях всех трех этажей. И нашел ту, которую искал. Заглянул в дверь — секретарша пудрила нос перед маленьким зеркальцем.

— Шеф у себя? — спросил он.

— Будет через полчаса.

— Важное совещание?

— Обедает, — ответила секретарша, так и не повернувшись к двери, так и не увидев, кто спрашивает о Курьянове, лишь что-то искаженное и расплывчатое мелькнуло в ее круглом зеркальце.

— Чрезвычайно вам благодарен, — ответил Шестопалов и тут же закрыл дверь, чтобы не пришло в голову секретарше взглянуть на него в упор, пристально и бдительно.

Нет, не оторвалась Наденька от зеркала. А напрасно.

Шестопалов расположился на жестком стуле в конце коридора, развернул южную легкомысленную газету. Он не старался вчитываться в мелкий текст, да и большие темные очки не позволяли читать в полутемном коридоре. Проходившие мимо люди не обращали на него никакого внимания, поскольку не отличался он от прочих ну совершенно ничем.

Курьянов появился через двадцать минут. Шумно поднялся по лестнице, уверенной, твердой поступью прошел по коридору, дверь в свой кабинет распахнул широко, по-хозяйски, а перешагнув порог, тут же с грохотом захлопнул ее за собой.

— Суду все ясно, — пробормотал Шестопалов и, не задерживаясь больше, покинул управление порта, удалился в слепящее пространство улицы, похлопывая себя свернутой газетой по ноге. Газетой, наполненной пляжными снимками и суетной рекламой.

Прошло еще четыре дня, и Шестопалов уже знал, где живет Курьянов, где обедает, на какой машине ездит. Позвонив несколько раз по телефону и поговорив с секретаршей под каким-то чрезвычайно убедительным предлогом, Шестопалов убедился, что в отпуск тот не собирается, поездок у него никаких не предвидится и жизнь его идет и будет еще идти некоторое время без потрясений и изломов.

— Суду все ясно, — повторил он, заканчивая на этом подготовительный период.

Шестопалов лежал на пляже, подставляя солнцу изголодавшееся по теплу и свету сероватое, отощавшее в северных лагерях тело. Но постепенно розовел, покрывался загаром и приоб-

ретал прежний вид, когда был молод, красив и счастлив. В отличие от других отдыхающих, он старался чаще заплывать в море. Недалеко, метров на пятьдесят, и тут же снова на берег под солнце. А едва обсохнув, снова шел к воде. Он знал — частая смена температуры оздоравливает тело, закаливает против зимних простуд и недомоганий.

Но это было не главным в его заботах. Он все прикидывал — как бы полочнее и безопаснее подобраться к Курьянову. И вот тут возникли препятствия, казалось бы, непреодолимые — Курьянов везде появлялся с толпой друзей и собутельников. Иногда их было всего двое, иногда пятеро, случалось и побольше. Шестопалов на расстоянии преследовал его, приглядывался, примеривался, не расставаясь с небольшой своей кожаной сумкой на длинном ремне — там он хранил инструмент.

Как-то решился было просто войти в курьяновский кабинет и сделать свое черное дело. Не получилось, сорвалось.

В середине дня Шестопалов неизменно торчал возле приморского ресторана, где Курьянов частенько обедал. Опять же приезжал с двумя, с тремя приятелями. Как понял Шестопалов, это были не друзья, скорее, клиенты, люди, которые чего-то от него хотели. И Курьянов назначал им встречу в этом ресторанчике, уверенный в том, что за обед, каким бы он ни был, расплатятся его просители. Каждый раз это были другие люди, каждый раз между ними и Курьяновым происходило нечто вроде знакомства. Обед продолжался часа полтора, а то и два, после чего вся компания, раздобревшая, румяная, говорливая, выходила из уютного зеленого павильона и рассаживалась по машинам.

Постепенно Шестопалов изучил всю прилегающую местность. Недалеко от ресторана останавливались маршрутные такси. Примерно каждые пять минут маленький полупустой автобус проскакивал мимо павильона, иногда останавливался — если кто-то выходил или садился. За рестораном, в невысоком редком кустарнике располагался туалет. Обычное кирпичное строение, выкрашенное белой краской. С одной стороны красовалась жирная буква "М", с другой — точно такая же буква "Ж". Если пройти через кустарник и свернуть за угол трехэтажного дома, то можно сразу оказаться на проспекте.

С противоположной стороны ресторана стояли несколько зонтиков, под которыми были установлены пластмассовые столики с хлипкими, расползающимися стульями. Там продавали пиво на разлив. Хорошее пиво, как успел убедиться Шестопалов, — в меру холодное, в меру острое.

И даже домой Курьянов приходил не один. Но самое неприятное для Шестопалова — у него не было определенного времени возвращения. Он мог завалиться домой в три часа дня, мог с таким же успехом появиться перед домочадцами и в три часа

ночи. Часами торчать у подъезда и мозолить глаза всем проходящим мимо было безграмотно и глупо.

Наконец Шестопалову повезло. Он еще не успел ничего осознать, но только вдруг почувствовал, как дрогнуло сердце и чуть взмокли ладони. Казалось бы, все происходило как всегда, не случилось ровным счетом ничего необычного, но стрелка где-то глубоко в его организме вдруг качнулась резко вправо. Как в электрическом приборе, который долго стоял обесточенным и вдруг какие-то его проводки коснулись задействованных клемм.

Курьянов, как обычно шумный, розовый, вышел с несколькими приятелями из рестораника, и вся компания остановилась в тени тополя, продолжая начатый за столом разговор. Все задыхались, а в таких случаях курят обычно и те, кто никогда сигареты в рот не берет. Курят, чтобы не выглядеть белой вороной, чтобы не подумал, не дай Бог, кто-нибудь, что ты считаешь себя лучше других, что больше печешься о собственном здоровье. Так вот Курьянов, разгоряченный коньяком и шашлыками, а в том, что вся компания пила коньяк и закусывала шашлыком, не было никакого сомнения — достаточно было взглянуть на их румяные физиономии... Так вот Курьянов, не выплевывая сигаретки изо рта, похлопал приятелей по плечам, подождите, дескать, и быстрой озабоченной походкой направился к туалету, к той его части, где красовалась черная буква "М". Никто из компании за ним не последовал — шел громкий, напористый разговор, который только подтверждал — была бутылка коньяка на каждого.

Войдя в туалет, Шестопалов увидел, что Курьянов, еще более красный и натужный, сидит без штанов над ямой. Не медля ни секунды, он прошел мимо, расстегнул кожаную сумку, вынул пистолет с глушителем, сдвинул кнопку предохранителя и прислушался с колотящимся сердцем. Разволновался все-таки, растревожился, он больше всего опасался, что кто-то из приятелей Курьянова рванет вслед за ним в туалет. Но нет, разговор невдалеке гудел как и прежде, шумел проспект, из ресторана доносился грохот музыки — конечно, при такой музыке у мужичков не было никакой возможности поговорить в самом ресторане...

Подойдя к сидящему и совершенно беспомощному в этот момент Курьянову, у него и выражение лица было страдальческим, как бы просящим о снисхождении, Шестопалов быстро, не колеблясь, приложил срез глушителя к лоснящемуся лбу Курьянова и нажал курок.

А потом нажал еще раз. На всякий случай.

Сунув пистолет в сумку, задернув молнию, он медленно, мучительно медленно вышел из туалета, держа обе руки у ширинок, мол, пусть все видят, зачем он сюда заходил. И опять медленно, хотя хотелось, страшно хотелось рвануть в кусты и, ло-

мая ветки, нестись, нестись, перепрыгивая через заборы, перебегая через улицы, подальше от этой вонючей, распаренной на жаре уборной.

Но он шел медленно, стараясь не сойти с протоптанной тропинки. Свернул за угол и только тогда позволил себе ускорить шаг, совсем немного, но все-таки пошел быстрее. Он знал, что в южном городе каждый, кто идет быстрее, чем вразвалку, вызывает интерес и любопытство.

Шестопалов чутко прислушивался к каждому звуку за спиной, понимая, что у него есть минута-полторы, не больше, в самом лучшем счастливом случае две минуты. После этого кто-нибудь из друзей Курьянова обязательно заглянет в выкрашенную белой известью уборную.

Шестопалов пересек широкий, полупустой в этот жаркий полдень проспект и, увидев приближающийся “жигуленок”, поднял руку. Тот остановился.

— К универмагу подбросишь?

— Сколько дашь?

— А сколько нужно?

— Полсотни.

— Годится. — И Шестопалов сел на переднее сиденье рядом с водителем, положив на колени сумку.

— Как отдыхается? — спросил водитель.

— С переменным успехом.

— Это как?

— То я их, то они меня, — ответил он словами совершенно бестолковыми, но водитель понял их по-своему, что-то в них услышал смешное и веселое, рассмеялся. — Прекрасная погода, не правда ли? — спросил Шестопалов.

— Твоему заезду просто повезло! Три недели день в день! Ни тучки, ни дождинки, ни ветерка... И жара вполне терпимая. А?

— Похоже на то, — кивнул Шестопалов.

— А что в универмаге? — водитель оказался любопытным, впрочем, вполне возможно, он просто принял пару стаканов вина.

— Бритвенные дела.

— Это надо. — Прижавшись к обочине, водитель остановился. — Приехали.

— Спасибо. — Шестопалов вручил ему пятьдесят рублей десятками, вышел, захлопнув дверь, махнул рукой и влился в толпу полураздетых отдыхающих. Через несколько секунд оглянулся — машины, на которой он приехал, у обочины уже не было.

— Это хорошо, — кивнул он самому себе и, продолжая двигаться в размеренной толпе, вынул из сумки кепку с громадным по нынешней моде козырьком, надел большие темные очки. Достав из кармана сложенный целлофановый пакет, Шестопалов опустил в него кожаную сумку. Казалось бы, ничего

над собой не сделал, но теперь в толпе шел совершенно другой человек, и опознать его было уже невозможно. Даже если бы вся курьяновская компания внимательно его рассматривала все время, пока он находился в ее поле зрения, а потом дала подробные описания внешности, это уже было бы бесполезно. В толпе шел другой человек. Даже его походка изменилась, даже выражение лица — он был простодушен, если не сказать глуповат, чуть ли не с раскрытым от восторга ртом оглядывался на каждую симпатичную мордашку.

А поздним вечером, когда уже стемнело, Шестопалов оказался на улице не то Матроса Кошки, не то Матроса Железняка. Маленький частный домик он присмотрел заранее и постучал в дверь, увидев в окно, что нужный человек на месте, дома, в добром здравии, смотрит телевизор и что-то там непонятное ест, запивая молоком из пакета.

Приготовив пистолет, Шестопалов постучал.

— Кто? — раздался вопрос из-за двери.

— Свои, Ваня, открывай...

И Ваня открыл. Не говоря ни слова, Шестопалов трижды выстрелил ему в грудь, стараясь, чтобы пули вошли в левую половину груди, так оно всегда надежнее. После этого Шестопалов закрыл дверь, набросил щеколду и ушел в темноту. Он шел по узкой тропинке к светящейся улице. Не доходя до нее, оказавшись в тени высокого тополя, взял пистолет за глушитель и изо всей силы запустил его в пустырь, где если его и найдут, то только случайно. Да еще смотря, кто найдет. Вещь-то ценная, полезная, в хозяйстве всегда пригодится.

Шестопалов благодарил обстоятельства за темноту вокруг. Колотилось в нем что-то, мелко-мелко вздрагивало и поскуливало. Но он знал — пройдет. Как только запустил в сторону пустыря, в сторону свалки и зарослей бурьяна этот свой инструмент с навинченным глушителем, сразу стало легче. Что бы ни случилось с ним дальше, нет у него оружия и никогда не было. И отстаньте, граждане хорошие, отвалите, отвяжитесь с вашими непристойными подозрениями.

У него в сумке даже дно было выложено сложенной в несколько слоев тряпочкой — чтобы пистолет не оставил следов машинного масла, следов пороха, гари и прочих подробностей, которые так хорошо изучили хитроумные эксперты и хранят втайне от публики темной да простодушной. Шестопалов вынул из сумки эту самую тряпочку, сложил ее в комок и бросил в первую попавшуюся урну. После этого стало еще легче, и он сам не заметил, как поднял руку перед приближающейся машиной.

Водитель остановился, стекла в передней дверце были опущены, и он даже склонился вправо, чтобы лучше слышать, куда хочет добраться этот поздний прохожий.

— Слушай, а если в Геленджик?

— Нет проблем. Сколько заплатишь?

— Поехали, договоримся. — Шестопалов сел рядом с водителем, положил на колени сумку и захлопнул дверцу. Ничего больше его с этим городом не связывало. Да, кроме дорожной сумки, которая осталась у хозяйки. — Сумку захватить надо, — сказал Шестопалов. — Здесь недалеко. Заскочим?

— Нет проблем.

— Прекрасная погода, не правда ли? — произнес Шестопалов, когда уже выехали за город и Новороссийск превратился в россыпь огней, дугой охватывающих бухту.

Нарушил все-таки Шестопалов слово, данное Усошину, нарушил. Не смог он уехать с Черного моря через две недели. Геленджик оказался городком небольшим, но чрезвычайно привлекательным, с обилием громадных сосен, от которых шел совершенно непереносимый запах хвои, вызывающий в душе сладостный стон, с обилием красивых девушек, пляжей и маленьких ресторанчиков. Все это надо было осмотреть, попробовать, испытать. И Шестопалов окунулся в эту жизнь безоглядно и безответственно. Но через три недели позвонил, позвонил все-таки Усошину.

— Прекрасная погода, не правда ли? — спросил тот хмуро.

— Николай Иванович! Вы просто не представляете!

— Очень хорошо даже представляю.

— О деле говорить?

— Не надо. Все знаю.

— Встречайте, Николай Иванович.

— Когда?

— Сегодня семнадцатое... Вот двадцатого и встречайте. Московский поезд.

— К нам другие не приходят. Какой вагон?

— Не знаю. Встретимся у десятого.

— Проблемы были?

— Нет.

— Чистым возвращаешься?

— Вроде.

— Жду с нетерпением. — И Усошин положил трубку.

Двадцатого августа Шестопалов, как и обещал, прибыл московским поездом на далекую северную станцию. Спрыгнув со ступеньки вагона, загорелый, с широкой улыбкой и свободной походкой, он издали увидел Усошина, помахал рукой. Легко, радостно, по-южному. А еще через час вошел в свой барак. Вошел ссутулившись, заворачивая носки ботинок внутрь, на губах его блуждала неопределенная улыбка — не то вспоминал давнее, не то надеялся на что-то в будущем.

Такое бывает — ты еще не проснулся, еще бродишь по жутковатым тропинкам собственного сна, пьешь водку с людьми давно умершими, жмешь руки покойникам, целуешься с жен-

щиной, от которой не осталось ничего, кроме смутных, придуманных воспоминаний, и понимаешь, что заканчивается какой-то важный отрезок твоей жизни.

Я достаточно побыл в Коктебеле, пора было подумать об отъезде. Стерлись во времени мои криминальные следы, и вряд ли кто еще хотел свести со мной счеты. Жизнь, как громадная грохочущая бочка, катилась куда-то вниз, подпрыгивая на ухабах, на камнях и выбоинах, и теперь уже другие люди перемальвались в ее железном нутре, другие кипели страсти, сгорали другие деньги.

Нас было много на челне... Иные парус напрягали, иные тихо умирали. Лишь я заброшенный пловец... Лишь я загадочный певец... Лишь я законченный подлец... Откуда-то снаружи раздался свист. Я подошел к окну, отодвинул штору.

Внизу совершенно мокрый, настолько мокрый, что даже не прятался от потоков дождя, стоял Жора. Увидев зыбкое мое изображение сквозь стену дождя, он махнул рукой. Я спустился вниз, открыл дверь.

Он прошел по номеру, оставляя за собой мокрые туфли, плащ, какую-то бесформенную кепку.

— Прекрасная погода, не правда ли? — спросил я.

— Нормальная, — кивнул Жора. — Запретите мне пить — своей силой воловьей, все запреты нарушив, я достану питья. Запретите любить — и наполнит любовью мою тихую душу парадокс бытия.

— Наливай, — сказал я.

В шутку сказал, чтобы не молчать, чтобы показать, что и я жив, что и во мне еще теплится огонек. Но Жора все понял правильно — порывшись в мокрой своей одежонке, он вынул бутылку мадеры. Видимо, она долго мокла под дождем, поскольку этикетка сползла и теперь косо торчала, прилипнув к донышку бутылки. Мы молча чокнулись гранеными стаканами.

— Жанну видел, — сказал он.

— Живая?

— Не понравилась она мне на этот раз.

— Сошел загар?

— Загар держится, хотя и потускнел... Меня не узнала.

— Может, не увидела?

— Увидела.

— Где?

— В Феодосии. Недалеко от галереи Айвазовского. Там рядом почта и переговорный пункт. С кем-то общалась.

— По телефону?

— Да. — Жора опять разлил по стаканам вино. — По междугороднему. Там в окошке работает знакомая женщина... Она хорошо ко мне относится. Откровенно говоря, она всегда ко мне относилась... с пониманием. Я спросил у нее — куда звонила

эта юная красавица... И женщина мне сказала... Не лукавя, не таясь.

- Ну? — не выдержал я.
- Ганновер. Север Германии.
- Слышал, — сказал я.

Я мог бы еще много чего сказать, поскольку мне много чего открылось, едва я услышал это короткое слово "Ганновер". Но Жоре мои соображения были совершенно ни к чему. Мне вдруг стало неоспоримо ясно — пора сматываться. И лучше сегодня, нежели завтра. И лучше до обеда, чем после.

— Кстати, не дозвонилась. В Ганновере к телефону никто не подошел. Тебе все это ни о чем не говорит?

- Говорит.
- Значит, я не зря приволокся в такую рань?
- Не зря.

— *Когда звучит призыв "Налей!",
То, утверждать я не устану,
Мне блеск граненого стакана
Милей всех кубков королей!
Сольемся, друг, ведь мы с тобой,
Пожалуй, братья — два сосуда!
И радостно живем, покуда
Полно в нас жидкости хмельной!*

— Жора... Ты слышал когда-нибудь имя великого поэта древности — Омара Хайяма?

- Доводилось, — настороженно проговорил Жора.
- Так вот, этот Омар в подметки тебе не годится. Слабак!
- Да? — произнес Жора озадаченно. — Тогда я пошел за ма-

дерой.

И, сунув ноги в мокрые свои туфли, на дне которых еще плескалась дождевая коктебельская вода, набросив на плечи черное пальто со стекающими струйками воды, Жора вышел из номера. Подойдя к окну, я увидел, как, ссутулившись под дождем, он частой походкой заторопился к киоску, едва ли не к единственному киоску, который не закрылся на этом диком, кошмарном по своей безысходности, безлюдном побережье.

Вернувшись из больницы, Выговский застал свою контору в явном запустении. Машин на стоянке почти не было, не видел он и охранника у подъезда. Скользнул взглядом по окнам — шторы задернуты даже в тех комнатах, где задергивать их не было никакой надобности. Об убийстве Курьянова он узнал еще в больнице, телевизионщики доложили ему об этом событии во всех подробностях — и дырку во лбу показали, и в какой позе застали, показали, как всплескивали руками и причитали его последние собутыльники, мгновенно протрезвевшие и даже, кажется, радостно возбужденные. Они никак не ожидали, что в

этот день случится такое крутое развлечение. Как же — их мнением интересовались, у них спрашивали, просили поделиться впечатлениями, предположениями, догадками.

— Не было врагов у Анатолия Анатольевича, не было! — твердили они в один голос. — И не могло быть врагов у человека столь порядочного, самоотверженного в работе и неподкупного.

Говорили и сами не верили себе же, поскольку понимали лукавыми своими мозгами, что неподкупность тоже достаточно уважительная причина для подобной разборки.

Выговский медленно поднялся на второй этаж. С кем-то здоровался, кому-то что-то отвечал, благодарил за какие-то поздравления. Он и сам не знал — с чем его можно поздравлять. Разве что с тем, что остался жив.

Секретарша вскочила при его появлении, почему-то прижала руки к бокам, будто всю жизнь в армии прослужила, оставилась на Выговского с откровенным испугом.

— Я вас приветствую, — сказал Выговский. — Прекрасная погода, не правда ли?

— Да, Игорь Евгеньевич... Представляете, с утра шел дождь, а потом такое солнце выглянуло, такое солнце...

— Представляю, — кивнул Выговский. — У нас в живых кто-нибудь остался, кроме меня?

— Не знаю... Вроде как больше ничего подобного не было.

— Здра похоронили?

— Да, все очень удачно получилось.

— Удачно? — переспросил Выговский. — Ну, ладно... Пригласите ко мне Мандрыку. — И он вошел в кабинет.

А когда с трудом уселся в свое кресло и через некоторое время поднял голову на шорох, увидел в дверях секретаршу.

— Игорь Евгеньевич...

— Неужели опять что-то случилось?

— Это... Мандрыка... Отсутствует.

— Еще не подошел?

— Его уже неделю нет.

— В каком смысле? Убили?

— Не знаю... Нет, и все.

— Так... Кто же остался?

— Усошин звонил вчера... Интересовался. Я сказала, что сегодня вы будете. Обещал позвонить.

— Хорошо ему там, за колючей проволокой, — усмехнулся Выговский. — А этот... Мандрыка... Что, ни милочки, ни запяточечки? Ни звоночка, ни весточки?

— Ничего. Только это... Как вам сказать...

— Да уж скажите как-нибудь, поднатужьтесь. — Выговский не скрывал раздражения.

— Когда его не было день, второй, третий... Я зашла к нему в кабинет. И вы знаете, что меня поразило...

— Что же вас поразило?

— Порядок.

Выговский почувствовал, что устал. Он откинулся на спинку, закрыл глаза и несколько минут просто дышал, стараясь восстановить сердцебиение. Придя в себя, все еще не открывая глаз, махнул секретарше рукой.

— Подходите, садитесь... Мне трудно быть все время развернутым в вашу сторону. Итак, вас поразило порядок в кабинете главного бухгалтера Мандрыки. Я правильно понял?

— Дело не в самом порядке... Кое-что исчезло.

— Например?

— Нет ежедневника... У него на столе всегда лежала дорогая ручка с золотым пером. Ее тоже нет. Приходили ко мне из бухгалтерии девочки. Они не могут найти кое-какие документы... И еще... У него в шкафу всегда висело несколько пиджаков и сорочек. Знаете, он любил менять пиджаки...

— В клетку, — чуть слышно произнес Выговский.

— Да, у него все пиджаки клетчатые. Так вот... Нет ни одного. Вы это можете как-то объяснить?

— Могу, — кивнул Выговский. — Да вы и без меня уже обо всем догадались. Сбежал Мандрыка.

— И это, Игорь Евгеньевич... Он снял большую сумму со счета. Несколько миллионов.

— Долларов?

— Разумеется. Эти деньги пришли, когда вы были в больнице.

— Домой к нему звонили?

— Телефон молчит. И еще, Игорь Евгеньевич... Вас уже недели две хочет видеть жена Фаваза.

— Валентина?

— Да... Я сказала ей, что вы приедете сегодня. Она будет звонить. Фаваз тоже убит, вы знаете?

— Знаю, — кивнул Выговский. — Кто-то мне об этом сказал... Да, Здор и сказал. Успел сказать перед смертью. Еще в Испании. Не то сказал, не то признался... — Выговский продолжал сидеть, все так же откинувшись в кресле и глядя прямо перед собой в клокочущее перед ним пространство.

— Как быть с Валентиной?

— Передайте охране, чтоб пропустила. У вас все?

— Вроде все... Извините, что встречаю такими новостями... Но есть и другие. Деньги поступают, предприятия работают... Но пошли сбои.

— Так и должно быть. — Выговский оттолкнулся от спинки и склонился над столом. — Значит, сбежал Мандрыка, значит, все-таки сбежал, сучий потрох!

— Похоже на то.

— Очистил счета и был таков.

— Бухгалтерия склоняется именно к этому.

— Тут и склоняться не надо, — опять усмехнулся Выговский.

Несмотря на все услышанное, Выговский с удивлением обнаружил в себе вовсе не угнетенность или какую-то обреченность. Пришло успокоение. Он не то чтобы знал, скорее, догадывался, что хороших новостей по возвращении из больницы не услышит, их попросту не может быть. Было опасение узнать нечто кошмарное, непереносимое. Но новости оказались не столь уж и плохими, нормальные новости, предсказуемые. Выговский ожидал чего-то похожего. Даже бегство Мандрыки он если и не предвидел, то допускал. Не надо быть сверхпроницательным, чтобы догадаться о таком развитии событий. В конце концов о времени возвращения его и Здора из Испании знал только один человек — Мандрыка. И узнал он об этом за день. Выговский поступил так сознательно, чтобы никаким наемным ребятам не дать времени подготовиться. Но те все-таки успели организовать не просто подготовку, а продуманную засаду на дороге из Шереметьево.

Кого можно заподозрить в первую очередь? Конечно, Мандрыку. Ход его мыслей был вполне предсказуем. Если бы покушение удалось в полной мере, если бы убили не только Здора, но и Выговского, тогда Мандрыка никуда бы и не сбежал. Зачем ему бежать, если он остается единственным владельцем всей лесной империи с северными разработками, пилорамами, мебельными фабриками и прочим хозяйством? Нет в этом никакой надобности.

Если же покушение было, если в нем задействовано не менее полудюжины человек, то вывод можно сделать только один: подготовка шла заранее, работа была развернута серьезная и в ней был только один просвет, одна неясность — день их возвращения.

Значит, бригада убийц каждый день была на изготовке, каждый день им объявляли готовность номер один. И как только Мандрыка узнал час возвращения, весь сложный механизм покушения пришел в движение.

Случились накладки — без этого не бывает. Тем более, что все происходило в невероятной спешке. Им не надо было оставлять ружья в джипе. Они были уверены, что им не воспользуются, не успеют, а наличие ружья, да еще заряженного, должно было по идее разработчиков успокоить Выговского и Здора, дескать, все в порядке, все как обычно, нет оснований беспокоиться.

Но что-то все-таки было сделано не слишком хорошо, если Выговский, подчиняясь неясным смутным подозрениям, все-таки положил ружье рядом с водительским креслом. Что-то заставило его так поступить. В результате одного из нападавших Выговский подмял джипом, а Здор перед смертью успел все-таки из ружья уложить на горячий асфальт еще одного.

И сейчас Выговский понял, вспомнил, догадался, что вызвало подозрение — мотор джипа был слишком горячий. Он только-только примчался, его едва успели поставить на стоянке, а самолет уже шел на посадку. Мотор не успел остыть.

А если он прибыл только что, то где водитель? И почему он прибыл только что? И еще — не было столь уж жесткой необходимости Мандрыке самому вести переговоры, которыми он объяснил свое отсутствие. Какие переговоры, если глава фирмы прибывает через час? Есть прямой смысл подождать, но зато договариваться с первым лицом.

Да, мотор был слишком горяч, причина отсутствия Мандрыки слишком неубедительна, хотя заряженное ружье на обычном месте чуть успокоило, но не настолько, чтобы оставить его под задним сиденьем.

А бегство Мандрыки означает только одно — все было именно так. Он далеко не дурак, сообразил, что все эти маленькие подробности рано или поздно соединятся в одну картинку — хорошую такую, красочную и совершенно бесспорную картинку преступления.

Он приходил в больницу, да, приходил, и не один раз — когда Выговский был без сознания, на грани жизни и смерти. А как только дело пошло на поправку, Мандрыка больше не появлялся.

— Вывод? — вслух, хотя и негромко произнес Выговский. — Вывод можно сделать только один... Я не оставлю Мандрыку в покое, он меня не оставит. Он знает, что я знаю, — этого достаточно. Но зачем было все это затевать? — опять вслух спросил Выговский. И сам себе ответил: — Рыло в пуху. И еще — убрать главу фирмы — значит не только получить всю фирму, но и погасить конфликт с той неведомой бандой, которая отстреливает учредителей одного за другим в надежде получить пять миллионов.

Около трех часов дня в дверях появилась секретарша.

— Звонит жена Фаваза. Как быть?

— Соедините. Алло, — сказал Выговский, услышав в трубке щелчок переключения. — Я слушаю.

— Вам, наверно, уже сказали, кто я?

— Да.

— Я хотела бы увидеться с вами. Прямо сейчас?

— Если это вас устроит.

— Устроит. — Она взяла себя в руки.

— Жду, — сказал Выговский и положил трубку.

Валентина вошла в кабинет через пятнадцать минут. Выговский смотрел на женщину с удивлением. В ней не было ничего, что говорило бы о недавней смерти мужа. Она выглядела даже помолодевшей. В ее поведении чувствовалась раскованность, уверенность. У нее явно есть какой-то козырь для разговора, догадался Выговский. Мы можем говорить о погоде, загаре, о ее

безвременно погибшем муже, но все это не имеет ровно никакого значения. У нее козырь и она намеревается положить его на стол.

— Здравствуйте, Игорь Евгеньевич. — Валентина протянула сильную, полноватую руку. — Прекрасно выглядите.

— Вы тоже ничего, — улыбнулся он.

— Но вы первый день как из больницы... А я с пляжа.

— Это прекрасно. — Достаточно бестолковые слова позволяли сохранить темп разговора и добрые отношения, которые начали складываться в кабинете. — Присаживайтесь. — Он показал на стул у приставного столика. — Я слышал, что ваш муж погиб. Искренне сожалею. Мы с ним одно время неплохо сотрудничали.

— Его убил ваш сотрудник Здор.

— Я этого не знал, — удивился Выговский.

— Он не хотел убивать. Убивать хотел Фаваз. Но судьба распорядилась иначе.

— Надо же...

— Они не успели даже поговорить.

— А им было о чем говорить?

— Да. Их несостоявшийся разговор мы можем исполнить с вами.

— Давайте же его исполним, не откладывая. Пока живы.

— Да, я слежу за успехами вашей фирмы. По телевидению. Мне очень жаль Мишу.

— Кого? — не понял Выговский.

— Здора, Михаила Здора. У нас с ним кое-что состоялось и еще могло состояться. Но судьба распорядилась иначе, — повторила Валентина. — После Фаваза осталось много интересных бумаг... Последнее время я занимаюсь только ими.

— Вы знаете арабский? — задал Выговский самый невинный вопрос из всех возможных.

— Я его знаю лучше Фаваза.

— Это прекрасно!

— Вы обижались на Фаваза...

— Он не заплатил нам.

— Нет. Заплатил.

— Это интересно, — озадаченно протянул Выговский.

— Вы его искали?

— Похоже, его нашел Здор.

— Да, Миша нашел его. В Аннозачатовке.

— Где?!

— Так называется мое родное село. Аннозачатовка. Но дело в том, что в вашей фирме был человек, который всегда знал, где найти Фаваза.

— Кто же это?

— Мандрыка. Он получил от Фаваза деньги за тот лес, о котором вы не можете забыть. Меньше, чем положено, но зато один. И наличными.

— Так, — протянул Выговский. — Вы много знаете, с вами интересно говорить.

— Поберегите немного свои восторги, у вас еще будет возможность их произнести с большим запалом.

Выговский понял, что эта женщина прошла хорошую школу международного авантюризма. Фаваз протащил, похоже, ее по таким сделкам, по таким странам, что она вполне может заменить его в торговле.

— Повторяю, я внимательно слежу за всеми сообщениями, которые проскальзывают в прессе о вашей фирме.

— Чувствую, вы хотите что-то предложить?

— Как что? Сотрудничество! — рассмеялась Валентина, показав прекрасные зубы, которые могли сохраниться только на натуральных фруктах и овощах Аннозачатовки.

— Готов. — Выговский с некоторых пор почувствовал, что ему легко разговаривать с кем бы то ни было, о чем бы то ни было.

— Вам нужен Мандрыка?

— Вы знаете, где он?

— Догадываюсь.

— Догадки немногого стоят.

— Дело в том, Игорь Евгеньевич, что у меня догадки не простые, они у меня документальные. С подписями, печатями и прочими опознавательными знаками.

— Похвастайтесь, — улыбнулся Выговский.

— Фаваз помог вашему Мандрыке купить дом. В одной из европейских стран. Мне кажется, он сейчас именно в этом доме. Ему больше некуда податься.

— Хороший дом?

— Два этажа, большой подвал, участок, вид на горы... На европейские горы.

— Альпы?

— Я слабо разбираюсь в горах, — улыбнулась Валентина. — Фаваз был осторожный, предусмотрительный человек. Он хранил все документы, которые когда-либо могли ему пригодиться. Или их копии. Или звукозапись. Иногда баловался видеокамерой.

Выговский помолчал, повертел шариковую ручку на блестящей поверхности стола, посмотрел в окно, полюбовался свежим загаром Валентины, снова повертел ручку и наконец задал самый простой и естественный вопрос:

— Сколько вы хотите?

— Сто тысяч долларов.

— Это большие деньги.

— Я знаю. — Валентина передернула округлыми плечами. — Поэтому и называю эту сумму.

— А гарантии?

— Гарантии чего?

— Что Мандрыка находится именно в этом доме.

— Нет, Игорь Евгеньевич, этого обещать не могу. И никто не сможет вам это пообещать. Речь о другом. Я даю вам адрес дома, приобретенного Мандрыкой с помощью моего мужа Фаваза. Если сумеете хорошо взять Мандрыку, то многократно окупите свои расходы. Если сумеете грамотно его взять. А я в вас верю, — улыбнулась Валентина.

— Адрес с вами?

— Конечно, нет.

— Это правильно. Вы делаете это только ради ста тысяч?

— Не только. Он убил Мишу. И вы это знаете не хуже меня.

— Мишу Здра? — уточнил Выговский.

— Да. Мы перезванивались с ним последнее время... Уже после смерти Фаваза.

— Вас не смущает, что он убил вашего мужа?

— Я же говорила — Миша не хотел. Все произошло при мне, на моих глазах. Я могу об этом судить достаточно обоснованно. Вы колеблетесь? Хотите подумать?

— Подумать никогда не мешает, — неопределенно протянул Выговский. — Вы утверждаете, что Фаваз расплатился не с фирмой, а с отдельным человеком — с Мандрыкой?

— Да. Именно так.

— Много заплатил?

— Примерно половину положенного. — Валентина сидела перед Выговским — плотная, сильная, спокойная, в черном платье с обилием золотых вещиц по всему телу. Так, видимо, было принято в арабской стране, в которой она прожила несколько лет с Фавазом.

— А вы не изменились, — сказал Выговский.

— Спасибо. Можете сказать, что я даже похорошела. Это тоже будет правда.

— Мне кажется, похудели?

— На три килограмма. В Ливане полнота женщины не считается недостатком. Скорее, наоборот.

— Выпьете чаю? Кофе?

— Это весь выбор?

— Есть шампанское.

— На этом и остановимся. Шампанское я люблю.

— Я тоже.

Выговский прошел к холодильнику, замаскированному под дубовой панелью, и принес бутылку. Свинтил проволоочки с пробки и поставил бутылку на стол, предоставив ей самой решать, когда выстрелить. И она выстрелила совершенно неожиданно, когда о ней почти забыли.

Валентина выпила свой стакан залпом, лишь чуть попридержав последний глоток во рту.

— Я тоже так пью, — сказал Выговский.

— Как?

— Залпом почти весь стакан... Кроме последнего глотка.

— Что вас смущает в моем предложении? — спросила Валентина. — Сумма или информация?

— Сумма меня не смущает. Я не уверен в надежности ваших сведений.

— Могу посоветовать только одно — рискните. Документы могу вам показать, лишь когда деньги будут у меня. Я ведь не зря упомянула Аннозачатовку... Здор нашел меня там. В случае обмана и вы меня сможете найти именно там. Я женщина слабая, одинокая, все состояние Фаваза осталось в Ливане и уже растащено его родственниками. Мне нужны деньги на жизнь. У меня ведь арапчонок подрастает. Я и о нем должна подумать. Хотите, арапчонок оставлю в залог?

— Вы и на это готовы?

— Я ничем не рискую. Я веду честную игру. Показать фотографию дома Мандрыки?

— Покажите.

Валентина щелкнула замочком сумки и вынула заранее приготовленный небольшой снимок. Выговский взял его, повернулся к свету, всмотрелся. Это был двухэтажный дом немецкого типа — серые оштукатуренные стены, тяжелая архитектура без каких-бы то ни было украшательских попыток, большая лоджия на втором этаже, заросли свисающих розовых цветов. У дома высокие голубые ели, забор из грубых, крест-накрест скрепленных брусков темного цвета. Окна не слишком большие, с причудливыми занавесями. У дома стояла машина, похоже, “бэмвэшк”, за рулем сидел Мандрыка и приветственно махал рукой.

— Германия?

— Да, — не задумываясь, ответила Валентина.

Странно, снимок убедил Выговского, хотя он понимал, что Мандрыка, снятый на фоне какого-то случайного дома, не может быть никаким доказательством.

— Я оставлю его себе?

— Конечно! — Валентина махнула рукой. — Для вас и принесла. Кстати... если возьмете лупу с хорошим увеличением, то сможете прочитать на табличке название улицы и номер дома. Я ничем не рискую — улицы с цветочными названиями есть в каждом занюханом немецком городишке.

— Да, я припоминаю... Фаваз как-то говорил, что у него дела в Германии... Как мне помнится, на севере Германии... Где-то в районе Гамбурга. В Гамбурге порт... Лес он предпочитает отправлять морем.

— У вас хорошая память, — сказала Валентина чуть обеспокоенно, Выговский, видимо, правильно вычислил район Германии.

— У меня вообще много достоинств... Еще шампанского?

— Охотно.

- За что выпьем?
— За вашу удачную поездку в Германию.
— А почему бы и нет! — весело сказал Выговский.

Маленький городок Гифорн, в который можно было попасть электричкой из Ганновера, понравился Выговскому с первого взгляда. Просто так побродить по улицам он не мог, мало ли какие случайности происходят в жизни — возьмет да и сведет его судьба с Мандрыкой. Тот, конечно, сразу все поймет, нырнет в толпу и вынырнет где-нибудь в джунглях Амазонки, в пригороде Сингапура или в том же Толедо. И тогда никто не поможет его найти. Поэтому Выговский поступил проще и надежнее — из Франкфурта в Ганновер он приехал скоростным поездом, взял напрокат почти новый “мерседес” и, не торопясь, отправился в Гифорн. Машину он выбрал серенькую, с затемненными стеклами, как это и было принято в бандитских кругах Москвы и Новороссийска.

Чтобы попасть на улицу Голдрегенвег, Выговский долго ехал мимо соснового бора, который жители берегли и лелеяли с не свойственным для россиян усердием. Свернув налево, он неожиданно оказался прямо перед домом номер один. Если Валентина не заблуждалась, то именно здесь и проживал гражданин Мандрыка.

Выговский сразу узнал этот дом, именно он был изображен на фотографии, которую подарила ему Валентина в первую их встречу. Замедлив скорость, Выговский проехал по улице, не останавливаясь, свернул налево, еще раз налево и наконец заглушил мотор у какого-то магазина. Машин здесь стояло много, и он мог спокойно обдумать свои действия. Мимо текла упорядоченная немецкая жизнь, бегали нарядные дети, их мамы грузили в машины коробки с покупками, папаши с показной заботливостью помогали, и все казались тихими, какими-то присмирившими, старательно показывая друг другу законопослушность и благопристойность.

Глядя на чужую и какую-то ненастоящую жизнь, Выговский не переставал прикидывать — как бы получше подобрать к Мандрыке. Идти к нему домой? Но кто знает, какие средства защиты там поставлены... Да и Мандрыка — человек достаточно благоразумный, открывать двери на каждый стук не будет, тем более что никаких гостей не ждет. Может, у него какая-нибудь кошмарная собака сидит, может, пара автоматчиков...

Нет, в дом идти нельзя.

Рынок? Вряд ли он сам ходит за продуктами. И в этом магазине его не бывает, да и не подступиться к нему в толчее.

Разглядывая размеренно-упорядоченную жизнь немцев, Выговский отметил про себя, отметил, не придав этому никакого значения, — по улице, по специально проложенной дорожке

несколько раз проехали стайки велосипедистов в ярких майках. Проехали в одну сторону, через некоторое время пронеслись мимо магазина в противоположную сторону — молодые немцы с мощными ляжками накручивали километры. Велосипеды у них были легкие, почти невесомые.

А ведь Мандрыка бегал! — мелькнула у Выговского вдруг мысль короткая, ясная и законченная. Да-да-да! Они были вместе не то на Кипре, не то на Крите, и Мандрыка по утрам бегал. Невзирая на количество выпитого накануне шампанского.

Это надо помнить — Мандрыка бегал. И скорее всего, бегают поныне. Живя в таком месте, без забот и нервотрепки, будучи обеспеченным до конца жизни... И не побежать?! Если в ста метрах сосновый бор! С дорожками, на которых лет пятнадцать назад видели последний несчастный окуроч!

А потом — душ. Сильная струя в сверкающей кафелем ванной. А потом громадное махровое полотенце!

А потом бокал настоящего шампанского! Как говорила Шарончиха с придыханием — Дон Периньон!

Все ясно — Мандрыка бегают.

Не медля больше ни секунды, Выговский включил мотор и покинул славный городок Гифорн, чтобы никому не мозолить глаза, чтобы никто не мог заподозрить его в намерениях преступных и злокозненных. Уже знакомой дорогой он вырвался на трассу и менее чем через час был в Ганновере. Но и здесь решил не мельтешить зря на перекрестках и в магазинах — сразу направился в гостиницу.

Выговский рано лег спать. И рано встал. А в половине седьмого утра уже был на улице Голдрегенвег. Он остановил “мерседес” в самом конце улицы, погасил огни и приготовился ждать. До дома Мандрыки, если это был, конечно, дом Мандрыки, было метров двести, не больше. Но на обочинах стояло немало машин, и его серенький “мерседес” в утреннем тумане, с затемненными стеклами ни у одного немца не должен вызвать никакого интереса. Плотный туман постепенно рассеивался, мимо него уже проскочили несколько машин. Сна не было, Выговский чувствовал себя бодро, свежо. Изредка взглядывал на часы — было уже около семи.

А ровно в семь из ворот мандрыковского дома выехала машина. Этого Выговский не ожидал, но, поколебавшись, решил последовать за ней и медленно двинулся с места. Цвета красной меди “опель” неспешно проследовал до конца улицы и плавно повернул направо. Улицы Гифорна были еще пусты, и Выговский не опасался потерять “опель” из виду. Проехав с полкилометра, “опель” остановился, съехав на обочину.

Еще чуть помедлив, Выговский решил не останавливаться. Все с той же скоростью он двинулся дальше и уже проезжал мимо, когда передняя дверь со стороны водителя открылась и из нее вышел... Он сразу узнал — это был Мандрыка.

В спортивных шортах, белоснежных носках, кожаных кроссовках, в майке с собакой на груди. Выговский, проезжая мимо, даже успел сквозь затемненное стекло взглянуть Мандрыке в лицо. В нем появилось что-то непривычное, немецкое, что ли, а может, просто общеевропейское выражение лица — безмятежное, самодовольное, снисходительное. Мандрыка прижался к машине, пропуская “мерседес” Выговского, потом, не торопясь, прошел в парк, под сосны, ступил потрясающими своими кроссовками на ракушечную дорожку.

Да, он бегал. Как и прежде. Он собирался долго жить, может быть, вообще собирался начать новую жизнь в новой стране, с новыми людьми...

Кто знает, кто знает...

Но Мандрыка нарушил законы бытия, а такие долго не живут. Они вообще не должны жить. Им нельзя. Никому не позволено нарушать законы бытия.

Можно изменить в любви — здесь человек не властен над собой, любовь иногда уходит. И в таких случаях еще неизвестно, что подлее и тяжче — сохранить отношения или разорвать. Тут каждый решает за себя и никто не вправе осудить человека.

Но есть дружба — а тут уж мы можем и должны отвечать за себя. Есть верность — мужская, товарищеская, просто человеческая. И что бы ни стояло на кону, какие бы деньги, какие бы женщины, какие бы страны не мелькали в твоём воспалённом воображении, законы нарушать нельзя. Потому что в них заключены основы бытия.

Мандрыка их нарушил. Он убил Здора и очень хотел убить меня...

Такие, примерно, мысли вертелись в голове у Выговского, когда он не торопясь возвращался в Ганновер. И дорога, и машина позволяли ему утроить скорость, но его устраивали шестьдесят километров в час.

Мимо него на бешеной скорости проносились машины — немцы уже проснулись и спешили зарабатывать деньги. Хорошее занятие, одобрительно думал Выговский, но скорость не увеличивал. Он свои деньги уже заработал.

Оставив машину на стоянке гостиницы, Выговский прошел в номер, принял душ, время от времени меняя температуру воды от обжигающе горячей до обжигающе холодной. Долго рассматривал в зеркало шрамы, оставшиеся после мандрыковского покушения, они уже затянулись, потеряли красноту и болезненную выпуклость, скоро вообще от них останется почти невидимая поблеклость кожи и больше ничего. Куда более долговечные шрамы останутся глубже, если уж выразиться красиво — в душе, в памяти. Авось, останутся, подвел итог своим печальным раздумьям Выговский. Авось, не забудутся.

День тянулся долго и тягостно. Выговский позавтракал в гостинице. Потом он решил погулять по городу. Надел боль-

шие темные очки, клетчатую немецкую кепку, в местном универсаме купил полотняную куртку. Если он столкнется с Мандрыкой, тот вряд ли узнает его, даже если пройдет рядом. После ранения, после больницы изменилась и походка Выговского, он шел осторожнее, словно опасался, что, столкнувшись с кем-то, не удержится на ногах. Он даже купил себе трость и опирался на нее не только для виду, с тростью он чувствовал себя увереннее.

Обедал Выговский в каком-то ресторане — заказал все рыбное и овощное. Получилось неплохо, он даже решился выпить бутылку белого вина. Возможно, кто-то назвал бы его дорогим, но для Выговского цена не имела слишком большого значения. Тем более если речь шла всего-навсего о бутылке белого сухого вина. Даже если оно и называлось мозельским.

К вечеру он почувствовал, что в нем, где-то глубоко внутри, что-то все время жалобно повизгивает, поскуливает, как щенок, оказавшийся взаперти. Он остро поглядывал на немцев, пытаясь заранее определить их отношение к задуманному им, поглядывал на редких полицейских, как на будущих противников. Нет, все было спокойно, никто не мог даже предположить, какое кошмарное событие потрясет их сонное существование завтра утром...

В сосновом парке Гифорна Выговский был ранним утром. Дальние сосны терялись в тумане, мокрая трава была бесшумной, заросли кустарников надежно скрывали каждого, кто хотел в них скрыться. Выговский предусмотрительно надел серые брюки, серую куртку и все ту же клетчатую кепочку. За деревьями его невозможно было увидеть даже с расстояния десяти метров.

Он вышел к стоянке, где вчера оставил свой "опель" Мандрыка, убедился, что выбрал правильное место, что не ошибся. "Мерседес" поставил невдалеке, на той же улице. Конечно, можно было остановиться с противоположной стороны парка, но кто знает, куда побежит Мандрыка, по каким дорожкам будет спасаться от инфаркта, от инсульта, от чего он там еще убегал каждое утро...

Пройдя по парку, Выговский с облегчением убедился, что он совершенно пуст — ни единого немца, ни единой немки. Сумка на его плече была почти пуста, в ней был только один достаточно тяжелый предмет — "беретта" с глушителем. Пистолет он достал уже здесь — в предыдущие поездки подумал о такой возможности и теперь благодарил собственную предусмотрительность. Мощная тяжелая "беретта" с пятнадцатью патронами в массивной рукоятке придавала ему уверенность, что все должно закончиться, как и задумывалось.

Мандрыка стал настоящим немцем — появился на дорожке, как и вчера, ровно в пять минут восьмого. Пробежался, присел несколько раз, помахал руками, позапрокидывал голову, по-

вертел ею справа налево, слева направо и, наконец, закончив все эти ритуальные приготовления, побежал.

Выговский наблюдал за ним метров с двухсот. Приготовив инструмент, стал за сосной, поджидая давнего друга, соратника, главного своего бухгалтерера. Когда Мандрыка приблизился и оказался метрах в десяти, Выговский вышел из-за сосны и стал на дорожке.

Мандрыка заметил его, обратил внимание, когда их разделяло метров пять. Автоматически сделал еще два шага и остановился.

— Игорь? — спросил каким-то осевшим голосом.

— Здравствуй, Вася, — сказал Выговский. — Прекрасная погода, не правда ли?

— Как ты меня нашел?

Выговский пропустил вопрос мимо ушей. Он еще раз убедился, что затвор передернут, кнопка предохранителя сдвинута и ничто, ничто в мире, даже неожиданно появившиеся немцы, его не остановит.

— Скажи, Вася... Ты хоть сам сознаешь, что поступил плохо?

— Видишь ли, Игорь...

— Я задал вопрос, Вася, а ты отвечай.

— Да, наверно, так можно сказать. — Мандрыка стрельнул глазами в одну сторону, в другую, он ждал момента, чтобы нырнуть в листву, броситься в одну сторону, в другую, сбить Выговского с толку и спастись, спастись. — Не делай этого, — попросил он. — Будешь сожалеть. Если хочешь, я исчезну и ты никогда меня больше не увидишь, никогда обо мне не услышишь.

— Согласен, — сказал Выговский и нажал курок. Пуля вошла Мандрыке в грудь, пробила, изорвала легкие, и он не мог вздохнуть, закричать, позвать на помощь ни по-русски, ни по-немецки.

Выговский нажал курок еще раз и еще.

После третьего выстрела Мандрыка упал. Сколько же в нем было жизненной силы, сколько здоровья, если только третья пуля из этой кошмарной "беретты" свалила его наземь.

Он упал и бился, дергался в предсмертной агонии, но Выговский, подойдя вплотную, все-таки улучил хороший момент и сумел выстрелить еще раз, уже в голову, примерно между ухом и виском. Мандрыка дергаться перестал, вроде успокоился, хотя хриплые вздохи слышались еще некоторое время.

— Вот и хорошо, — пробормотал Выговский.

Он бросил "беретту" с глушителем на теплый вздрагивающий труп и, оглядевшись по сторонам, шагнул в кусты. Через несколько метров вышел на дорожку, которая вела прямо к его серенькому "мерседесу". Меньше чем через час он был в Ганновере, заехал в гостиницу, взял уже собранный чемодан, преду-

предил портье, что машину оставит на вокзале, расплатился и отъехал.

Сверхскоростной поезд отходил через час, и он проскучал это время, прикидывая, не оставил ли на себе следов, не оставил ли следов в парке, на Мандрыке... Вроде все состоялось не худшим образом.

Поезд подошел минута в минуту, а через четыре часа Выговский был уже во Франкфурте-на-Майне. Всю дорогу он смотрел на громадное окно, непривычно чистое, непривычно прозрачное. Проносились зеленые лужайки, автобаны, пригороды, состоящие сплошь из домов, похожих на мандрыковское приобретение. Хорошие дома, добротные, с отоплением, с газом, светом, канализацией и самое главное — с голубыми елями необыкновенной красоты и привлекательности.

Во Франкфурте Выговский уже устало, уже пресыщенный немецкими чистотой и усердием переехал с вокзала в аэропорт, говорят, крупнейший в Европе аэропорт по размерам самого здания, по размерам взлетно-посадочных полос, по количеству принимаемых и отправляемых пассажиров. Их, этих пассажиров, отправляющихся на все континенты, во все страны мира было так много, что одинокая фигура Выговского с дорожной сумкой, немецкой тростью и в клетчатой кепочке совершенно затерялась и стала как бы даже и несуществующей. И она действительно стала несуществующей, когда "Боинг" оторвался от одной из многочисленных взлетно-посадочных полос, круто оторвался, под хорошим углом уходя в туманное немецкое небо и унося на своем борту осунувшегося после долгой болезни Выговского.

Когда самолет набрал нужную высоту в десять тысяч метров над уровнем моря, Выговский облегченно перевел дух и, подзвав стюарда, заказал шампанского.

— Дон Периньон, — сказал он.

— О! Мани-мани. — Стюард, раздвинув руки в стороны, показал, как много это стоит.

— Все хорошо, дорогой товарищ, — успокоил его Выговский. — Все в нашей с тобой жизни прекрасно.

— Момент! — Стюард метнулся куда-то в дальние внутренности самолета и уже через две-три минуты нес серебрящуюся бутылку с этикеткой памятной по недолгому общению с Шарончихой. В другой руке у него был высокий хрустальный бокал.

Взяв бокал, Выговский показал стюарду два пальца, дескать, таких предметов требуется два. Пока стюард бегал за вторым бокалом, он открыл бутылку, наполнил свой, а потом и тот, с которым подоспел запыхавшийся немец.

— За победу! — сказал Выговский, чокаясь. — Над силами зла... Как мы их понимаем. — Он назидательно поднял указательный палец.

— О'кей! — ответил стюард.

Уже под утро мне приснился странный, скорее, даже жутковатый сон. Вроде нахожусь я в каком-то месиве из гнилых, черных досок, среди бревен, надломленных веток, рядом куски крыши, рваная жесьть, ржавые гвозди. Все это почти полностью закрывает небо, так что увидеть меня за этим хламом совершенно невозможно. И вдруг появляется какое-то непонятное существо в длинном черном балахоне. С виду человек, но у меня откуда-то уверенность, что никакой это не человек, это что-то другое, страшное и опасное. Но оно удаляется от меня, поднимается на какое-то сооружение с выбитыми окнами, со снеженной крышей и когда оказывается где-то на уровне третьего этажа, неожиданно оборачивается. И я вижу череп, издали сквозь узкие щели между досками и кусками жести вижу ухмылку. Не обнаженные челюсти, как это бывает у черепов, а именно ухмылку. Существо смотрит на меня прямо в глаза и наконец произносит:

— Все равно я тебя вижу.

После этого я проснулся.

Была еще ночь, но небо над Хамелеоном уже светлело. Я с облегчением увидел звезды, четкий волошинский профиль на Карадаге. Значит, будет ясный, солнечный день. Он оказался не только ясным, но и теплым. Можно было ходить в пиджаке и не сутулиться под дождем. И море поголубело, сделалось прозрачным, а его присмирившая волна тихонько лизала белесую гальку.

Я прошел вдоль всей набережной, от бухты Тихой до бухты Лягушачьей, от одного нудистского пляжа до другого. Они были совершенно пусты, но срам голых тел все равно витал над ними и не вытравил его ни затянувшийся шторм, ни многодневный дождь. Впрочем, вполне возможно, мне это только казалось.

Кафе "Камелот" не слишком красивое кафе, не слишком хорошее, но у него было одно неоспоримое достоинство — оно работало всю зиму. И всю зиму, осень, раннюю весну собирались здесь заблудшие люди вроде меня, коротая долгие часы. Все уже знали друг друга, приветствовали, будто видели родственника, человека, с которым многое связано. А ничего с ним не связано, несколько раз вместе за одним столиком пивка попили, поглядывая навзбудораженное море. Но в условиях осеннего Коктебеля, не говоря уже о зимнем Коктебеле, это было не так уж и мало, совсем не мало.

В "Камелоте" было полно народу — кто-то узнал меня, кому-то я руку пожал, полузнакомые ребята усадили за свой стол, из самого угла помахал рукой Жора. Он протиснулся между столиками, мы потеснились, и он смог присоединиться к нашей компании.

— Жизнь продолжается? — поинтересовался он.

— Похоже на то...

— А что, не уверен?

— Знаешь, Жора, не уверен, — честно признался я.

— Дурной сон?

— Как догадался? — Я был поражен его пронизательностью — никогда мы не говорили о снах, никогда не пересказывали наши ночные видения, и тут вдруг точное попадание в десятку.

— Умный потому что, — безутешно вздохнул Жора. —

С годами мы дряхлеем, но

Порой одна мыслишка греет,

Что настоящее вино,

Тем лучше, чем оно старее.

Неожиданно я поймал себя на том, что во всем теле ощущаю какую-то нервозность, в руках била мелкая дрожь. Я прислушался к себе, попытался понять, откуда это состояние. Но, кроме предутреннего сна, кроме черепа, ухмыляющегося с третьего этажа какого-то разгромленного дома, ничего припомнить не мог. Долгая прогулка по набережной, теплый день, нудистские пляжи без единого голого тела, Жора со своими стихами... Нет, все это тоже не затронуло меня, во всяком случае, не настолько, чтобы довести до нервной дрожи.

— Ты в порядке? — спросил Жора.

— Пытаюсь понять.

— Утро свежее умыто, на обоях луч блестит, рядом кто-то неприкрытый, непричесанный лежит...

— Это про меня, — сказал я, поднимаясь. — Пройдусь. Что-то мне сегодня не климатит.

— Заглянуть?

— Попозже.

Не надо бы мне так отвечать, не надо бы отвергать дружеское участие, готовность разделить часы одиночества, скрасить неважное самочувствие, поднимающуюся температуру, утешить стаканом золотистой мадеры. Не надо бы...

Прошло совсем немного времени, и я пожалел, что отверг Жорино предложение, через двадцать минут я пожалел.

Девятнадцатый корпус, одиннадцатая комната...

Два не просто нечетных числа, а каких-то очень уж нечетных, поскольку не делились они ни на какое другое число кроме самого себя...

Наверно, хорошая примета.

Пока я поднимался по длинной одномаршевой лестнице на второй этаж, мне все еще казалось, что это хорошая примета, но очень скоро я убедился в том, что примета эта плохая. На площадке, у окна с белой занавеской, скроенной из старой простыни, стояла Жанна. Да, это была она.

— О! — сказал я радостно. — Явилась — не запыхалась!

— Войдем, — сказала она без улыбки. Даже какая-то суровость была в ее взгляде.

— Войдем. — И я первым перешагнул порог.

Жанна не просто вошла, она закрыла дверь, повернула ключ в замке. И только после этого, оборотившись, с неожиданной силой толкнула меня. За спиной оказался стул и, отшатнувшись, я опрокинулся навзничь.

— Ну ты даешь, — пробормотал я, пытаюсь подняться.

— Не вставать! — раздался жесткий голос Жанны.

Я обмер — у нее в руке был пистолет. И, конечно, с глушителем. Небольшой пистолет, женского типа, но при таком расстоянии это не имело значения.

— Не вставать! — повторила она.

— И не пытаюсь... А в чем, собственно, дело?

— Выговский Игорь Евгеньевич? — спросила Жанна.

Отпираться не было смысла. Но я промолчал.

— Долго я не могла тебя раскусить.

— А теперь? Раскусила?

— Извини, дорогой, но ты заказан. Мы уже получили деньги.

— Кто это "мы"?

— Моего напарника ты завалил некоторое время назад.

— Так, — пробормотал я. Я лежал на спине совершенно беспомощный, разбросав руки в стороны, так что обе они оказались под кроватями, стоявшими у противоположных стен. И тут я почувствовал, что правая моя рука наткнулась на что-то твердое. Ощупав предмет, я узнал каменное изваяние члена, сработанного Жориными руками. Как он закатился под кровать, не знаю, но то, что произведение оказалось там кстати, было совершенно очевидно. Надо же, как бывает, теперь все мои надежды были связаны именно с этим двухкилограммовым срамом, изображенным с таким количеством подробностей, что невольно вызывал оторопь у каждого, кто видел его впервые.

Слабая надежда избавила меня от оцепенения. Я вспомнил Жорины слова, все-таки он витал надо мной как добрый гений, не оставлял меня своими заботами — даже сегодня вызывался проводить до номера, но я, дурак, отказался. Так вот, я вспомнил Жорины слова о том, что Жанна звонила в Ганновер.

Она готова была выстрелить в любую секунду, и тогда все мои рассуждения мгновенно потеряли бы всякий смысл. Нужно было не молить о пощаде — профессионала это только раздражает, требовалось сказать нечто такое, что остановило бы ее, заставило бы вздрогнуть от неожиданности.

— В Ганновер звонила? — спросил я.

— Куда?

— И тебе не дал своего телефона? Он живет не в Ганновере, он живет в соседнем городишке... Гифорн. Вернее, жил.

— Что значит жил? — спросила Жанна. И это был не механический вопрос, она втягивалась в разговор.

— Потому что я его убрал. В Гифорне. В парке. Это он сделал заказ? И деньги платил он. Последние три месяца у вас не было связи. Не было, это точно. Потому что я убрал его три месяца назад. Об этом писали все немецкие газеты.

— О ком ты говоришь? — спросила Жанна рассеянно.

— Я говорю о Васе.

— Да, его звали Василий... Но убрал ты его или не убрал — это не имеет значения. Деньги получены, значит, работа должна быть выполнена.

— Ты не знаешь еще одной вещи, — сказал я, совершенно не представляя, чем закончить эти свои слова, какой такой вещи Жанна не знает, что ей брякнуть, чтоб она опять осеклась в идиотском своем намерении. Я лежал, сжимая в руке каменный член, выточенный Жорой из коктебельской гальки с потрясающим мастерством и с истинно поэтическим вдохновением.

— Какой вещи? — спросила она и сделала то, чего я все время ждал, усыпляя ее бдительность, — опустила руку с пистолетом. Я не двинулся, не пытался встать, перевернуться на живот, подтянуть к себе стул или сделать еще какую-нибудь глупость. И это ее успокоило, она опустила пистолет.

— Слушай, — сказал я как можно будничнее и даже безразличнее к нашему разговору. И в ту же секунду, выпростав руку из-под кровати, запустил Жанне в голову этот каменный символ мужской доблести. Член попал Жанне прямо в лоб, она отшатнулась к стене, пистолет выпал из ее руки, а каменное извятие, отскочив, упало на чугунную батарею и расколосось на двое.

Но это уже не имело слишком большого значения — я бросился к пистолету, отпрыгнул в сторону и только тогда увидел, что Жанна все еще находится в совершенно беспомощном состоянии. Тогда я подошел к ней, оцупал все те места, которых уже касался неоднократно в других обстоятельствах, забрал сумочку и, успокоенный, отошел к двери.

Жанна с трудом поднялась, подошла к кровати и присела. На ее рассеченном лбу росла громадная шишка — все-таки Жора делал добротные вещи.

— Так что же все-таки ты хотел сказать? — спросила она.

— Никогда не вступай в разговоры, когда передернут затвор и снят предохранитель. Это всегда кончается плохо.

— Ты прав, — кивнула она и поморщилась — любое движение головой вызывало, похоже, резкую боль.

— Когда ты узнала, кто я?

— Подозревала давно, но не было уверенности... Опять же у нас кое-что завязалось... Недавно, совсем недавно в одной редакции мне показали снимок... Ваша фирма отмечала что-то...

Среди прочих был и Выговский... Ты ведь не будешь меня убивать?

— А что посоветуешь?

— Мне бы не хотелось, чтобы ты меня убивал.

— Тебя как зовут?

— Так и зовут... Жанна. Мандрыка в самом деле убит?

— Да.

— Ты?

— Я.

— Значит, он не отдаст вторую половину гонорара.

— Не сможет. Да и не за что — заказ-то не выполнен.

— Я не знала, что он мертв.

— А мне не поверила?

— Нужно было время, чтобы остановиться. Он тебя ни о чем не просил?

— Просил. Прощения.

— Ты не простил?

— Нельзя было.

— А меня, меня ты не будешь убивать? — спросила она жалобно.

— Ты тоже хочешь попросить прощения?

— Спасибо, — произнесла она какое-то идиотское слово.

— Пожалуйста, — пожал я плечами.

— А что случилось с тем мужиком? С моим напарником?

— Он промахнулся, а я — нет. Вот и все.

— Значит, ты отпускаешь меня?

— Да.

— И я могу идти?

— Иди.

— Прямо сейчас? — Она никак не могла мне поверить и все ждала какого-то подвоха.

— Если не будешь больше охотиться за мной.

— Заказчика нет, денег никто не заплатит, значит, вопрос снят.

— За сколько договорились?

— Двадцать пять.

— Маловато. — Я был даже обижен столь малой суммой.

— Каждому, — уточнила Жанна.

— Тогда нормально.

— Послушай, Женя... Ой, извини... Игорь...

— Да называй как хочешь!

— Может, еще увидимся... Как ты думаешь?

— Чего не бывает.

— Если захочешь... Пиши в Киев на Главпочту. Просто Жанне... Скажем... Ивановой.

— Ну, а ты пиши в Москву... На главпочту. Обо мне тебе известно больше.

— А как мы узнаем друг друга? — Она улыбнулась.

И тут шальная мысль мелькнула у меня — я увидел лежащие на полу осколки каменного члена.

— Возьми одну половинку, я возьму вторую. При встрече сложим. Если соединятся — значит, это мы.

— В этом что-то есть. — Жанна задумчиво смотрела на половинки, лежавшие у ее ног. — Только я возьму кончик, — сказала она.

— Возьми кончик. Вернее, головку. Тогда мне основание.

— Это справедливо, — сказала она.

— Наемные убийцы тоже знают это слово?

— А ты как думаешь?

В этот момент у подъезда раздался свист. Я открыл дверь, вышел на лоджию. Внизу стоял Жора. Сзади осторожно подошла Жанна и тоже положила руки на перила. Давала понять — оружия у нее нет.

— Заходи, — сказал я Жоре и вернулся в комнату.

— Пистолет не отдашь? — спросила Жанна.

— Разве мы не все выяснили?

В дверях появился Жора. В каждой руке у него было по бутылке мадеры.

— Кошмарная история! — сказал он. — Вы не поверите!

— Что случилось?

— Я проснулся — нет вина, да еще в чужой постели... Значит, точно с будуна, значит, точно в Коктебеле.

И снова золотистый напиток лился в стаканы, рядом чуть слышно шелестело море, в голых ветвях акаций слышался слабый свист ветра, холодное солнце заливало пустынную бухту, замершую в ожидании первого сезона третьего тысячелетия.

Кажется, мы дотянем до него. ■

Непредсказуемый

*“Видел ли ты человека, проворного
в своем деле? Он будет стоять перед царями”.*
(Из премудростей Соломоновых)

 б основателе знаменитой автомобильной корпорации американце Генри Форде (1863-1947 г.г.) у нас в свое время писали часто и много. Особенно в 20-30-е годы, когда он, несмотря на свое неприятие большевизма, оказывал техническое содействие советской России. Правда, в ту пору наши публицисты, отдавая должное его уму и предприимчивости, не упускали возможности напомнить читателям, что речь, в конце концов, идет об одном из самых безжалостных эксплуататоров рабочего класса. При этом, стоит заметить, почти ни один из них никогда не был ни в Америке вообще, ни на заводах Форда, в частности. Но тогда считалось в порядке вещей сотрудничать с капиталистами и одновременно хлестать их в хвост и в гриву. Даже наши знаменитые писатели И. Ильф и Е. Петров, побывав у Форда и воочию увидев процесс производства автомобилей, сосредоточат свое внимание (наверное, по соображениям проходимости своей книги) в основном на теневых сторонах этого процесса, а самого главу корпорации представляют как талантливую, но холодную, озабоченную наживой прагматика...

Со смертью Форда и кризисом, охватившим его промышленную империю на некоторое время, имя этого человека почти исчезнет со страниц советской печати. Да и зачем он был нам нужен в годы холодной войны? Лишь как подтверждение пропагандистского тезиса о неизбежности загнивания капитализма.

Между тем Генри Форд был и останется персонажем мировой истории. Не случайно в многочисленных опросах, выясняющих, кто из известных людей XX века оказал наиболее заметное влияние на ход истории, чаще всего на первом месте оказывается не какой-то выдающийся политик, полководец или ученый, а предприниматель Генри Форд. Нужен ли он нам сегодня? Думается, еще как! В то время, когда наша страна переходит (верно, с большим скрипом) на рельсы рыночной экономики, жизнь и деятельность героя нашего очерка выглядят своего рода наглядным пособием, как осуществить этот переход быстрее, без больших и мучительных издержек. Особенно Форд интересен тем, кто уже начал или только еще собирается заняться бизнесом и коммерцией. Да, как многие незаурядные личности, он был весьма про-

Ford

Генри Форд с сыном Эдселем.

творческой фигурой. Являясь ярко выраженным, последовательным, если угодно, неисправимым капиталистом, он, однако, никогда не занимался финансовыми махинациями, не уходил от налогов и в отношениях со своими партнерами и даже конкурентами придерживался честных правил. Если он в чем-то урезывал права и затрагивал интересы своих рабочих или, наоборот, делал им какие-то поблажки, то не занимался социальной демагогией, а прямо и откровенно (порой — безжалостно откровенно) говорил, какие он преследует цели, поступая подобным образом. И

хотя есть пословица, что из честности шубы не сошьешь, именно профессиональная порядочность Форда станет одной из главных составляющих его феноменального успеха как предпринимателя. Впрочем, обратимся лучше к фактам его жизни и американской истории начала XX века...

На стезю бизнеса Форд выйдет, казалось бы, непоправимо поздно — когда ему будет уже за сорок лет. А до этого он занят исключительно одним: изобретает автомобиль.

Но что делает этот сухопарый, с простецким, если не сказать, некрасивым лицом американец? Изобретает изобретенное. В то время по дорогам Европы, да и Америки тоже, уже вовсю бегают автомобили (само-то слово, кстати говоря, французское) разных марок и моделей. Кое-где уже действуют и строятся новые автозаводы. А Генри Форд, мичиганский фермер и механик-самоучка, варганит свой автомобиль в кирпичном сарае да еще вручную. И все, кроме жены, смотрят на него, как на помешавшегося на изобретательстве человека, который, судя по доносящемуся из сарая дикому скрежету и рычанию, вот-вот самого себя взорвет и соседям бед наделает. Но мрачноватому, вечно измазанному машинным маслом Форду глубоко наплевать, что о нем говорят и думают соседи. Он-то знает, что делает: создает лучший в мире автомобиль...

А в это самое время надел земли, отведенный ему отцом для посевов, зарастает сорняками, лесопилка, доставшаяся ему в придачу, работает шалай-валяй. (И на это механику-самоучке тоже наплевать.) Впрочем, ничего другого старый Уильям Форд от своего сынка и не ожидал. Генри с малых лет вел себя как откровенный бездельник: с неохотой ходил в школу, всячески отлынивал от домашней и полевой работы. Не лень ему было только одно: до посинения копать в ржавых, найденных им на свалке часах, кофемолках и прочем хламе. Ни уговорами, ни криком, ни затрещинами отцу так и не удастся отучить его от этой, на его взгляд, пагубной привычки. Дело дойдет до того, что Генри подростком бросит школу, уйдет из дома и устроится в каких-то мастерских в близлежащем городе Детройте. Отец надеется, что со временем сын одумается, заскучает по настоящему делу, каким, Уильям уверен, может считаться только фермерство. Нет, Генри, упрямая голова, вернется, построит дом, женится — и опять возьмется за свое...

...Закончив, наконец-то, сборку первой модели своего автомобиля, он сядет за руль, включит мотор и подъедет к дверям сарая. Но те, черт бы их побрал, окажутся уже созданной им машины! Хорошо, что жена Клара, такая же упрямая, как ее муж, не растеряется.

— Минутку, Генри! — возбужденно крикнет она, схватит кувалду и в считанные секунды разнесет на куски дверной косяк. — Теперь поезжай!

Из сарая на бешеной (по тем временам) скорости выскочит механический монстр, чудовищный гибрид тележки, велосипеда и четырехтактного двигателя, изрыгающий черный дым вперемешку со зловещими красными искрами. Распугав всю живность округи, машина Форда проедет (это когда в мире уже проводятся автогонки на сотни километров) аж две мили...

В тот же день, обуреваемый своей настырной мечтой, самоучка возьмется собирать новую модель. И, как только соберет и обкатает, продаст кому-то за двести долларов. Это и будет его первоначальный капитал. И хотя Генри Форд, как никто другой в мире, самоуверен, даже он понимает, что в одиночку многого не сделать. Он начнет искать компаньонов для строительства автозавода в Дирборне, что рядом с Детройтом. Нет, все детройтские финансовые воротилы, поглядев на невзрачного видом изобретателя и его кургузую машиненку, не захотят иметь с ним дела. Один из них даже предскажет, что никогда и ничто не заменит на дорогах лошадь. Но несколько небогатых и, может, оттого и рискованных людей поверят в Форда и отдадут ему свои трудовые сбережения. Правда, сколько бы ни приписывалось рыночной экономике волшебных свойств из ничего делать конфетку, невозможно поверить, что небольшие деньги могли сотворить невиданное по тем временам промышленное чудо в Дирборне — целый комплекс бесперебойно работающих автозаводов протяженностью в несколько миль. Но поверить можно, если небольшие деньги помножить на великий, как окажется, предпринимательский талант сухопарого механика-самоучки...

В то время, когда европейский автомобиль, перестав быть новинкой века, уже всячески прихорашивается — одевается в яркие краски, обзаводится никелированными и даже позолоченными дверными ручками и прочими, как сегодня говорят, прибабасами, — автомобиль Форда выглядит “гадким утенком”, причем, без всякой надежды когда-нибудь стать белым красавцем-лебедем. Он черен, как земляной жук, приземист и своими очертаниями чем-то напоминает маленький паровоз. Компаньоны Форда, стерпев выпуск первой сотни этой модели (“Форд Т”), вдруг забеспокоятся за свои денежки и выразят нежелание участвовать в производстве этой карикатуры на автомобиль. А Форд? Он хладнокровно займет у кого-то денег, выкупит у компаньонов их акции и с тех пор станет полновластным хозяином всей корпорации.

То, что произойдет дальше, трудно поддается рациональному объяснению. Америка не просто примет “Форд Т” — она набросится на него, словно этот автомобиль уже со времен Т. Джефферсона и Д. Вашингтона был ее вождеденной мечтой. Деловитые и в то же время темпераментные американцы дружно покупают “жестянку Лиззи”, “генрика”, “трясучку” — так они, пряча за насмешливыми прозвищами свою любовь, называют фордовскую машину. Во-первых, она на один-два порядка дешевле

европейских автомобилей, что само по себе немаловажно. Вторых, в отличие от европейских, она проста в устройстве и надежна. ("Безотказна как вдовушка!" — отзываются о ней водители-острословы.) В-третьих, даже на плохих дорогах она бежит резвее всяких разряженных авто... В общем, "жестянка Лиззи" в течение почти двадцати лет (неслыханный в автомобильном бизнесе срок!) пользуется неизменным спросом. И, чтобы удовлетворить его, Форд только и успеваешь строить один за другим заводы, доводит выпуск автомашин сначала до тысячи, потом до трех, потом до пяти и, наконец, до десятков тысяч в год! Подобно булгаковскому Мастеру, начинающий капиталист Форд, глядя, как расхватываются его автомашины, может воскликнуть: "Как я угадал!". Впрочем, выставляя на рынок свою неказистую "трясучку", он рассчитывал в основном на людей небольшого достатка. Но тут он просчитается (и — всем бы такие просчеты!) — его "генриков" охотно покупают богатые и даже очень богатые люди Америки. Сияющая черной эмалью машина Форда становится предметом престижа и даже национальной гордостью американцев. Если она стоит около вашего дома, значит, у вас в жизни все о'кей. Неважно, что у соседа стоит точно такая же, того же цвета. Это даже как-то объединяет людей. И что ни новый фильм выходит на экраны США, то почти в каждом из них фигурирует "жестянка Лиззи": на ней с ветерком катят счастливые пары и, рискуя жизнью, на ходу упиваются поцелуями, на ней бравые шерифы гонятся за дерзкими гангстерами, а те на ней же пытаются скрыться... В скором времени и чопорная Европа, убедившись, что красивые дверные ручки не самое главное в автомобиле, полюбит и начнет приобретать машину Генри Форда.

Напомним: он займется предпринимательством, когда ему будет уже за сорок, с двумястами долларов в кармане. К пятидесяти годам Форд станет мультимиллионером.

Но более всего Форд прославится все же не тем, как быстро разбогатеет. Этим Америку, страну, где в результате биржевой игры или благоприятной торговой конъюнктуры уже в те годы в одночасье сколачиваются огромные состояния, особенно не удивишь. Нет, американцы с изумлением, а кое-кто и с опаской всматриваются на то, как мистер Форд ведет свой бизнес. Некоторые предприниматели даже возмущены, считая, что он подает стране плохой пример.

Вот факт. Несмотря на то, что спрос на его машины неуклонно растет, непредсказуемый Форд не только не набавляет продажную цену, что на его месте сделал бы любой и каждый — наоборот, год от года снижает ее! Так, в 1909 году его "Форд Т" стоит 900 долларов, а в 1916-м — уже 345. Мистер Форд что — самому себе враг или... у него не все дома?

Время покажет: Форд прекрасно знает, что делает. "Повышение покупательной способности людей путем повышения зара-

ботной платы и понижения продажных цен”, — так сухо, но предельно точно сформулирует он свое экономическое кредо. Выбрасывая на рынок все больше и больше дешевых автомобилей (а потом — тракторов, локомотивов, самолетов и т.д.), Форд, что называется, снимает сливки, а снятое молоко уступает тем производителям, кто, заломив за свою продукцию несусветную цену, имеет плохой сбыт и низкий оборот капитала. Расчет быстро разбогатевшего предпринимателя состоит также в том, что, чем дешевле будет его автомобиль, тем больше шансов, что его рабочие (которых — десятки тысяч) смогут купить его для собственного пользования. Таким образом, деньги, выплаченные им за работу, к нему же и вернутся! Может быть, именно это он будет иметь в виду, когда произнесет свою знаменитую фразу: “Что хорошо для Форда, то хорошо для Америки”. И, надо признать, это не просто слова. Благодаря Форду автомобиль в Америке станет больше чем автомобиль. Во многом Форду и его автомобилям Америка обязана тем, что она в скором времени покроется сетью первоклассных шоссе и дорог и раньше многих стран обзаведется развитой сферой автосервиса. Не в последнюю очередь благодаря Форду и его экономическим новшествам Америка как промышленная держава начнет, наступая на пятки Европе, развиваться более быстрыми темпами, а в психологии американцев появятся черты, которые их сделают узнаваемыми даже издалека. “Мы переделали Америку автомобилями, — скажет Форд, когда страна выйдет на первое место в мире по важнейшим показателям экономики. — Но мы владеем автомобилем не потому, что мы богаты; наоборот, мы богаты, потому что пользуемся им...”

Однако доступный для многих американцев автомобиль — это еще не последнее слово Форда. Когда его заводы заработают на полную мощь, он введет самую высокую по тому времени заработную плату для своих рабочих. (Эта мера в определенных кругах США вызовет уже не просто возмущение, а устойчивую ненависть к дирборнскому предпринимателю.) В годы Великой Депрессии, когда страну захлестнут банкротства, безработица, владельцы заводов и фабрик, спасая свое дело, в два-три раза урежут зарплату своим рабочим и служащим. А Форд? Он увеличит ее в два раза! И это тоже еще не все. Десятичасовой рабочий день он сократит сначала до восьми, затем до пяти часов, а также первым в США введет пятидневную рабочую неделю. Разумеется, он сделает это не одним махом, а когда убедится, что от сокращения рабочего времени выпуск автомобилей на его заводах не сокращается, а в некоторых случаях даже увеличивается. Наконец, когда в корпорации дела пойдут совсем хорошо, Форд объявит, что отныне его рабочие и служащие будут участвовать в распределении половины получаемой корпорацией прибыли. (Какова была реакция других предпринимателей, можно уже не говорить.) Теперь зарплата наиболее квалифицированных и усердных работников корпорации дополняется весомой премией.

Эти и другие шаги Форда заставят многих в США думать, что автомобильный король Америки — скрытый социалист. Активисты левых профсоюзов ставят его в пример как защитника интересов рабочего класса. Но когда кто-то из журналистов спросит Форда впрямую, придерживается он социалистических взглядов на труд и капитал или нет, он, то ли прикинувшись простачком, то ли на самом деле не поняв сути вопроса, с недоумением скажет: “Я не знаю, что такое социализм”. И на брошенный ему однажды упрек, что он занимается развращающей рабочих благотворительностью, ответит в том духе, что занимается только бизнесом и что его рабочие получают то, что заслуживают своим трудом...

Действительно, Форд ничего не делает просто так. Как и у всех капиталистов, у него прибыль тоже на первом плане. Но он получает ее, главным образом, благодаря тому, что внедряет самые передовые по тому времени технологии, такие, как конвейерный способ сборки автомобилей, типизация продукции, стандартизация и унификация деталей и т.д. Как предприниматель он относится к своим рабочим примерно так же, как умный крестьянин к лошади: чтобы она тянула лямку, ее надо хорошо кормить. (Наверное, разбираясь в особенностях фордовского подхода к труду и капиталу, не стоит забывать, что по происхождению он все-таки фермер.) Новаторский подход к производству и бизнесу помогает Форду, на словах выступавшему против монополии, на деле в течение многих лет не иметь на автомобильном рынке более или менее серьезных конкурентов...

Удивляет он Америку и своим необычным стилем поведения на работе. Парадоксально, но магнат в течение всей жизни так и не обзаведется персональным кабинетом. Он то вместе с ведущими инженерами и конструкторами корпорации, неспособный из-за своей неумейной энергии даже присесть, день-денской обсуждает какие-то технические идеи, то часами (без свиты и охраны) расхаживает по цехам, с удовольствием наблюдая, как пять тысяч деталей, поступивших к началу конвейера, через час-два в конце потока превращаются в новехонький, готовый к эксплуатации автомобиль. Обладая исключительной памятью, он знает в лицо сотни и сотни рабочих. “Хелло, Майк!” “Хелло, Джордж!” — приветствует он тех, с кем начинал свое дело. И рабочие, польщенные вниманием босса, отвечают ему в том же духе: “Хелло, Генри!”. Трудно сказать, на что рассчитывал глава корпорации, но, бывая в цехах, он иногда развешивал им самим написанные (и до странности похожие на те, что когда-то печатались на первых полосах наших газет по большим праздникам) призывы к тысячам своих Майков и Джорджей: “Рабочие! Я хочу, чтобы вы выдавали наилучшую работу и вырабатывали все, на что вы способны. Генри Форд”. Кроме призывов, мультимиллионер пишет также книги. В одной из них он обращается уже ко всем американцам: “Сотни лет люди говорили о недостатке

шансов и о настоятельной необходимости переделить существующие блага... В настоящее время мы располагаем достаточным количеством испытанных идей и если их применить на практике, то мир избавится от всех своих трущоб, устранил нищету и даст возможность жить тем, кто хочет работать. Только старые износившиеся понятия мешают осуществлению этих новых идей. Люди сами надевают на себя оковы, завязывают себе глаза и после этого удивляются — почему они так плохо живут...” Но, думается, убедительнее всех призывов и книг действовал на людей сам Форд. Воплощенный трудоголик, он никогда и не думал сокращать свой рабочий день, высоко ценил и материально поощрял в людях инициативу, любил точность. Но если встречал на своем пути бездельника, приходил в ярость. Так, однажды, в очередной раз не застав на рабочем месте кого-то из служащих, босс молча превратит его стол в щепки и молча уйдет...

В своей частной жизни он тоже верен себе. Разбогатев, Форд построит для себя и своей семьи просторный особняк с автономной электростанцией и будет обслуживать ее сам. Его главное увлечение на досуге — певчие птицы. Клетками с ними уставлен весь его дом. Он заботится о них как о самых дорогих существах на свете. С тех пор, как две коноплянки совьют гнездо прямо над парадным входом, Форд, чтобы не беспокоить пичужек, сам станет и попросит всех близких пользоваться только черным ходом. Когда воздух Дирборна будет порядком отравлен дымами автомобильных заводов, магнат поставит для своих птиц кондиционеры... Иногда он устраивает в доме приемы. Их обязательным номером каждый раз становятся танцы. В числе других танцует и сам хозяин, уже далеко не молодой человек, одетый в строгий, чаще всего черного цвета, костюм с галстуком. Причем охотнее всего танцует кадриль, которую считает лучшим танцем всех времен...

В своем сыне Эдселе Форд души не чает. Но в любви к нему он, как и во многом другом, не знает чувства меры, и это пагубно скажется на становлении сына. Приобщая его как наследника к управлению корпорацией, Форд (и понимал ли он при этом, что повторяет ошибки своего отца?) постоянно диктует сыну, что ему делать и чего не делать, следит, опасаясь за его жизнь, чуть ли не за каждым его шагом. Но несмотря на такую опеку, добрый, но безвольный Эдсел надорвется и умрет, как говорят, во цвете лет...

О политических взглядах автомобильного короля Америки лучше всего говорить все, либо ничего. Выбрав золотую середину, скажем: в совокупности они представляют собой гремучую смесь взаимоисключающих установок. (Из-за недостатка в образовании ему придется быть самоучкой не только в механике.) С одной стороны, он всю жизнь выступает как убежденный пацифист и все войны, развязанные при нем, называет “следствием паранойи политиков”, с другой — мечтает о “твердой руке”, из-

за чего некоторое время возлагает надежды на установление порядка в мире на такие одиозные фигуры, как Муссолини и Гитлер, с третьей — в отличие от многих американских промышленников, не допускает дискриминации негров на своих заводах, с четвертой — отдает дань антисемитизму... Правда, Форд иногда меняет свои взгляды, но в одном его нельзя упрекнуть — в приспособленчестве. Он ничего и никого не боится, может, грубо говоря, лягнуть самого президента США и высказывает свое мнение по любому вопросу без всяких околичностей. Да и чего ему, собственно говоря, бояться? Он настолько богат, экономически независим и интеллектуально самодостаточен, что может позволить себе роскошь всегда оставаться самим собой. Можно сказать и так: пока Форд соблюдает законы американского государства, он сам — государство в одном лице. Для примера можно привести тот факт, что, выступая за прекращение первой мировой войны, он откажется поставлять продукцию своей корпорации обеим воюющим сторонам, и никто ему за это ничего не делает...

Нет, одного Форд все же боится: потерять свое детище-корпорацию, каким-то непродуманным решением подставить ее под удар.

В этом отношении показательно то, как он ведет себя, когда модель "Форд Т", принесшая ему богатство и славу, перестанет удовлетворять американцев. Долгое время он даже слышать не хочет, что выпускаемые им машины могут быть не черными, а какого-то другого цвета. Однажды он даже скажет: "Потребитель имеет право приобрести автомобиль любого цвета, при условии, что он будет черным". И что же? Спрос на его автомобили, похожие, как одна булавка на другую, идет на спад. Американцам все больше по душе пусть и дорогие, но нарядные, элегантные "плимуты", "доджи", "шевроле" и другие марки автомобилей, которые выпускаются конкурентами дирборнского магната... Скрепя сердце упрямый Генри Форд создает специальное конструкторское бюро, и через некоторое время из ворот его заводов вместо "жестянки Лиззи" начнут выезжать автомобили-красавцы, причем самого разного цвета... Еще большую гибкость Форд проявит, когда один кинопромышленник, еврей по национальности, начнет рассылать по всей стране киноролики об авариях "фордов". Автомобильный магнат, быстро сообразив в чем дело и чем это грозит его корпорации, напишет кинопромышленнику письмо с обязательством прекратить нападки на евреев. Дело и деньги были для него превыше всего...

В чем Форд никогда не отступал — не снижал интенсивности труда на своих заводах. Наоборот, повышал ее год от года. Да, он платил людям неплохие деньги. Но про него как капиталиста можно сказать: он больше всех давал своим работникам, но и

больше всех забирал у них сил. В цехах его заводов можно было часто видеть людей с хронометрами в руках: они скрупулезно, с точностью до секунд высчитывали, какие операции можно производить еще быстрее. Конвейер по сборке автомобилей (скопированный Фордом, по его собственному признанию, с процесса разделки свиных туш на американских скотобойнях) работал круглые сутки. Знаменитую американскую поговорку "Время — деньги" Форд материализовал на деле: прибыли корпорации — это конвертированная в доллары и центы человеческая жизнь. Удовольствие, получаемое от величественного зрелища слаженной работы конвейера, оплачивалось великим переутомлением мозга, нервов и рук участников этого безостановочного потока, почти как смерти боявшихся отстать от других, хоть на минуту остановить работу — это грозило большими штрафами. Недаром в те времена в американских забегах и дешевых ресторанах пользовался успехом негритянский блюз со следующими словами:

*Пожалуй, устроюсь я к мистеру Форду и стану рабочим
фабричным,*

*Пожалуй, устроюсь я к мистеру Форду и стану рабочим
фабричным,*

*Пожалуй, да тут мне сказала одна: пожалуй, тебе
и не вытерпеть мистера Форда обычья!*

Нет, нанявшись к мистеру Форду, люди постепенно привыкали к бешеному ритму работы на его заводах. Но нередко случалось, что из-за нервного перенапряжения иных без сознания выносили из цеха на носилках. Бывало, что и — ногами вперед...

Конечно же, Форд никогда не был социалистом. Скорее, его можно назвать гениальным технократом с изрядной склонностью к морализаторству. (В его книгах наряду с интересными экономическими идеями содержится немало отвлеченных рассуждений о том, как переделать мир и людей.) Он хотел, чтобы Америка не только отдавала себя работе, как он, но и следовала его советам, как жить, во что верить, кого любить. Что примечательно: распределяя прибыль корпорации, он выдавал премии не всем, кто хорошо работал, а кто еще и заботился о своих родителях, учил детей в школе, не пьянствовал на досуге и т.д. Иначе говоря, он жесткими экономическими мерами пытался воздействовать на такую тонкую материю, как мораль. Но понимали ли он при этом, что те, кого он наказывал за "плохое поведение" отказом в премии, в нравственном отношении падали еще ниже?.. Пожалуй, не стоит иронизировать над тем, как трепетно относился Форд к своим птицам в клетках: он любил их искренне и самозабвенно. Но это не мешало ему, когда корпорация попадала в трудное положение, бестрепетно увольнять тысячи, и прежде всего старых рабочих. ("Хелло, Майк!" "Хелло, Джордж!") Превозносимый профсоюзными активистами за отеческое отношение к труженикам, он, однако, запрещал на своих

заводах профсоюзную деятельность, считая, что лучше всех знает, что для рабочих хорошо, а что плохо...

Придет время, и могучий ум Генри Форда начнет сдавать. Магнат словно бы воспротивится техническому прогрессу, рьяным поборником которого он был долгие годы, и станет всеми силами, не жалея денег, прославлять патриархальную старину. Он восстанавливает деревни, стертые с лица земли не без его участия, устраивает фестивали народной музыки и танцев, коллекционирует и выставляет в своем музее техники прялки, ткацкие станки, допотопные кабриолеты, первые паровозы. Однажды разыщет созданную когда-то им паровую молотилку, очистит ее от ржавчины (привычка — вторая натура) и в день своего рождения покажет, на что она способна. Он, делающий массу орфографических ошибок, составит книгу афоризмов, напишет труд, посвященный старинным танцам, а также много раз выступит с публичным осуждением джаза и коротких юбок, входивших тогда в моду. Все бы ничего, ведь в прошлом тоже было много хорошего, но Форд, прославляя его, всякий раз противопоставляет всему, что появляется в жизни нового. Человек, когда-то так много сделавший, чтобы преобразить Америку, на закате дней становится крошечным ретроградом. И если его экономические и технические идеи когда-то воспринимались современниками как откровения интеллектуального самородка, то теперь над его музыковедческими и прочими изысканиями новая Америка тихо посмеивается...

До глубокой старости он сохранит неплохую физическую выработку. Но странности, замечавшиеся за ним прежде, постепенно приобретут характер душевного заболевания. Рассказывают, что незадолго до смерти этот стройный старик с легкими серебряными волосами любил неприкаянно бродить по улицам города, обязанного ему своим рождением. Временами он останавливал прохожих и с радостью, написанной на его морщинистом, умиротворенном лице, сообщал, что его любимый сын Эдсел, оказывается, жив...

Его наследники поведут дело совсем иначе, чем он. На первом плане у них будет не прибыль, а роскошь, любовные приключения и т.п. Их не прельстит непритязательный образ жизни Генри Форда. Они ходят по коврам Людовика XVI, сидят за столом, принадлежавшим когда-то Марии-Антуанетте, едят на серебре Екатерины II. Некоторые из них навсегда уедут жить в Европу. Ныне корпорация "Форд мотор" управляется группой многоопытных нанятых наследниками менеджеров. Автомшины марки "форд" по-прежнему отличаются высоким качеством и надежностью. Но все же ни одна из них, даже самая совершенная, не может сравниться в славе с первой и самой пылкой автомобильной любовью Америки — "жестянкой Лиззи" великого Генри Форда...

ГЛАЗНЫЕ ТРАВМЫ

Игорь ЛОГВИНОВ

Сегодня мы поговорим о глазных контузиях, количество которых в летний период резко увеличивается. Глазные травмы опасны своей непредсказуемостью, они могут случиться где угодно, с кем угодно и при каких угодно обстоятельствах. Какие из них наиболее опасны? Как оказать первую помощь пострадавшему? Каковы современные методы лечения?

За ответом на эти вопросы я отправился в отдел травматологии и реконструктивной хирургии Московского научно-исследовательского института имени Гельмгольца, куда обращаются за помощью жители разных уголков страны. Сюда привозят жертв автомобильных аварий с засевшими в глазу осколками стекла или пластмассы. Доставляют пострадавших на производстве с глазными ожогами и травмами от удара каким-нибудь предметом. Направляют с тренировок спортсменов, после неудачных столкновений или попадания мяча или другого спортивного снаряда в глаз.

Особенно в летний период возрастает количество глазных травм у детей. Ребята играют "в войну", стреляют пулями из рогаток и пневматических пистолетов, кидают в костры разные предметы, которые взрываются — все это может привести к попаданию в глаз осколков стекла или мелких камешков. Часто становятся причиной тяжелых травм у детей пиротехнические игрушки. Дети не пользуются инструкциями, да и петарды бывают с дефектами и взрываются прямо в руках, нанося

проникающие ранения и вызывая тяжелые ожоги глаз, иногда с двусторонним поражением.

Наних только травм не бывает на свете! Врачи вспоминают случаи, которые не могут присниться даже в кошмарном сне. Например, несколько лет тому назад в клинику была доставлена пострадавшая женщина. Она проходила мимо собственного мужа, который точил нож на шлифовальном кругу. И надо же таному было случиться: в этот момент нож раскололся и отлетел ей прямо в глаз. К сожалению, в таких случаях медицина бессильна помочь. Но 99 из 100 пациентам при своевременном обращении за медицинской помощью и принятии адекватных мер удается помочь.

Преимущества Института Гельмгольца от других клиник в том, что он имеет статус научно-исследовательского учреждения, здесь применяются самые современные методики многих операций. Все те достижения медицины, которые имеются на сегодняшний день в офтальмологии, используются в травматологии. В отделе работают хирурги широкого профиля, которые выполняют слож-

нейшие комбинированные операции по очищению глазной полости от помутнения, пересадке роговицы, замене стекловидного тела, "привариванию" сетчатки.

В последнее время широко используется лазерная хирургия, которая позволяет стимулировать функции внутриглазных оболочек, что особенно важно после контузии со сниженным внутриглазным давлением. При этом врачи сознательно не идут на какие-то хирургические изыски и сомнительные эксперименты, потому что для них самое главное — восстановить целостность глаза. Если этого не удается сделать на первом этапе, то они стараются подготовить глаз к последующим оптическим реконструктивным операциям.

Ушиб

Глазные травмы разнообразны как по характеру, так и по степени тяжести. Контузия или, как ее в просторечии называют, ушиб глаза, является следствием попадания по главному яблоку каким-нибудь предметом. Это может быть камень, палка или удар кулаком в драке. Если при этом не происходит проникающих ранений, разрыва глазного яблока, то никаких последствий ушиба в первое время может не ощущаться. Ну, отскочил теннисный мяч в лицо, ну хлестнула по глазу ветка во время прогулки по лесу — вроде бы, ничего страшного. Как говорится, проморгалась и пошла дальше. Однако спустя какое-то время зрение вдруг начинает падать. Глаз настолько тонкий и слонный орган, что даже легкие травмы могут вызвать тяжелые осложнения.

— Во время контузии обычно происходит кровоизлияние внутрь глаза, — рассказывает старший научный сотрудник отдела травматологии и реконструктивной хирургии,

кандидат медицинских наук Ирина Борисовна Алесева. — Если вовремя не заняться лечением, то кровь сворачивается и образует так называемая соединительная ткань вокруг глаза. Это может привести к отслойке сетчатки, травме хрусталика с последующим развитием катаракты, и в конечном итоге — к гибели глаза — как функциональной, когда теряется зрение, так и анатомической, когда сам глаз уменьшается в размерах и погибает.

Например, недавно мы оперировали девочку, которая год назад случайно в поезде ударилась виском. В течение года ее зрение снижалось, и когда она обратилась к нам, выяснилось, что у нее застаревшая отслойка сетчатки, которая хоть и поддается лечению, но прогноз крайне неблагоприятен. К сожалению, полностью восстановить ей зрение нам так и не удалось.

Поэтому в случаях ушиба глаза, на первый взгляд даже самого легкого, не стоит все пускать на самотек, заниматься самолечением, а нужно сразу обращаться к врачу-офтальмологу — в кабинет неотложной помощи, в травматологический пункт, больницу, поликлинику, в институт — куда угодно. Вам назначат лечение, а главное, будет произведен контроль над состоянием глаза и сделан прогноз на будущее.

До обращения к врачу главное — обеспечить полный покой поврежденному органу. Нужно постараться исключить повороты головы, движения глаз, а также немедленно прекратить все физические нагрузки: подъем тяжестей, резкие наклоны и быстрые движения. На травмированный глаз лучше всего наложить стерильную светозащитную повязку.

В домашней аптечке всегда необходимо иметь альбucid — это

препарат безобидный, не вызывающий осложнений. Он незаменим для профилактики инфекционных заболеваний, а также при попадании в глаз песка, грязи, комьев земли — мало ли что бывает на пляже или при работе на огороде.

Ожог

Травмы глаз бывают не только от механического воздействия — удара палкой, камнем или теннисным мячом, но и в результате попадания в них разных химических агентов. На свете существует немало профессий, где людям приходится иметь дело с агрессивными жидкостями, и нарушение техники безопасности приводит к несчастным случаям. На производстве причиной таких травм чаще всего бывает неосторожное обращение с соляной или серной кислотой. В бытовых травмах наиболее опасным агентом является уксусная эссенция или щелочь, попадающая в глаз при взрыве аккумулятора. Нередки ожоги глаз горячим молоком или кипятком, которые приводят к помутнению роговицы. В последнее время увеличилось количество пострадавших от жидкостей из газовых баллончиков, в состав которых, как правило, входит каная-нибудь кислота.

Ожог — один из самых страшных и опасных видов травматических повреждений глаза. Последствия таких травм ужасны. Конечно, степень поражения глаза зависит от концентрации жидкости: если это простой уксус, то он может вызвать жжение, а вот концентрированные кислоты моментально расплавляют роговую оболочку глаза. В результате зрение теряется безвозвратно, потому что бельма 3-й и 4-й степеней практически не подлежат излечению.

Как правило, ожог глаза вызывает острую жгучую боль, желание потереть глаз, положить к поврежденному органу лед. Делать этого ни в коем случае нельзя. При ожогах до врачебной помощи ни в коем случае не следует пользоваться никакими глазными мазями. Это относится ко всем без исключения разновидностям ожогов: термических, вызванных пламенем, химических, возникающих от воздействия кислотными и щелочными препаратами, ожогов от электросварки и при электрических замыканиях.

Что надо делать в первые минуты, если в глаз попала ядовитая жидкость? Есть ли средства облегчить боль, не навредив глазу? Рецепт очень простой: необходимо, быстро бегать к раю, пустить холодную воду и как можно тщательнее промывать глаз. И не 5-10 минут, а в течение 30-40 минут, чтобы избавиться от химического агента, попавшего в конъюнктивальную полость.

Затем следует промыть глаз разбавленной, слегка охлажденной заваркой чая. Чай, как черный, так и зеленый богат дубильными и дезинфицирующими веществами, и он, несомненно, смягчит болевые ощущения. Снять острую боль поможет прохладный компресс чая на веки — эффективное средство и при механических повреждениях, и при воспалительных процессах.

Любая форма ожога глаз требует незамедлительного обращения к врачу. Ожоговая болезнь глаза — вещь очень серьезная, если ее не лечить, она приводит к необратимой слепоте.

Инородное тело

Причиной травмы может стать любое инородное тело, попавшее в область глаза. Из-за большого коли-

чества нервных окончаний в глазу даже микроскопические частицы, попавшие под веко, могут казаться огромными. Что нужно делать, если пылинна попала в глаз, а глазного врача поблизости нет? Ни в коем случае нельзя тереть глаз. Постарайтесь кончиком стерильной марли или чистого носового платка аккуратно удалить соринку и промыть глаз большим количеством проточной воды, а лучше всего чаем.

После чего хорошо закапать глазные капли: левомицетин или альбуцид, для взрослых — тридцати-процентный, для детей — желателен более низкая концентрация. Даже если болевые ощущения после закапывания постепенно будут исчезать, не следует прекращать лечение. Необходимо продолжать закапывание через каждые 2-2,5 часа в первые сутки и три раза в день в последующие дни. Снять остаточные покраснения белка помогут капли "Дексаметазон" и "Тауфон". Но учтите: без консультации с врачом капли нельзя использовать дольше нескольких дней.

Если царапина от инородного тела достаточно глубока, то самолечение не поможет. Только с помощью сверхтонких приборов специалист сможет назначить комплексное лечение, в которое входят мази, капли, промывания.

В кабинет заходит женщина с повязкой на глазу. Случай самый урядный, бытовой: трудилась на огороде, неудачно повернулась, и ветка боярышника хлестнула ей по лицу. Назалось бы, травма пустяковая, но глаз отчего-то побаливает день-другой-третий. Пришлось идти к врачу. Оказалось, что травма совсем не такая безобидная, как кажется. Исследование показало: шип боярышника незаметно для самой постра-

давшей внедрился в глазную орбиту. Попадание в глаз инородного деревянного предмета привело к развитию инфекции, побороть которую смогли только правильно подобранные антибиотики.

Еще более тяжелые осложнения вызывают попавшие в глаз металлические частицы. Например, человек стучит молотком по металлу и в какой-то момент замечает, что в глаз будто бы попала соринка, а на самом деле это микроскопический осколок металла. Пострадавший сначала не придает этому большого значения: зрение вроде бы в норме, но через несколько дней оно вдруг резко начинает снижаться. Потому что кусочек металла, который совершенно случайно внедрился в плоть глаза, начинает окисляться. Наиболее опасна в этом смысле медь, которая быстрее поддается окислению и оказывает сильнейшее токсическое воздействие на роговицу. Это приводит к поражению сетчатки, хрусталика, зрительного нерва и в конечном итоге — к безвозвратной потере зрения. Поэтому в случаях попадания в глаз инородного тела нужно, не откладывая, показаться офтальмологу и провести своевременное лечение.

Близорукость и катаракта

К наиболее тяжелым контузиям, с которыми приходится иметь дело офтальмологом-травматологом, относятся спортивные травмы. Занятия спортом, считают медики, предъявляют особые требования не только к физическому состоянию человека, но и к качеству зрения.

— Сейчас очень многие молодые люди, чтобы избавиться от близорукости, делают операцию, так называемую кератотомию, — говорит

Ирина Борисовна Алексеева. — К сожалению, эти операции чреваты очень нехорошими последствиями. Поскольку рубцы, которые остаются на месте насечек на роговице глаза, непрочные и любая, даже легкая механическая травма, может привести к разрыву роговой оболочки.

В отделе травматологии и реконструктивной хирургии мне привели массу примеров того, как это бывает. Например, маленький ребенок, находясь на руках у женщины, размахивая ручонками и случайно попал пальцем маме в глаз. Этого оказалось достаточно, чтобы послеоперационные рубцы разошлись, роговица глаза, как цветок, раскрылась — и все содержимое глазного яблока выпало наружу. Тяжелейшая травма! Поэтому те, кто перенес кератотомию, должны быть предельно осмотрительны в любых условиях. А так как спорт связан с повышенным травматизмом, заниматься им после таких операций на глазах нужно особенно осторожно. Ведь попадание мяча в глаз или случайное столкновение с партнером может привести к повреждению глазного яблока.

Одним из самых распространенных осложнений после контузии глаза является травматическая катаракта. Она развивается при повреждении глазного хрусталика. Но, как показывает практика, качество зрения может быть восстановлено, если человек своевременно обратился к врачам.

— На сегодняшний день имеется много методов удаления катаракты, — продолжает Ирина Борисовна Алексеева. — В зависимости от тяжести травмы мы используем и традиционные, и так называемые аппаратные способы лечения. Один из самых современных — фанозмульси-

фикация травматической катаракты с последующей имплантацией искусственных хрусталиков. Этот метод относится к хирургии малых разрезов. Мы имплантируем в глаз новые, так называемые складные хрусталики через разрезы, величина которых составляет всего три миллиметра, в то время как раньше она достигала 10-12 миллиметров. Эти операции малотравматичны и позволяют со стопроцентной гарантией восстанавливать утерянное зрение.

Солнечная офтальмия

Тяжелую травму глазам может нанести даже... солнце. У людей, страдающих аллергией, яркие солнечные лучи, особенно отраженные, часто вызывают раздражения глаз наподобие электроофтальмии — заболевания, которое развивается, если без защитных очков смотреть на сварку. Но если световые ожоги, которые случаются при сварке, воздействуют на слизистую и роговицу, то солнечные офтальмии могут серьезно повредить сетчатку глаза.

Субъективно это выражается в появлении перед глазами полупрозрачных пятен, которые мешают видеть. Глаза краснеют, начинают слезиться, возникает светобоязнь, человек практически не может смотреть на яркий свет. В таких случаях хорошо помогает альбуцид. Закапывайте его в глаза и делайте холодные примочки с противовоспалительными травами. Для этих целей можно использовать ромашку или даже обыкновенную заварку чая. И не забывайте носить солнцезащитные очки. Причем не просто с затемненными стеклами, а со стеклами, отсекающими излучения опасного для глаз диапазона. Они уберегут ваши глаза от лучевых ожогов. ■

**Ирма
НИОРАДЗЕ:**

**“Не люблю
танцевать
страдание” ...**

Критики до сих пор не нашли точного определения ее дарования: в танце она может быть одновременно нежной и страстной, пленяюще старомодной и в то же время современной. Возможно, секрет этой неуловимости в том, что Ниорадзе училась у педаго-

гов, представляющих совершенно разные балетные школы. Они придали ее танцу музыкальную законченность, пластическое совершенство формы, экспрессивность и легкость.

В отличие от большинства танцовщиц формировалась она

не на классике, хотя первой ролью — в Тбилисском театре оперы и балета имени Палиашвили — стала Жизель. Становление балерины во многом определила встреча с хореографом Георгием Алексидзе. Уже в первый сезон работы Ирма в театре он поставил с ее участием несколько современных одноактных балетов. После международного признания на престижном фестивале в Монпелье и балетном конкурсе в Дженсоне Ниорадзе стала солисткой Мариинского театра. Здесь она исполняет самые сложные классические и современные хореографические роли. Она — Раймонда и Ниния, Жизель и Принцесса Аврора, Одетта и Одиллия, Шехерезада и Жарптица, Кармен и Манон. Ее называют лучшей Мехменз Бану ("Легенда о любви") сегодняшней петербургской сцены.

— Ирма, выбирая профессию, вы сознавали, что отказываетесь от многих радостей жизни?

— В девять лет об этом не думаешь. Тем более, что мои родители не связаны с искусством: мама — врач, папа — инженер. Но, как принято в грузинских семьях, в доме всегда звучала музыка: одна моя сестра пела, вторая играла на арфе, третья занималась на фортепиано. Я же играла на скрипке и тоже пела. Но всегда любила двигаться, под музыку принимала перед зеркалом красивые позы. А когда пришла на выпускной концерт хореографического училища, там училась еще одна моя сестра, решила, что буду балериной.

— Говорят, и Мариинский, и Большой не терпят "варягов", но

торым дипломы выданы за пределами Петербурга или Москвы. Вы ощутили это на себе?

— После окончания Тбилисского хореографического училища мы с моим одноклассником Игорем Зеленским (ныне он звезда Мариинского театра и Королевского балета Великобритании) получили распределение в Тбилисский театр и должны были отработать там три года. Но наши педагоги считали, что столица классического балета — Петербург. Они рассказывали о Павловой, Кшесинской, Карсавиной. И мы мечтали продолжить учиться в Ленинграде. Разрешения на это пришлось добиваться у министра культуры Грузии.

Год я занималась в Училище имени Вагановой, потом вернулась в Тбилиси. А четыре года спустя, когда стажировалась в Датском Королевском балете, мне неожиданно позвонили и предложили выступить на сцене Мариинского театра. После концерта я получила приглашение стать ведущей солисткой. Конечно, в Мариинском театре конкуренция всегда была очень сильная. На первых порах пришлось много пережить, ведь в Петербурге я оказалась совершенно одна. Зато я научилась бороться с жизненными обстоятельствами.

Действительно, чтобы Мариинский тебя принял, в первую очередь, нужна петербургская школа. В балете многое решают нюансы, которые зритель никогда не заметит. Значение имеет даже ракурс поворота кисти. Я многое делала не так, как принято здесь, и от этого страдала. Петербургскую культуру я впиты-

вала на спектаклях старшего поколения балерин и на репетициях замечательного педагога, в свое время знаменитой балерины Нилели Александровны Нургапкиной.

— Н петербургскому климату вам, южанке, сложно было привыкнуть?

— Петербург — хрустальный город. Я люблю смотреть из окна своей квартиры на Неву. И климат, на который вечно жалуются петербуржцы, я даже полюбила. А снег! Это же сказка! В Тбилиси его не бывает даже на Новый год. У меня есть примета: если еду на спектакль и идет снег, все пройдет прекрасно.

— Но вы и сейчас часто бываете в Грузии, выступаете на сцене Театра имени Палиашвили, даете благотворительные спектакли.

— Родной Тбилиси многое мне дал. Там я училась у Серафимы Векуа — ученицы Вагановой, занималась с легендарным Вахтангом Михайловичем Чабукиани — партнером Улановой и Дудинской. Без Тбилиси я не могу жить — так же, как теперь и без Петербурга. Счастлива, что меня в Грузии любят и мной гордятся: Эдуард Шеварднадзе вручил мне "Орден Заслуги", я стала лауреатом Государственной премии Грузии.

— Ирма, для балерины такого класса как вы — рождение ребенка — редность.

— Раньше наш дом был пустым и холодным. Когда я проходила из комнаты в комнату, меня постоянно преследовала тишина. Даже не хотелось оставаться дома. А сейчас всегда спешу — домой-домой. Помню, когда верну-

лась с гастролем из Германии, я, перепрыгивая через ступени, врвалась в квартиру и бросилась в комнату сына. Схватила Илино, прижала к себе крепко-крепко, вдохнула родной запах и подумала: "Какое же это счастье!"

— Прошло всего несколько месяцев после родов, а вы уже в прекрасной форме и много танцуете. Как удается?

— Возвращаться на сцену после перерыва было очень трудно. Особенно первые два-три месяца. Казалось, что я никогда не смогу вернуть форму. Многие говорили, что на восстановление уйдет как минимум полгода, а то и год. Пришлось каждый день бегать по набережной. Эти дни никогда не забуду: сильный мороз, снег, ветер в лицо, страшная усталость, а я все бегу... Через три месяца вышла на сцену.

— Чем занимается ваш муж?

— Он продолжает семейное дело, основанное еще в 80-х годах XIX века в грузинском селе Аскана. Предок Гочи заложил там винный погреб, он изготавливал удивительные вина, высоко ценившиеся не только в Грузии.

Несколько лет назад Гоча возродил семейный бизнес и создал производственную компанию "Братья Асканели". В Аскане на средства компании построена церковь, там мы собираемся крестить нашего сына Илино.

— Дома вы говорите по-грузински?

— И на русском, и на грузинском. Но, если честно, чаще вообще разговаривать не успеваем — с утра до вечера работаем. Хотя и дома все крутится вокруг сцены, театра, ведь моя сестра

Мзия — тоже солистка Мариинского театра (она певица, меццо-сопрано), а племянница учится в Академии имени Вагановой.

— Вы великолепно готовите. Неужели нет искушения все это попробовать самой?

— Меня увлекает сам процесс приготовления. Так приятно видеть, что гостям нравится мое угощение! Люблю проводить время с друзьями, особенно после спектакля. По грузинской традиции застолье — это в первую очередь общение. А вообще предпочитаю вегетарианскую пищу и стараюсь совсем не есть перед спектаклем, чтобы не усложнять жизнь партнерам.

— Самая запомнившаяся встреча?

— В Мадриде, после спектакля вся труппа собралась на сцене, и объявили, что нас хочет лично поздравить король Испании Хуан Карлос. Нас представили Его Величеству, и одна солистка попросила его сфотографироваться с ней на память. Все замерли, ведь был нарушен этикет. Но король с удовольствием согласился, а потом взял меня за руку, вывел в центр и сказал: "Photo, please". С тех пор я храню эту фотографию.

— Работая с таной интенсивностью, вы не устаете? Бывает так, что выходить на сцену не хочется?

— Бывает, если возникают проблемы со здоровьем. Говорят: "Если у балерины ничего не болит, значит, она уже мертвая". К счастью, серьезные проблемы у меня возникают не часто... А чувство усталости после работы приятно.

— Вы говорили, что в Мариинке с первых шагов ощутили

сильную конкуренцию. А сейчас? Ведь в театре очень много совсем юных балерин.

— Я знаю собственные достоинства и умею ценить чужие. У нас в театре прекрасные балерины, но ревности, пустой зависти во мне нет. Вспоминаю, как училась сама. И радуется, что сейчас учатся на моих спектаклях.

— Ирма, балетный спектакль — прежде всего гармония всех выразительных средств. Ваша исполнительная техника удивительным образом сочетается с драматическим мастерством. Какие роли вам ближе — те, что ответственны за ваш характер, или требующие перевоплощения?

— Дух захватывает от зажигающей музыки, я ее лучше чувствую. Одно удовольствие танцевать темпераментные партии Китри в "Дон Кихоте" или Одиллии в "Лебедином озере".

А особенно дорога роль царицы Мехменз Бану в "Легенде о любви". Ради спасения сестры она пожертвовала красотой и обрекла себя на безответное чувство. Очаровывает поэзия этого балета, его восточная стихия, трагический масштаб, сила Мехменз Бану. Особенно люблю третий акт, где царица остается наедине со своими мыслями, и в мечтах ей является Ферхад в образе идеального возлюбленного. Я не люблю танцевать страдание, люблю танцевать мечту о любви... ■

Беседовали
Анна ГАЛАЙДА
и **Наталья СТРОГОНОВА.**

Фото **Игоря Захаркина**
и из личного архива
Ирмы Ниорадзе

**Ирина
Нельсон:**

«Певица Диана осталась»

Первая же песня "Не говори, что ты любишь меня" принесла ей известность. Последующие, как бы закрепляя успех, были в том же духе — грустные, о неразделенной, несчастной любви. И что примечательно — исполнялись они без нытья и неизбывной тоски, а, напротив, даже с оптимизмом. Еще бы, девушка она гордая, заявляла певица, а ухагеры, не оценившие ее достоинства, просто не стоят внимания. Музыку и тексты певица сочиняла сама. И тысячи юных барышень, которым особенно созвучна тема первой любви, приходили в восторг от Дианы. Под таким сценическим псевдонимом лет пять назад была необычайно популярна Ирина Нельсон. А в 1999 году на нашей эстраде появилась новая группа "Рефлекс". Солистка ее — Ирина Нельсон. И хотя коллектив

еще молод, уже вышел их первый альбом, снимаются клипы.

— Ирина, вы коренная сибирячка, родом из Новосибирска, откуда же такая фамилия?

— Она досталась мне от мужа Андреаса Нельсона. Шведа. По-знакомилась с ним на музыкальной студии в Германии, где я записывала свой очередной альбом. Он музыкант, а еще путешественник. Вместе с ним я побывала в Тибете и там, не без влияния Андреаса, увлеклась эзотерикой, что сыграло свою роль в моем творчестве. В стихах для песен "Рефлекса" у меня появились новые темы — более социальные, заставляющие размышлять о смысле жизни, о нашем предназначении на земле...

— Стало быть, ваши песни о безответной любви остались в прошлом?

— Ну, почему же... Одно другому не мешает. К тому же, в основе всего лежит именно любовь. Не важно какая — счастливая-несчастливая. Кстати, мой брак с Нельсоном оказался недолгим...

— В группе "Рефлекс" всего три человека, включая вас, солистку...

— Бэк-вокал, так называемые подпевки, исполняется Ольгой (о фамилиях даже не спрашивайте, считаем — они абсолютно не важны). Она зананчивала экономический институт по специальности менеджмент, параллельно занима-

нить, поучиться. Как, собственно, произошло и со мною. Именно из Германии, где записывала песенки для "Дианы", я вернулась в Россию с идеей создания группы "Рефлекс". Что в корне изменило мой имидж. Мой подход к эстрадной песне стал совершенно иным. И еще. Там я познакомилась с Дитером Боленом. Все, наверное, помнят безумно популярную когда-то у нас "Модерн токнинг". Так вот, благодаря этому знакомству, я осуществила, на мой взгляд, весьма удачный проект. Дитер Болен посо-

В ПРОШЛОМ²

лась хореографией и даже преподавала. И так как владеет многими стилями танца — от классического до авангарда, — является постановщиком танцев группы и сама исполняет их вместе с третьим участником маленького коллектива — Дэнном. Юный Денис попал к нам совсем случайно. Его мама чуть ли не за ручку привела парня ко мне и попросила посмотреть, получится ли из него танцовщик. Юноша оказался способным и, не без стараний Ольги, стал прекрасным танцором.

— Ирина, а пребывание в Германии, кроме, конечно, работы на студиях, еще чем-нибудь оказалось полезным для вас?

— Многие наши эстрадные певцы и композиторы на несколько лет уезжают за рубеж. Показать себя, посмотреть других. Срав-

ветовал западной звезде танцевальной музыки ди-джею Бо-Бо (под таким псевдонимом он известен в Германии) написать вместе со мной песню. И мы ее написали — "Дорога к твоему сердцу". На английском языке. Представляете, собрались — русская и немец — и сочинили на английском... Кстати, песня имела успех, вошла в 6-й платиновый альбом Бо-Бо...

— Интересно, какое вы получили образование?

— Я окончила Новосибирское музыкальное училище по классу фортепиано, а после выступала в Новосибирском джазовом оркестре, была солисткой.

— А теперь нет желания вернуться в джаз? Ведь сейчас даже очень известные джазовые певицы поют попсу?.. А вы бы, так сказать, на контрасте...

— Хотя многие говорят, что во мне погибла джазовая певица, я предпочитаю легкую популярную музыку. Что поделать, но мне нравится танцевальная мелодия.

— Снадите, а почему вы решили продолжить карьеру в Москве?

— Можете назвать это тщеславием, но захотелось, чтобы обо мне знала вся Россия. И я приехала в Москву.

— Вот так просто, взяли и приехали?

— Конечно, не так просто... Я понимала, что для того, чтобы на первых порах обосноваться в огромном мегаполисе, где тебя никто не ждет, и ты никому не нужен, необходим первоначальный капитал.

— И как же вы решили эту проблему?

— Не поверите, но довольно оригинальным способом. Набравшись наглости, взяв местную газету с заметкой о нашем оркестре и огромным моим портретом, я отправилась в самый известный местный банк. Размахивая газетой перед ошарашенными банкирами, заявила, что хочу стать знаменитой не только в Новосибирске, но и в Москве. "Помогите. Прославлю родной город, и новосибирцы смогут мной гордиться". И что вы думаете? Мне дали денег. В столице я познакомилась со Славой Тюриным (сейчас он продюсер и аранжировщик всех композиций "Рефлекса"), который мне помог заключить контракт со студией "Союз".

— Случались ли у вас какие-нибудь забавные истории?

— Во время съемок нашего первого клипа "Дальний свет", который снимался во Франкфурте, я сидела на обочине мостовой, низко опустив голову. Проходивший мимо немец подумал, что у меня

нет денег и положил рядом со мной доллар. Я сдержала смех, ведь шли съемки, а находившийся в кустах намеру добрый прохожий не заметил. Увидев, что я не реагирую на его пожертвования, немец вернулся, достал еще несколько купюр и вдруг обратил внимание

намеру. Ему стало неловко, он быстро ушел, оставив все деньги на земле.

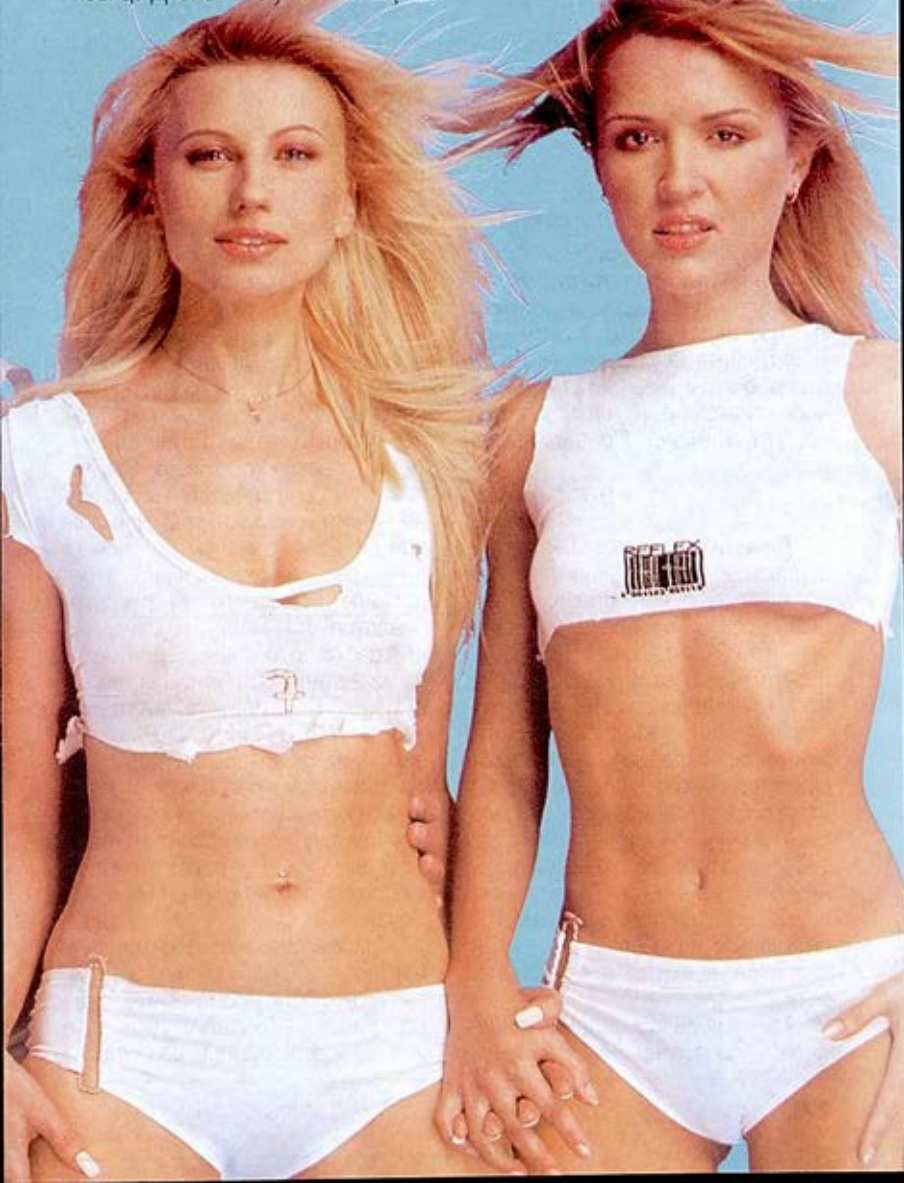
— Ирина, не слишком ли рискованный шаг: на пике популярности начать все заново?

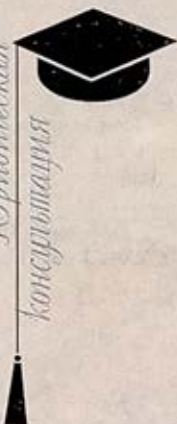
— Просто я почувствовала, что "певица Диана" мне уже не интерес-

на, тем более, что это был не мой проект, а звукозаписывающей компании. Я же мечтала делать что-то свое, ведь так важно, когда работа доставляет удовольствие не только зрителю, но и тебе самой.

Беседовала

Ольга ВЫСТРЫХ.

"Новый" старый телефон

"Получил по наследству от родственника квартиру. Когда оформлял необходимые документы, выяснилось, что телефонный узел требует заново заключить договор, а значит, заплатить за установку телефона, который уже давно установлен. Правильно ли это?"

А.В.Сергеев,

Барнаул

Данный вопрос решается на основании п.47 Правил оказания услуг телефонной связи, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 26.09.97 г. В соответствии с вышеуказанным пунктом Правил договор на предоставление услуг телефонной связи заключается заново, если новый собственник квартиры не зарегистрирован в ней по месту жительства или не имел на нее права собственности наравне с прежним собственником. При этом для оплаты подключения применяются тарифы на очередное предоставление доступа к телефонной сети.

Таким образом, если вы не являлись сособственником кварти-

ры вместе с умершим родственником или не зарегистрированы в этой квартире по месту жительства, требование телефонного узла правомерно.

Подсудность зависит от имущества

"Собираюсь предъявить к бывшему мужу иск о разделе имущества и не знаю, в какой суд обращаться. Слышала, что нужно обращаться в суд по месту нахождения имущества, но имущество находится в разных местах, например, есть земельный участок с домом в другой области. Где должно делиться имущество?"

М.П.Красикова,

Краснодарский край

По общему правилу, установленному в ст.117 Гражданского процессуального кодекса РСФСР, иск предъявляется в суде по месту жительства ответчика. Это касается и иска о разделе совместно нажитого имущества. Для данной ситуации законом предусмотрено два исключения из этого правила. Во-первых, иск рассматривается по месту нахождения имущества ответчика, если истцу не известно место жительства ответчика. Во-вторых, в соответствии со ст.119 ГПК РСФСР по правилам исключительной подсудности, исковое требование, касающееся недвижимого имущества, в данном случае земельного участка и дома на нем, рассматривается по месту нахождения этого имущества.

Требования, касающиеся движимого имущества, вы предъявляете в суд по месту жительства ответчика — бывшего супруга, а иск о разделе земельного участка

и жилого дома — в суд по месту нахождения данной недвижимости.

Имущество или компенсация?

"Год назад мы продали машину. Потом пришлось обратиться в суд с иском о признании этой сделки недействительной. Есть ли у нас шанс получить автомобиль обратно, если покупатель уже продал его другому лицу?"

С.П. и Р.М.Веденевы,
Курская обл.

Гражданин, купивший автомобиль у лица, с которым вы заключили договор, является добросовестным приобретателем и в силу ч.1 ст.302 Гражданского кодекса РФ должен вернуть имущество только в следующих случаях: если имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество передано собственником во владение; если имущество похищено у того или другого; а также если имущество вышло из владения любым другим способом помимо воли собственника или владельца.

Поскольку вы добровольно заключили договор купли-продажи автомобиля, он не был утерян или похищен, данное положение не применяется. Скорее всего, вы получите денежную компенсацию за автомобиль от покупателя по договору.

Как упростить развод

"Мы с женой договорились расторгнуть брак. У нас есть маленький ребенок. Никаных претензий друг к другу — материальных, жилищных и т.д. — не имеем. Можем ли мы избежать судебной

процедуры и решить вопрос с разводом в упрощенном порядке?"

Д.Рогов,
Екатеринбург

Хотя в описанной вами ситуации избежать судебной процедуры не удастся, возможность расторжения брака в упрощенном порядке существует. В соответствии со ст. 21 Семейного кодекса РФ при наличии у супругов общих несовершеннолетних детей расторжение брака производится судом независимо от того, что оба супруга не возражают против развода. Вместе с тем, при наличии взаимного согласия процедура упрощается, так как согласно ст.23 Семейного кодекса РФ, суд не выясняет мотивы расторжения брака. Вы можете значительно облегчить рассмотрение дела, если представите в суд следующие документы: соглашение о детях (соглашение о том, с кем будет проживать ваш ребенок и в каком порядке будет с ним общаться другой супруг); соглашение о разделе совместно нажитого имущества; соглашение о размере и порядке выплаты алиментов на ребенка; а также соглашение о размере и порядке выплаты содержания нетрудоспособному нуждающемуся супругу, если последний имеет право на такое содержание. Следует заметить, что правом на получение содержания обладает жена в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка независимо от трудоспособности.

При наличии всех вышеуказанных соглашений судебное разбирательство пройдет в максимально упрощенном порядке, и решение о расторжении брака будет принято в короткий срок.

Не вся помощь благотворительная

"Уже несколько лет я помогаю пожилому соседу деньгами, вещами и т.д. Могу ли я получить какие-то налоговые льготы, ведь фактически я занимаюсь благотворительностью?"

Л. Чижов,

Хабаровский край

Налоговый кодекс РФ действительно предусматривает льготу в отношении благотворительной деятельности. В соответствии с п.п. 1 ч. 1 ст. 219 Налогового кодекса из налогооблагаемой базы вычитаются суммы доходов, направленных налогоплательщиком на благотворительность. Однако закон дает разъяснение понятия благотворительной деятельности и определяет ее следующим образом: денежная помощь организациям науки, культуры, образования, здравоохранения и социального обеспечения, частично или полностью финансируемым из средств соответствующих бюджетов, а также физкультурно-спортивным организациям, образовательным и дошкольным учреждениям на нужды физического воспитания граждан и содержания спортивных команд. Налоговые льготы за помощь гражданам в частном порядке налоговым законодательством не предусмотрены.

Отсрочка для отца-одиночки

"Я один, без жены (она лишена родительских прав) воспитываю ребенка. Мне пришла повестка в военкомат, а отсрочку оформлять отказываются, так как я живу вместе с моими родителями, и ребенок может остаться с ними. Правомерен ли такой отказ?"

Н. Демидов,

Московская обл.

Отказ в предоставлении отсрочки от призыва на военную службу в вашем случае абсолютно неправомерен. В соответствии с п.п. "в" ч. 1 ст. 24 Федерального закона от 6.03.98 г. "О воинской обязанности и военной службе" отсрочка предоставляется лицам, имеющим ребенка, воспитываемого без матери. При этом не важно, какие еще родственники имеются у вас или у ребенка. По закону только родители наделяются обязанностями по воспитанию и содержанию ребенка. Бабушки, дедушки, братья, сестры и иные члены семьи имеют право общаться с ребенком, но не обязаны его воспитывать. Поэтому, если мать ребенка лишена родительских прав и, таким образом, не может его воспитывать, вы являетесь единственным лицом, ответственным за ребенка, и отсрочка обязательно должна быть вам предоставлена. ■

Ольга КОРЫТКО, адвокат,

консультант "Смены"

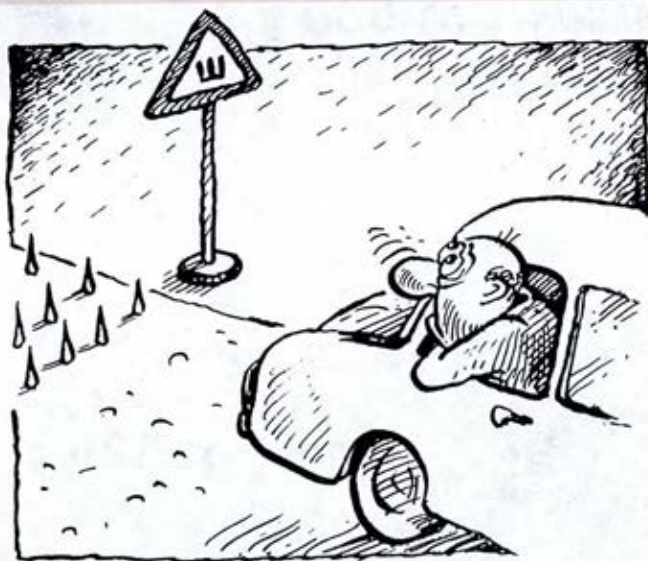
по юридическим вопросам

САНКИ ГРЯЗИ
НЕ БОЯТСЯ!

ПУНКТ
ПРИЁМА
ПОСУДЫ

АЭРОФЛОТ

Российские авиалинии

Специальное предложение

Азия

Шанхай от 430 у. е.*

Бангкок от 530 у. е.*
(с вылетом по вторникам)

Дели от 525 у. е.*

* - действуют правила и ограничения

ЦЕНТР ИНФОРМАЦИИ И БРОНИРОВАНИЯ АВИАБИЛЕТОВ:

☎ (095) 753 - 55 - 55; <http://www.aeroflot.ru>

**Российская выставка продуктов питания
и напитков**

РОСПРОДЭКСПО-2001

**31 августа — 04 сентября 2001 года,
ЦВЗ “Манеж”, Москва**

Организаторы:

Министерство сельского хозяйства
Российской Федерации,
Правительство Москвы, фирма “Агроэкспосервис”

Тематика:

детское и диетическое питание;
кондитерские изделия;
упаковка, этикетка;
холодильное, торговое оборудование;
спиртные и безалкогольные напитки;
бакалейные товары;
молочные продукты, мороженое;
ингредиенты и пищевые добавки;
мясо, рыба, птица, морепродукты;
фрукты, ягоды, мёд, овощи, консервы.

107139, Москва, Орликов пер., 1/11.
Телефакс: 975-1979, 975-4730, 207-5429, 207-8326

Быть здоровым - это современно!
Иметь оригинальное хобби - это модно!

досуг и хобби

www.hobbyexpo.ru

2001

РОССИЯ, МОСКВА,
КВЦ "СОКОЛЬНИКИ"
20-24 СЕНТЯБРЯ

Международная выставка товаров и услуг
для популярного, активного, элитного и
экстремального видов отдыха и хобби.

Вы должны участвовать в нашей выставке!

ОРГАНИЗАТОР

информационная
поддержка:

К участию в выставке приглашаются
производители товаров и услуг для
традиционных, элитных, экстремальных
видов спорта, туризма, отдыха и хобби

Директор выставки - Любовь Петровна Архипова
Тел/факс (095) 268-7605, 268-7603
Адрес: Россия, 107113, Москва,

Сокольнический вал, 1, павильон 4
Факс (095) 268-0891

e-mail: arhlova@exposokol.ru
<http://www.exposokol.ru>

Saeco®

GAGGIA®

АВТОМАТИЧЕСКИЕ

КОФЕМАШИНЫ

ДЛЯ ДОМА И ОФИСА

встроенная кофемолка
регулировка степени
помола кофе
подогрев чашек,
таймер
счетчик чашек

Изумительный

эспрессо

и капучино

**за 20
секунд**

20 сортов

свежеобжаренного
колумбийского кофе

Гарантия 12 месяцев

товар сертифицирован

Дербеневская наб., дом 1/2, тел.: (095) 959-7887, т./ф.: 959-7898
Официальный представитель в РФ <http://www.ape.ru>

Вы звоните, а вас не слышат? Поможет НПО "Ремикон"

Кто не сталкивался с такими ситуациями: аппарат исправен, но не звонит, потому что устарела система телефонной станции, к линии подключился "браконьер" и т.д. Да разве все перечислишь! **Оказывается, НПО "Ремикон" уже несколько лет выпускает простые, недорогие устройства, упрощающие связь.** Что же это за устройства? Большая группа призвана оградить владельцев телефонов от посторонних подключений. Блокиратор междугородного номера не даст совершить звонок в другой город, а различные виды этого устройства могут включаться кнопкой или набором пароля на телефонном аппарате, могут запрещать выход не только на автоматическую междугородную связь, но и предотвратить заказ разговора и звонки в платные службы. Выпускается и блок защиты радиотелефона с паролем. Если злоумышленник и подключится к радиотелефону, то не сможет совершить даже звонок по городу. Телефонные линии на лестничных клетках легко доступны для посторонних. Чтобы защитить свою линию от подключений на участке от квартиры до телефонной станции, необходимо установить в своей квартире блок защиты линии "Антипират". Это устройство позволит производить звонки исключительно с квартирных телефонов.

Многие кнопочные аппараты, факсы и модемы не работают на существующих линиях. **Воспользуйтесь адаптерами линий АТС "Квант", спаренных линий и линий с АБУ. Установка этих адаптеров позволяет владельцам современной телефонной техники работать даже на таких нестандартных линиях. Для улучшения работы телефонных аппаратов на длинных линиях НПО "Ремикон" выпускает усилители телефонного и вызывного сигналов.**

Установка нескольких телефонов на одной телефонной линии порождает ряд проблем: от прослушивания до срыва набираемого номера. Большой ассортимент телефонных разветвителей и мини-АТС снимет практически все вопросы по обеспечению корректной работы нескольких телефонных аппаратов одновременно. Возможности таких устройств разнообразны. Если простые разветвители способны устранить прослушивание, подзвукивание и срыв набора номера, то мини-АТС способны обеспечить и переадресацию звонков, одновременный разговор нескольких абонентов, запрет выхода в город, перехват звонков с другого телефона, дозвон до конкретного аппарата. Эти устройства позволяют обеспечить более полное использование телефонных линий без увеличения их числа. НПО "Ремикон" работает по телефонной тематике уже 5 лет. **НПО производит мини-АТС, телефоны, АОНы, приставки с АОН, средства адаптации телефонных линий и защиты их от несанкционированного доступа (адаптеры, блокираторы, усилители, блоки защиты).** Уже 38 наименований продукции имеют сертификаты Госстандарта России и ГосКомСвязи России.

Подробную информацию можно получить по тел.:

(095) 534-22-77, (095) 455-19-77.

E-mail: remicon@orc.ru

<http://www.remicon.ru>

ЧИСТЕЙШАЯ ВОДА?

"ДЕЛЬФИН" СДЕЛАЕТ ЕЕ ДЛЯ ВАС!

"Дельфин" — это название целой серии фильтров для очистки воды, изготавливаемых на зеленоградской фирме "Фильтр". Мы беседуем с Генеральным директором этого уникального предприятия Алевтиной Самуиловны Брайнес.

— Алевтина Самуиловна, чем отличаются ваши изделия от других или подобных?

— Наше первое детище — установки по очистке воздуха. Сейчас эти фильтры настолько высокого качества, что не имеют конкуренции. Следующей нашей разработкой стали уникальные установки для очистки стоков гальванических производств. Наши новые технологии мы успешно применили для разработки малых бытовых фильтров для очистки воды. Некоторые фильтры с заменой картриджей, если они работают за пределами ресурса, набирают много примесей и затем выбрасывают их в отфильтрованную воду. В этих фильтрах используют либо уголь, либо угольные ткани.

— А у вас?

— Методы очистки в наших фильтрах включают в себя механическую, сорбционную и очистку с помощью ионного обмена, что не допускает сбросов накопленных в фильтре вредных веществ в очищаемую воду. Обратите внимание: если железа в литре воды по нормам должно быть не более 0,3 мг, то после нашей доочистки его остается 0,01 мг. А ведь железо — источник многих заболеваний — гастрита, колита, разных видов язв (желудка и двенадцатиперстной кишки).

После выработки ресурса фильтров обмениваем их за половину стоимости для утилизации, что предохраняет окружающую среду от загрязнения чрезвычайно опасными веществами.

— После очистки вашим фильтром можно ли пить воду без кипячения?

— Можно, но не это главное. Главное, что фильтры типа "Дельфин" удаляют из воды тяжелые металлы и обогащают воду ионами серебра. Такая вода укрепляет иммунную систему организма. Это особенно важно для детей и пожилых людей.

— Это принцип "святой воды"?

— Очищенную воду можно держать на окне несколько месяцев и она не испортится. Большим успехом пользуются наши дачные фильтры — они небольшие, переносные. Вода из любой лужи после очистки становится чистой. Ресурс дачного фильтра "Дельфин-3,5" рассчитан на 3,5 тонны воды. Этого хватает на сезон. Отфильтрованную воду для приготовления солений используют без кипячения. Есть у нас и бытовые фильтры для доочистки воды с ресурсом как до 60 000 литров, так и до 200 000 литров. Эти фильтры устанавливаемые под раковину и подключающиеся к общей системе водоснабжения.

Продукция МВП "Фильтр" имеет Международный знак Европейского качества, дипломы и золотые медали выставки "Лучшие товары и услуги на рынках России". Предприятие является победителем конкурса "1000 ЛУЧШИХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ XXI ВЕКА"

Мы с удовольствием ответим на все ваши вопросы по телефону: (095) 531-65-33, (095) 532-80-58.

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
X международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

79. П. ЛЕБЕДЕВ
Беларусь

2

80. В. МАТЭУШ
*г. Старая Русса
 Новгородской обл.*

2

81. Д. ГИЖКО
Украина

2

82. В. ШУМАРИН
Москва

2

83. Н. АКИМОВ
Казахстан

2

84. М. ДЕРЯБИН
Калуга

2

85. В. ИВАНОВ
*пос. Повенец,
 Карелия*

3

86. В. КОВАЛЕНКО
*г. Большой Камень
 Приморского кр.*

3

87. Д. БАСАЕВ
Элиста

3

88. В. КОСТЕНКОВ*Ижевск*

3

89. Ф. НАКАБАДЗЕ*Грузия*

3

90. Ю. ПОДБЕРЕЗСКИЙ*Беларусь*

3

91. В. ГРЕБЕШКОВ*пос. Середка
Пековской обл.*

4

92. В. КОЗЫРЕВ*Эстония*

4

93. М. МАТРЕНИН*г. Колпино
Ленинградской обл.*

4

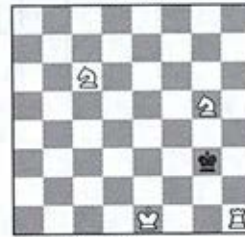
б) п. с3-е5

94. Л. ПРОНИН*Москва*

4

95. Е. БОГДАНОВ*Украина*

4

96. В. МЕТЛИЦКИЙ*Украина*

5

б-в) Кс6-d6-h3

97. А. ЕПИФАНОВ*с. Новотроицкое
Кировской обл.*

5

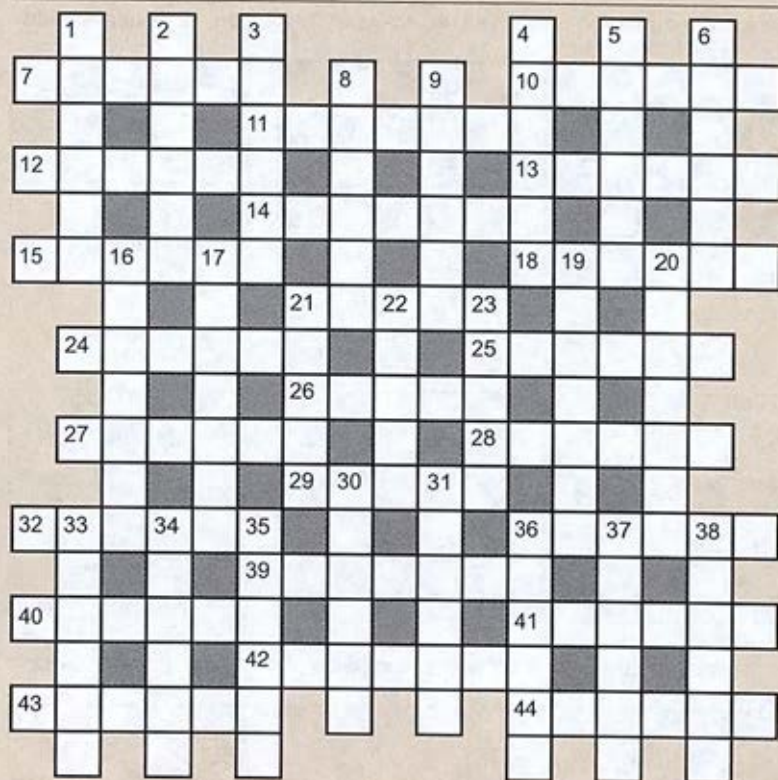
98. Н. ЗИНОВЬЕВ*Казахстан*

9

б) Крс3-g3

99. В. МОРОЗОВ*Москва*

11

КРОССВОРД

По горизонтали. 7. Произведение, обычное в творчестве И. Баха. 10. Машина для сортировки муки на мельницах. 11. Старинный город на юге Чехии. 12. Герой М. Булгакова, в котором есть черты Дон Нихота. 13. Переложение оркестровой пьесы для фортепьяно. 14. Крупная река Южной Америки, треть стока которой через реку Насиньяре поступает в Амазонку. 15. Народные весы. 18. Название Японии по-японски. 21. Американский револьвер, названный уравнителем шансов. 24. Загаенная опасность. 25. Установленный порядок обрядовых действий. 26. Зверь, носимый женщинами на шее. 27. "Винегретница". 28. Кровосос. 29. Регулятор скорости у кавалериста. 32. Соревнования на скорость на короткие дистанции. 36. Страна на юго-западе Африки, где официальный язык — португальский. 39. Арабская снаковая лошадь.

40. Среднее между кинжалом и саблей турецкое оружие. 41. Степь по отношению к пахотным землям. 42. Одна из плотницких работ. 43. Королева Нидерландов в 1948-1980 годы, в которой народ души не чаял. 44. Болезненность в проявлении чувства.

По вертикали. 1. Столица Зимбабве. 2. И пиджан, и тройна, и франк. 3. Поэт, которого имел в виду князь П. Вяземский, написав: "И Пушкин в юности греховной, к нему подделавшись, хромал". 4. Фольклорный зверь, с которым у латышей ассоциируется плодородная сила земли. 5. Гравюра, оттиснутая автором или при его участии. 6. Один из первых французских живописцев-романтиков. 8. "Собачья" сказка Х. Андерсена. 9. "Итальянские бобы" в Европе в XVI веке. 16. Шепот знахарки. 17. Русский градостроитель, строивший по прихоти Анны Ивановны "Ледяной дом" — символ надругательства над многонациональной Россией. 19. Русский адмирал, герой обороны Севастополя. 20. Рояль, вставший на дыбы. 21. Чувашский город, бывший до 1920 года Шихранами. 22. Самый медленный музыкальный темп. 23. Пицца нузнечина. 30. Кладбище. 31. Гибкое "средство воспитания". 33. Отделочный листовый материал, фальшивое золото. 34. Имя шведского кинорежиссера Бергмана. 35. Металл, впервые в чистом виде выделенный в 1903 году немецким химиком фон Болтоном. 36. Проявление родного языка в чужом. 37. Название нанайцев во времена Дерсу Узала. 38. Цветок, чьи колокольчики, по поверью, не звенят в руках, а лишь там, где растут. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали. 1. Хичкок. 6. Уговор. 10. ...фазан. 12. Надсон. 13. Нен. 14. Бензин. 15. Истра. 16. Раскол. 18. Сливки. 19. Дискуссия. 24. Ларионова. 25. Штурман. 27. Нарцисс. 28. Умыкатель. 32. Экскурсия. 36. Ангина. 37. Сборна. 38. Пятно. 40. Юбилей. 41. Бич. 42. Ноябрь. 43. Арсин. 44. Ирония. 45. Долина.

По вертикали. 1. Хандра. 2. Чудеса. 3. Огород. 4. Мансанова. 5. Жанрист. 7. Гребля. 8. Визави. 9. Ранжир. 11. Зет. 17. Пианистка. 18. Синтансис. 20. Гараж. 21. Щипцы. 22. Треть. 23. Цапля. 26. Емуранчик. 29. Октябрь. 30. Васюки. 31. "Огниво". 32. Энвери. 33. Яблоко. 34. Грабли. 35. Васьяна. 39. Тис.

1		2		3			4		5		6	7		8		9
						10				11						
12				13					14							
			15													
16										17		18				
			19						20							
	21		22						23						24	
25					26											
				27												
28											29					
										30						
31		32						33					34		35	
36						37						38				
			39		40						41					
42										43						
					44											
45											46					

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Кожа, которой славился Торжок. 6. Пробный камень судьбы. 10. Ягода с бахчи. 12. Любимый поэт философа Н. Бердяева. 14. "Орган" дыхания крабов. 15. Точка небесной сферы, из которой как бы исходят видимые пути метеоров одного потока. 16. Предмет безрассудной и обычно страстной любви. 18. Самый высокий вулкан Европы. 19. "Глухая глубина родины" (А. Платонов. "Чевенгур"). 20. Гужевое парижское танси. 25. Поисковый инструмент в основном творчестве А. Пушкина. 26. Знаменитый метод, берущий начало в книге Фрейда и Брейера "Исследования истерии". 28. Отношение Адама к Еве в "дояблочный" период. 29. Музыка лошадиного бега. 32. Человек, у которого гораздо больше денег, чем у тебя. 33. Продукт, супом из которого кормят больных согласно персидской народной медицины. 36. Символ запущенности, небрежности помещения. 38. Австрийский композитор, в опере "Лулу", по словам критика, "опозтизовавший порок". 40. Певец, которому Ж. Массне посвятил оперу "Дон Нихот". 42. Один из трех первых исполнителей романса А. Алябьева "Соловей". 43. Обязательный атрибут проводов масленицы. 44. Живописец, объа-

вленный в 20-х годах XX века "самым великим из живущих французских художников". 45. Государство, стоящее на костях Византийской империи. 46. Особенность, стоящая за словами: "А сама-то величава, выступает будто пава".

По вертикали. 1. Хлеб, заставляющий раздаваться женскую талию. 2. Спорт, где отлично проявил себя А. Чернышев, прежде чем стать тренером. 3. Русское название панголина. 4. Сан Манария, прославившегося в Томске тем, что отлучил от церкви Л. Толстого. 5. Картина А. Венецианова, при написании которой он соревновался с мастерством М. Гране. 7. Старая русская загадка: нурица на нурице, а хохол на улице. 8. Самая упоминаемая в "Острове сокровищ" Р. Стивенсона монета. 9. Родовой могильник енисейских киргизов. 11. Третий при инсе. 13. Художник, о чьей живописи говорили: "Это сама Франция". 17. Каждый из тех, благодаря кому в августе 1476 года плывший в Англию Колумб оказался в Лиссабоне. 18. Разделитель географических широт. 21. Средневековый среднеазиатский светильник. 22. Малограмотный машинист, назначенный большевиками министром железных дорог. За два года он наломал немало дров. 23. Московский погромщик, черносотенец. 24. Действие, налим "жива баба", по словам колхозницы в фильме "А зори здесь тихие". 27. Благоговейное чувство, наное внушала китайцам в древности музыка. 30. Человек, со смехом вышедший на сцену. 31. Охвостье, остатки от провеянного зерна. 32. Французская антриса, введшая в моду перчатки длиной до локтя и больше. 34. Планета, где "год" длится 164 земных года. 35. Царь Нумидии, сумевший в войне с Римом подкупить нескольких полководцев противника. 37. Ходячая тень закона в "Отверженных" В. Гюго. 39. Спортивное увлечение Нароля Войтылы — будущего папы Иоанна Павла II. 40. Навес над клетками для пушных зверей. 41. Неистовый шотландский религиозный реформатор. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали. 1. Сапонник. 7. Азия. 10. Цитра. 11. Муравьед. 13. Швец. 14. Нагайна. 15. Икона. 16. Эри. 19. Балагурство. 20. Ешан. 22. Ванса. 23. Череп. 26. Хлеб. 29. Тава. 30. Роден. 31. Шипка. 34. Бант. 35. Александрия. 37. Верди. 38. Виц. 40. Якушкин. 43. Один. 44. Ландшафт. 45. Мотив. 46. Ника. 47. Нелепица.

По вертикали. 1. Сима. 2. Паринмахер. 3. Жувене. 4. Иден. 5. Гималаи. 6. Француженка. 8. Зиверт. 9. Яйцо. 12. Дадаист. 16. Эстет. 17. Ива. 18. Месхи. 21. Намелаунеон. 24. Патанджали. 25. Гаити. 27. Бочка. 28. Дивинил. 32. Флюид. 33. Юдашкин. 36. Сердце. 38. Волк. 39. Цирк. 41. "Нате". 42. Утна.

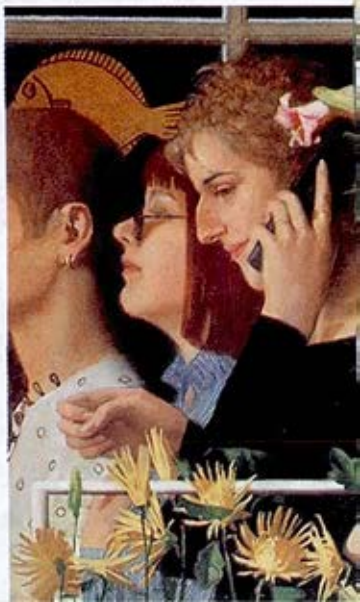
Казалось бы, простой бытовой сюжет — мужчина и женщина держат зеркало, в котором через окно отражается дом. Картина так и называется "Дом напротив". Но за этой нарочитой обыденностью скрывается глубочайший философский смысл. Потому как художник изображает Адама и Еву, наказанных за свое легкомыслие. И теперь они, держа тяжелое зеркало, могут увидеть унылый дом, который их потомкам заменил райские кущи.

Вообще картины Сергея символичны, им присуща обобщенность и неоднозначность прочтения сюжета. Вот, к примеру, натюрморт "Из жизни расчесок". Главная тема — взаимоотношения людей и вещей. Изображены только расчески, их владелец остался "за кадром", но как четко создается представление о его характере, особенностях натуры. Потому что эти предметы туалета символизируют разное состояние и настроение их владельца. И что интересно, одновременно умудряются жить в своем, особенном мире, мире вещей. Такое одушевление предметов происходит и в натюрморте "Ожерелье", где разные по форме и размеру раковины нанизаны на одну ниточку, которая не позволяет им рассыпаться. Что хотел этим сказать художник? Домысливает зритель... Очень часто предметы в натюрмортах заведомо увеличены, тем самым они как бы утрачивают свое привычное бытовое назначение и превращаются в символы.

Сергей родился в Краснодаре. В Москве учился в Суриновском институте, в мастерской В. Челомбиева. После защиты диплома занимался монументальной живописью — сделал роспись наружных стен церкви Успения Богоматери в подмосковном Носино, для частного особняка выполнил мозаику в стиле неомодерн. И одновременно работал в станковой живописи.

Особое место в творчестве художника занимают многофигурные композиции. Как правило, это большие полотна ("Портрет на фоне", "Анварий", "Переход", "Московский вечер"), посвященные нашей сегодняшней жизни. "Мне важно, — говорит Сергей, — чтобы потомки имели представление о том, кто были моими современниками, каковы были особенности их культуры, быта, поведения. Люблю детали, подробности одежды, характерность жестов, модных на данное время силуэтов — для того, чтобы изображенное было убедительным и зритель поверил в то, во что верю и я". Но было бы неверно считать, что все это просто фиксирование каких-то жизненных ситуаций, просто портреты современников или жанровые сцены. У Сергея все гораздо сложнее. Безусловно, в композициях он стремится отразить время, показать свое поколение, но делает это в присущей ему манере. Из многих персонажей выносит на передний план, как правило, только одного и концентрирует на нем особое внимание, тем самым превращая героя в символ. "Мне нравится внимательно рассматривать все то, что происходит вокруг. Поводом к написанию работы может стать увиденное в реальности или размышление на определенную тему. И тогда все изображаемое становятся актерами, а процесс рисования — способом неспешного и уважительного разговора с ними. На этой сцене встречаются и расстаются, любят и спорят, а я, художник, являюсь еще и зрителем всего происходящего".

Людмила КАНДАЛОВА

Из низины расчесок.

Парк.

Аквариум.

- Лошади
- Амуниция
- Оборудование конюшен и проекты их строительства
- Снаряжение для конки
- Ветпрепараты и веттоборудование
- Корма и кормовые добавки
- Одежда и обувь для верховой езды и работы с лошадью
- Ипподромное оборудование
- Оборудование для проведения конных соревнований

ЭКВИРОС

2001

- Коневозки
- Качалки, экипажи, кареты, дилижансы
- Иппотералия, кульс
- Услуги туристических фирм по организации конного туризма
- Живопись, скульптура, прикладное искусство, народное творчество, сувениры с отражением конской тематики и символики
- Специальная литература, видео, компакт-диски и многое другое

3-Я ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНСКАЯ ВЫСТАВКА

с 20 по 24 СЕНТЯБРЯ

WWW.EQUIROS.RU

МОСКВА, КВЦ "СОКОЛЬНИКИ"

ОРГАНИЗАТОРЫ

Министерство сельского хозяйства РФ

СОКОЛЬНИКИ

Федерация конного спорта России

Ассоциация конноспортивных клубов

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СПОНСОРЫ

СПОРТ

ДРУГ

КОННЫЙ

ZooLAND.ru

АКБИМЕЛ